

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

МАТЕРИАЛЫ СЪЕЗДА
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

Том 2

КАЗАНЬ
2017

УДК 159.9
ББК 88
М34

Сборник издается при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-46-161012

Составитель

кандидат психологических наук **Л.В. Артищева**

Научные редакторы:

доктор психологических наук, профессор **А.О. Прохоров**;
доктор психологических наук, профессор **Л.М. Попов**;
доктор психологических наук, профессор **Л.Ф. Баянова**;
кандидат психологических наук, доцент **А.И. Ахметзянова**

Ответственный за выпуск

доктор психологических наук, профессор **Л.Р. Фахрутдинова**

М34 **Материалы съезда Российского психологического общества /**
сост. Л.В. Артищева; под ред. А.О. Прохорова, Л.М. Попова,
Л.Ф. Баяновой и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – Т. 2. –
478 с.

ISBN 978-5-00019-872-8 (Т. 2)
978-5-00019-867-4

В сборник вошли материалы участников съезда Российского психологического общества.

Материалы представлены в авторской редакции.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-00019-872-8 (Т. 2)
978-5-00019-867-4

© Издательство Казанского университета, 2017

ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Азарова Е.А. (Ростов-на-Дону)

PREPAREDNESS FOR RISK AND THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT GRADE OF HARDINESS

Azarova E.A.

Изучение связи готовности к риску, субъективного благополучия и жизнестойкости современных подростков актуально не только в условиях доминанты гаджетов, информационного потока, конкуренции в социальной и финансовой сферах, но и в условиях минимизации внимания со стороны родителей, психотравмы, формирования зависимостей, развития БАР. В нашем исследовании мы отождествляем психологическое и субъективное благополучие, содержанием которого является удовлетворенность жизнью и в основе которого лежит отношение личности к чему-либо. Личность субъективно благополучна настолько, насколько ее отношение к чему-либо не индуцирует стресс, независимо от стрессогенности этого чего-либо. Исследование проводилось на базе МБОУ «Гимназия №46» г. Ростова-на-Дону (учащиеся 10-11 классов в количестве 60 человек). Группы были сформированы на основе результатов теста С. Мадди на определение уровня жизнестойкости (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой). Далее применена методика диагностики готовности к риску Г. Шуберта и «Шкала субъективного благополучия» (адаптированный М.В. Соколовой вариант опросника Ж. Перудэ-Баду (G. Perrudet-Badoux). Статистический анализ с помощью критерия Фишера, выявил статистически значимые различия в частоте встречаемости готовности к риску у подростков с разным уровнем жизнестойкости. Статистически значимые различия выявлены в частоте встречаемости низкого ($\varphi=2,426$, $p=0,01$) и среднего ($\varphi=1,978$, $p=0,01$) уровня готовности к риску у подростков с разным уровнем жизнестойкости. Среди подростков с низким уровнем жизнестойкости достоверно чаще встречаются респонденты со средним уровнем готовности к риску. Для подростков со средним уровнем жизнестойкости в большей степени свойственна повышенная осторожность, что проявляется в низком уровне готовности к риску. Статистический анализ с помощью U-критерия

Манна-Уитни показал наличие достоверно значимых различий в степени выраженности некоторых показателей субъективного благополучия в двух группах подростков с разным уровнем жизнестойкости. Статистически значимые различия обнаружены в степени выраженности таких компонентов субъективного благополучия, как «напряженность и чувствительность» ($U=214,5$, $p=0,01$), «признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику» ($U=228,0$, $p=0,01$) и «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» ($U=213,5$, $p=0,01$). То есть, у подростков с низким уровнем жизнестойкости более выражены напряженность и чувствительность, недовольство своей жизнью и деятельностью, отсутствие ощущения счастья, у них наблюдаются элементы нарушения сна, плохое самочувствие, жалобы на здоровье, резкие смены настроения. Подростков со средним уровнем жизнестойкости отличает выраженное удовлетворение от жизни и деятельности, уравновешенные эмоциональные реакции, принятие своего окружения, относительно довольство своим здоровьем. Корреляционный анализ Спирмена показал, что чем выше уровень жизнестойкости подростков, тем менее выражены недовольство жизнью и деятельностью, субъективное переживание тяжести выполняемой работы и скуки в повседневной деятельности, нарушения сна, субъективно переживаемое чувство беспредметного беспокойства. Так же выявлено снижение готовности к риску при возрастании уровня жизнестойкости подростков.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Психология риска. СПб., Питер. 2012.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
3. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. 17 с.
4. Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. Москва. МПГУ, 2012.

ТРАНСВИТАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ

Акопян Л.С. (Самара)

TRANSVITALITY AS ONE OF THE FORMS OF LIFE MEANING ORIENTATIONS AT A LATE AGE

Akopian L.S. (Samara)

Продолжительность жизни в мире увеличивается, население развитых стран мира преимущественно составляют пожилые люди. Это ут-

верждение справедливо и для нашей страны, где количество пожилых людей превосходит число молодых. Данное обстоятельство позволяет рассматривать проблемы пожилых людей под другим углом зрения. В связи с этим, наверное, имеет смысл подвергнуть критическому осмыслению, пересмотру и обновлению существующие теории возрастной периодизации, возрастных кризисов, психологических новообразований и т.д. В возрастной психологии традиционно используются понятия «ведущая деятельность», «возрастные кризисы», «психологические новообразования» на каждом возрастном этапе. Вместе с тем, изменившиеся условия жизни человека в современном информационном, высокотехнологичном обществе вызывает необходимость научного уточнения и, возможно, амплификации понятий ведущей деятельности и психологических новообразований, в частности, на позднем этапе жизни.

К важнейшим задачам развития в старости исследователи относят задачи принятия и осмысления прожитой жизни и старости как этапа жизненного пути. Связанная с этим задача развития позитивной идентичности предполагает включение процессов осмысления предшествующих этапов жизни и рефлексии. Психологическое сопровождение при этом нацелено на помощь пожилому человеку в решении важнейших задач старости, что предполагает опору на важнейшее новообразование возраста – интеграции жизненного опыта [1]. Внутренний мир пожилого человека сохраняет личный жизненный опыт, и на его основании расширяется социальное пространство пожилого человека.

Если можно говорить о благополучном старении, то необходимо подчеркнуть те силы, которые дают эту возможность благополучного старения человеку позднего возраста. Это чувство уверенности и ощущения нужности кому-либо, то, что он может еще что-то сказать, передать (не обязательно материальное) последующему поколению. Чувство принадлежности семье, ближайшему окружению; ощущение собственной ценности для общества – позволяет человеку позднего возраста успешно адаптироваться и самореализоваться на данном возрастном этапе.

Завершающий этап старения у лиц позднего возраста сопровождается поиском основополагающих смыслов в системе жизненных событий, действий, поступков и т.д. Возрастная сохранность личности и, соответственно, сознания, обеспечивается непрерывной смысловой динамикой. Смыслы заимствуются, порождаются, трансформируются, корректируются и т.д. Наличие и «работа» сознания предполагает соответствующее социальной ситуации и индивидуальным возможностям осмысление жизни также и в старости. Мы полагаем, что одним из важнейших новообразований личности человека позднего возраста является трансвита́льный смысл. Трансвита́льный смысл в системе смысловых

образований личности позднего возраста характеризуется поиском новых смыслов, мотивирующих постпрофессиональную, социальную или иную активность на завершающем этапе жизни, а также реализацию постжизненного продолжения через потомков или личные достижения: оставить после себя память в делах, идеях, в созданных материальных и нематериальных ценностях и др.

Отличительной особенностью лиц позднего возраста, находящихся на завершающей стадии жизни, является осознание возможности виртуального продолжения жизни в тех или иных формах микро- и макрогрупповой памяти.

Список литературы:

1. Ермолаева М.В. Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека. М.: Издательство Московский психолого-социальный университет (МПСУ), 2011. №.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Алексеева О.С., Ржанова И.Е. (Москва)

COMPARATIVE ANALYSIS OF PARENTAL AND CHILDREN VALUES

Alekseeva O.S., Rzhanova I.E.

Наиболее популярной теорией ценностей в современной психологии является теория ценностной организации Ш.Шварца. Согласно Шварцу, ценности – это понятия или представления, которые имеют отношение к желаемому состоянию человека или его поведению, ценности не ограничиваются конкретными ситуациями, служат ориентиром при выборе или оценке поведения или события и упорядочены по относительной важности [1].

Шварц и Билски предположили, что ценности напрямую связаны с тремя универсальными человеческими потребностями: биологическими, социальными и потребностями сохранения человеческих групп. Было проведено масштабное исследование, длившееся порядка 14 лет, в котором приняло участие более 64 000 человек из 67 стран. Было показано независимость от культурных влияний ценностной структуры [2]. Шварц выделял 10 базовых ценностей [3]: Власть, Достижения, Гедонизм, Риск-новизна, Самостоятельность, Универсализм, Благожелательность, Традиции, Конформность, Безопасность.

Целью настоящей работы является сравнительный анализ показателей ценностей в разных поколениях.

Выборка

В выборку вошли представители двух поколений. Старшее поколение – родители – 290 женщин и мужчин, имеющих детей старше 18 лет, и младшее поколение – их дети – 178 человек. Всего в исследовании приняли участие 468 человек.

Методики

Для определения ценностей использовалась методика Портретный ценностный опросник Шварца в адаптации Магуна и Руднева [4]. Опросник позволяет оценить следующие категории ценностей: ценности второго уровня включают в себя безопасность, конформность, традиция, самостоятельность, риск-новизна, гедонизм, достижение, власть, благожелательность, универсализм. К ценностям третьего уровня относят Сохранение (безопасность, конформность, традиция), Открытость изменениям (самостоятельность, риск-новизна, гедонизм), Самоутверждение (достижение, власть), Забота о людях и природе (благожелательность, универсализм).

Результаты

Использование Портретного ценностного опросника Шварца продемонстрировало значительные различия между родителями и детьми в структуре предпочитаемых ими ценностей. По всем ценностям второго уровня, за исключением Благожелательности, выявлены статистически значимые различия между представителями обоих поколений. В целом родители получили более высокие баллы по следующим ценностным показателям: Безопасность, Конформность, Традиция, Универсализм. В свою очередь, респонденты из группы детей получили более высокие оценки по показателям: Самостоятельность, Риск-Новизна, Гедонизм, Достижение, Власть-Богатство. Родители и дети значимо отличаются друг от друга по всем четырем показателям ценностей третьего уровня. Так, у родителей в целом выше уровень Сохранения и Заботы о людях и природе, тогда как у детей выше показатели Открытости изменениям и Самоутверждения.

Список литературы:

1. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. P. 550–562.
2. Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey. London: Sage, 2007. P. 169–203.
3. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992, Vol. 25. P. 1–65.

4. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1(93). С. 33–58.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МАТЕРИ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ПРЕБЫВАНИЯ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Алмазова О.В., Клименко Е.А., Молчанов С.В. (Москва)

THE ATTACHMENT TO MOTHER AS A FACTOR OF ADAPTATION TO THE CONDITIONS OF STAY IN THE BOARDING SCHOOL FOR GIFTED TEENAGERS

Almazova O.V., Klimenko E.A., Molchanov S.V. (Moscow)

Изначально «ребенок входит в этот мир и воспринимает его, в буквальном смысле, сквозь призму привязанности к матери» [1]. В последние двадцать лет все больше исследователей изучают отдаленные последствия влияния качества привязанности к матери на различные сферы жизни взрослой личности и динамику привязанности к матери на протяжении жизни (M. Main, R. Goldwyn, N. Kaplan, J. Cassidy, K. Bartholomew, L. Horowitz, Е.О Смирнова, Г.В. Бурменская и др.).

В отношении функционирования системы привязанности человека в подростковом и взрослом возрасте наиболее убедительное развитие идей Дж. Боулби мы находим в работах М. Микулинцера. Его концепция дает развернутое объяснение мощного и долговременного влияния привязанности к матери на эмоционально-личностную сферу, самосознание и область межличностных отношений [2]. При этом, несмотря на очевидность значимости, сохраняется дефицит знаний в области привязанности к матери в подростковом и взрослом возрасте.

Исследование направлено на изучение особенностей адаптации к условиям проживания и обучения в школе-интернате для одаренных подростков молодых людей с разными типами привязанности к матери. В исследовании приняло участие 182 подростка в возрасте от 15 до 18 лет ($M_e=16,3$, $SD=0,7$). Из них 54% юношей и 46% девушек.

Тип привязанности к матери определялся с помощью модифицированного опросника М.В. Яремчук [3]. Особенности адаптации к жизненной ситуации изучались при помощи «Шкалы социально-психологической приспособленности» [4]. Субшкалы: 1) адаптированности; 2) дезадаптированности; 3) образ Я; 4) образ другого; 5) эмоциональный комфорт; 6) внутренний контроль; 6) доминирование; 7) уход от проблем.

«Надежная» привязанность определена у 53% респондентов; у 47% – «ненадежная». Разделение респондентов только на два вида привязанности связано с тем, что за пределами детства чисто «амбивалентный» и чисто «избегающий» тип встречается довольно редко. Чаще всего «ненадежный» тип привязанности характеризуется выраженностью черт и амбивалентности, и избегания.

При помощи непараметрического критерия Манна-Уитни были обнаружены следующие различия в оценках субшкал социально-психологической приспособленности между подростками с разными типами привязанности: оценки подростков с надежным типом привязанности к матери по «уровню адаптации» ($U=3313,0$; $p=0,039$), «принятию других» ($U=3126,5$; $p=0,009$), «эмоциональному комфорту» ($U=3243,5$; $p=0,024$) и «внутреннему контролю» ($U=2932,0$; $p=0,002$) значительно выше, а по «уровню дезадаптации» ($U=2993,0$; $p=0,003$) и «уходу от проблем» ($U=3387,0$; $p=0,064$) – значительно ниже, чем у подростков с ненадежным типом привязанности к матери.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют в пользу того, что надежная привязанность к матери в подростковом возрасте связана с особенностями адаптации к новой сложной жизненной ситуации, а именно жизнью вдали от родителей.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 16-36-01113 «Ценностно-моральная ориентация как основа развития ответственности личности в подростковом возрасте»).

Список литературы:

1. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14 Психология. – 2009, № 4, с.17-31.
2. Mikulincer M., Shaver P.R. Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. – New York: Guilford Press. – 2007. – 591p.
3. Яремчук М.В. Роль привязанности к родителям в формировании романтических отношений в старшем подростковом возрасте. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / М.В. Яремчук. – М., 2006. – 281с.
4. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – СПб.: Питер. – 2005. – 345с.

ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Андронникова О.О. (Новосибирск)

FACTORS OF DETERMINATION OF MATERNAL RELATIONSHIP TO CHILDREN OF EARLY AGE

Andronnikova O.O. (Novosibirsk)

Вопрос детерминации стратегий материнского отношения к детям раннего возраста крайне актуален в контексте влияния отношения матери к ребенку на формирование его психики, мировосприятия и мироощущения. Именно проявление заботы матери и демонстрация ребенку положительно-эмоционального отношения к нему обеспечивает потребности ребенка в наличии и поддержании чувства безопасности и уверенности, лежащих в основе его развития [1 с.36]. Стиль отношения взрослых к ребенку определяет его психическое здоровье [2]. Длительный дефицит эмоционального созвучного общения между взрослым и ребенком порождает неуверенность последнего в положительном отношении к нему, вызывает чувство тревоги и ощущения эмоционального неблагополучия [3].

Рассматривая факторы детерминирующие особенности воспитательных стратегий в семье необходимо отметить комплексность влияния воздействия различного уровня: психологических, экономических, культурологических и т.д. Авторы, исследовавшие аспекты материнского отношения и воспитания (Филлипова Г.Е., Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н., Боровикова Н.В., Ганошенко Н.И., Добряков И.В. и др.) выделяют более 80 факторов, определяющих стиль взаимодействия в материнско-детской сфере. В данной работе фокус внимания сосредоточен на тех факторах, которые доступны изучению при помощи анкетирования и тестирования.

Исследования проводились на случайной выборке молодых женщин (198 человек) в возрасте от 20 до 30 лет с детским возрастом до 4-х лет.

Использовались методики: личностный опросник 16PF; опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI); методика диагностики родительского отношения (ОРО); опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ).

Факторный анализ результатов позволяет сделать вывод, что влияние на выбор стратегии воспитания социально-экономических особенностей не столь существенно, как психологических (личностные особенности матери, её отношение к материнству, стиль реакции и установки на ребенка).

Достоверно значимыми выступили следующие психологические аспекты оптимального материнского взаимодействия: желательность беременности; индеферентное отношение к полу ребенка; мотивация сохранения беременности определяется чувством любви; восприятие ребенка как личности; у матери сформировано ощущение семейного благополучия.

Для каждого стиля воспитания определен соответствующий комплекс личностных особенностей. Так, например авторитарный стиль воспитания характерен для импульсивных, жестких, серьезных, дисциплинированных, самоуверенных, зависимых от группы женщин. Демократический стиль воспитательных стратегий свойственен практичным, ориентированным на принятые нормы женщинам, ответственным, общительным, уравновешенным, экстравертированным, инициативным, готовым к сотрудничеству. Опекающий стиль свойственен женщинам интровертированным, с повышенной чувствительностью, тревожностью, замкнутостью, нерешительностью, склонных к чувству вины и высокой добросовестностью.

Таким образом в рамках данного исследования прослежено влияние социально-экономических (возраст, семейное положение, образование, материальный достаток, отношения с родственниками, ценностная ориентация), психологических (личностные особенности женщин, отношение к материнству – желанность беременности, пола, мотивы сохранения беременности; стиль воспитания в родительской семье, любимые игры в детстве) факторов на стиль материнского отношения к ребенку.

Список литературы:

1. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М. Педагогика 1986 г.
2. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 22–36.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 352с.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕШНОМ У ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНОГО ОПЫТА И КУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТОВ)

Артемьева Т.В. (Казань)

DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE COMICAL IN CHILDREN (BASED ON PERSONAL EXPERIENCE AND CULTURAL TEXTS)

Artemyeva T.V. (Kazan)

Юмор – сложное явление, включающее множество психологических функций: когнитивные процессы, эмоции, коммуникацию, которые проявляются в различных социальных и культурных контекстах [1]. Целью данного исследования являлось выявление представлений детей дошкольного и младшего школьного возраста о комическом, используя метод контент-анализа. В исследовании приняли участие 78 детей в возрасте от 5 до 7 лет (40 девочек и 38 мальчиков) и 174 школьника начальной школы (92 мальчика и 82 девочки).

На первом этапе исследования детям предлагалось составить и рассказать или записать смешную историю из личного опыта. Всего было составлено и обработано 105 историй детей дошкольного возраста и 170 смешных историй младших школьников. На следующем этапе школьников просили вспомнить смешные эпизоды из произведений художественной литературы и телевизионных мультсериалов. Всего школьники дали 112 смешных описаний.

Качественный анализ данных позволил выявить действия, участвующие в создании комического контекста детьми.

Нарушение нормы, правила. Действия, связанные с нарушением норм и правил, увеличиваются с 4 % в дошкольном возрасте до 12 % в историях, составленных младшими школьниками на основе личного опыта. Увеличивается количество смешных историй (15 %), составленных детьми на основе произведений художественной литературы. Аналогичные правила выделяются в исследованиях Баяновой [2] и Dowling [3].

Действие превращение часто встречается в смешных историях детей дошкольного возраста (30% от всех описаний), уменьшаясь к младшему возрасту (14-19%). Превращения у дошкольников происходили в рамках, как правило, одной категории «животное» [4]. Младшие школьники описывают превращения детей и животных в неодушевленные предметы; людей – в животных; диалектические превращения (друг превращается в врага, спасатель в пострадавшего) [5]. Используются превращения в пределах абстрактных категорий.

У младших школьников в историях из личного опыта уменьшается количество описаний (с 24 % в дошкольном возрасте до 10%), в которых используются образные несоответствия. Младшие школьники при составлении собственных смешных историй и на основе художественной литературы начинают использовать логические несоответствия.

В младшем школьном возрасте дети начинают получать удовольствие от различного рода речевых игр: неправильно произнесенных слов, речевых оборотов (с 1 % в дошкольном возрасте до 8 % у младших школьников), особенно высокий показатель в историях, составленных на основе художественной литературы (14 %).

Использование детского черного юмора увеличивается с 5 до 11 % от дошкольного к школьному возрасту. По мнению Дмитриева А.В. [30], этот вид юмора приобщает ребенка к миру взрослых [6].

Ситуации взаимодействия встречаются в историях дошкольников в 10% описаний и 12 % описаний у младших школьников.

Действие падения часто встречается в смешных историях детей, уменьшаясь с 16% в дошкольном возрасте до 15 % в историях из личного опыта младших школьников и до 9 % в историях детей, составленных на основе художественной литературы.

Таким образом, проведенный контент анализ смешных историй позволяет утверждать, что у младших школьников возрастает использование логических несоответствий, снижается использование образных несоответствий. В описаниях из личного опыта у школьников увеличивается количество историй, содержащих черный юмор, падения. В историях, составленных на основе художественных произведений, увеличивается количество смешных историй, связанных с нарушениями правил школьной жизни, отношений со взрослыми; речевых игр.

Список литературы:

1. Martin, Rod. (2006). *The Psychology of Humor: An Integrative Approach.* (pp. 464). Academic Press.
2. Bayanova, L.F., Tsivilskaya, E.A., Bayramyan, R.M. & Chulyukin, K.S. (2016). A cultural congruence test for primary school students. *Psychology in Russia: State of the Art*, T. 9(4), 94-105.
3. Dowling, J.S. (2014). Children talking about humor: Data from focus groups. *Humor – International Journal of Humor Research*. 27(1).121 – 139.
4. Aliullina F.M., Artemyeva T.V. (2016). Dialectics in understanding comic text contradictions by children. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. Volume 20, Special Issue, 2016. 13-20.
5. Veraksa, N.E. (2010). Structural approach to dialectic cognition: *Psychology in Russia: State of the Art*, 3. 227–239.
6. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. С. – 300.

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В НОРМАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Байрамян Р.М. (Казань)

FEATURES OF SELF-REFERRAL CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE IN THE NORMATIVE SITUATION

Bayramyan R.M.

Социальная ситуация развития младшего школьника сопряжена с интеграцией и успешной адаптацией к школьной среде, включающей совершенно иные в сравнении с дошкольным возрастом, правила и нормы, определяющие нормативную ситуацию.

Нормативная ситуация оценивается с позиции того правила, которое в ней заложено, поэтому человек в нормативной ситуации либо соответствует, либо не соответствует предъявленному правилу, образцу, имеющим статус общепризнанности – нормы [1].

Показателем соответствия поведения детей младшего школьного возраста правилам нормативной ситуации, является культурная конгруэнтность. Успешное прохождение этапа начальной школы приводит к появлению соответствующих новообразований младшего школьного возраста: произвольность поведения, внутренний план действий и рефлексия, самоотчет в способах и результатах действия [2] – все эти новообразования являются основным пластом для возможности изучения самоотношения в данном возрасте. Целью данного исследования является выявление особенностей самоотношения детей младшего школьного возраста в нормативной ситуации и установление взаимосвязи самоотношения и культурной конгруэнтности детей младшего школьного возраста.

Для реализации поставленной цели были использованы следующие методы:

Психодиагностические:

- Проективная методика «Рисование кругов» (Б. Лонг, Р. Циллер и Р. Хендерсон), направленная на выявление самоотношения и самоидентичности [3];

- Методика определения культурной конгруэнтности младшего школьника, включающая соответствующие факторы типичных правил в нормативной ситуации (Л.Ф. Баянова, Е.А. Цивильская, Р.М. Байрамян, К.С. Чулюкин) [4].

Методы математической обработки эмпирических данных:

- Корреляционный анализ Пирсона в программе СПСС 22. Для выявления особенностей самоотношения детей младшего школьного возраста

та в нормативной ситуации, а также установления взаимосвязи самооотношения и типичных правил в нормативной ситуации, было проведено эмпирическое исследование детей младшего школьного возраста в количестве 175 респондентов и 6 учителей. По результатам методики на определение самооотношения у респондентов были выявлены следующие компоненты, по которым можно было анализировать самооотношение младшего школьника: самооценка, конформизм, сила «Я», включение себя в «мы», социальная заинтересованность, эгоцентризм. Исследование показало, что существует взаимосвязь между компонентами самооотношения и культурной конгруэнтностью детей младшего школьного возраста: обнаружена значимая прямая связь между самооценкой и культурной конгруэнтностью (0, 377**, при $p=0,01$), конформизмом и культурной конгруэнтностью (0, 569**, при $p=0,01$), включение себя в «мы» и культурной конгруэнтностью (0, 861**, при $p=0,01$), эгоцентризмом и культурной конгруэнтностью (0, 642**, при $p=0,01$). На основе проведенного эмпирического исследования были выявлены достоверные прямые связи между факторами самооотношения (самооценка, конформизм, включение себя в «мы», эгоцентризм) и такими показателями культурной конгруэнтности, как социальное взаимодействие, учебная компетентность, послушность, самоконтроль, самообслуживание, регламентированность. Результаты эмпирического исследования позволяют утверждать, что дети младшего школьного возраста с высоким уровнем самооотношения показывают более высокий уровень соответствия поведения правилам в нормативной ситуации (чем выше самооотношение, тем выше культурная конгруэнтность, а чем ниже самооотношение, тем, соответственно, ниже культурная конгруэнтность младшего школьника).

Список литературы

1. Баянова Л.Ф. К постановке субъекта культуры в психологии // Филология и культура. *Philologie and Culture*. – 2012 – №3. – С. 294-299., с. 297
2. Палагина Н.Н. Психология развития и возрастная психология: учебное пособие для вузов. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 288 с., с. 172
3. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В. С. Общая психодиагностика. – СПб.: Изд-во «Речь», 2000. – 440 с., с. 372
4. Bayanova, L.F., Tsivilskaya, E.A., Bayramyan, R.M. Chulyukin, K.S. A cultural congruence test for primary school students // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016: No. 9(4), pp. 94-105.

КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Басимов М.М., Падурина Е.А. (Москва)

ERRORS OF CORRELATION METOD ON THE EXAMPLE OF THE FAMILY PSYCHOLOGY

Basimov M.M., Padurina E.A. (Moscow)

Европейское, в том числе Российское психологическое сообщество придерживается хорошо укоренившегося в последние 20-25 лет явно лженаучного подхода, когда даже очень слабые (0.2-0.3) корреляции выдаются за «значимые» связи (спасительные звездочки SPSS), достойные интерпретации на страницах печатных изданий.

Рассмотрим проблему слабых корреляций на примере исследования системы позитивных родительских чувств Е.А. Падуриной с использованием авторского метода М.М. Басимова [1].

Проанализируем количества различных по природе сильных связей. Для триад выявлена 41 сильная нелинейная зависимость (из них 26 с максимумом, 8 с минимумом); для кварт – 151 зависимость (из них 39 с максимумом, 37 с минимумом, 51 в виде колебаний). Достаточно сильных линейных зависимостей (с коэффициентом корреляции большим 0.5) имеем всего 40, причем 25 из них связывают параметры одной методики, которые по смыслу не могут быть независимыми.

Линейных зависимостей, с одной стороны, «значимых» по критическому значению в рамках гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции ($abs(R) > 0.2$), а, с другой стороны, относящихся к очень слабым корреляциям ($abs(R) < 0.3$) было найдено 219 (для 219 пар параметров).

При этом для тех же пар параметров было выявлено 68 достаточно сильных нелинейных связей (с коэффициентом связи больше 0.5), которые могли бы попасть в рассмотрение в терминах «значимой» корреляции, как линейные связи представляющие интерес для интерпретации в рамках линейных моделей. Всего в задаче для кварт независимого параметра была выявлена 151 нелинейная зависимость, интересная для интерпретации по силе связи.

И если в 151 случае из 219 ($219 - 68 = 151$), мы просто не имеем интересных связей для интерпретации: очень слабая линейная корреляция по коэффициенту Пирсона, коэффициент силы связи по авторскому методу также интереса не представляет. А значит, эти зависимости просто не должны входить в описание результатов исследования.

То в 68 случаях при рассмотрении «значимых» корреляций и описании связи между параметрами как линейной по своей природе, получа-

ем грубейшие ошибки, так как в этих случаях наблюдаются достаточно сильные связи простейшей нелинейной формы и интерпретировать их нужно уже в рамках синергетических представлений, нелинейной природы закономерностей в рамках психологии семейных отношений. Рассмотрим пример такой зависимости.

Зависимость параметра «Оказание эмоциональной поддержки» (Y) от параметра «Понимание причин состояния ребенка» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -1976); X-2 (Y= +290); X-3 (Y= +4854); X-4 (Y= -490)

Коэффициент силы связи = 0.61 (0.16)

Коэффициент корреляции = 0.23

Для первых трех кварт параметра «Понимание причин состояния ребенка» (X) наблюдается увеличение до максимальных значений параметра «Оказание эмоциональной поддержки» (Y). Точка максимума на 3 кварте. Но потом, когда независимый параметр принимает высокие значения (4 кварта) происходит резкий спад параметра Y, что приводит к отсутствию поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия, а именно отсутствию эмоциональной поддержки родителем ребенка.

В этом случае большинство психологов утверждают: чем больше X, тем больше значения параметра Y и наоборот. Хотя обратная зависимость (X от Y) слабая (0.16).

Изучение простейших нелинейных связей апробировалось в многочисленных, различных по тематике психологических исследованиях ученых Курганского государственного университета [2-6] и Российского государственного социального университета [7-10].

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273a

Список литературы:

1. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.
2. M.Basimov Statistical dependences in nonlinear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 768.
3. M.Basimov Parameter “Hermit” as an Indicator of Political Preferences // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 760.
4. M.Basimov Psychological type of the respondent as a key to understanding of his/her answers // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 763.
5. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as the reason of the self-realization and Interpersonal trust // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 776.

6. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 774.

7. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 851.

8. M.Basimov Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.

9. P.Basimova, M.Basimov Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 903.

10. P.Basimova, M.Basimov Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И СПОСОБНОСТИ К НАДСИТУАТИВНО- ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ РЕШЕНИЯМ ПРОБЛЕМНЫХ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Белолуцкая А.К. (Москва)

Ситуации противоречия и неопределенности, с которыми современному человеку приходится сталкиваться все чаще, требуют применения так называемого творческого не алгоритмизируемого мышления, результатом которого является новая идея.

В работе представлено эмпирическое исследование взаимосвязи диалектического мышления (концепт, разрабатываемый в рамках структурно-диалектического подхода, Н.Е.Вераксой и его последователями) [1; 2; 4; 7] с двумя очень существенными, на наш взгляд, компонентами творческого преобразования проблемной ситуации, а именно: 1) особенностями вопрошания; 2) способность к превращению задачи на выбор в задачу на преобразование в условиях переноса свойств знакомого предмета в новую ситуацию.

Выборка: 83 ребенка дошкольного возраста (4-6 лет) из детских садов г. Москвы.

Были проведены следующие диагностические методики: «Что может быть наоборот?» (авторы: А.К.Белолуцкая, О.А.Шиян); «Вопросы к картинке с предметами» (автор П.Арлин) [5]; «Зайка» (автор: В.Т.Кудрявцев) [3].

В результате эмпирической проверки гипотезы, положенные в основу исследования получили подтверждение:

1) выявлена значимая положительная взаимосвязь диалектического мышления с уровнем сложности проблематизации, который демонстрирует дошкольник в процессе вопрошания; Коэффициент значим с вероятностью ошибки менее 1% ($r_{xy} = 0,45$ при $n = 50$; $p < 0,01$);

2) выявлена значимая положительная взаимосвязь диалектического мышления со способностью дошкольника преобразовать задачу на выбор в задачу на преобразование. Коэффициент значим с вероятностью ошибки менее 1% ($r_{xy} = 0,41$ при $n = 50$; $p < 0,01$);

3) выявлена значимая положительная взаимосвязь уровня сложности проблематизации, который демонстрирует ребенок-дошкольник в процессе вопрошания, и способности превращать задачу на выбор в задачу на преобразование. Коэффициент значим с вероятностью ошибки менее 1% ($r_{xy} = 0,47$ при $n = 50$; $p < 0,01$).

Обнаруженные значимые взаимосвязи дают нам основание построить следующую гипотезу о том, что способности строить диалектическую структуру, задавать преобразующие и символические вопросы, а также реализовывать надситуативную стратегию решения задач составляют целостный механизм творческого преобразования проблемно-противоречивых ситуаций детьми старшего дошкольного возраста.

Литература

1. Веракса Н.Е. Структура и содержание диалектического мышления// Интеллектуальное развитие дошкольника: структурно-диалектический подход / Под ред.: И.Б.Шиян. М.: МГПУ, 2009. С. 5–22.

2. Веракса Н.Е. Развитие предпосылок диалектического мышления в дошкольном возрасте // Вопросы психологии. 1987. № 4. С. 135-139.

3. Кудрявцев В.Т. Развитое детство и развивающее образование. – Ч. 1. – Дубна, 1997.

4. Шиян О.А. Особенности освоения студентами диалектических структур в научном содержании//Казанский педагогический журнал. 2011. №5-6. С.78-82.

5. Arlin P. Dialectical thinking: Further implication for Creative thinking// Elsvier Inc./ 2011. P. 383 – 386.

6. Bernice Lai-Ting Yan. Nonabsolut/relativistic thinking: a possible unifying commonality underlying models of postformal reasoning, 1995. P. 227

7. Veraksa N.E., Belolutskaya A.K., Vorobyeva I.I., Krashennnikov E.K., Rachkova E.V., Shiyana O.A., Shiyana I.B. Structural dialectical approach in psychology: problems and research results. .Psychology in Russia: State of the Art, 6 (2), 2013. pp. 65-77.

ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Белусова А.К. (Ростов-на-Дону)

PECULIARITIES OF THE DETECTION OF CONTRADICTIONS BY CHILDREN OF PRESCHOOL AGE

Belousova A.K. (Rostov-on-Don)

Способность человека к обнаружению противоречий, или чувствительность к проблемам была исследована достаточно интенсивно в зарубежной и отечественной психологии (Д.Б.Богоявленская [1], Н.Е.Веракса [2], К.Дункер [3], Дж.Гилфорд [4], В.Е.Клочко [5], Ж.Пиаже [6], С.Л.Рубинштейн [8], Г.Секей [9], О.К.Тихомиров [10]).

Одним из первых проблемой исследования обнаружения противоречий у детей дошкольного возраста занимался Ж.Пиаже, выделивший: противоречия в силу забывчивости и противоречие в силу сгущения (сюрдетерминации) [6]. Изучая развитие диалектического мышления дошкольников, Н.Е. Веракса в качестве одного из ключевых структурных компонентов выделяет противоречие. Н.Е. Веракса выдвинул предположение, что в качестве условий, стимулирующих рефлексивную мыслительную деятельность дошкольника, выступают противоречивые проблемные ситуации, которые делятся на репродуктивные, актуальные и предвосхищающие [2]. По мнению Н.Н. Поддъякова, мышление дошкольника включает в себя два процесса: движение от незнания к знанию, от неясного, неотчетливого к ясному; и противоположный процесс – от понятного, отчетливого, к непонятному, неопределенному. Таким образом, мышление дошкольников, с одной стороны, строится на определенных знаниях, отражающих логически установленные и ассимилированные ребенком факты, отражающие объекты в различных аспектах, но, с другой стороны, новое знание связано со стремлением ребенка творить, созидать новое и включает противоречивые, неявные моменты.

С целью изучения взаимосвязи между способностью к обнаружению противоречий и развитием логического и творческого мышления, нами были проведены исследования на детях дошкольного возраста. Были использованы методики Г.Секея и Дж.Гилфорда, модифицированные В.Е.Клочко [5], направленные на определение способности дошкольников к обнаружению противоречий; методика П. Торренса – на определение особенностей творческого мышления; методики: «Что здесь лишнее?» и «Классификация по заданному принципу» – для изучения особенностей логического мышления. В результате проведенного иссле-

дования были выделены три группы детей по уровню развития способности к обнаружению противоречий: первая группа – дети с высоким уровнем развития способности к обнаружению противоречий ($X_{\text{ср}} = 28,338$); вторая группа – дети со средним уровнем развития способности к обнаружению противоречий ($X_{\text{ср}} = 22,969$); третья группа – дети с низким уровнем развития способности к обнаружению противоречий ($X_{\text{ср}} = 19$).

В исследовании было выявлено, что дети с самым высоким уровнем развития способности к обнаружению противоречия опережают остальные группы по показателям развития логического и творческого мышления: существуют значимые различия по критерию Краскела–Уоллеса по показателям – логического мышления ($X=25,177$ при $p=0,000$); по показателям творческого мышления: оригинальность ($X=11,200$ при $p=0,004$), гибкость ($X=8,689$ при $p=0,013$), разработанность ($X=9,270$ при $p=0,026$).

Была выявлена взаимосвязь между показателями логического мышления, показателями творческого мышления и способностью к обнаружению противоречий у детей дошкольного возраста: способность к обнаружению противоречий имеет прямые связи с показателем логического мышления ($r=0,692$ при $p=0,01$), с показателем оригинальности ($r=0,519$ при $p=0,01$); показателем беглости ($r =0,516$ при $p=0,05$); показателем гибкости ($r=0,576$ при $p=0,01$); показателем разработанности ($r=0,346$ при $p=0,01$).

Список литературы:

1. Богоявленская Д.Б., Психология творческих способностей. М., 2002.
2. Веракса Н.Е. Диалектическое мышление. Уфа, 2006.
3. Дункер К. Подходы к исследованию продуктивного мышления // Психология мышления. М., 2008. С. 67-68.
4. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965. С. 433-456.
5. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Саморегуляция личности: системный взгляд. Томск, 2000.
6. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М,1999.
7. Поддяков Н.Н. Новые подходы к исследованию мышления дошкольников // Вопросы психологии. 1985. №2. С. 105-117.
8. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
9. Секей Л. Продуктивные процессы в обучении и мышлении // Психология мышления. М., 1965. С. 366-386.
10. Тихомиров О.К. Психология мышления. – М, 2002.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ

Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н., Алмазова О.В. (Москва)

COGNITIVE DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DIFFERENT LEVELS OF ANXIETY

Bukhalenkova D.A., Veraksa A.N., Almazova O.V. (Moscow)

Одной из важнейших задач специалистов в области дошкольного образования является формирование готовности детей к школе, и все больше отечественных и зарубежных исследователей обращают внимание на необходимость развития тех качеств дошкольников, которые помогут легче адаптироваться к смене социальной ситуации развития. Среди таких качеств наиболее значимыми являются регуляторные функции и социальные навыки [1], [4], [5], [8]. Однако важно также учитывать такую личностную черту как тревожность, которая часто затрудняет процесс обучения ребенка, поскольку излишняя тревога оказывает дезорганизующее влияние на деятельность детей дошкольного и младшего школьного возраста [2]. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение связи тревожности и особенностей развития регуляторных функций и эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста.

Большую часть использованных в исследовании методов составили субтесты нейропсихологического комплекса методик NEPSY-II [6], которые были дополнены самостоятельными методиками. Диагностика уровня личностной тревожности дошкольников проводилась с помощью «Теста тревожности» [3]. Для исследования уровня развития регуляторных функций (когнитивной гибкости и торможения) были использованы две методики: «Inhibition» (субтест NEPSY-II) и «Dimensional Change Card Sort» (Zelazo, 2006). Для изучения рабочей памяти также были использованы два субтеста NEPSY-II: «Memory for Designs» для измерения уровня развития зрительной памяти ребенка и визуально-пространственной ориентации и «Sentences Repetition» для измерения уровня развития вербальной памяти ребенка. Для изучения эмоционально-личностного развития были использованы две методики: «Theory of Mind» (субтест NEPSY-II), которая направлена на диагностику развития различных компонентов модели психического, а также «Test of Emotion Comprehension» [7], который позволяет определить способности детей понимать эмоции других людей в различных ситуациях.

Выборку нашего исследования составили 207 детей в возрасте 5-6 лет ($M_e=5,6$ лет), посещающих старшую группу детского сада в г. Москве. Из них 108 мальчиков и 99 девочек.

Дошкольники были разделены на три группы: с низким (20,3%), средним (61,8%) и высоким (17,9%) уровнем тревожности. Анализ результатов выполнения заданий детьми показал, что когнитивная гибкость хуже развита у детей с высоким уровнем тревожности, а торможение лучше всего развито у детей с низким уровнем тревожности. Важно отметить, что значимых различий в развитии рабочей памяти (и зрительной, и слухо-речевой) у детей с разным уровнем тревожности получено не было. Кроме того, средний уровень тревожности представляется оптимальным для эмоционального развития дошкольника, тогда как низкий уровень тревожности затрудняет и понимание эмоций, и, в некоторой степени затрудняет развитие когнитивных способностей, связанных с модели психического (в частности способности к децентрации).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о влиянии тревожности на развитие детей дошкольного возраста и показывают необходимость работы с данной личностной чертой для гармонизации детского развития.

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента МД – 411.2017.6.

Список литературы:

1. Венгер Л.А. Готов ли ваш ребенок к школе? М.: Знание, 1994. 192 с.
2. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
3. Тест тревожности (Р. Теммль, М. Дорки, В. Амен). Практикум по возрастной психологии / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 34 с.
4. Цукерман Г.А., Поливанова К.Н. Введение в школьную жизнь. Программа адаптации детей к школьной жизни. Пособие для учителя. М.: Генезис, 2003. 128 с.
5. Эльконин Д.Б. Детская психология: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.
6. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
7. Pons F., Harris P.L. Test of Emotion Comprehension. Oxford: Oxford University Press. 2000.
8. Willoughby M.T., Kupersmidt J.B, Voegler-Lee M.E. Is preschool executive function causally related to academic achievement? // Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence. 2012. V. 18(1). P. 79-91.
9. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // National Protocols. 2006. V.1. P. 297–301.

ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ НА ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКА

Венцова Т.Б. (Ярославль)

THE INFLUENCE OF PARENTAL RELATIONSHIP ON THE INDIVIDUAL PERSONAL TRAITS OF A TEENAGER

Ventsova T.B.

Важнейшим фактором формирования личности является семья, детско-родительские отношения. Особую значимость это фактор приобретает в подростковом возрасте. В данном исследовании, выполненном на материале подросткового возраста, тип отношения родителей к детям сопоставляется с некоторыми индивидуально-личностными особенностями подростков.

Исследование проводилось на базе гимназии №1 г. Ярославля. Выбор базы исследования объясняется тем, что в отличие от массовой школы здесь практически отсутствует доля неблагополучных семей.

Выборка состояла из 50 семей учащихся 7 классов. Возраст детей 13-14 лет. Тестирование родителей проводилось по методике ОРО А.Я.Варги, В.В. Столина. Индивидуально-личностные особенности учащихся-подростков определялось с помощью Фрайбургского личностного опросника (FPI, форма B), предназначенного для диагностики состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения.

Наиболее неблагоприятное влияние на личность подростков оказывает стиль «маленький неудачник»: отношение к ребенку как неуспешному, инфантильному, а потому требующее контроля со стороны взрослых. Данный тип отношения провоцирует раздражительность ($r = 0,30$; $p < 0,05$), спонтанную агрессивность ($r = 0,26$, $p < 0,05$) и реактивную агрессивность ($r = 0,31$, $p < 0,05$). Это становится причиной повышения уровня психопатизации, характеризующейся агрессивным отношением к социальному окружению и выраженным стремлением к доминированию. Создаются предпосылки для импульсивного поведения.

Неблагоприятен также тип отношения «авторитарная гиперсоциализация»: чрезмерный контроль со стороны родителей, постоянное недоверие подростку. Обнаружена отрицательная зависимость этого типа отношения с уравновешенностью подростков ($r = - 0,29$, $p < 0,05$), что означает недостаточную защищенность к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, проявляющуюся в неуверенности в себе, в снижении оптимистичности и активности.

Стиль «симбиоз» проявляется в постоянной чрезмерной опеке ребенка, в нежелании предоставить ему некоторую самостоятельность, автономии в принятии решений и поведении. По этим причинам данный стиль отношения к подросткам порождает реактивную агрессивность ($r = 0,25$, $p < 0,05$). Подростков раздражает мелочная опека. Однако другие показатели влияния данного типа отношения на эмоционально-личностные особенности подростков благоприятны: подростки общительные ($r = 0,29$, $p < 0,05$), не застенчивые ($r = - 0,31$, $p < 0,05$), с низкими показателями по шкале депрессивности ($r = - 0,27$, $p < 0,05$). Характерно отсутствие трудностей в социальных контактах.

Тип отношения к подростку по шкале «принятие-отвержение» (негативный полюс) приводит к проявлениям раздражительности ($r = 0,25$, $p < 0,05$). Неприятие ребенка, постоянное раздражение, неуважение к ребенку, болезненно воспринимается подростками, проявляется в неустойчивом эмоциональном состоянии со склонностью к аффективному реагированию.

Наиболее благоприятно отношение к подросткам по типу «социальная желательность», не выявлены связи этого типа с показателями нарушения социальной адаптации.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Виленская Г.А. (Москва)

THE RELATIONS OF BEHAVIORAL CONTROL COMPONENTS IN PRIMARY SCHOOLCHILDREN

Vilenskaya G.A. (Moscow)

Траектории развития саморегуляции (и контроля поведения как психологического уровня саморегуляции) изучены пока фрагментарно. Исследование (выполненное при поддержке РФФИ грант №№ 15-06-10701) в рамках системно-субъектного подхода контроля поведения как субъектной регуляции в единстве его аспектов (когнитивного, эмоционального и волевого) даст возможность выявить механизмы становления саморегуляции [1].

Важным также проследить непрерывность в развитии процессов организации своего поведения в переходный период адаптации к новой деятельности, среде (начало обучения в школе). Понимание процессов развития контроля поведения, их роли в адаптации детей к школе, по-

зволит повысить эффективность школьного обучения и социализации и разработать меры по улучшению и ускорению самой адаптации.

В нашем исследовании участвовали ученики 1-ых классов московских школ в количестве 30 человек ($M=94$ мес., 20 мальчиков).

Для оценки когнитивного контроля применялись методика совмещения признаков Когана [2] и «Ханойская башня» [3]. Для оценки эмоционального контроля использовался «Тест детской тревожности» Теммл-Дорки-Амен [4] и «Азбука настроения» Н.Л. Белопольской [5]; контроль действий оценивался при помощи нейропсихологических проб [6].

Результаты показывают, что все компоненты контроля поведения сформированы достаточно равномерно, с небольшим отставанием в эмоциональном контроле (узнавание и различение эмоций, бедный эмоциональный словарь) и в некоторых аспектах когнитивного контроля (гибкость, распределение внимания).

При анализе различий между детьми быстро и медленно решающими задачу «Ханойская башня», обнаружилось, что «быстрые» дети лучше выполняют нейропсихологические пробы ($U=23.00$, $p=0.01$), быстрее производят сортировку фигур по форме в методике совмещения признаков ($U=25.00$, $p=0.02$) и делают меньше ошибок при узнавании эмоций ($U=30.00$, $p=0.04$).

Поскольку скорость решения и количество ходов в решении «Ханойской башни» тесно связаны ($r=0.77$, $p=0.00$), то можно считать, что «быстрые» дети лучше планируют решение задачи, косвенно – менее импульсивны (т.к. не совершают множество необдуманных проб). Также они лучше организуют и последовательность движений, лучше действуют по образцу и легче переключаются с одной последовательности на другую (нейропсихологические пробы). Возможно, такая важная для контроля поведения способность, как способность к программированию, выстраиванию последовательности проявляется как на уровне выполнения серии движений, так и на уровне решения когнитивных задач. При этом они легче принимают новое правило и лучше распознают эмоции. Таким образом, мы наблюдаем тесную взаимосвязь всех трех компонентов контроля поведения – когнитивного, эмоционального и контроля действий.

Ранее было обнаружено, что различные компоненты контроля поведения развиваются гетерохронно [7,8], и было высказано предположение, что они интегрируются в школьном возрасте [9]. При лонгитюдном исследовании контроля поведения у дошкольников 3-5 лет, было обнаружено, что, если в возрасте 3-4 года когнитивный контроль и контроль действий связаны между собой, а эмоциональный контроль от них независим, то в 4-5 лет, напротив, и контроль действий и когнитивный кон-

троль связаны с эмоциональным контролем, и не коррелируют между собой [10].

Можно предположить, что такая гетерохрония и переструктурирование взаимосвязей в ходе развития компонентов контроля поведения в дошкольном возрасте подготавливает их наблюдаемую в конце 1-го года школьного обучения интеграцию.

Список литературы:

1. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010. 350 с.

2. Блейхер В.М., Крук И.В., Патопсихологическая диагностика. К.: Здоровье, 1986

3. Bull R., Espy K., Senn T. E. A Comparison of Performance on the Towers of London and Hanoi in Young Children. 2004. Developmental Cognitive Neuroscience Laboratory – Faculty and Staff Publications. Paper 11. <http://digitalcommons.unl.edu/dcnlfacpub/11>

4. Практикум по возрастной психологии // под ред. Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф. СПб: Речь, 2001.

5. Белопольская Н.Л. Азбука настроений. Эмоционально-коммуникативная игра для детей 4-10 лет. М.: Когито-Центр, 2008.

6. Ахутина Т.В., Игнатъева С.Ю., Максименко М.Ю., Полонская Н.Н., Пылаева Н.М., Яблокова Л.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6-8 лет // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1996. №2. С. 51–58.

7. Виленская Г. А. Динамика контроля поведения и его компонентов в раннем возрасте // Психология саморегуляции в XXI веке / Отв. ред. В. И. Моросанова. СПб.–М.: Нестор-История, 2011. С. 204–213.

8. Виленская Г.А. Гетерохрония на ранних этапах развития контроля поведения // Принцип развития в современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 319-338.

9. Blair P. School Readiness Integrating Cognition and Emotion in a Neurobiological Conceptualization of Children’s Functioning at School Entry Clancy // American Psychologist V. 57 (2). 2002. P. 111–127.

10. Виленская Г. А., Лебедева Е. И. Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 5. URL: <http://psystudy.com/index.php/num/2014v7n38/1064-vilenskaya38.html> (дата обращения: 13.05.2017).

**СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
КАК СУБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
ДЕТЯМ-ЖЕРТВАМ НАСИЛИЯ**

Вихтоденко А.В. (Ростов-на-Дону)

**SOCIAL AND REHABILITATION CENTER AS A SUBJECT
OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO CHILD VICTIMS
OF VIOLENCE**

Vihtodenko A.V.

Одними из специализированных учреждений помощи детям-жертвам насилия являются «Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних» (СРЦ). Задачей подобных учреждений является целенаправленная работа по социальной и психологической реабилитации детей и подростков. Также основной упор сделан на гарантию ребенку прав существования в психологически здоровой среде. Данные Центры реализуют свою деятельность в системе стационарных и полустационарных учреждений, в которых принимаются чрезвычайные меры, направленные на оказание помощи, социальную и психологическую реабилитацию, коррекцию поведения, защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и их родителей оказавшихся кризисной ситуации.

Деятельность специалистов Центров направлена на поддержание воспитательских функций семьи в отношении несовершеннолетних и на преодоление негативных последствий жестокого обращения. Также проводится профилактическая работа, задачей которой является реабилитация и адаптация детей с девиантным и делинквентным поведением, иными словами, профилактика дальнейшего отклонения в поведении подростка.

Самым распространенным видом насилия является физическое насилие – жестокость и другие целенаправленные антигуманные действия, причиняющие боль ребенку и препятствующие его развитию.

Сексуальное насилие – использование детей для удовлетворения сексуальных потребностей взрослых. Применение угроз, силы, хитрости для вовлечения ребенка в сексуальную деятельность. Вовлечение детей в занятие проституцией.

Эмоциональное (психическое) насилие – уничижительное отношение к ребенку, угрозы и насмешки, что приводит к потере чувства собственного достоинства и уверенности в себе.

Моральная жестокость – неудовлетворение жизненных потребностей ребенка, а также оставление детей без присмотра. [2]

Психологическая помощь детям – жертвам насилия направлена на преодоление отчужденности ребенка путем установления доверительного контакта и нейтрализации аффективного состояния, а в дальнейшем, на коррекцию кризисного состояния и поведения. Психотерапия может проводиться в индивидуальной и групповой форме с использованием разнообразных методов: арттерапии, куклотерапии, игротерапии, песочной терапии и других видов деятельности, естественных для детей.

Этапы психологического сопровождения ребенка следует рассматривать через пошаговые решения отдельных психологических задач: установление первичного контакта с ребенком; установление терапевтического единства с ребенком; развитие у ребенка способности проявлять доверие; преодоление страхов ребенка; смягчение чувства утраты и вины; обучение вербальному и невербальному проявлению чувств; обучение выражению и контролю агрессии; создание оптимальных условий для рассказа о злоупотреблении; обучение умению видеть различия между «хорошими» и «плохими» тайнами; формирование уверенности в себе, чувства независимости и чувства собственного достоинства; терапия посттравматического стрессового расстройства.

Психологическая помощь детям и подросткам, пережившим насилие и жестокость, направлена на наиболее полное устранение их последствий. Эта работа включает в себя реабилитацию профилактического, диагностического и коррекционно-терапевтического характера. Целью психологической помощи является уменьшение отрицательного влияния пережитой им травмы на дальнейшее развитие ребенка, предотвращение отклонений в поведении, облегчении реабилитации в обществе.

Список литературы:

1. Плоткин М.М. Социально-педагогическая помощь детям из неблагополучных семей. Педагогика, 2000. №1, с.47-51
2. Последствия насилия над детьми: методические рекомендации. Мн., 1999. 34 с.

ПОДРОСТКОВЫЙ БУЛЛИНГ И СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ ПЕДАГОГА

*Волкова Е.Н., Волкова И.В., Скитневская Л.В.
(Санкт-Петербург, Нижний Новгород)*

BULLYING AMONG TEENAGERS IN SCHOOLS AND PARTICULARITIES OF TEACHER-STUDENT

Volkova E.N., Volkova I.V., Skitnevskaya L.V.

Исследование посвящено обсуждению взаимосвязи подросткового буллинга и стилей общения педагогов, которые обучают этих подрост-

ков. Для оценки ситуации буллинга использовался опросник Д. Олвеуса, для изучения стилей общения – методика «Стили общения педагога» И.М. Соколова. Исследование проводилось в двух общеобразовательных школах Нижнего Новгорода. Выборка подростков составила 348 учеников 7-9 классов, выборка учителей – 80 педагогов. В результате исследования было обнаружено, что в школе, где стиль общения учителей отличается большей степенью контроля и большей доброжелательностью по отношению к ученикам, значительно больше число детей, не вовлеченных буллинг, а также значительно меньше число жертв, обидчиков-жертв и свидетелей. В этой школе у детей меньше страх перед буллингом, и взрослые чаще вмешиваются в ситуацию буллинга между детьми.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ ОТВЕТА У ПОДРОСТКОВ

Воронин И.А., Исмагуллина В.И., Захаров И.М. (Москва)

THE RELATIONSHIP BETWEEN CHARACTERISTICS OF INDIVIDUAL RESPONSE TIME AND INTELLIGENCE IN ADOLESCENTS.

Voronin I., Ismatullina V., Zakharov I.

Связь между скоростью обработки информации и интеллектом широко изучалась во множестве исследований. Согласно мета-анализам, корреляция между временем ответа в задачах разной сложности и интеллектом составляет $-0,24$, т.е. люди с высокой скоростью реакции лучше справляются с когнитивными задачами [1]. Однако, дальнейшие исследования показали, что эта связь имеет нелинейный характер. Интеллект сильнее связан со скоростью ответа в более сложных задачах и со скоростью ответов, лежащих в правой части индивидуального распределения времени ответа (медленных ответов) [2, 3]. Индивидуальное распределение времени ответа описывается экс-Гауссовым распределением, представляющим собой смесь экспоненциального и нормального распределений. Экспоненциальная компонента распределения, описывающая количество медленных ответов, наиболее сильно связана с уровнем интеллекта ($r=-0.7$, там же). Том Койл предположил, что медленные ответы, определяющие асимметрию индивидуального распределения времени ответа, вызваны ошибками произвольного контроля и рабочей памяти.

Представляемое исследование направлено на 1) оценку взаимосвязей между интеллектом и характеристиками индивидуального времени

ответа в простых задачах выбора и 2) изучение опосредующей роли рабочей памяти во взаимосвязи между интеллектом и скоростью обработки информации. Выборку составили 100 подростков (средний возраст 12 лет). Уровень интеллекта оценивался на основе методики «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» [4]. Время реакции и характеристики рабочей памяти оценивалось на основе тестов «Время реакции» и «Пространственная рабочая память из нейропсихологической батареи CANTAB [5].

Список литературы

1. Sheppard L.D., Vernon P.A. Intelligence and speed of information-processing: A review of 50 years of research // *Personality and Individual Differences*. 2008. Т. 44. № 3. С.535-551.
2. Larson G.E., Alderton D.L. Reaction time variability and intelligence: A “worst performance” analysis of individual differences // *Intelligence*. 1990. Т. 14. № 3. С. 309-325.
3. Coyle T.R. A review of the worst performance rule: Evidence, theory, and alternative hypotheses // *Intelligence*. 2003. Т. 31. № 6. С. 567-587.
4. Raven J., Court J.H. Manual for Raven’s progressive matrices and vocabulary scales. Oxford: Oxford Psychologists, 1998. 60 с.
5. Cambridge Cognition. Neuropsychological test automated battery (CANTABeclipse) manual. Cambridge: Cambridge Cognition Ltd, 2006. 65 с.

СПОНТАННАЯ ИГРА РОДИТЕЛЯ С РЕБЕНКОМ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Галасюк И.Н., Шинина Т.В. (Москва)

SPONTANEOUS GAME OF THE PARENT WITH THE CHILD: THE CROSS-CULTURAL ASPECT

Galasyuk I.N., Shinina T.V. (Moscow)

Вызовы сегодняшнего времени, увеличение скорости социальных изменений, цифровые технологии, новые формы общения родителей с детьми определяют актуальность изучения родительства как в отношении детей, развивающихся в рамках нормы, так и в отношении детей с особенностями в развитии в России и за рубежом.

Интерес исследователей к выделению значимых для развития ребенка характеристик поведения родителей привел к разработкам различных диагностических инструментов. [2; 3; 4; 7; 8]. Теоретический анализ [6; 7; 9] и опыт практической работы с семьями позволил нам разработать шкалу родительской отзывчивости и шкалу коммуникативных сигналов

ребенка [1]. Нами было проведено пилотажное кросскультурное исследование в частных детских садах в Доминиканской республике (Las Galeras, Samana), где мы изучали особенности спонтанной игры детей, воспитывающихся без основных достижений психологии и педагогики, при этом родители проявляют интерес к получению знаний о тонкостях взаимодействия с ребенком. В России в исследовании приняли участие 38 семей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии (синдром Дауна, ментальные нарушения, аутизм) и 54 семьи, воспитывающих детей, развивающихся в рамках нормы.

Результаты анализа видео-кейсов, фото материалов, структурированных интервью, позволяют утверждать, что наряду с выявленными различиями процесса спонтанной игры родителей с ребенком, есть и общие характеристики, присущие детско-родительскому взаимодействию в обеих странах. Так, игра часто подменяется занятиями, где четко ставится цель и все усилия направлены на результат совместной деятельности. Теряется очень важный компонент совместной деятельности – спонтанность, возможность дать ребенку проявить себя и показать все то, что ему интересно и что он уже умеет.

Список литературы:

1. Галасюк И.Н., Шинина Т.В. Методика «Оценка детско-родительского взаимодействия» Evaluation of child-parent interaction (ECPI). – М.: Издательство Перспектива, 2017. – 304 с.
2. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: науч. моногр. / Е.И. Захарова. – М. : ИИУ МГОУ, 2014. – 258 с.
3. Трушкина С.В. Помощь детям раннего возраста с нарушениями психического здоровья: междисциплинарный подход // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 2(31) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mpj.ru>
4. Одинокова. Г.Ю. Выявление и преодоление неблагополучия в развитии общения матери и ребенка раннего возраста с синдромом Дауна: автореф. дис. ... канд.пед.наук: 13.00.03 / Одинокова Галина Юрьевна. – М., 2015. – 24 с.
5. Anderson, B.J., Vietze, P., Paulstich, G., Ashe, M.L. Observation manual for assessment of behavior sequences between infant and mother: Newborn to 24 months. JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology. 1978; 8:31–35
6. Clark, R. The parent – child early relational assessment. Instrument and manual – Madison: Department of Psychiatry, University of Wisconsin Medical School, 1985. – 34 p.
7. Lisa Ruble, Andrea McDuffie, Andrea S.King, Doug Lorenz Caregiver Responsiveness and Social Interaction Behaviors of Young Children With Autism. Topics in Early Childhood Special Education: Nov 2008; 28, 3; Psyc INFO pg. 158.
8. Emde R.N., Wise B.K. The cup is half full: Initial clinical trials of DC:0-3 and recommendation for revision // Infant Mental Health Journal. – 2003. – 24(4). – P. 437–446.

9. Mahoney G.J., Powell A. & Finger I., (1986). The maternal behavior rating scale. Topics in Early Childhood Special Education 6. pp. 44 – 55.

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ЮНОСТИ

Головей Л.А. (Санкт-Петербург)

INTRAPERSONAL CONFLICTS AND WELL-BEING IN ADOLESCENCE

Golovey L.A (Saint-Petersburg)

Проблема соотношения внутриличностных конфликтов и психологического благополучия является дискуссионной. Ряд авторов рассматривают наличие конфликтов, как фактор, стимулирующий развитие, другие говорят об их неоднозначном и даже негативном влиянии на эмоциональную сферу. Задачей исследования стало изучение внутриличностных конфликтов и их соотношения с психологическим благополучием в период юности. Выборка: 99 юношей и 138 девушек в возрасте 15-18 лет. Методы: методика внутриличностных конфликтов Е.Б.Фанталовой, методика психологического благополучия К.Рифф, шкала удовлетворенности жизнью Динера.

Анализ результатов выявил высокую индивидуальную вариативность (от 5 до 69 б.) суммарного индекса расхождения ценностей и их доступности, являющегося интегральным показателем конфликтов (ИК). ИК у девушек составляет 36,79 б., что может указывать на тенденцию к дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере. У юношей ИК составил 32,21б., что соответствует нормативным значениям (различие между группами достоверно при $p < 0,002$). Внутренний конфликт (ВК) и внутренний вакуум (ВВ) также более выражены у девушек ($p < 0,06$; $0,003$). Наличие нейтральных зон (НЗ) в мотивационно-личностной сфере, напротив более выражено у юношей ($p < 0,009$). Эти данные позволяют говорить о наличии более выраженных конфликтов в мотивационно-личностной сфере девушек. Наряду с тем, что у них имеется диссоциация, разрыв между ценностями и их доступностью, между потребностями и возможностями их удовлетворения, выраженным является и показатель ВВ, отражающий ощущение внутренней пустоты, свидетельствующий о наличии ценностей, удовлетворение которых не рассматривается как значимое. У девушек существенно меньше представлены нейтральные, бесконфликтные зоны, в которых совпадают потребности и возможности.

Следующей задачей исследования было выяснение того, как внутриличностные конфликты взаимосвязаны с психологическим благополучием. Корреляционный анализ выявил особенности соотношения внутриличностных конфликтов и психологического благополучия в соответствии с полом. У юношей все связи положительные. Показатель ВК связан с удовлетворенностью жизнью, позитивными межличностными отношениями, жизненными целями, общим благополучием. Наличие НЗ связано с автономностью и самопринятием (все связи при $p < 0,001$), суммарный индекс конфликта (ИК) – с жизненными целями. У девушек характер связей не столь однозначен. ИК образовал прямую связь с личностным ростом и самопринятием, обратную – с компетентностью. ВК имеет отрицательные связи с удовлетворенностью жизнью, компетентностью, самопринятием; наличие НЗ образовало прямые связи с удовлетворенностью жизнью, компетентностью, самопринятием (все при $p < 0,001$). Результаты исследования свидетельствуют о разнонаправленном влиянии внутриличностных конфликтов на психологическое благополучие в юности в зависимости от пола и уровня выраженности конфликтов. При более высокой выраженности ВК у девушек, они отрицательно взаимосвязаны с их удовлетворенностью жизнью, компетентностью и самопринятием. Наличие НЗ способствует повышению удовлетворенности жизнью, компетентности, самопринятию, но эти зоны у девушек менее представлены. В то же время, выраженность суммарного ИК выступает в качестве фактора, побуждающего их к личностному росту. У юношей наличие внутриличностных конфликтов соответствует повышению психологического благополучия и удовлетворённости жизнью.

Исследование поддержано грантом РГНФ №16-06-00307.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СЕМЬИ

Гуткевич Е.В. (Томск)

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF MAINTENANCE OF MENTAL HEALTH OF FAMILY

Gutkevich E.V.

Функционирование семьи на современном этапе развития общества определяет актуальность системного подхода к решению проблем здоровья всех членов семьи на основе актуальных подходов с использованием инновационных психологических и гуманитарных технологий.

Цель – изучение факторов, параметров и динамики функционирования семейной системы на разных стадиях онтогенетического цикла семьи из нескольких поколений, связанных с психическим здоровьем.

Материалы и методы исследования – в исследовании приняли участие 440 человек, из них 192 детей и подростков в возрасте от 1 года 7 месяцев до 18 лет и 248 лиц в возрасте от 18 до 50 лет (родители и супруги). Применяли исследование супружеских, родительско-детских и межпоколенных отношений в рамках методического комплекса «Паспорт здоровья семьи» с изучением нуклеарной и расширенной семьи [1].

Результаты – онтогенетический цикл семьи из нескольких поколений мы определяем как вариант жизненного цикла семьи при наличии у одного из членов семьи риска или отклонения в психическом здоровье, когда динамика психического здоровья семьи взаимосвязана с состоянием её генетического здоровья, психологическими особенностями и адаптационными возможностями членов семьи, являющимися возраст-зависимыми [2].

Исследование различий эмоциональной выразительности мужчин и женщин разного возраста показало, что у женщин доминирующей является психомоторная и коммуникативная эмоциональность, а у мужчин – интеллектуальная эмоциональность, что важно учитывать как ресурс при выборе партнера и создании семьи. Все молодые супружеские пары отнесли свой брак к группам удачного брака или брака с определенными сложностями, с которыми они справляются, при этом три четверти молодых пар состоят в незарегистрированном браке. Большинство из них удовлетворены своим браком (полностью удовлетворены 30 %), причем и супруг, и супруга. У 79 % молодых семей наблюдается сбалансированный и среднесбалансированный типы семейной системы (по данным обоих супругов), остальные (оба супруга или один из них) определяют свою семью как несбалансированную. В таких семьях чаще выявляется высокая близких отношений с партнером, что является ограничением для функционирования семьи. В семьях с детьми наблюдаются разные условия и возможности для психологической адаптации детей младшего дошкольного возраста к условиям социализации – родители детей с трудностями в адаптации имеют тенденцию к конфликтным отношениям в семье, эмоциональному отвержению, недифференцированному «Я» у членов семьи, наличию симбиотических связей, эгоцентрической направленности личности. Существуют значительные различия в образе ребенка старшего дошкольного возраста с речевыми нарушениями и отношений с ним при различных типах родительско-детского взаимодействия: наибольшую тревогу у родителей вызывают показатели интеллектуального развития ребенка, а не развитие

общения с ним; отношения строятся на основе сохранения видимой благожелательности, но у детей наблюдается повышенная тревожность, что является ограничением в развитии ребенка. Комфортные отношения в семье, гармоничные родительско-детские отношения являются адаптационным потенциалом школьников. В дисфункциональных семьях часто наблюдается межпоколенная передача психологической травмы и появление лиц с нарушениями психического здоровья.

Заключение – выделение ресурсов и ограничений личностных и семейных взаимодействий, возрастно-зависимых мишеней воздействий позволит эффективно сохранять здоровье семейной системы.

Список литературы:

1. Гуткевич Е.В., Каткова М.Н. Психолого-генетические технологии выявления факторов психической дезадаптации семейных систем: учеб. пособие. Томск.: Издательский Дом ТГУ, 2015. 120 с.
2. Невротические расстройства: проблемы генеза и превенции / В.Я. Семке, Е.В. Гуткевич, И.Е. Куприянова, В.П. Пирогова. Томск.: Изд-во «Иван Федоров», 2011. 230 с.

СУБЪЕКТИВНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В СВЯЗИ С ПАРАМЕТРАМИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Данилова М.В. (Санкт-Петербург)

SUBJECTIVE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN RELATION TO THE PARAMETERS THE SELF-ACTUALIZATION AND VOCATIONAL IDENTITY IN THE PERIOD OF A MATURITY

Danilova M.V.

Психологические исследования благополучия человека представлены за рубежом именами С. Джуларда, Н. Бредберна, Э. Динера, К. Рифф и др. В современной отечественной психологии его изучению посвящены работы Р.М. Шамионова, С.А. Водяхи, Е.Е. Бочаровой, А.Е. Созонтова и др. Обобщенно психологическое благополучие можно представить как интегральный показатель самоотношения человека и субъективного ощущения удовлетворенности жизнью, проявляющиеся в оценке личностных и социальных характеристик, уровне функционирования и самоактуализации в разных сферах жизнедеятельности [2, 4, 5].

В исследовании приняли участие 75 человек в возрасте 18-29 лет (1 группа), и 65 человек в возрасте 30-43 лет (2 группа). Были использо-

ваны: методика изучения профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер, Самоактуализационный тест Э. Шострома, Шкала удовлетворённости жизнью Э. Динера, анкета с вопросами о самореализованности респондентов.

Профессиональная идентичность позволяет личности отождествить себя с определенными нормами, ценностями, целями группы профессионалов [1, 3]. Статус идентичности определяет степень ее сформированности и основные характеристики. Исследование показало, что на этапе взрослости проявляются достигнутый (24,3%) и псевдопозитивный (28,4%) статусы профессиональной идентичности. С возрастом увеличивается выраженность статуса моратория, характерного для кризисных периодов развития. Псевдоидентичность у всех респондентов связана с чувством общей удовлетворенности жизнью. Статус преждевременной профессиональной идентичности в ранней взрослости препятствует психологическому благополучию ($p < 0,01$), а достигнутая идентичность по-разному сказывается на ощущении психологического благополучия в связи с возрастом. В ранней взрослости она прямо связана с чувством реализованности в профессиональной сфере, в семье и в личной жизни, в отношении своего здоровья и материального благосостояния, а в средней взрослости она выступает препятствием в удовлетворенности реализацией в общественной жизни. В первой группе в сферу психологического благополучия включены все статусы профессиональной идентичности, тогда как во второй – только актуальные для этого возрастного периода.

У взрослых удовлетворенность жизнью обуславливается комплексом показателей самоактуализации, включающим как общие (ориентация во времени, ценностные ориентации, спонтанность, самоуважение, синергия, познавательные потребности), так и специфические для каждого возрастного периода показатели (поддержка, гибкость поведения, спонтанность, самопринятие, представление о природе человека, контактность, креативность для первой группы и принятие агрессии – для второй). Возрастная специфика проявляется и в силе, и взаимонаправленности связей. Для ранней взрослости характерны многочисленные и тесные связи, параметры самоактуализации обеспечивают психологическое благополучие в семье, в профессиональном развитии, в социальном окружении и материальное благополучие. С 26 к 43 годам снижается удовлетворенность жизнью, показатели самоактуализации отражаются в основном на удовлетворенности здоровьем и профессиональной сферой.

Итак, исследование показало, что уровень удовлетворенности жизнью в средней взрослости ниже, чем в ранней. Профессиональная иден-

тичность, являясь динамической характеристикой, имеет особенности взаимосвязей с психологическим благополучием в разные периоды взрослости. Параметры самоактуализации, включаясь в субъективное психологическое благополучие, отражают содержание основных задач возрастного развития.

При поддержке гранта РГНФ № 16-06-00307а.

Список литературы:

1. Завалишина Д.Н. Способы идентификации человека с профессией // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А.В. Карпова. М.; Ярославль: ЯрГУ, 2001. С.104-128.
2. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика / Ред. В.Ю. Большаков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 476-510.
3. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001. 272 с.
4. Eid M., Diener E. Global judgments of subjective well-being: Situational variability and long-term stability // Social Indicators Research. 2004. Vol. 65(3). P. 245-277.
5. Ryff C. D., Singer B. H. Best news yet on the six-factor model of well-being // Social Science Research. 2006. 35. P. 1103-1119.

СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Денисова Е.А. (Тольятти)

THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS FOR MEN AND WOMEN OF MATURE AGE

Denisova E.A. (Tolyatti)

В современном мире проблема одиночества становится все более и более актуальной. Присутствие одиноких людей можно наблюдать во всех слоях общества, его переживают и социально изолированные, по тем или иным причинам индивиды, так и вполне реализовавшие себя, располагающие большим количеством общественных связей. Об актуальности озвученной проблемы говорит обилие и популярность сайтов знакомств, видео чатов, разнообразных социальных сетей, предлагающих «безопасные» и альтернативные способы социализации.

В науке одиночество рассматривается как психологическая, философская и социально-бытовая категория.

В ряде отечественных работ одиночество рассматривается как отсутствие значимых социальных контактов, ощущение оторванности

и ненужности окружающим (Л.А.Коростылева), как потеря контактов с семьёй, коллективом, обществом как таковым (Покровский, 1989), как комплексное, тяжелое, отрицательно «заряженное» переживание (Немов, 1995), как общественный феномен, демонстрирующий отсутствие адаптации человека в социуме (Хорицкая, Шевченко, 1990), как субъективное переживание сосредоточенности на себе и изолированности от мира (Телешевская, 1993).

Рассматривая одиночество как социально-бытовой феномен, В. Серма выделил ситуации, которые могут способствовать возникновению переживания одиночества: утрата и потеря родных, переживание развода, переезды, потеря работы и т.д. Как только происходят изменения в подобных ситуациях, завершается и одиночество [3]

В зарубежной психологии наиболее полно это понятие разработано в рамках экзистенциализма. Исследователи этой школы воспринимают одиночество как категорию глобальную и вечную. Термин приобретает более абстрактные очертания, и рассматривается на уровне философских воззрений. Представители этого направления считают, что люди одиноки изначально, а одиночество как таковое, есть одно из условий нашего существования [2]. Наши переживания, мысли, события нашей жизни – личное достояние человека, кроме него прожить и ощутить их не может никто мы одни приходим в этот мир, и одни его покидаем, «... человеческая реальность страдает в своей целостности от обособленности, отчужденности по отношению к самой себе и к миру» [1].

В ходе эмпирического исследования субъективного переживания одиночества у мужчин и женщин зрелого возраста, было установлено, что человек переживающий одиночество зачастую испытывает оторванность от других людей, испытывая сложности в формировании таких способов взаимоотношений как любовь и дружба, он может ощущать свою непохожесть на других и считать, что он мало интересен окружающим и совсем не привлекателен.

Результаты, полученные в ходе исследования показали, что по большинству признаков, специфических черт в переживании одиночества у мужчин и женщин не столь много. Так, общей чертой для мужчин и женщин в переживании одиночества является обостренное чувство изолированности и отчужденности, специфической для женщин - оценивание одиночества как более деструктивного состояния, а для мужчин большее значение имеет отсутствие смысловой основы жизни. Установлено, что человек, вовлеченный в происходящее, старающийся его изменить волевым усилием, и предпочитающий действовать, реже страдает крайними негативными формами переживания одиночества, успешнее с ними справляется, и легче в целом переносит.

Список литературы:

1. Камю А. Бунтующий человек. М.: Прогресс, 1990. 134 с.
2. Мустакас К. Теоретические подходы к одиночеству / Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 154-155.
3. Серма В. Некоторые ситуативные и личностные корреляты одиночества / Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. 624 с.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ВЗРОСЛЫХ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Дерманова И.Б., Александрова О.В. (Санкт-Петербург)

LIFE ORIENTATIONS AND IRRATIONAL ATTITUDES OF ADULTS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Dermanova I.B., Alexandrova O.V.

В психологии является традиционным деление жизненных ситуаций на обыденные ситуации повседневной жизни (нормальные ситуации) и трудные жизненные ситуации (ТЖС). В нормальной ситуации устанавливается равновесие в системе задачи: цели, условия и способы ее реализации. Нормальная ситуация не требует подключения дополнительных психологических ресурсов для ее разрешения. Сложная (трудная) ситуация – это ситуация, где требования к личности выходят за пределы «нормы» [1]. При осмыслении даже нормальной ситуации сознание человека включает как рациональные, так и иррациональные компоненты. Например, исследования Канемана показали, что для большинства людей характерно принимать решения, руководствуясь не рациональными, а интуитивными соображениями, которые Канеман и Тверски назвали поведенческими эвристиками [2]. С. Тейлор (1983) показала наличие нерациональных позитивных иллюзий, касающихся собственного Я и окружающего мира у хорошо адаптированных взрослых [3].

Тем более следует ожидать увеличение влияния иррациональных верований и установок на репрезентацию в сознании ТЖС. Эмпирически показано, например, наличие сопряженности интенсивности переживаемых индивидом симптомов ПТСР с негативными базисными убеждениями [4]. Е.В. Субботский (2001) обнаружил, что при определенных условиях, даже взрослые представители западной культуры зачастую «соскальзывают» с рационального на магическое осмысление ситуации [цит. по 5].

В качестве условий для актуализации в сознании человека иррациональных форм мышления называют: стрессовый характер ситуации;

потенциальную угрозу для жизни и здоровья человека; снижение возможности контроля; отсутствие социальной поддержки; полная вовлеченность человека в ситуацию, а также ее аффективная и личностная значимость [там же]. Данные характеристики в значительной степени описывают основные параметры трудной жизненной ситуации. В нашем исследовании в качестве модели ТЖС была взята ситуация тяжелого заболевания ребенка, угрожающего его жизни. Целью нашего исследования было, в частности, выявить наличие и роль рациональных и иррациональных установок в когнитивной оценке ТЖС у взрослых – близких родственников ребенка.

Выборка составила 81 человек (матери и другие близкие родственники в возрасте от 20 до 60 лет) детей с тяжелыми заболеваниями, угрожающими их жизни. Для выявления смысловых единиц оценки ситуации был разработан опросник «Семантический дифференциал жизненной ситуации». Для измерения характеристик осмысленности жизни использовался опросник СЖО (в адаптации Д.А. Леонтьева); для измерения иррациональных установок – методика иррациональных установок А.Эллиса (Irrational Belief Scale). Кроме того, использовалась авторская анкета, в которой наряду с некоторыми биографическими данными выяснялось наличие религиозных чувств и степень их выраженности у родственников до болезни ребенка и в текущей ситуации.

По результатам нашего исследования были обнаружены положительные связи практически всех показателей осмысленности жизни с позитивным восприятием ситуации, а также положительные связи иррациональных установок, наоборот, с негативным восприятием ситуации. Обнаружено также, что в случае, когда ситуация оценивалась родственниками ребенка как разрешимая – религиозность человека в настоящем сохранялась (если она имела в прошлом) или увеличивалась, а в случае оценки ситуации как неразрешимой – приобретала обратный знак.

Работа выполнена при поддержке гранта №16-06-003-07.

Список литературы:

1. Парфенова Н.Б. О подходах к классификации и диагностике жизненных ситуаций // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2009. № 9. С. 109–117.
2. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect theory: cumulative representation of uncertainty // J. of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5. P. 297–232.
3. Taylor S.E. Adjustment of threatening events: A Theory of cognitive adaptation // American Psychologist. 1983. V38. P.1161-1173.
4. Падун М.А., Котельниковва А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с.

5. Тхостов А. Ш., Нелюбина А. С. Соотношение рационального и иррационального в обыденном сознании на примере представлений о болезни // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 2009. №1. С.32-38.

РАННИЙ МАТЕРИНСКИЙ КОПИНГ И ЕГО НОРМАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Еремина Ю.А. (Томск)

THE EARLY MOTHER COPING AND ITS STANDARD INDICATORS

Eremina Y.A.

Понятие «Ранний материнский копинг» (РМК) определяется нами как комплекс осознаваемых поведенческих стратегий для преодоления ежедневных проблемных ситуаций, актуализируемых матерью в период раннего возраста ребенка [1]. Целевой направленностью РМК выступает сохранение здоровья и психосоциальное благополучие матери и малыша, построение здоровых детско-материнских отношений, успешность психосоциального развития ребенка и профилактика неявно выраженных отклонений в его развитии [2], [3].

Эмпирическое исследование было организовано на базе ОГБУЗ «Областная детская больница» г. Томска и проводилось в несколько этапов на протяжении 2012–2016 годов. В качестве испытуемых выступили матери и их дети раннего возраста (520 человек). Для изучения структуры РМК были задействованы опросники: «CSI» Амирхана; «CISS» Эндлера; «SACS» Хобфолла; «WCQ» Лазаруса; «SVF-120» Янке.

Результаты обнаружили следующие нормативные показатели РМК: 1. Комбинированное использование «Активных» и «Пассивных» стратегий в совладании с проблемными ситуациями, с доминированием первых (индекс соотношения «Пассивных» и «Активных» стратегий – менее 0,50). 2. Предпочтение конструктивных стратегий с высокими показателями «Активных» и «Просоциальных» по сравнению с «Пассивными» и «Асоциальными» (общий индекс конструктивности не менее 1,1). 3. Предпочтительное обращение (не менее, чем в два раза чаще) к группе «Позитивных» эмоционально-ориентированных стратегий, способствующих снижению стресса, в сравнении с выбором группы «Негативных», которые могут усилить стресс. 4. Наличие в факторной модели РМК таких компонентов как: 4.1 «Позитивно-саморегулирующий» стиль (высокие рейтинги показателей проблемно-ориентированного совладания, отражающегося в преимущественном обращении к стратегиям: «Ассер-

тивность», «Контроль над ситуацией», «Разрешение проблем», «Планирование решения проблемы», «Самоконтроль», «Самообладание», «Самоодобрение», «Позитивная самомотивация», что согласуется с данными полученными Подобиной в ходе исследования копинга молодых матерей [4]). 4.2 «Социальная активность» (универсальный характер использования стратегий, направленных на поиск социального контакта: от поиска сочувствия и понимания у близких до задействования социальных связей для разрешения проблемных ситуаций). 4.3 Стиль «Восстановительно-ревульсивные действия» (способность матери к восстановлению психофизических сил). 4.4 «Эмотивный» стиль (чувствительность ко всему эмоциональному – в процессе детско-материнского взаимодействия мать наряду с сознательной регуляцией своей деятельности, пользуется интуитивными переживаниями состояний ребенка и эмоциями, как способность воспринимать сигналы малыша, точно понимать их значение, реагировать на них быстро и адекватно, качественно и своевременно удовлетворяя его потребности, что согласуются с результатами, полученными Куфтяк при исследовании семейного копинга [5]. Другая сторона такой чувствительности является склонность матерей к эмоциональному восприятию ко всему происходящему вообще, что сопровождается периодическими погружениями в свои переживания, нервным напряжением, раздражением и агрессией, что согласуется с данными полученными Маленовой в ходе исследования влияния эмоциональных состояний на выбор копинга в период раннего родительства [6]). 4.5 «Актуальная ответственность» (определенная тревога, беспокойство за судьбу ребенка, его здоровье, развитие и благополучие в целом, что определяет направленность поведения матери, при этом ответственность по своему содержанию актуальна требованиям ситуации и не взаимосвязана со стратегией «Самообвинение»).

Список литературы:

1. Еремина Ю.А. Ранний материнский копинг и его взаимосвязь с психосоциальным развитием ребенка в возрасте от одного года до трех лет // Научно-педагогическое обозрение Томского гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 37- 47.
2. Короткова Н.А., Федорова Т.А. Стресс после родов – последствия для матери и ребенка // Вестник новых медицинских технологий. 2010. Т. XVII, № 4. С. 139-141.
3. Ишмурагова, Е.М. Дети раннего возраста с неярко выраженными отклонениями в развитии: психолого-педагогическая характеристика и прогноз // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2011. № 1 (15). С. 88-95.
4. Подобина О.Б. Совладающее поведение женщины на этапе принятия роли матери : дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 211 с.
5. Куфтяк Е. В. Психология семейного совладания: дисс. ... д-ра психол. наук. – Кострома, 2011. 477 с.

6. Маленова А. Ю., Боровикова А.В. Влияние эмоциональных состояний на удовлетворенность браком и копинг-поведение супругов в период раннего родительства // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2008. № 2. С. 32-43.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ СОВМЕСТНО С СЕМЬЕЙ И ВНЕ СЕМЬИ

Жукова А.Д., Леончик А.О., Карпова Э.Б. (Санкт-Петербург)

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF YOUNGER ADOLESCENTS LIVING TOGETHER WITH THE FAMILY AND OUTSIDE THE FAMILY

Zhukova A.D., Leonchik A.O., Karpova E.B.

Проведён сравнительный анализ трёх групп мальчиков подростков в возрасте от 11 до 13 лет, проживающих в разных условиях, с целью выявления влияния фактора физической сепарации младшего подростка от семьи на его психологическое благополучие.

В исследовании проверялась гипотеза о том, что физическая сепарация негативно влияет на психологическое благополучие младшего подростка: самооценку, мотивационно-смысловую сферу и тревожность.

Выборка состояла из трёх групп по 20 человек каждая:

- подростки, которые обучаются в школе и проживают дома с родителями («ШК»)
- подростки, которые обучаются в школе, но временно проживают в социальной гостинице («СГ»)
- подростки, которые обучаются и проживают в спортивной школе-интернате («ШИ»)

В качестве методов исследования использовались: методика «Исследование самооценки по методу Дембо-Рубинштейн»; методика диагностики самооценки уровня тревожности Спилбергера-Ханина; метод мотивационной индукции Ж. Нюттена; специально спроектированная невербальный метод «Я и моё ближайшее окружение».

Статистические методы: критерий Колмагорова-Смиронова, критерий U-Манна-Уитни, критерий Краскала-Уоллиса, хи-квадрат Пирсона.

Результаты.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что фактор физической сепарации младших подростков от родителей оказывает влияние

на их психологическое благополучие. Но это влияние зависит от причин сепарации. В группе ШИ сепарация произошла запланировано, с целью развития их способностей, а в группе СГ сепарация произошла внезапно, в результате трудной жизненной ситуации в семье.

В группе СГ наблюдается внутренний конфликт: с одной стороны, в мотивационно-смысловой сфере на первое место по значимости только у этой группы выходит категория “семья”, а с другой стороны, количество близких людей и кровных родственников в субъективной картине своего ближайшего окружения у подростков этой группы статистически значимо меньше, нежели в других группах. Также в этой группе выявлена статистически значимо большая разница между тем, как с точки зрения подростков, их оценивают родители, и их собственной оценкой по шкале «добрый-злой». При этом показатель этой разницы у подростков из группы СГ принимает отрицательное значение в отличие от двух других групп, что свидетельствует о том, что эти подростки предполагали, что родители оценивают их менее добрыми нежели подростки оценивали сами себя. Важно отметить, что в этой группе обнаружена статистически значимо большая разница между такими оценками по шкале «счастливый – несчастный» как разница между идеальной и актуальной, а также возможной и актуальной оценками по сравнению с обеими другими группами.

В группе ШИ также наблюдается внутренний конфликт, но другого типа. Уровень тревожности подростков характеризуется положительной корреляционной связью с предполагаемой оценкой родителями их особенностей и никак не связан с их собственной оценкой себя. При этом в мотивационно-смысловой сфере на первое место по значимости категория “семья” не выходит, а выходят категории «учёба», «профессиональная реализация» и «успех, счастье».

В группе ШК внутренних конфликтов не выявлено. Уровень тревожности характеризуется положительной корреляционной связью с их собственной оценкой себя, в мотивационно-смысловой сфере наиболее значимы категории “учёба” и “досуг”.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ СЕМЬЕ

Зуев К.Б. (Москва)

THE COLLECTIVE REPRESENTATIONS ABOUT FAMILY RESILIENCE

Zuev K.B.

Исследования жизнеспособности активно проводятся, как в нашей стране, так и за рубежом [1,2,3,4,5]. В последние годы сменился фокус исследования семьи в связи с жизнеспособностью. Если раньше семья преимущественно рассматривалась как среда и контекст формирования индивидуальной жизнеспособности, то в современных исследованиях все чаще и чаще говорят о жизнеспособности семьи, как об отдельном явлении, обладающем онтологическим статусом. Однако же процесс концептуализации данного понятия нельзя считать до конца завершенным. Наиболее авторитетной и признанной в мире является концепция Ф. Волш [6], которая выделяет следующие сферы, способствующие жизнеспособности семьи: семейные убеждения, семейные ресурсы и семейную коммуникацию. Однако же концепция Волш зачастую подвергается критике, как не учитывающая контекста проявлений жизнеспособности семьи [7].

Учитывая вышесказанное, нами было проведено исследование, направленное на изучение репрезентации понятия «жизнеспособная семья» в обыденном сознании. Именно концепция социальных представлений, активно разрабатываемая в отечественной науке [8], как представляется, может помочь в понимании понятия «жизнеспособность семьи». Необходимо отметить, что социальные представления о жизнеспособной семье отличаются от представлений о семье в целом.

В исследовании приняло участие 500 человек в возрасте от 18 до 60 лет, проживающих в 7 разных регионах России, отличающиеся по ряду социологических характеристик.

Чаще всего жизнеспособная семья определялась через такие слова, как «любовь» и «уважение». Однако же были выявлены специфические характеристики для разных групп. Так для вдовцов и вдов в ядре социальных представлений находится поддержка и только у данной группы в социальные представления входит «духовность», которая рассматривается зарубежными авторами как один из основных компонентов индивидуальной жизнеспособности. В группе неженатых в ядре социальных представлений находится развитие, а для повторно брачных на первый

план выходит совместный ребенок и принятие решений. Интересно отметить, что для данной социальной группы любовь уходит на ближнюю периферию. Так же хотелось бы остановиться на группе респондентов, состоящих в незарегистрированном браке. Ядро социальных представлений о жизнеспособной семье у данной группы составляет общность. Любовь и другие понятия отходят на периферию.

В целом полученные результаты свидетельствуют о разнице в социальных представлениях у групп в зависимости от семейного опыта. Так же можно отметить различия между выявленными социальными представлениями и теми характеристиками, которые традиционно выделяются в качестве основных для жизнеспособной семьи. Данные результаты могут свидетельствовать с одной стороны о национальной специфике, поскольку основные концепции жизнеспособности семьи принадлежат зарубежным авторам, а с другой стороны о расхождении теоретических моделей с реальностью семейной жизни.

Полученные данные будут дополнены серией интервью с семьями, а так же более детальным анализом, включающим сравнение социальных представлений о семье и жизнеспособной семье.

Список литературы:

1. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 459 с.
2. Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016 – 755 с.
3. Нестик Т.А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 29-61.
4. Handbook of Family Resilience / Ed. Dorothy S. Becvar. Springer International Publishing, 2013, DOI 10.1007/978-1-4614-3917-2
5. Couple Resilience / Ed. Karen Skerrett, Karen Fergus. Springer International Publishing, 2017, DOI 10.1007/978-94-017-9909-6
6. Walsh F. Strengthening Family Resilience, 3rd Edition. The Guilford Press, 2016
7. Family Resilience and Chronic Illness / Ed. Ginger L. Welch, Amanda W. Harrist. Springer International Publishing, 2017, DOI 10.1007/978-3-319-26033-4
8. Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016 – 476 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ О СЧАСТЬЕ

Зырянова Н.М. (Москва)

ATTITUDES ABOUT THE HAPPINESS OF OLDER PRESCHOOLERS

Zyryanova N.M. (Moscow)

Статья посвящена описанию результатов исследования представлений современных старших дошкольников о счастье. Данное исследование является частью продолжающегося проекта изучения образа мира детей старшего дошкольного возраста. Первый этап проекта был проведен в 1992–1998 гг., второй – в 2001 г., третий – в 2009 – 2010 гг. Выбор времени каждого этапа был связан с какими-то значимыми изменениями в социально-экономической ситуации в стране. В 2016 году, в ситуации очередного социально-экономического кризиса, начат очередной этап исследования. Работа поддержана Грантом РГНФ №№16-06-00758.

На каждом этапе проекта с детьми 6 лет, посещающими детские сады г. Москвы, проводилось структурированное интервью, включающее в себя 55 вопросов, направленных на выяснение представлений детей об окружающем мире. Вопросы о счастье были следующими: Что такое счастье? Ты счастлив? Другие дети счастливы? Какие люди счастливы? Какие люди несчастливы? Что нужно, чтобы быть счастливым?

Представления детей о счастье, полученные на первом этапе исследования, описаны в книге «Из жизни детей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире» [1]. Анализ ответов детей, участвующих во втором и третьем этапе проекта, представлен в статье «Счастье есть? Счастливы ли дети в кризис?» [2]. Результаты этих этапов показывают, что вопросы о счастье не являются простым для детей, они заставляют их задуматься. Большинство детей отвечали, что считают себя счастливыми, причем, количество счастливых детей на каждом этапе остается примерно одинаковым. Для них счастье – отражение их общего благополучия («когда у тебя все хорошо», «когда тебя любят», «когда все здоровы»). Но счастливы ли другие дети, многие дошкольники не знали – «некоторые счастливы, а некоторые нет». Счастливые – «богатые», «удачники», «добрые», «кто часто смеется», у кого есть родные и близкие. А для того, чтобы стать счастливым, нужно, «чтобы было всего много», а еще, «чтобы мама любила и не ругала». В целом, анализ ответов в период с 1990 по 2010 годы показал, что, вопреки всем кризисам, ухудшению экономической ситуации, снижению уровня жизни семей, дети ощущали себя счастливыми.

В 2016 году большинство опрошенных старших дошкольников также считает себя счастливыми. Счастье для них – практически то же самое, что и для дошкольников прошлых лет: «когда все радуются», «когда что-то подарили», «когда все хорошо». На вопрос, счастливы ли другие дети, отвечать затрудняются – «про всех же не могу знать». Допускают, что другие дети могут быть и не очень счастливы: «может кто-то и расстраивается». Счастливыми считают людей «хороших», «которые живут богато», «у которых много детей». Но счастливыми могут быть и «не очень хорошие люди»: «которые не работают, у них вечные выходные», или даже преступники – «если они своруют, они будут счастливы. И если их полицейские не найдут, они будут счастливы». Несчастливыми являются, например, те, «кто сидит в тюрьме или просто их в доме родители закрывают, пока они не поработают», «у кого нету друзей, и мама не разрешает им покупать игрушки». А чтобы стать счастливым нужно: «найти друга», «когда все вместе, с мамой и папой», «чтобы денег было побольше... можно покупать, что ты хочешь, например, велосипед».

Можно заключить, что представления детей о счастье остаются стабильным на протяжении всех лет проекта. Обобщая их ответы, можно обобщить, что «счастье – это когда всё у взрослых хорошо и у детей. Им всё нравится, вот, что такое счастье». А чтобы человеку быть счастливым, «надо этому учиться. Когда он научится, он будет счастлив. И всё у него будет хорошо...»

Список литературы:

1. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире. С-Петербург: «Алетейя». 2001. 238 с.

2. Зырянова Н.М. «Счастье есть? Счастливы ли дети в кризис?» [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru> . 0421000116/0044.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ И «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ» У ПОДРОСТКОВ

Исмагуллина В.И., Воронин И.А., Птуха М.В., Малых С.Б. (Москва)

THE RELATIONSHIP BETWEEN SELF-REGULATION AND THE “BIG FIVE PERSONAL TRAITS” IN ADOLESCENTS

Ismatullina V.I., Voronin I.A., Ptukha M.V., Malykh S.B.

В ходе многочисленных исследований выявились отчетливые индивидуальные различия в особенностях саморегуляции, что позволило В.И. Моросановой выделить в качестве самостоятельного феномена – индивидуально-стиль саморегуляции. Индивидуально-стилевыми различиями в саморегуляции характеризуются показатели, являющиеся регуляторными процессами, реализующие основные звенья саморегуляции: планирование целей, моделирование условий, программирование действий, оценка результатов, и регуляторно-личностные свойства: гибкость и самостоятельность [1]. Вместе с тем, факторы личности могут влиять на общее поведение и конкретные цели, а также на источники, на которых основываются стандарты поведения. На самом базовом уровне, личность может влиять на то, в какой степени люди стремятся к желаемым результатам и / или избегают потенциально негативных последствий. Рассмотрение саморегуляции с позиции пяти факторной модели личностных черт, позволяет выделить множество конкретных черт как аспектов пяти основных факторов [2]. В исследовании использовался интеграционный подход, включающего изучение саморегуляции и личности в рамках одной факторной структуры.

В нашем исследовании использовалась методика «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой [3] и NEO-PI-R (Revised NEO Personality Inventory) [4]. В исследовании приняли участие 93 подростка в возрасте от 15 до 17 лет (средний возраст 16,01, стандартное отклонение 1,01). Нами были подсчитаны корреляции между двумя конструктами. В ходе анализа были получены положительная связь между интегральным показателем саморегуляции и фактором добросовестности ($r(91)=0,52, p<0,001$). А также отрицательная корреляционная интегрального показателя саморегуляции и фактором нейротизма ($r(91)=-0,4, p<0,001$).

Полученные результаты согласуются с ранее проведенными исследованиями и ставят возможность проведения дальнейшего исследования о выявление изучения природы этих индивидуальных различий, то есть оценку наследственных и средовых факторов.

Работы выполнены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00824

Список литературы:

1. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998.
2. Gramzow, R. H., Sedikides, C., Panter, A. T., Sathy, V., Harris, J. and Insko, C.A. (2004), Patterns of self-regulation and the Big Five. *Eur. J. Pers.*, 18: 367–385.
3. Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегулирования личности // *Вопр. психол.* 1991. № 1. С. 121127.
4. Орел В.Е., Сенин И.Г. Личностный опросник NEO PI-R. Руководство по применению. НПЦ «Психодиагностика», 2006. – 34 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Камакина О.Ю. (Ярославль)

COMPARATIVE ANALYSIS OF ATTITUDES TOWARDS THE HEALTH OF BOYS AND GIRLS OF PRIMARY SCHOOL AGE

Kamakina O. Yu.

Актуальность изучения специфики отношения к здоровью младших школьников разного пола обусловлена необходимостью развития концепции отношения человека к своему здоровью и практического использования результатов при планировании деятельности по сохранению, укреплению и развитию здоровья мальчиков и девочек младшего школьного возраста. Качество здоровья девочек младшего школьного возраста лучше, чем мальчиков по результатам исследований [1].

Отношение к здоровью содержит следующие компоненты: когнитивный, эмоционально-волевой, деятельностный, ценностный [2].

Формирование отношения к здоровью – сложный социально-психологический процесс, подверженный влиянию внешних и внутренних факторов [3]. Младший школьный возраст является благоприятным для осознания и становления эмоционально-оценочного отношения к своему здоровью [4]. Исходя из вышесказанного мы предположили, что в младшем школьном возрасте когнитивный и деятельностный компоненты отношения к здоровью у девочек сформирован лучше, чем у мальчиков.

В исследовании участвовали 360 детей младшего школьного возраста, их родители, классные руководители данных классов, медицинские работники школ г. Ярославля.

Анализ результатов исследования

Статистически значимых различий между девочками и мальчиками по оценке своего здоровья не выявлено. Младшие школьники имеют более благоприятное субъективное представление о состоянии своего здоровья, чем их родители, могут дифференцированно оценивать качество своего здоровья. Родители мальчиков оценивают здоровье своих детей хуже, чем родители девочек (3,73 против 4,08, $p < 0,05$). Анализ представлений детей младшего школьного возраста о здоровье свидетельствует о разнообразии составляющих, характеризующих все стороны благополучия.

Общие особенности деятельностного компонента отношения к здоровью младших школьников проявляются в ухудшении показателей оптимального режима труда и отдыха, эмоционального благополучия, питания, сна с тенденцией ухудшения к концу начальной школы. Выявлены значимые различия между мальчиками и девочками по качеству сна (3,06 против 3,48, при $p < 0,01$) и по взаимодействию со сверстниками (3,39 против 3,81, $p < 0,05$).

Выявлены значимые различия Идеального Я мальчиков и девочек по характеристикам: красивый (2,78 против 3,43, $p < 0,001$), аккуратный (2,40 против 2,93, $p < 0,001$), веселый (2,42 против 2,70, $p < 0,05$). Реальная самооценка мальчиков по характеристике «красивый» значительно отличается от девочек (3,84 против 4,34, $p < 0,001$). Мальчики младшего школьного возраста проявляют в большей степени, чем девочки замкнутость, доминантность, экспрессивность и низкий самоконтроль. Качество психологического и социального благополучия, восприятие себя успешными в разных сферах жизни у мальчиков имеет больше рисков, чем у девочек.

При изучении взаимосвязи компонентов выявлена взаимосвязь у девочек между когнитивным и деятельностным компонентами ($p < 0,01$), когнитивным и ценностным компонентами ($p < 0,001$), ценностным и деятельностным ($p < 0,01$); у мальчиков – между когнитивным и деятельностным компонентами ($p < 0,01$), когнитивным и ценностным компонентами ($p < 0,05$), ценностным и деятельностным ($p < 0,01$).

Таким образом, можно заключить, что как мальчики, так и девочки имеют разнообразные эмоционально насыщенные представления о здоровье, включающие знания о физическом, психическом, социальном благополучии. Вместе с тем установлено, что деятельностный компонент отношения к здоровью у девочек сформирован лучше, чем у мальчиков, что проявляется в лучшем качестве отдыха, взаимодействии со сверстниками, демонстрации социально желательного поведения.

Список литературы:

1. Параничева Т.М., Бабенкова Е.А., Тюрина Е.В., Орлов К.В. Состояние здоровья и возрастно-половые особенности физического развития мальчиков и девочек младшего школьного возраста // Новые исследования. 2011. Т.1. №28
2. Никифоров Г.С. Диагностика здоровья: психологический практикум // СПб., 2007 (2-е изд., 2011).
3. Соболева Л.Г. Организационные технологии формирования культуры здоровья учащихся учреждений общего среднего образования : автореф. дис. ... канд. мед. наук по специальности 14.02.03 – общественное здоровье и здравоохранение / ГУО «Белорус. мед. акад. последипломного образования». – Минск, 2016.
4. Камакина О.Ю. Отношение к здоровью детей младшего школьного возраста и их родителей / автореф. дис. канд. псих. наук. Ярославль, 2010.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА

Карбанова О.А. (Москва)

VECTORS OF THE MODERN CHILDHOOD DEVELOPMENT

Karabanova O.A.

Детство – период социализации ребенка, переход от одной формы социальности к другой форме социальности (Л.С.Выготский). Особенность современного детства – переход от постфигуративной к кофигуративной и префигуративной культуре (М.Мид) Традиционный канал передачи социокультурного опыта от взрослых – к детям, типичный для постфигуративной культуры меняется на противоположный – взрослые начинают учиться у детей. Взрослость перестает быть ценностью – детские психологические характеристики, образы, формы поведения и творчества (непосредственность, эмоциональность, «детскость» в творчестве и т.д.) все более проникают в мир взрослых. В книге «Исчезновение детства» (1982) Н.Постман пишет, что свидетельством постепенного исчезновения самой категории детства из современного общественного сознания является поток исследований, посвященных детству. После выхода в свет книги Филиппа Ариеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (1962) в психологии рождается «черная» и «белая» легенда о Детстве, противоположно трактующих ценность детства в разные исторические эпохи. Сегодня сохраняют свое значение две версии детства – прагматизм и романтизация. Прагматизм исходит из представления о детстве как прелюдии ко взрослости, обесценивая его. Романтизм, подчеркивая самоценность детства, делает чрезмерный акцент на правах ребенка, которые трактуются как права взрослых, забывая об основном праве ребенка – праве быть ребенком. Это отражается в противополож-

ности систем и методов воспитания – искусственном форсировании и амплификации развития. В.И.Слободчиков, А.Л.Венгер, Б.Д.Эльконин связывали кризис детства с разрывом мира взрослых и мира детей и событийности детско-взрослой жизни, утратой смыслов деятельности и сотрудничества, посредничества. Утрата прежних моделей взросления в силу расхождения процесса присвоения форм культуры, ценностей и результатов образовательной системы – ее ценностей и результатов и системы взросления порождает кризис детства, в котором освоение культуры и взросление было единым процессом. Ведет ли кризис детства к исчезновению детства или к его трансформации? Вектор трансформации и перестройки детства определяет изменение продолжительности и структуры детства как ответ на возникновение новых задач развития, решение которых необходимо для инициации во взрослость. Вектор исчезновения детства – на возникновение нового типа социализации в информационном обществе, где доминирует общедоступность и потребление, обесценивается образование. Признание вектором развития детства его трансформацию требует перестройку моделей взросления на основе социальной экологии детства – междисциплинарного научного направления, ориентирующегося на изучение взаимоотношений детства с миром взрослых и создание условий для сохранения физического и психического здоровья ребенка, развития творческого развивающего потенциала ребенка. Проблемы и задачи, стоящие перед возрастной психологией сегодня: создание психологического портрета «ребенка 21 века» на основе культурно-деятельностного подхода; анализ исторически нового типа детства и систематический мониторинг состояния и тенденций развития детства; психологическое сопровождение внедрения ФГОС дошкольного, начального и общего образования с фокусированием на формировании ключевой компетенции – умения учиться; контроль динамики и содержания развития ребенка на различных возрастных стадиях; обеспечение информационной безопасности детей и подростков; создание профессиональных стандартов деятельности возрастного психолога.

КОГНИТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОНСТРУКТИВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПЕДАГОГА МАНИПУЛЯТИВНЫМ ТАКТИКАМ ПОДРОСТКОВ

Кашапов М.М. (Ярославль)

COGNITIVE DETERMINANTS OF THE TEACHER'S CONSTRUCTIVE CONFRONTATION TO THE MANIPULATIVE TACTICS OF ADOLESCENTS

Kashapov M.M.

Профессиональная коммуникация педагога осуществляется в сложных условиях взаимодействия с разными субъектами образовательного процесса. Более высокий уровень конфликтности проявляется в общении с подростками, поскольку учитель имеет богатый опыт, помогающий ему достигать взаимопонимания с администрацией, коллегами, а также и с родителями [1; 2; 8; 9; 10]. Отношения его с подростками затруднены в силу ряда обстоятельств: во-первых, каждые 5-7 лет появляется новое поколение подростков уже с другими ценностями, идеалами, потребностями; во-вторых, происходит быстрое обновление социально-информационной среды: подростки получают значительно больше сведений в интернете, чем в школе, и усвоение этой информации в очень слабой степени контролируется родителями; в-третьих, динамичная социализация подростков осуществляется посредством их включения в различные виртуальные и реальные сообщества.

Авторитет учителя не дается ему изначально, а завоевывается в условиях напряженного взаимодействия, приобретающего особенно острые формы в общении с подростками, использующими разнообразные средства воздействия на педагога, в том числе и манипулятивные. В проведенных, нами исследованиях установлено, что учащиеся не только имеют представления о конфликтах, но и могут дать нравственную оценку своему поведению в конфликте. Подростки могут сознательно использовать или создавать конфликтные ситуации с целью провокации педагога. Отличие учащихся-макиавеллистов от учащихся-немакиавеллистов заключается в том, что последние нацелены в конфликте на решение проблемы, а учащиеся-макиавеллисты затевают конфликт для ухода от проблемы [3; 5].

В качестве когнитивных детерминант конструктивного противостояния учителя манипулятивным тактикам подростков выявлены следующие особенности педагогического мышления [4; 6; 7]:

– событийность – последовательное установление и осмысление логически вытекающих друг из друга явлений (событий) позволяет твердо

установить факты манипуляции, относительно легко поддающихся суммированию или квантификации;

– абнотивность – нахождение за внешними проявлениями возрастного и личностного протестного потенциала точек позитивного творческого роста подростка;

– надситуативность – осмысление причинно-следственных отношений за пределами конкретной ситуации. Учитель, не способный подняться над ситуацией, эмоционально вовлекается в конфликт, теряет внутреннюю свободу и невольно идет на поводу у учащегося;

– оригинальность – поиск и применение творческих способов противостояния манипуляциям;

– прогностичность – предвидение возможностей применения подростком манипулятивных тактик, ибо при появлении несоответствия между ожиданиями и реально существующей ситуацией возможно возникновение у педагога негативных личностных изменений;

– ресурсность – система когнитивно-личностных, свободно возобновляемых ресурсов учителя, обеспечивающих эффективное достижение педагогической цели в условиях конфликтного взаимодействия.

Таким образом, адекватная реализация отмеченных особенностей педагогического мышления способствует своевременной профилактике конфликтогенных качеств учителя, лежащих в основе его саморазрушающего поведения. Готовность следовать тем или иным нормам и принципам раскрывается в поступках и формируется благодаря их осмыслению.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 16-06-00196а)

Список литературы:

1. Гришина Н.В. Психология конфликта, 3-е изд. – СПб.: Питер, 2015. 576 с.
2. Кашапов, А.С. Акмеологические основы управления конфликтом: учебно-методическое пособие / А. С. Кашапов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. 83 с.
3. Кашапов М.М. Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001, № 1, С. 121-131.
4. Кашапов М.М. Компетентность: понятие, виды, основные подходы к диагностике компетентности психолога / М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева, Е.В. Коточикова // ЧФ: Социальный психолог, 2003. Выпуск № 1 (5). С. 39 – 44.
5. Кашапов М.М. Акмеологические и психологические механизмы творческого мышления профессионала в контексте метакогнитивного подхода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2009. № 5. С. 4-12.
6. Кашапов М.М. Специфика метакогнитивного подхода к пониманию конфликтной компетентности / М. М. Кашапов // Метакогнитивные основы кон-

фликтной компетентности / под науч. ред. проф. М.М. Кашапова; ЯрГУ. – Ярославль, 2012. С. 13 – 104.

7. Кашапов М.М. Метакогнитивное обоснование ситуативности/надситуативности мышления в качестве критерия оценки решения проблемных ситуаций в коммуникациях / М.М. Кашапов, И.В. Серафимович, Т.В. Огородова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 4. С. 189–202.

8. Костромина С.Н. Психология диагностической деятельности в образовании. СПб: Наука. 2007. 492 с.

9. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности. СПб., 1996.

10. Ситников В.Л. Подросток глазами взрослых // Психология подростка. Полное руководство / Под общей редакцией А.А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. С. 385 – 415.

РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Коконцева Е.В. (Москва)

THE ROLE OF SYMBOLIC MEDIATION IN THE DIALECTICAL THINKING OF OLDER PRESCHOOLERS

Kokontseva E.V. (Moscow)

Изучению символического опосредствования в дошкольном возрасте, его особенностей и развития посвящено большое количество работ [1,3,5,6,7,8]. Анализ этих текстов позволяет предположить, что символ, обладающий характеристиками неоднозначности, многоплановости, неопределенности, является средством диалектического мышления, отличительной чертой которого является способность оперировать противоположностями [4]. Помимо этого, А.Ф. Лосев [6], обращаясь к структуре символа, подчеркивает его диалектичность.

Гипотеза исследования состоит в том, что развитие символического опосредствования у старших дошкольников ведет к развитию их диалектического мышления.

В исследовании участвовали две группы детей: экспериментальная и контрольная. (47 и 29 детей соответственно, ср. возраст 5,9 лет). Нами были разработаны и проведены параллельно две программы развивающих занятий, направленных на развитие символического опосредствования у экспериментальной группы и на развитие наглядно – образного мышления у контрольной группы. Условием формирования способности к символическому опосредствованию стало постепенное уменьше-

ние роли взрослого в процессе подбора символа, а так же включение процесса символического опосредствования в игровую и изобразительную деятельность. Детям в процессе занятий предлагалось подбирать символы для обозначения персонажей, предметов или явлений из просмотренных перед занятием мультфильмов. Участники обеих групп проходили диагностику диалектического мышления (методика «Что может быть одновременно», Н.Е. Веракса) [3], наглядно-образного мышления (методика «Рыбка», В.В. Холмовская), а так же способности к символическому опосредствованию (методы разработаны нами) [2] до и после формирования.

Мы установили наличие связи между развитием символического опосредствования и диалектического мышления. Такая связь обнаружилась только при целенаправленном развитии способности к символическому опосредствованию. Исходя из этого, мы можем предполагать, что символ может выступать в качестве средства диалектического мышления у детей старшего дошкольного возраста. А так же нами не было установлено взаимосвязи между диалектическим и наглядно-образным мышлением, что частично демонстрирует самостоятельность развития первого в дошкольном возрасте.

Список литературы

1. Веракса А.Н. Символ как средство познавательной деятельности // Вопросы психологии, 2012. №4. С.62-70.
2. Веракса Н.Е, Коконцева Е.В. Символ как средство диалектического мышления старших дошкольников // Вестник РГГУ. – 2014. – №20(142). – с. 63-77
3. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений.: В 6т. Т .6. М .: Педагогика, 1984. С. 5-90.
4. Диалектическая психология /Под ред. Е.Е. Крашенинникова. Уфа, 2005. 116 с.
5. Дьяченко О.М., Лаврентьева Т.В. Психическое развитие дошкольников. М.: Педагогика, 1984. 128 с.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. 320 с.
7. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
8. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.: Издательство МГУ, 1988. 288 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВОВ РОЖДЕНИЯ И РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК У ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМ ОПЫТОМ МАТЕРИНСТВА

Корниенко Д.С., Радостева А.Г. (Пермь)

BIRTH MOTIVES AND PARENTS' ATTITUDES OF WOMEN WITH DIFFERENT MATERNITY EXPERIENCES

Kornienko D.S., Radosteva A.G.

Мотивы рождения ребёнка оказывают существенное влияние на протекание беременности, отношение женщины к своему положению и ребёнку, на дальнейшую судьбу ребёнка. Выделяют конструктивные и деструктивные репродуктивные мотивации [1]. Конструктивные репродуктивные мотивы характеризуют стремление дать жизнь другому человеку, уникальному и неповторимому. При деструктивных репродуктивных мотивациях материнство не является самоцелью, а ребенок становится скорее средством для достижения иных целей женщины, реализации её сторонних желаний [2]. Первые способствуют укреплению семейных отношений, благополучному рождению, росту и развитию ребенка, а вторые могут отрицательно влиять на семью в целом и ребенка в частности [3].

Выборку исследования составили 590 женщин, разделенные на три подгруппы: беременные женщины (203 чел.), женщины, имеющие ребенка возрастом до 5 лет (233 чел.), женщины, не имеющие детей (154 чел.). Возраст испытуемых во всей выборке от 18 до 40 лет ($M=24,7$; $SD=4,5$).

Были использованы следующие психодиагностические методики. «Измерение родительских установок и реакций» PARI E.C. Шефер и Р.К. Белл (в адаптации Т.В. Нещерет), которая позволила измерить четыре группы установок: 1) отношение к семейной роли, 2) оптимальный эмоциональный контакт; 3) на эмоциональную дистанцию и 4) на излишнюю концентрацию на ребенке.

«Опросник мотивов беременности» позволяет изучить мотивы рождения ребенка, определить мотивационную направленность женщины и спрогнозировать дальнейший сценарий детско-родительских отношения (в системе мать-дитя). Опросник включает три шкалы: деструктивные мотивы, конструктивные мотивы и индивидуалистические мотивы.

В результате корреляционного анализа в группах женщин с разным опытом материнства была установлена специфика во взаимосвязях мотивов рождения ребенка и родительских установок. В группе женщин, не имеющих опыт материнства не обнаружено взаимосвязей, что очевидно, так как для них ситуация рождения или воспитания ребенка на

данный момент не является актуальной. В группе беременных женщин и женщин с детьми показатель «деструктивных мотивов» обнаружил положительные взаимосвязи ($r=0,20-0,30$; $p<0,05$) с «отношением к семейной роли», «излишней эмоциональной дистанции и концентрации на ребенке». Специфичными взаимосвязями для группы беременных являются связи «индивидуалистических мотивов» и «отношения к семейной роли» ($r=0,15$; $p<0,05$), «оптимальный эмоциональный контакт с ребенком» ($r=0,16$; $p<0,05$), а также «конструктивных мотивов» и «излишней концентрации на ребенке» ($r=0,16$; $p<0,05$). Специфичной для выборки женщин с детьми является связь «индивидуалистических мотивов» и «излишней концентрации на ребенке» ($r=0,18$; $p<0,05$).

Подводя итог, обнаруженным результатам можно утверждать, что деструктивные мотивы рождения ребенка для беременных женщин и женщин с детьми усиливают негативные установки приводя к дистанцированию от него или наоборот излишней концентрации и восприятию ребенка как средства достижения собственных целей. Конструктивные мотивы у беременных женщин и индивидуалистические мотивы у женщин с детьми способствуют большей концентрации на ребенке.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-16-59001.

Список литературы:

1. Добряков И.В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010. 272 с.
2. Стоянова И.Я., Магденко О.В. Мотивации деторождения беременных женщин в ракурсе становления материнской идентичности [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 3 (14).
3. Эйдемиллер Э. Юстицкис Психология и психотерапия семьи. 4-е издание, переработанное и дополненное. СПб: Питер, 2008. 672 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ ПРИ ОСВОЕНИИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

*Костромина С.Н., Москвичева Н.Л., Даринская Л.А.,
Молодцова Г.И. (Санкт-Петербург)*

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF GENERATIONS IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL SPACE

*Kostromina S.N., Moskvicheva N.L., Darinskaja L.A.,
Molodtsova G.I. (Saint-Petersburg)*

Изучение психологических аспектов прародительства и взаимодействия поколений в последнее время все больше привлекает внимание

исследователей. В современной литературе раскрывается важная роль старшего поколения в хранении и трансляции жизненного опыта и ценностей [1], в формировании у молодого поколения моделей взаимодействия с другими членами семьи [2, 3]. С позиции психологии личностного развития пожилой возраст понимается как новый этап жизни, период конструирования личностных смыслов и раскрытия потенциалов, расширения психологического пространства жизни [4], в то время как определяющей характеристикой подростков можно считать рассогласование потребностей и реальных возможностей их реализации, потребность формирования представлений о себе и мире [5]. И тех, и других можно рассматривать как поколения, находящиеся в кризисных периодах своей жизни и нуждающиеся в поддержке со стороны родных людей.

В этом смысле можно говорить об актуальности исследований, направленных на выявление сфер возможного взаимодействия между поколениями, точек их соприкосновения. Одной из таких сфер, стремительно развивающихся в настоящее время, является включение людей всех возрастов в цифровое пространство. Во многих странах разрабатываются проекты, направленные на вовлечение пожилых в цифровой мир с целью расширения возможностей их самореализации в социуме, однако внедрение проектов на практике выявило значительные индивидуальные различия в успешности обучения и множественные психологические барьеры [6,7].

Цель проведенного пилотажного исследования – сравнительный анализ оценок возможностей пожилых в освоении цифровых технологий представителями старшего и младшего поколений.. Выборку составили 68 респондентов в возрасте от 58 до 84 лет, средний возраст 69,62 (51 женщина, 17 мужчин), и 163 подростка (91 девочка, 72 мальчика), средний возраст 13,27, проживающие в городах (С.-Петербург, Москва, Нижний Новгород). Методы исследования – полуструктурированное интервью, анкетирование.

Результаты показали сходство поколений в оценке потенциальных возможностей пожилых людей (67,7% пожилых респондентов и 87,2% подростков указали, что пожилые люди «могли бы больше пользоваться возможностями цифрового пространства, если бы им кто-то помогал»). Сходно мнение о том, что помочь им могут другие члены семьи: по мнению пожилых, это дети (выбрало 60,3%), внуки (69,1%), более молодые коллеги (18,2%), специальные курсы (16,2%); по мнению подростков, помочь могут дети и другие родственники (76,1%), внуки (73,6%), более молодые коллеги (23,3%), специальные курсы (22,7%). Основными препятствиями в освоении цифровых технологий пожилые люди и подростки называют недостаток знаний и умений (50% и 62,0% соответствен-

но), сложность цифровых процедур (23,5% и 26,4%) и неуверенность в собственных силах (16,2% и 24,5%). Проблемы, связанные со здоровьем, упоминались пожилыми респондентами в 13,2%, а подростками – в 31,3% ответов. Объединяющей характеристикой можно считать сходство эмоций, выраженных представителями разных поколений: 48,5% пожилых людей испытывают позитивные эмоции, и 61,3% подростков радуются при удачах бабушек и дедушек, особенно если что-то «получилось»; 26,5% пожилых опрошенных и 28,2% подростков одновременно «сожалеют», что старшие не освоили больше предоставляемых возможностей.

Полученные данные позволяют сделать вывод о возможных точках соприкосновения поколений в сфере освоения цифровых технологий как в плане разработки научно обоснованных социальных программ межпоколенного взаимодействия при обучении пожилых, так и внутри семьи.

Список литературы:

1. Куницына В.Н., Васина Е.В., Казанцева Т. В., Кузнецова И.В. Трансляция ценностей в семье: концепция, методы исследования, некоторые результаты и перспективы // *Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына.* СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. С. 7-17.
2. Ермолаева М.В. Жизненный опыт как критерий личностного развития личности в старости // *Мир психологии.* 2007. №3. С.145-152.
3. Краснова О. В. Роль бабушки: сравнительный анализ // *Психология зрелости и старения.* 2000. № 2. С. 89– 114
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003. 488 с.
5. Психология подростка. Полное руководство // под ред. А.А. Реана. М.: Прайм-Еврознак, 2008. 512 с.
6. Солдатова Г.У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
7. Tak, S.H., Beck, C., McMahon, E. (2007). Computer and Internet access for long-term residents: perceived benefits and barriers. *J. of Gerontol Nurs,* 33(5), 32-40.

**ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
И УСПЕШНОСТЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Курбанова А.Т., Нигматуллина И.А. (Казань)

**PROGNOSTIC COMPETENCE AND SUCCESS
OF SOCIALIZATION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN
WITH DEVELOPMENTAL DISABILITIES: STATEMENT
OF THE PROBLEM**

Nigmatullina I.A., Kurbanova A.T.

В центре исследования – проблема изучения способности к прогнозированию, актуальность которой определяется необходимостью объяснения психологического содержания трудностей социализации и возникновения различных форм девиантного поведения у детей с ограниченными возможностями здоровья. Это обусловлено, с одной стороны, ростом девиаций в подростковой среде. С другой стороны, особенности современной социокультурной ситуации и курс государства на успешную социальную интеграцию лиц с ограниченными возможностями здоровья повышают требования к качеству образования и социализации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Это формирует цель данного исследования: изучение в пред-подростковом возрасте внешних и внутренних психологических факторов риска возникновения девиантного поведения, мишеней психолого-педагогического воздействия в превенции девиаций и личностных ресурсов ребенка для достижения успешной социализации. Основопологающим методом работы является компаративный анализ российских и зарубежных исследований проблем успешной и неуспешной социализации младшего школьного возраста как этапа протекания социализации детей с ограничениями жизнедеятельности, развития прогнозирования и его особенностей у младших школьников в норме и дигногенезе.

Проведенный анализ различных методологий, научных школ, основных теоретических моделей и концептуальных подходов к определению феномена «социализация» позволил расширить научное представление о содержании понятий успешной и неуспешной социализации применительно к младшим школьникам с ОВЗ, определить ключевые критерии структурного анализа содержания эффективного социализационного процесса. Было предложено авторское понимание наиболее значимых

для социализации сфер жизнедеятельности младших школьников с дефицитным типом дизонтогенеза, недостаточное освоение которых может содержать риски последующего возникновения девиаций. В качестве таких значимых сфер выделены отношения в семье, отношение к учению, отношения с учителем (учителями), отношения со сверстниками, отношения со взрослыми, отношения в интернет-реальности, отношения в сфере охраны здоровья и реабилитации. Показано, что эти сферы могут отличаться характеристиками прогнозирования и выступать в качестве пространства развития прогностических способностей младшего школьника с ограничениями здоровья.

Результаты проделанного анализа процессов социализации показывают как отсутствие целостных концепций социализации в младшем школьном возрасте, так и недостаточность эмпирических исследований конкретных составляющих социализации. Это особенно отчетливо проявляется в отношении отклоняющегося развития, в том числе дефицитного дизонтогенеза.

Полученные в исследовании данные подтверждают необходимость углубленного изучения психологического содержания у младших школьников с нарушениями развития трудностей и ресурсов процесса социализации. В качестве интегративного образования, которое может быть использовано как предиктор успешной социализации либо рисков возникновения девиаций, может выступать прогностическая компетентность. Показана необходимость дальнейшего теоретического и эмпирического изучения специфики прогнозирования младших школьников с учетом структуры пространства социализации младших школьников и особенностей социализации в нормогенезе и дизонтогенезе. Результаты проделанного теоретического анализа позволяют наметить направление дальнейших исследований и методических разработок в области изучения прогностической компетентности младших школьников с нарушениями развития. Необходимо создание теоретических моделей, позволяющих оценивать благополучие процессов социализации младших школьников с различными нарушениями, в том числе с дефицитным развитием, эмпирически изучать их успешность и своевременно выявлять предикторы возникновения в последующем различных форм девиантного поведения.

Ключевые слова: социализация, успешная/неуспешная социализация, способность к прогнозированию, прогностическая компетентность, антиципация, младший школьный возраст, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научно-исследовательского проекта № 17-16-16004 «Прогностическая компетентность младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в пре-венции девиаций»

Список литературы

1. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие. СПб.: Речь. 2005. 445с. URL:http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2013/04/%D0%BC%D0%B5%D0%BD_1.pdf

2. Akhmetzyanova A. I. The theoretical analysis of views on anticipatory function of mental reflection development // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol.11, №7. P.1559-1570. DOI: 10.12973/ijese.2016.359a.

3. Змановская Е. В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия. 2008. 288с. URL: <http://edu.vspu.ru/doc/user/2662/593/Deviantologiya.pdf>.

4. Социализация детей с ограниченными возможностями в условиях интегративного и инклюзивного образования: из опыта работы участников фееральной стажировочной площадки: Сборник материалов электронной конференции / Под. ред. Г.П.Шереметовой, Я.Ю.Мостовской, Кострома: Костромской областной институт развития образования. 2015. 210 с. URL: http://www.eduportal44.ru/koiro/st_pl/siteassets/Sbornik2015.pdf

5. Tvardovskaya A. A., A. I. Akhmetzyanova, T. V.Artemyeva , I.A. Nigmatullina. Anticipation Phenomenon in the Structure of Deviance: Analytical Research Review / A.A. Tvardovskaya, A. I. Akhmetzyanova, T. V.Artemyeva , I.A. Nigmatullina // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS). Vol 3. №1. 2016. P.418-425. URL:<http://ijhcs.com/index.php/ijhcs/issue/view/18>

6. Akhmetzyanova A.I. The theoretical analysis of views on anticipatory function of mental reflection development // Mathematics Education. 2016. 11. №4. P.683-694. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-84979709406&partnerID=40&md5=8b41513328e23fabb5e0ab4501863822>.

7. Akhmetzyanova A.I., Artemyeva T.V., Nigmatullina I.A., Tvardovskaya A.A. Anticipation in the structure of psychological mechanisms of deviance: Analytical research review // Man in India, 2017. 97 (14) P. 251–265.

ЗАЩИТНАЯ СИСТЕМА В МЛАДШЕМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Куфтяк Е.В. (Кострома)

PROTECTIVE SYSTEM IN PRESCHOOL AND JUVENILITY

Kuftyak E.V. (Kostroma)

Защитная система человека является продуктом действия врожденных механизмов, процессов развития и научения, накопления индиви-

дуального жизненного опыта [1]. Согласно современным тенденциям развития исследования проблемы адаптации [2] и жизнеспособности [3] важнейшей исследовательской задачей является поиск влияния механизмов психологической защиты и стратегий совладания на исход адаптации к агрессивным средовым воздействиям [4].

Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязанности конструктов механизмов психологической защиты и копинг-стратегий, и их вариантов интеграции. Всего в исследовании приняли участие 333 человека. Из которых – 121 ребенок младшего возраста (средний возраст 5.9 лет, 69 мальчиков, 52 девочки). 212 испытуемых юношеского возраста (девушки – 111 человек, юноши – 101), средний возраст – 18.1 лет.

Для изучения психологических защит у молодых людей использовался опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI, Р. Плутчик; Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников, 1996), для дошкольников его модифицированный вариант – «Карта оценки детских защитных механизмов» (Е.В. Чумакова, 1999). Для определения интенсивности видов психологических защит у юношей и девушек использовался «Опросник стилей защиты» (DSQ 40, 1993; Е.В. Куфтяк, 2016). Изучение совладающего поведения у дошкольников проводилось с помощью методики «Опросник копинг-стратегий детей младшего возраста» (И.М. Никольская, 2000), в юношеском возрасте использовался «Опросник о способах совладания» (WCQ, 1988; Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляева, 2004). Оценка жизнеспособности проводилась с помощью «Шкала факторов жизнеспособности» (RFS, 2008; Куфтяк, 2016).

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. На этапе дошкольного возраста девочки имеют более широкий репертуар психологических защит по сравнению с мальчиками. С возрастом репертуар использования психологических защит увеличивается.

2. Наблюдаются половые различия в выборе механизмов психологических защит в младшем и юношеском возрасте. К типичным женским механизмам психологических защит относится компенсация, к типичным мужским механизмам психологических защит – проекция и рационализация (интеллектуализация).

3. Существуют возрастные различия в использовании незрелых и зрелых защитных механизмов. С возрастом возрастает ориентация на использование зрелых защитных механизмов.

4. В дошкольном возрасте стратегии совладания, ориентированные на социально одобряемые способы поведения (детские виды деятельности, социальные контакты) сопряжены с психологическими защитами невротического уровня. Высокий уровень использования детской актив-

ности, социального взаимодействия с окружающим миром подкрепляет использование более адаптивных психологических защит, что несомненно указывает на сохранность здоровья детей. Активное использование дошкольниками пассивно-избегающих копинг-стратегий связано с использованием незрелых психологических защит, что указывает на невозможность принятия окружающей реальности и проблемы в психическом здоровье.

5. В юношеском возрасте эффективные копинг-стратегии сопряжены со зрелыми психологическими защитами. Выбор самоконтроля, принятие ответственности, положительная переоценка, жизнеспособность связаны с защитными механизмами юмор, антиципация худшего и сублимация. Отказ в юношеском возрасте от эмоциональной вовлеченности в проблему (дистанцирование), низкий уровень жизнеспособности и реагирование по типу уклонение (бегство-избегание) сопряжены с незрелыми психологическими защитами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-36-00038)

Список литературы:

1. Cramer P. Defense Mechanisms: 40 Years of Empirical Research // Journal of Personality Assessment. 2015. Vol. 97(2). P. 114–122.

2. Сергиенко Е.А. Контроль поведения в континууме защитного поведения // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 311-328.

3. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.

4. Куфтяк Е.В. Психологическое здоровье и защитные механизмы (психологические защиты и совладание) в детском возрасте // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.05.2017).

ПОНИМАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО МИРА ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лебедева Е.И. (Москва)

UNDERSTANDING THE MENTAL WORLD BY PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Lebedeva E.I. (Moscow)

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи распознавания ментальных состояний, понимания коммуникативных намерений

говорящего в естественных ситуациях, в процессе общения и развития понимания неверных мнений (как ключевых аспектов модели психического). Это поможет понять, насколько когнитивные способности детей к пониманию ментального мира действительно связаны с их пониманием внутреннего мира людей в повседневной жизни.

В исследовании участвовали 30 учеников 1-ых классов московских школ в возрасте от 7 лет 1 мес. до 8 лет 10 мес. ($M_e = 7$ лет 9 мес., 20 мальчиков).

Оценка развития модели психического проводилась с использованием задач на понимание визуальной перспективы и задач на понимание неверных мнений 1-го порядка (оценить мнение персонажа относительно местоположения объекта, который в его отсутствие второй персонаж перекладывал в другое место) и 2-го порядка (оценивается не просто мнение одного персонажа, а мнение одной персоны о мнении другой). Данные задачи были заимствованы нами из теста на понимание ментального мира (Theory of Mind Task Battery), разработанного Т. Хатчинс с коллегами [3].

Для оценки развития понимания ментальных состояний других людей в ситуациях, максимально приближенных к естественным, использовались методика, направленная на оценку развития понимания коммуникативных намерений в ситуации обмана из альтруистических и эгоистических соображений [2] и тест «Понимание ментальных состояний человека по выражению его глаз» (“Reading the Mind in the Eyes”) (версия для детей), разработанный С. Бароном-Коемом [1].

Для оценки уровня интеллектуального развития, как необходимого условия изучения модели психического, мы использовали тест «Цветные прогрессивные матрицы Равена». Уровень интеллектуального развития детей, участвовавших в исследовании, характеризовался как «средний» и выше по результатам теста, что соответствует задачам исследования.

Результаты исследования показали, что большинство детей 7-8 лет справляются с задачами на понимание неверных мнений 1-го порядка (когда нужно понять различие между своим собственным мнением о ситуации и мнением Другого), но еще не могут приписать неверное мнение одному персонажу о ментальных состояниях другого персонажа (задачи на понимание неверных мнений 2-го порядка).

При сопоставлении показателей результатов выполнения детьми заданий, направленных на развитие различных аспектов понимания ментального мира была выявлена взаимосвязь только между распознаванием ментальных состояний по выражению глаз людей и пониманием намерений говорящего в ситуации обмана ($r=0,426$, $p=0,019$). Это результат может быть следствием того, что понимание неверных мнений и по-

нимание ментальных состояний другого по мимике (выражению глаз), а также понимание коммуникативных намерений могут быть иметь два разных основания под собой.

В дальнейшем мы планируем расширить выборку исследования и проверить гипотезу об опосредующем влиянии интеллектуального уровня на понимание ментального мира, как в тестовых задачах, так и в ситуациях, приближенных к естественным.

Исследование выполнено в рамках подхода «модели психического» (Theory of mind) при финансовой поддержке РФФИ (грант № 15-06-10701) и является частью продолжающегося в настоящий момент лонгитюдного исследования взаимосвязи развития саморегуляции и понимания себя и другого в младшем школьном возрасте.

Список литературы:

1. Baron-Cohen S., Wheelwright S., Hill J., Raste Y., Plumb I. The “Reading the Mind in the Eyes” test revised version: A study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism // Journal of child psychology and psychiatry. 2001. V. 42. № 2. P. 241–251.

2. Happé F.G.E. An advanced test of theory of mind: Understanding of story characters’ thoughts and feelings by able autistic, mentally handicapped, and normal children and adults // Journal of Autism and Developmental disorders. 1994. Vol. 24. № 2. P. 129–154.

3. Hutchins T.L., Bonazinga L.A., Prelock P.A., Taylor R.S. Beyond false beliefs: The development and psychometric evaluation of the Perceptions of Children’s Theory of Mind Measure – Experimental Version (PCToMM-E) // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2008. Vol. 38. № 1. P. 143–155.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ИГРА КАК МЕХАНИЗМ ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Мануйлова О.В. (Ростов-на-Дону)

REFLEXIVE GAME AS A MECHANISM FOR THE PREVENTION OF YOUTH EXTREMISM

Manuylova O.V. (Rostov-on-Don)

Актуальность темы профилактики экстремизма в молодежной среде обусловлена наличием целого ряда социально-экономических и социокультурных факторов. Особенно острыми являются противоречия в тех регионах, где население имеет многонациональную структуру, представленную различными этническими, культурологическими, конфессиональными группами. К таким районам относится Юг России, Нижнее

Поволжье, Северный Кавказ [1, с.108]. Используя рефлексивную игру в качестве профилактики экстремизма в молодежной среде, мы обращаемся к содержательным и смысловым структурам творческого мышления, в процессе которого развиваются операциональный, предметный, рефлексивный и личностный компоненты [4;5]. При разработке и проведении рефлексивной игры нами учитывались основные положения и подходы к изучению типологии экстремизма на юге России, которые были воплощены в пилотной методике К.А.Бабиянц [2]. Так же основным элементом исследования являлась реакция фрустрации как ответ на ситуацию вовлечения, теракта и экстремизма [3]. Целью нашего исследования стало изучение интеллектуальной, эмоциональной, личностной рефлексии у молодых людей студенческого возраста в конфликтных, пограничных, постконфликтных и неконфликтных регионах России и СНГ, проведение рефлексивной игры по формированию и развитию этих видов рефлексии. Методами исследования стали: методика изучения причин и факторов роста экстремизма в молодежной среде К.А. Бабиянц, методика Индивидуально-типологического опросника Л.Н. Собчик, методика определения уровня рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Пономарева, методика определения рефлексивности мышления О.С. Анисимова, тест на оценку самоконтроля личности в общении М. Снайдера. Участвовали студенты вузов в равном количестве девушки и юноши от 16 до 25 лет, всего 200 человек, представители вузов Юга России, и Северного Кавказа. Были получены первые результаты, свидетельствующие о том, что доминирующим типом реакции студенческой молодежи на вовлечение в экстремистскую группировку, проявления экстремизма и угрозы террористического акта являются реакции самозащиты с направленностью на источник фрустрации (в 40 % случаев), фиксация в виде переживания на источнике фрустрации (в 35 % случаев, реакция свойственная, в основном, девушкам), и в 25 % случаев реакции распределились между самозащитой с принятием на себя ответственности за разрешение возникшей ситуации (15% - юноши) и надеждой на то, что ситуацию должны разрешить компетентные органы полиции, МЧС, спецназа (10% случаев). Были исследованы рекомендации о наиболее конструктивных типах поведения в ситуациях вовлечения в экстремистскую группировку, угрозы террористического акта, проявления экстремизма.

В качестве практической значимости, помимо полученных эмпирических данных для лучшего понимания формирования и развития рефлексивности и профилактики экстремизма в молодежной среде, можно выделить психологические рекомендации для студентов, которые смогут справиться с ситуацией вовлечения в экстремистскую группировку: развивать критическое мышление; тренировать уверенное поведе-

ние; развивать умение конструктивно и толерантно отстаивать свою точку зрения; учиться говорить «нет». Дальнейшими перспективами работы являются изучение индивидуально-типологических особенностей молодых людей и девушек студенческого возраста и их взаимосвязь с типами реакций в ситуации фрустрации проявления экстремизма в молодежной среде.

Список литературы:

1. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник. Под ред. И.В.Абакумовой, П.Н.Ермакова. М.: КРЕДО, 2013, 412 с.

2. Бабиянц К.А. Научно-исследовательские и психокоррекционные возможности методики по устранению причин и факторов роста экстремизма в молодежной среде // Научно-методический журнал «Психология в вузе». 2011. С. 13-52.

3. Словарь иностранных слов. Под ред. И.В.Лёхина и проф. Ф.Н.Петрова. М.: ГИИиНС, 2013, с. 687.

4. Держач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998. 452 с.

5. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии // Научно-методический журнал «Психология в вузе». 2011. № 5. С. 3-12.

СЕМЬЯ: КРИЗИС ИЛИ РАЗВИТИЕ

Николаева Е.И. (Санкт-Петербург)

FAMILY: CRISIS OR DEVELOPMENT

Nikolaeva E.I. (Saint-Petersburg)

С середины XX века по настоящее время идет разговор о кризисе традиционной семьи и семейных ценностей. Изменения в семье обусловлены утратой значения хозяйственной функции семьи и существенным ростом функции личностного роста каждого члена семьи.

Постоянно возникают идеи о возвращении к стабильной семье из трех поколений, описанной Э. Дюркгеймом (1995) в конце XIX века, ошибочно считавшим ее единственным вариантом семьи того времени. Однако такая семья, будучи внешне стабильной, была конфликтной.

Изменение функции ведет к потребности в ограничении рождаемости, которая основывается на сочетании объективных и субъективных факторов. Желание все большего числа женщин не прекращать трудовую деятельность, возросшие требования к качеству жилья и досуга,

личному общению с ребенком являются важнейшими причинами сокращения рождаемости. Дети не нужны ни как рабочая сила, ни как гаранты обеспечения в старости (Matheny, McWhirter, 2013). Для помощи ребенку в раскрытии потенциала личности и эмоционального общения с ним нужно время, а потому для семьи порой достаточно уже одного или двух детей. Наши данные свидетельствуют о том, что и общий интеллект, и модель психического (Николаева, Фомина, 2013) у ребенка тем выше, чем выше порядок ребенка в семье, чем меньше детей в семье, чем старше отец при рождении ребенка и чем выше образование матери. Следовательно, практические результаты соответствуют новым задачам семьи.

В XX столетии личность выходит из-под контроля кого бы то ни было и стремится самостоятельно строить собственную жизнь, входя в семью на основе равенства, а не подчинения. Подобная идея предполагает возможность развития внутреннего мира человека, смены его представлений на разных этапах жизненного пути, возможность расторжения прежнего брака и заключения нового (Николаева, 2017).

Если согласиться с представлением, что будущее семьи – это супружеская семья, то нет необходимости искать причины кризиса семьи, хотя, возможно, брак может и исчезнуть. Есть свидетельства нового развития семьи. Усиление роли индивидуальности создало видимость семейного кризиса: увеличение числа разводов, выход женщины на арену общественной и политической жизни, планирование рождаемости супругами, активное участие детей в жизни семьи. Однако это – не свидетельство кризиса, но признаки конструирования новых семейных отношений, удобных для развития индивидуальности. Все больше появляется людей, которые согласны с Б. Расселом (2004) в том, что трудно сохранять счастье с одним человеком более восьми лет совместной жизни.

Следовательно, семья будет существовать и в дальнейшем, однако какой она будет – зависит в том числе от ныне живущих юношей и девушек.

Список литературы:

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составл., послеслов. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
2. Николаева Е.И. Психология семьи. СПб.: Питер, 2017.
3. Николаева Е.И., Фомина И.А. Факторы, влияющие на формирование модели психического у детей 5-7 лет // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. Т1, №29. С. 69-76.
4. Рассел Б. Брак и мораль / Пер. с англ. Ю. Дубровина. М.: Крафт+, 2004.
5. Matheny J., McWhirter E.H. Contributions of social status and family support to college students' career decision self-efficacy and outcome expectations// J. Career Assess. 2013. V. 21 P. 378–394.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭТНОСОЦИАЛИЗАЦИИ ДОШКОЛЬНИКОВ

Николаева Э.Ф., Николаева С.Ю. (Тольятти)

PSYCHOLOGICAL CONDITIONS JETNOSOCIALIZACU PRESCHOOLERS

Nikolaeva E.F., Nikolaeva S.Y.

Национально-культурное своеобразие социальной среды, окружающей ребенка на ранних этапах социализации характеризуется множеством компонентов. Культура – это сфера всей человеческой жизни во всем пространстве истории, выраженная в продуктах деятельности, творчества и в человеческой духовности.

Каждая этническая культура содержит в себе историю своего народа, способы организации жизни и отношений людей, предметы деятельности, язык, способности и духовные силы (нравственность, эстетизм, мировоззрение), особенности общения, идеологию и вероисповедание, социальные нормы и правила, выраженные в традициях, обычаях и нравах. То есть, этнокультура – это средовые нормы и правила, в которых непосредственно осуществляется развитие и социализация личности, это тот самый мезофактор, который определяет специфику человека и обогащает его индивидуальность.

Этнокультурация в дошкольных возрастах имеет свою специфику. Трансмиссия культуры происходит вертикально, передаваясь от родителей, рода, и непрямым методом, путем научения в социальных институтах. Горизонтальная культурация - это освоение ребенком этнокультуры при взаимодействии с другими людьми в такой среде, где пересекаются многие культуры, образуя полиэтническое поле. Оно имеет спонтанный характер, но в рамках социальных институтов, в данном случае – в дошкольных учреждениях.

Результаты психологических исследований показывают, что современные условия считаются сложными для этнокультурной социализации детей и молодежи и даже этнокультурная осведомленность страдает из-за ограниченности проявлений таких компонентов культуры, как традиции, обычаи и язык.

Осведомленность человека это когнитивное образование, выражающееся в способности человека идентифицировать явление или предмет в повседневной жизни, т.е. не только знать его, но и иметь эмоционально-чувственную реакцию, что в комплексе обнаруживает себя в отношении к этому явлению или предмету осведомленности.

В рамках этносоциализации детей дошкольного возраста этнокультурная осведомленность становится предметом не только исследования, но и формирования. Формирование этнокультурной осведомленности детей в дошкольном учреждении представлено целенаправленным процессом психолого-педагогической деятельности, целью которой является усвоение воспитанниками этнокультурных знаний и представлений.

Этнокультурная осведомленность детей дошкольного возраста включает в себя такие категории, как:

- знакомство с продуктами народного творчества
- знакомство с национальными языками;
- знакомство с социальными нормами, традициями, праздниками.

Такое содержание создает этноустановки личности воспитанников, которые будут связаны с их положительным эмоциональным переживанием, что явится механизмом общей социализации ребенка дошкольного возраста. Применение исследовательских методов для изучения сложной для этого возраста проблемы, позволил нам получить информацию об этнических представлениях, установках, традициях семьи, а также их смысловые и содержательные составляющие. Анализ составляющих создают возможности для разработки психолого-педагогической программы, направленной на создание условий межкультурной коммуникации, на построение развивающей среды, которые обеспечат условия межэтнического и межпоколенческого взаимодействия (педагоги – родители – дети) и этносоциализации с сохранением их этнической идентичности.

Список литературы:

1. Николаева, Э.Ф. Проблема социализации и самореализации на ранних этапах онтогенеза личности./Э.Ф.Николаева. Сб.научных трудов, Прикладные исследования психологии личности /выпуск 1, – Тольятти, изд-во ТГУ, 2009.
2. Николаева, Э.Ф., Николаева, С.Ю., Смолякова, Е.В. Этносоциализация дошкольников в условиях многонациональной и поликультурной среды / Актуальные вопросы психологии детства // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.- Казань: Отечество, 2013. – 154 с. 143-147.

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ У МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

*Никонорова С.А., Попова Р.Р., Шайхуллина Г.И.,
Кочеткова Е.А. (Казань)*

THE CHARACTERISTICS OF EXECUTIVE FUNCTION OF PRESCHOOLERS (BOYS AND GIRLS)

Popova R.R., Nikonorova S.A., Shaikhullina G.I., Kochetkova E.A.

Ключевые слова: регуляторные функции, дошкольный возраст.

Становление регуляторных функций (executive functions, далее EF) в дошкольном возрасте представляет собой большой интерес, поскольку характеризует психическое развитие ребенка [1]. Особенно значимо исследование EF в контексте определения готовности ребенка к школе. Согласно концепции А Мияки (2000) [5], которая называется «единство с разнообразием», к регуляторным функциям относят три независимых компонента: рабочая память, переключаемость внимания и задержка доминантной, но не адекватной реакции. В настоящее время очевидно, что готовность ребенка к школе определяется сложным сочетанием когнитивных, эмоциональных и социальных факторов. Формирование готовности ребенка к школе связано с важнейшими новообразованиями дошкольного возраста [2]: способностью к произвольной регуляции поведения, формированием устойчивого отношения к себе и к другим, способностью к децентрации, пониманием взаимосвязи различных явлений. При изучении готовности детей к школе большое значение имеет понимание различий в формировании этой готовности у мальчиков и девочек. Такие различия были обнаружены в структуре речи, памяти, образно-логического мышления, физической работоспособности [3]. Особенности регуляторных функций (EF) у мальчиков и девочек изучались мало, имеются исследования на большой выборке дошкольников г. Москвы [4]. В связи с этим целью нашей работы явилось изучение особенностей регуляторных функций у мальчиков и девочек в дошкольном возрасте. Исследование проводилось на базе муниципальных и частных детских садов города Казани и Зеленодольска. В исследование приняли участие 98 детей в возрасте от 5-6 лет, которые посещали старшую группу детского сада. Для исследования регуляторных функций были использованы методики: «Dimensional Change Card Sort» (DCCS) для выявления способности ребенка регулировать свое поведение; «Inhibition» (NEPSY – II) для определения уровня развития таких регуляторных функций как внимание, переключение, торможение и самоконтроль;

«Memory for designs» (NEPSY – II) для определения уровня развития зрительной памяти ребенка; Sentence Repetition (NEPSY II) – для изучения вербальной памяти. Для статистической обработки полученных результатов была использована программа SPSS. Сравнение средних значений проводилось с применением однофакторного дисперсионного анализа, статистический анализ показал наличие достоверных различий по ряду параметров. Девочки в отличие от мальчиков достоверны лучше запоминают целостный образ предъявленной картинке (Memory for Designs); они получают больше бонусных баллов во всех пробах методики за счет большей точности воспроизведения и формы, и содержания картинке одновременно. Девочки лучше включаются в работу, совершая меньшее количество ошибок в пробах на классификацию по цвету (DCCS), тратят значительно меньше времени (Naming Shapes) на название фигур, чем мальчики. В дальнейших пробах на классификацию (PostSwich, Borders) различие между мальчиками и девочками нивелируется. Также обнаружены следующие тенденции: девочки лучше воспроизводят услышанное ($p=0,07$) и несколько лучше исправляют ошибки в пробе на название формы ($p=0,09$). В целом можно отметить, что различия в регуляторных функциях у мальчиков и девочек существуют: у девочек в старшем дошкольном возрасте наглядная памяти сформирована лучше, чем у мальчиков; девочки в целом быстрее включаются в процесс решение когнитивных задач; торможение доминантных, но не адекватных реакций у девочек протекает лучше, чем у мальчиков.

Список литературы

1. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Развитие ребенка в дошкольном детстве. – М.: Мозаика-Синтез, 2006 – 72 с.
2. Эльконин Д. Б. Детская психология. М.: Академия, 2005. 384 с.
3. Криволапчук И.А., Кесель С.А. Гендерные особенности структуры готовности детей 6 лет к обучению в школе // Новые исследования. 2012. №1 (30).
4. Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н. Произвольность в дошкольном возрасте: сравнительный анализ различных подходов и диагностического инструментария.// Национальный психологический журнал.- 2016.- №4(24). – С.14-22
5. Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J., Witzki, A.H., Howerter, A., & Wager, T. (2000) The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex «frontal lobe» tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*. Vol. 41, 49–100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕРОНТОГЕНЕЗА

Портнова А.Г., Богомолов А.М. (Санкт-Петербург)

RESOURCE APPROACH TO THE RESEARCH OF INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF GERONTOGENESIS

Portnova A.G., Bogomolov A.M.

Ключевыми категориями при исследовании закономерностей и дифференциально-психологических аспектов изменчивости психики в период геронтогенеза являются понятия нормы, цели развития, зрелости, целостности и цельности личности, адаптационного потенциала и психологического здоровья, которые позволяют классифицировать типы старения, определять целесообразные стратегии медико-психологической помощи и осуществлять прогнозирование развития в период старения.

Ресурсный подход, реализуемый в рамках геронтопсихологии развития, позволяет исследовать весь комплекс интегральных характеристик развития личности в пожилом и старческом возрасте.

В качестве ресурсов осуществления задач в различных сферах выступают физиологические, психологические и социально-психологические функции, механизмы и свойства, включенные в структуру деятельности и адаптации личности. Ресурсы продуктивного старения возможно классифицировать следующим образом:

– индивидные (жизнеспособность, физическое, психическое, психологическое здоровье, возрастно-половые, нейродинамические особенности и пр.);

– субъект-деятельностные (трудоспособность, работоспособность, в том числе по сферам жизнедеятельности: профессиональные, общественные, семейные; или по видам деятельности: общение, познание, труд, игра);

– личностные (эмоциональные, когнитивные, поведенческие компоненты системы отношений личности);

– самосознание (самооценка, Я-концепция; компоненты самосознания, включающие, по В.С. Мухиной, психологическое время, права и обязанности, притязание на признание и др.);

– ресурсы индивидуальности (одаренность, статус, творческая деятельность, мировоззрение, картина мира, жизненный путь и образ жизни, индивидуальный стиль деятельности, направленность личности, гармоничность и цельность личности).

Ресурсное обеспечение продуктивного старения также дифференцируется на внешние и внутренние составляющие. Внешние ресурсы (освоенные и не освоенные): социально-экономический статус, материально-бытовые, общественные условия, социальное и медицинское обеспечение, занятость, семейное окружение и др.). Внутренние ресурсы (восполняемые и невосполняемые):

– личностная зрелость (готовность к решению жизненных задач, субъектность, характерологические особенности: сформированная система отношений личности, отношение к деятельности, жизни/смерти, позитивная стабильная Я-концепция, активность (интеллектуальная, общественная), осознанность, осмысленность, мудрость, нравственность, самостоятельность, ответственность, целеустремленность и пр.);

– психическое и психологическое здоровье (личностный адаптационный потенциал, психологические защиты, механизмы совладания, стрессоустойчивость, нервно-психическая устойчивость, жизнестойкость, субъективное благополучие, эмоциональное состояние, оптимальное ресурсное состояние и пр.).

Синергетические эффекты взаимодействия личностной зрелости и здоровья наблюдаются в случае совпадения целей, векторов процессов адаптации и развития, в то время как дисгармоничность и несогласованность этих векторов характерны для кризиса развития, способны обуславливать переходные, нестабильные стадии индивидуального развития, противоречивые отношения и разнонаправленные возрастные и индивидуальные эффекты.

Знание специфики протекания процесса старения, способов продолжения профессиональной деятельности, степени и характера включенности пожилых людей в общественные отношения, уровня их адаптации к своему состоянию имеет чрезвычайно важное значение для обеспечения более легкого приспособления людей позднего возраста к изменениям, поиску новых возможностей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ОТЦЕ И МАТЕРИ

Реан А.А. (Москва)

TEENAGE THOUGHTS ABOUT MOTHER AND FATHER

Rean A.A. (Moscow)

Эмпирическое исследование, посвященное изучению представлений старшеклассников об отце и матери, было проведено нами на выборке более 7000 человек в восьми регионах России. Заметим, что в современ-

ной отечественной психологии имеются фундаментальные исследования образа ребенка в сознании взрослых – педагогов и родителей [1], [2], [3], [4], [5], [6]. Не менее важен и анализ представлений детей о взрослых, и в первую, очередь, о родителях.

В ходе нашего исследования, по методике «80 прилагательных» А.А. Реана, был получен список наиболее популярных характеристик, которыми старшеклассники описывают своих родителей. Эти обобщенные портреты матери и отца оказались полностью положительными. Установленный факт исключительно позитивного восприятия личности собственных родителей, создает хорошие основания для позитивных отношений на поведенческом уровне.

Назовем те общие качества, которые одинаково часто употребляются в описаниях, как отца, так и матери: добрый, надежный, заботливый, ответственный, семейственный, умный.

Дифференцированно портреты матери и отца, по первой десятке наиболее часто называемых респондентами качеств, выглядят следующим образом. Мать, по оценке респондентов: заботливая, добрая, аккуратная, ласковая, искренняя, семейственная, надёжная, человечная, ответственная, умная. Как видим, большинство дескрипторов отражают эмоциональные и моральные качества. Если рассмотреть их по классам отношений (например, по В.Н. Мясищеву или Б.Г. Ананьеву), то большинство дескрипторов связано с характеристикой отношений к другим людям.

Отец, по оценке респондентов: добрый, авторитетный, заботливый, надёжный, весёлый, семейственный, умный, мудрый, ответственный, искренний. Большинство дескрипторов, и в этом случае, отражают эмоциональные и моральные качества. Но при этом несколько увеличивается вес когнитивных составляющих портрета.

С интересом можно посмотреть и на анти-топ качеств. Это те качества, которые не характерны для представлений старшеклассников о своих родителях, качества, которые реже всего упоминаются в родительских портретах. Для отца, например, такими не характерными качествами, по мнению респондентов, являются: завистливый, глупый, трусливый, бездушный, лживый. А для матери в анти-топ качеств входят: глупая, бездушная, завистливая, неблагодарная, лживая.

Тенденция такова, что в относительном выражении эти негативные качества в случае с отцом имеют больший вес, чем в случае с матерью. Иначе говоря, негативные дескрипторы в портретах отца и матери могут иметь одинаковое низкое ранговое место, но при этом разный вес в процентном выражении. Так, например, дескриптор «глупый», входящий в анти-топ самой непопулярной пятерки качеств, в портрете матери

имеет вес 2%, а в портрете отца – 5%. Дескриптор «лживый» в портрете матери имеет вес 2%, а в портрете отца – 6%, такое же соотношение по характеристике «бездушный» – вес 2% в портрете матери, против 6% в портрете отца.

Почему респонденты чаще видят негативные качества именно у отцов? Отцы, в самом деле, хуже? Или дети предъявляют им более жесткие требования, задают более высокие стандарты? Или с отцами чаще складываются более негативные или менее доверительные отношения? А эти негативные отношения, как хорошо известно в психологии, детерминируют и негативное восприятие личности другого. Ответы на эти вопросы, думается, могут оказаться различными в каждом конкретном случае, в каждой конкретной семье. Однако, что ясно уже сейчас, практической психологии семьи и детства важно обратить особое внимание на проблему отцовства.

Список литературы:

1. Реан А.А. Психология личности. СПб. 2013.
2. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб. 1999.
3. Регуш Л.А. Социальная перцепция как основание эмпирических прогнозов в педагогической деятельности. / Социально-психологическая перцепция в системе образования. СПб. 2016. С. 21–32.
4. Рождественская Н.А. Способы межличностного познания: психолого-педагогический аспект. М. 2004.
5. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб. 2001.
6. Ситников В.Л., Кедич С.И. Образ объекта и субъекта педагогической деятельности. / Социально-психологическая перцепция в системе образования. СПб. 2016. С. 32 – 59.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ПОДРОСТКА КАК УСЛОВИЕ ПРЕВЕНЦИИ ПОДРОСТКОВОГО КИБЕРБУЛЛИНГА

Рожина С.В., Баранов А.А. (Ижевск)

STRESS-RESISTANCE OF ADOLESCENTS AS THE CONDITION OF ADVERTISING ADOLESCENT CYBERBULLYING

Rozhina S.V., Baranov A.A. (Izhevsk)

Введение: На сегодняшний день в психологии появляется все большее количество исследований, связанных с влиянием интернет-технологий на психику подрастающего поколения [1],[2]. Кибербуллинг – психологическое насилие, осуществляемое посредством ин-

тернет-технологий[3]. Кибербуллинг получил свое распространение в подростковой среде, это связано, прежде всего, с возрастными особенностями подростков: ведущий вид деятельности – общение со сверстниками; конформность, неуверенность в себе, неустойчивая самооценка, повышенная чувствительность, раздражительность, боязнь насмешек и т.д. Успешность совладания с данной ситуацией во многом будет зависеть от уровня стрессоустойчивости подростка. Понятие «стрессоустойчивость» рассматривается авторами по-разному[4]. Однако многие из мнений сходны в том, что стрессоустойчивость – это совокупность некоторых качественных характеристик психики, позволяющая противостоять негативному внешнему воздействию окружающей среды [4].

Описание исследования: Опираясь на модель стрессоустойчивости Баранова А.А.[4], нами была разработана модель превенции подросткового кибербуллинга, где стрессоустойчивость представлена двумя подуровнями: личностный уровень и субъектно-деятельностный. Личностный уровень в свою очередь образован личностными ресурсами, такими как мотивация успеха, адекватная самооценка, уверенность в себе, эмоциональная устойчивость. Субъектно-деятельностный уровень включает в себя наличие конструктивных копинг-стратегий, онлайн-компетентность, хорошие взаимоотношения со сверстниками. В данной модели две составляющие эффективно дополняют друг друга. Основываясь на модели превенции подросткового кибербуллинга была разработана программа превенции. Главный акцент в ней делается на повышение стрессоустойчивости подростков. Она содержит в себе описание коррекционных занятий, направленных на формирование и развитие личностных ресурсов подростков и др. Родители, педагоги и психологи образовательных учреждений также должны быть компетентны в вопросах превенции кибербуллинга. В связи с этим в программу включены разделы, связанные с развитием онлайн-компетентности родителей, просветительская работа по проблеме кибербуллинга, родительские собрания, индивидуальные консультации и др.

Экспериментальное исследование было проведено на базе двух школ г. Ижевска. Участие приняло более 400 учащихся. Оно проводилось в несколько этапов. Поначалу необходимо было выяснить, насколько проблема кибербуллинга распространена в школьной среде. Для этого была разработана и использована анкета «Безопасность в сети». В опросе участвовали учащиеся с 5ого по 9ый класс. Опираясь на результаты опроса, мы выяснили, в каком возрасте наиболее распространен подростковый кибербуллинг, затем в этих классах была проведена диагностика уровня стрессоустойчивости учащихся, с целью выявления зависимости между тем как учащиеся с разным уровнем справляются с ситуацией кибербул-

линга. Также проводились беседы с учащимися, оказавшимися жертвами кибербуллинга. В результате диагностической работы была установлена взаимосвязь между уровнем стрессоустойчивости подростка и успешностью совладания с ситуацией кибербуллинга. На следующем этапе мы апробировали разработанную программу и проследили те изменения которые происходили в ходе нашей работы.

Результаты: уровень стрессоустойчивости подростков повысился, жертвы кибербуллинга успешно преодолели ту ситуацию, в которой оказались. Родители и педагоги повысили уровень своей компетентности в области кибербуллинга.

Список литературы:

1. Цымбаленко С.Б., Макеев П.С. Медийный портрет подростка. Пособие / С.Б. Цымбаленко, П.С. Макеев. – М., РУДН: 2015. – 88 с.
2. Лучинкина А.И., Юдеева Т.В., Ушакова В.Р. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве. Учебное пособие. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 152 с.
3. Баранов А.А., Рожина С.В. Превенция подросткового кибербуллинга как условие повышения психологической безопасности личности/Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.А.Кравцовой –Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2016. – 415 с.
4. Баранов А.А. Стресс–толерантность педагога: теория и практика. М.: Изд-во АСТ, 2002. 422 с.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

Садовникова Т.Ю., Лапухина Д.И. (Москва)

LONELINESS EXPERIENCE OF TEENAGERS WITH DIFFERENT TYPES OF ATTACHMENT TO MOTHER

Sadovnikova T.Yu., Lapuhina D.V.

Исследования переживания (чувства) одиночества у современных подростков немногочисленны [1], [2], [3]. Авторы данной работы рассматривают феномен одиночества в контексте эмоциональной привязанности подростков к близкому взрослому (матери), которая по своим механизмам представляет собой сложную систему внутренней регуляции [4].

Цель: изучение особенностей переживания одиночества в подростковом возрасте в связи с качеством привязанности к матери. Гипотезы: 1. Существуют различия в отношении к одиночеству среди подростков

с надежным и ненадежными (тревожно-амбивалентным и избегающим) типами привязанности к матери (ПМ); 2. Существуют различия в степени актуального переживания одиночества у подростков с разными типами ПМ: надежная привязанность связана с более низкими показателями актуального переживания одиночества (АПО), а ненадежные типы ПМ – с более высокими показателями АПО. Методики: 1) Анкета, направленная на выявление социально-демографических характеристик выборки; 2) Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3) [2], 3) опросник определения типа ПМ [5], [6], 4) Опросник оценки привязанности к родителям и сверстникам (IPPA) Armsden, Greenberg (1987), апробирован авторами. Выборка. 77 учеников 7-11 классов гимназий г. Москва в возрасте от 13 до 18 лет: 32 девушки (41,6%) и 45 юношей (58,4 %).

Основные результаты. Полученные результаты свидетельствуют о разнообразии в а) уровне актуального переживания одиночества (АПО) у подростков, б). отношении одиночеству (ОО). Выделены четыре группы подростков, различающиеся по этим двум показателям: 1. характерно АПО (высокий уровень) и положительное отношение к ситуациям уединения; 2. низкий уровень АПО и недифференцированное ОО; 3. респонденты не испытывают одиночества в данный момент, а ситуации уединения представляют ценность и ресурс для саморазвития; 4. низкий уровень АПО и преобладание негативных установок по ОО.

Выявлены гендерные различия степени актуального переживания одиночества: девушки, в среднем, чувствуют себя более одинокими, чем юноши.

Подростки группы 1 характеризуется наиболее низким общим показателем ПМ и наиболее высокой степенью отчуждения во взаимоотношениях с ней.

Подростки с надежным типом ПМ склонны оценивать одиночество, скорее, как негативный феномен, а подростки с ненадежным типом ПМ в большей степени видят в состоянии уединения полезный ресурс и испытывают положительные эмоции, связанные с уединением.

По нашим данным, подростки с ненадежным типом ПМ демонстрируют более высокий уровень актуального переживания одиночества, чем подростки с надежным типом ПМ.

Наши данные подтверждают значимость надежного типа ПМ для психологического благополучия подростка.

Список литературы:

1. Слободчиков И.М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27–35.

2. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Салихова А.Ж. Переживание одиночества: негативные и позитивные аспекты // Психология общения: Тренинг человечности: Тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л.А. Петровской / Под ред. О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 2007. – С. 320–322

3. Корчагина С. Г. Психология одиночества. – М., 2008. 228 с.

4. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14: Психология. – 2009. – № 4. – С. 17-31.

5. Яремчук М.В. Роль привязанности к родителям в формировании романтических отношений в старшем подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 281 с.

6. Алмазова О.В., Бурменская Г.В. Взаимоотношения братьев и сестер и их связь с привязанностью к матери // Вопросы психологии. – 2015. – № 4. – С. 15-25.

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ СТИЛЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ РАЗНОГО ПОЛА

Самбикина О.С. (Пермь)

THE ROLE OF THE FAMILY IN MAKING THE ACADEMIC ACTIVITY STYLE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN OF DIFFERENT SEX

Sambikina O.

Одним из ведущих методологических принципов, на которых строится современное российское образование, является индивидуализация обучения. Реализации данного принципа способствует целенаправленное формирование индивидуального стиля учебной деятельности, который представляет собою систему приемов и способов выполнения учебной деятельности, соответствующую индивидуально-типологическим свойствам обучающегося и отвечающую требованиям самой этой деятельности. В качестве одного из факторов формирования стиля учебной деятельности младших школьников выступают взаимоотношения ребенка с родителями. В связи с этим целью нашего исследования было изучение характера взаимосвязи показателей детско-родительских отношений с компонентами стиля учебной деятельности младших школьников разного пола.

Исследование осуществлялось на выборке учащихся четвертых классов средних общеобразовательных школ г. Перми. Все учащиеся (187 девочек и 128 мальчиков) воспитываются в полных семьях. Для изучения стиля учебной деятельности младших школьников использовался Пермский опросник стиля учебной деятельности, разработанный

О.С. Самбикиной [1]. Особенности детско-родительских отношений диагностировались с помощью методики И.М. Марковской «Взаимодействие родитель – ребенок» [2]. Полученные данные подвергались математико-статистической обработке с использованием корреляционного анализа по Пирсону.

В ходе анализа результатов исследования было выявлено, что, независимо от пола учащихся, контроль, как со стороны отца, так и со стороны матери, имеет обратную взаимосвязь с показателем саморегуляции младших школьников. То есть, на фоне чрезмерного родительского контроля, мелочной опеки, навязчивости и жестких ограничений у младших школьников обоего пола снижается способность сохранять спокойствие и собранность в ответственной, эмоционально напряженной ситуации (контрольная работа, экзамен и т.п.), они теряют самообладание при возникновении трудностей или помех в учебной деятельности, чрезмерно остро реагируют на замечания и т.д. В выборке девочек компоненты стиля учебной деятельности взаимосвязаны с такими характеристиками детско-родительских отношений, как «строгость отца», «строгость матери», «сотрудничество с матерью» и «удовлетворенность отношениями с отцом». При этом если излишняя строгость со стороны отца и матери оказывает негативное влияние на компоненты стиля, снижая познавательную активность, активность и динамичность работы ребенка на уроке, его способность к саморегуляции и т.д., то сотрудничество с матерью и удовлетворенность отношениями с отцом влияют на стиль учебной деятельности девочек положительно, способствуя дисциплинированности и организованности. В выборке мальчиков показатели контроля со стороны отца и матери, авторитетности отца и матери и эмоциональной близости с отцом отрицательно коррелируют с показателем познавательной активности ребенка. То есть излишний контроль и чрезмерное влияние со стороны родителей приводят к снижению у мальчиков младшего школьного возраста стремления узнавать новое, выходить за рамки школьной программы, самостоятельно решать учебные задачи и т.п.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что компоненты стиля учебной деятельности младших школьников взаимосвязаны с характеристиками детско-родительских отношений. При этом характер взаимосвязи между показателями детско-родительских отношений и компонентами стиля учебной деятельности младших школьников разного пола различен.

Публикуется за счет средств гранта РФФИ 17-16-59007а(р)

Список литературы:

1. Вяткин Б.А., Самбикина, О.С. Типы нервной системы и темперамента как природные предпосылки формирования стиля учебной деятельности школьни-

ка // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 1. 2014. С. 81–100.

2. Марковская И.М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. 1999. №2. С. 94–108.

ДИНАМИКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Сахарова Т.Н. (Москва)

THE ONTOGENY DYNAMICS OF PERSONALITY LIFE-PURPOSE

Sakharova T.N. (Moscow)

Смысл жизни человека в каждый конкретный возрастной период времени включает в себя ряд компонентов, одни из которых еще только зарождаются, другие достигают своего апогея, а третьи уже отмирают. Нахождение новых личностных смыслов в соответствии со своей меняющейся идентичностью является постоянной задачей человека на протяжении всего жизненного цикла.

Смысложизненная концепция начинает складываться к подростковому возрасту, так как это наиболее чувствительный период для формирования глубинных личностных образований. Именно в период взросления перед подростком встают вопросы, связанные с поиском себя, своего места в мире, решаются задачи принятия своей новой взрослой идентичности.

Не менее значимой проблема поиска смысла жизни оказывается в юношеском возрасте. Этот возрастной период связан с актуализацией проблемы личностного самоопределения. Одной из задач развития личности в юношеском возрасте становится принятие молодым человеком ответственности за собственную жизнь на себя.

Смысложизненная концепция, начиная впервые складываться к подростковому возрасту, пройдя дальнейшее развитие в юношеском возрасте, претерпевает перестройку и переосмысление в зрелом возрасте.

В период зрелости человек может полностью раскрыть свой потенциал, реализовать себя во всех сферах. Основная тенденция развития личности в зрелости – это достижение наивысшего уровня духовных, интеллектуальных и физических способностей. Период зрелости – это время исполнения человеком своего предназначения как в профессиональной или общественной деятельности, так и в плане преемственно-

сти поколений. В зрелости главными сторонами жизни обычно являются профессиональная деятельность и семейные отношения. Важнейшей особенностью зрелости является осознание ответственности за содержание своей жизни перед самим собой и перед другими людьми. В зрелом возрасте тенденция поиска смысла жизни заменяется его реализацией.

Изменение смысложизненных ориентаций происходит и в пожилом возрасте. Данный возраст характеризуется множеством психологических изменений, интеллектуальным и эмоциональным «уходом» в собственный внутренний мир, в переживания, связанные с оценкой и осмыслением уже прожитой жизни, самого процесса старения. Анализ собственного смысла жизни связан с пересмотром ценностей жизни. Для людей пожилого возраста свойственно доминирование межличностных отношений и снижение профессиональной самореализации.

В целом, картина возрастной динамики смысложизненных ориентаций личности и их направленности выглядит следующим образом:

- впервые смысложизненные ориентации, как личностные образования, начинают складываться в подростковом возрасте. На данном этапе онтогенеза они направлены в основном на процесс жизни и связаны с поиском собственной жизненной перспективы;
- в юношеском возрасте происходит трансформация сложившихся в подростковом возрасте смысложизненных ориентаций, которая связана с появлением определенной иерархии смыслов: выделением ведущих и второстепенных смыслов;
- в зрелости трансформация смысложизненных ориентаций связана с реализацией смысла жизни в отличие от его активного поиска на предыдущих этапах онтогенеза. Важными становятся цель и результат собственной жизни, возможность самому управлять своей жизнью. Именно в зрелости закладываются варианты развития личности в старости;
- в пожилом возрасте наиболее выраженной тенденцией, определяющей смысложизненные ориентации, является наличие уровня осознанности и принятия собственной жизни, что будет способствовать успешной адаптации личности к старости и дальнейшему ее развитию на данном возрастном этапе.

Список литературы:

1. Вайзер Г.А. Смысл жизни и двойной кризис в жизни человека // Психологический журнал. 1998. № 5.
2. Волынская Л.Б. Психология зрелости и старения // Психологический журнал. 2002. № 1 (17). С. 24–30.
3. Ермолаева М.В. Практическая психология старости. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 320 с.

4. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений, 15-е издание. М.: Изд-во Академия, 2015. 656 с.
5. Психология старости и старения: Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / Сост. Краснова О.В., Лидерс А.Г. М.: Изд-во Академия, 2003. 416 с.
6. Психология развития / Под ред. Болотовой А.К. и Молчановой О.Н. М.: Изд-во ЧеРо, 2005. 524 с.
7. Психолого-педагогические и философские аспекты смысла жизни (материалы I-II симп.). М.: Психологический ин-т РАО, 1997. 232 с.
8. Семенюк Л.М. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов / Под ред. Д.И. Фельдштейна: изд. 2-е, дополненное. М.: Институт практической психологии, 1996. 304 с.
9. Чудновский В.Э. Становление личности и проблемы смысла жизни: избранные тр. / В.Э. Чудновский. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. 768 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Изд-во Прогресс, 1996. 344 с.

РЕБЕНОК КАК СУБЪЕКТ БЫТИЯ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Силина О.В. (Москва)

THE CHILD AS A SUBJECT OF EXISTENCE: A VIEW FROM THE POSITION OF THE THEORY OF PSYCHOLOGICAL BOUNDARIES

Silina O.V. (Moscow)

В рамках системно-субъектного подхода (Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский) основным признаком субъекта является «переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и себя» [3, с.346]. Таким образом, остро стоит вопрос о феномене границ Я, которые являются важным механизмом интеграции – сепарации с социумом [1].

Проведённое исследование позволило сделать первоначальный набросок пути становления границ Я у детей 2–10 лет. Исследование проводилось на протяжении 2010–2014 года на базе гимназии «Виктория» Московской области. В нём приняло участие 46 детей (26 мальчиков и 20 девочек). С помощью батареи качественных методик был собран обширный материал, описывающий особенности контроля, регуляции, защиты, осознания, чувствования и активности границ Я.

В 2-3 года у детей пассивная форма защиты границ, которая актуализируется только в ответ на угрозу. Способность регулирования зависит от привлекательности ситуации для ребенка. У мальчиков более выражена реакция на вторжение в личное пространство, они нападают, чтобы устранить источник негативных эмоций. Девочки ярче проявляют «чувствование» границ, что выражается в сильной реакции на источник дискомфорта, но защита пассивна (девочки «уходят» от негативных эмоций).

В 4-5 лет дети начинают переживать, чувствовать присутствие границ как буферной зоны, обеспечивающей безопасность и комфорт во время взаимодействия со средой. У мальчиков границы становятся более активными, предпочитаемые способы защиты – физические. У девочек границ проницаемые, пассивные, защита конструктивна, вербализована. Мальчики расширяют границы и учатся их регулировать, девочки стабилизируют, укрепляют, т.е. учатся контролировать границы.

В 6-7 лет у детей появляется понимание нарушение чужих границ, границы становятся неотъемлемым атрибутом регуляции социального взаимодействия. У мальчиков увеличивается пассивность границ Я, наблюдается фиксация и контроль границ, у девочек возрастает активность, отмечается расширение и регуляции.

В 8-10 лет происходит переход феномена границ Я на уровень осознания, понимания. Дети целенаправленно учатся управлять границами, которые становятся механизмом адаптации к среде, способом влияния на окружающих. У мальчиков границы активны, происходит расширение границ за счет освоения новых возможностей, отрабатываются регулятивные процессы. Девочки пытаются сбалансировать процессы активности и пассивности границ, формируя процессы контроля, защита границ наполнена больше личностным смыслом. Т.е. границы Я у девочек становятся более гибкими, проницаемыми, динамичными, а у мальчиков – константными, стабильными[2].

Данный краткий обзор показывает, что становление границ Я проходит определённые стадии, позволяя ребенку учиться балансировать процессы нахождения с социумом и вне его, проявляя таким образом авторство жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 16-06-00239).

Список литературы:

1. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер. 2008. 400 с.;
2. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания, 2014, № 3, с.13–28;

3. Стахнева Л.А. Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 345–349.

ЛИЧНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВЗРОСЛЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ДЛИТЕЛЬНОМ РАЗВОДЕ

Трошихина Е.Г. (Санкт-Петербург)

PERSONALITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADULTS, WHO ARE IN A LONG DIVORCE PROCESS

Troshikhina E.G.

Люди разводятся по разным причинам. Нормы права признают несовместимость супругов и распад взаимоотношений основаниями для расторжения брака и позволяют супругам расторгнуть брак по взаимному согласию, по упрощенной процедуре бракоразводного процесса. Длительный развод – это развод, который, по каким-либо причинам не происходит по упрощенной процедуре расторжения брака. Иногда такие судебные разбирательства длятся несколько лет. Нас заинтересовал вопрос, почему одни люди, оказавшись уже в состоянии юридического развода, принимают решение быстро и безболезненно расторгнуть брак, а другие выбирают путь конфликтов и затянувшихся судебных разбирательств.

В своем исследовании мы хотели взглянуть на психологические причины «неблагополучного» развода. Мы исходили из гипотезы, что некоторые личностные характеристики людей, находящихся в состоянии длительного развода, способствуют затягиванию и напряженности бракоразводного процесса. (Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 16-06-00307а).

В исследовании приняли участие 50 человек, находящихся в состоянии длительного и напряженного развода, в возрасте от 30 до 45 лет, из них 25 мужчин и 25 женщин. Все испытуемые имели высшее образование и работу. Для половины брак являлся повторным, стаж в расторгавшемся браке – от 5 до 15 лет.

Методики исследования: Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной [1]. Шкала враждебности Кука-Медлей в адаптации Л.Н. Собчик [3]. Опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной [2]. Анкета, направленная на изучение степени выраженности переживаний по отношению к супругу и разводу: напряженности отношений в браке, желания получить развод,

напряженности развода, удовлетворенности отношениями, желания остаться в прежних отношениях, сочувствия партнеру и степень страха остаться одному/одной.

В результате исследования выявлено, что респонденты считают расторжение брака крайне напряженным процессом. Они не имели в браке близких, доверительных отношений, испытывают неприязнь к партнеру. У них есть сильное желание расторгнуть брак, хотя некоторый страх остаться одному/одной все же присутствует. Анализ средних значений шкал методик показал, что люди, находящиеся в ситуации длительного развода, отличаются высокой автономностью, испытывают трудности в выстраивании позитивных отношений с другими, склонны к враждебности и глубокому переживанию субъективного одиночества.

Корреляционный анализ выявил противоречивые желания взрослых, находящиеся в длительном разводе. Чем сильнее враждебность, тем меньше страха фактически остаться одному и сильнее желание получить развод. Однако враждебность положительно связана с субъективным одиночеством, при возрастании которого усиливается желание остаться в отношениях. Желание получить развод напрямую отрицательно связано с желанием сохранить отношения, а через шкалы враждебность и субъективное одиночество – положительно. Видимо, это противоречие и приводят к тому, что процесс расторжения брака приобретает длительный и напряженный характер. Враждебность выступает механизмом защиты от страха фактического одиночества. Она усиливает желание получить развод и снижает страх остаться без партнера. В то же время возрастающее ощущение субъективного одиночества заставляет задуматься о возможности сохранения отношений, пусть даже мучительных и напряженных.

Таким образом, мы можем предположить, что длительное и болезненное расторжение брака, оттягивание решения по бракоразводному процессу связано со страхом признания подлинного одиночества.

Список литературы:

1. Жуковская, Л. В., Трошихина, Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.
2. Корчагина С.Г. Психология одиночества: учебное пособие. – М.: МПСИ, 2008. 228 с.
3. Лабунская В.А. Бреус Е.Д. Менджерцкая Ю.А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 288 с.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДОМУ И ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Хачатурова М.Р., Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И. (Москва)

HOME ATTACHMENT AND THE CHOICE OF COPING STRATEGIES IN YOUTH

Khachaturova M.R., Nartova-Bochaver S.K., Reznichenko S.I. (Moscow)

В последнее время совладающее поведение человека в трудных ситуациях рассматривается с точки зрения «ресурсного подхода» [2; 3; 4]. С.Фолкман и Р.Лазарус рассматривают личностные и средовые копинг-ресурсы. В качестве личностных ресурсов выступают не только личностные свойства человека, но и особенности когнитивной сферы, ценности, нормы, мотивация, навыки, способности. Средовые ресурсы – это, прежде всего, социальное окружение и семья [2].

Важнейшим средовым копинг-ресурсом личности могут также являться параметры домашней среды, в частности, привязанность к дому [5; 6]. Привязанность к дому отражает степень позитивной эмоциональной связи между человеком и его домом. Она имеет свою возрастную специфику.

Целью исследования было изучение связи между привязанностью к дому и выбором стратегий совладания в юношеском возрасте. Гипотеза исследования: привязанность к дому связана с выбором эффективных стратегий совладания.

В качестве эмпирической базы исследования выступили 344 респондента, 267 девушек и 77 юношей, средний возраст – 19.1 лет. Нами был использован опросник «Привязанность к дому» [1] и «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык [2].

Для обработки результатов была использована программа SPSS 21.0. Результаты исследования показали, что привязанность к дому связана с выбором таких копинг-стратегий как «конфронтационный копинг» (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0.42$ при $p < 0.01$), «поиск социальной поддержки» ($r = 0.61$ при $p < 0.01$), «планирование решения проблем» ($r = 0.53$ при $p < 0.01$) и «положительная переоценка» ($r = 0.47$ при $p < 0.05$). Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично.

Привязанность к дому помогает юношам и девушкам поверить, что они находятся в безопасности и могут рассчитывать на своих родителей, родственников, друзей и получить их помощь и поддержку. Поэтому, когда они сталкиваются с трудными ситуациями, они, как правило, используют стратегию поиска социальной поддержки. Кроме того, «надежный

тыл» дает им силы в сложных ситуациях рисковать, идти на конфликт. Этим мы объясняем неожиданную связь привязанности к дому и стратегии конфронтационного копинга.

Ряд исследований показывает, что привязанность к дому помогает строить жизненные планы и структурировать свой опыт, что объясняет выбор стратегий планирования решения проблем и положительной переоценки [5; 6].

Результаты исследования могут помочь использовать домашнюю среду как важнейший ресурс совладающего поведения и психологического благополучия личности.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-18-02163.

Список литературы:

1. Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. №3, 498-518.
2. Folkman S., Lazarus R.S. Coping as a mediator of emotion // Journal of Personal and Social Psychology, 1998. №54, 466-475.
3. Frydenberg E. Coping Competencies. Theory into Practice, 2004, 43, 14-22.
4. Nachaturova M. Personality Types of Coping Behaviour in an Interpersonal Conflict // The International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies, №7, 2013, 61-73.
5. Jorgensen B.S., Stedman R. Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitude towards their properties // Journal of Environmental Psychology, 2001. №21, 233-248.
6. Williams D. R., Stewart S. Sense of place: an elusive concept that is finding a home in ecosystem management. Journal of Forestry, 1998. №96, 18-23.

ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К ЛИЧНОСТНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ С ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ

Цветков В.В. (Санкт-Петербург)

PARENTAL ATTITUDE TO PERSONAL CHARACTERISTICS OF CHILDREN WITH ATTENTION DEFICIT DISORDER WITH HYPERACTIVITY

Tsvetkov V. V.

Воспитание является целенаправленным и организованным процессом формирования личности [2]. Общеизвестным считается, что ведущая роль принадлежит влиянию родительского отношения на фор-

мирование личности ребенка, однако взаимодействие родителей и детей всегда имеет двусторонний характер, т.е. оно взаимодетерминировано.

Под родительским отношением понимается система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков [3]. Исходя из этого нами выдвинуто предположение, что стиль воспитания и родительское отношение влияют на формирование черт личности ребенка с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью (далее – СДВГ), а черты личности ребенка влияют на родительские установки и отношение.

Гипотеза исследования:

1. Родительское отношение к ребенку с СДВГ влияет на формирование черт личности, а психологические особенности ребенка влияют на родительское отношение к нему.

Характеристика выборки обследованных: в исследовании приняло участие 129 детей 8-12 лет (40 девочек и 89 мальчиков) с СДВГ, а также 129 родителей (109 матерей и 20 отцов).

Методики исследования: Тест «Опросник родительского отношения» (А.Я.Варга, В.В. Столин) [3], тест «12-ФЛЮ Р.Кеттелла» [1].

Статистические методы: множественный регрессионный анализ (Backward). Методической стратегией исследования является выявление влияния сначала родительского отношения на черты личности, а затем выявление влияния черт личности ребенка на родительское отношение. Совпадение в первой и второй части анализа следует рассматривать как взаимовлияние.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Влияние родительского отношения на черты личности.

Шкала «Отвержение» связана с низким интеллектом (-В), импульсивностью (+D), социальной робостью (-Н), черствостью (-I).

Шкала «Кооперация» связана с низкой фрустрированностью (-Q4).

Шкала «Авторитарная гиперсоциализация» (далее – «АГ») связана с низким интеллектом (-В).

Шкала «Маленький неудачник» (далее – «МН») связана с низким интеллектом (-В), беспечностью (+F) и низким контролем поведения (-Q3).

Вывод: родительское эмоциональное отвержение ребенка влияет на формирование его интеллекта, импульсивности, социальной робости, эмоциональной черствости. Кооперация с ним снижает фрустрированность. Авторитарная гиперсоциализация способствует низкому интеллекту. Установка «маленький неудачник» способствует формированию низкого интеллекта, беспечности поведения, низкому контролю поведения. Наиболее неблагоприятным является отвержение своего ребенка.

2. Влияние черт личности детей с СДВГ на родительские установки. Замкнутость (-А) связана со шкалой «Отвержение». Низкий интеллект (-В) – с «АГ» и «МН». Импульсивность (+D) – с «Отвержением» и «АГ». Доминантность (+Е) – с «Отвержением». Беспечность поведения (+F) – с «МН». Недобросовестность (-G) – с «Отвержением» и «АГ». Социальная робость (-Н) – с «Отвержением». Черствость (-I) – с «Отвержением». Тревозность (+O) – с «Отвержением». Низкий контроль поведения (-Q3) – с «МН». Фрустрированность (-Q4) – с «Отвержением» и «АГ».

Вывод: черты личности ребенка с СДВГ имеют существенное влияние на родительские установки.

Совпадения первой и второй части анализа рассматриваются как взаимовлияющие. Выявлено взаимовлияние: «Отвержение» ребенка с СДВГ и его импульсивность, социальная робость и черствостью. Авторитарная социализированность и низкий интеллект. Установка «маленький неудачник» и беспечность поведения, низкий контроль поведения.

Список литературы:

1. Александровская Э.М., Гильяшева И.Н. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р.Кеттелла. Методические рекомендации. М., 1993.
2. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студ. пед. вузов: в 2 кн. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – 576(747) с.
3. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб.пособие: в 2 кн. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн.2. – 480с.: ил.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ РАЗНОМ УРОВНЕ КУЛЬТУРНОЙ КОНГРУЭНТНОСТИ

Цивильская Е.А. (Казань)

THE STUDY OF THE FEATURES OF THEORETICAL THINKING AT DIFFERENT LEVELS OF CULTURAL CONGRUENCE

Tsivilskaya E.A. (Kazan)

Одним из основных психологических новообразований в младшем школьном возрасте, формируемых в учебной деятельности, считается теоретическое мышление. Понятие «культурная конгруэнтность» (к.к.) определяет степень соответствия ребенка нормативной ситуации, в которой достаточно точно определены правила социального поведения [2].

В исследовании приняли участие учащиеся начальных классов общеобразовательных школ г. Казани и г. Чистополя. Общий объем выборки составил 251 человек в возрасте от 8 до 11 лет. Выборка нормально распределена (коэффициент Колмогорова-Смирнова = 0,691, при $p = 0,727$).

В диагностических целях были применены следующие методики:

1. «Методика определения культурной конгруэнтности младшего школьника» (Л.Ф. Баянова, Е.А. Цивильская, Р.М. Байрамян, К.С. Чулюкин) [1].

2. «Новый метод диагностики сформированности действий планирования» (И.Н. Федекин).

3. «Культурно-свободный тест интеллекта» (Р. Кеттелл).

По результатам проведения методики 1. было выявлено, что интерактивный (высокий) уровень к.к. наблюдается у 16,33% детей младшего школьного возраста (41 человек). Их поведение соответствует правилам нормативной ситуации. Рефлексивный (средний) уровень характерен для 68,13% испытуемых (171 человек). Данная группа менее успешна в регулярном выполнении требуемых правил. 15,54% испытуемых имеют перцептивный (низкий) уровень к.к. (39 человек). Групповые нормы являются незначимыми для данной категории детей.

Результаты однофакторного анализа:

Средние значения IQ (в баллах): интерактивный уровень (116,66); рефлексивный уровень (107,49 баллов); перцептивный уровень (92,15). Данные достоверно различаются ($f = 27,289$ при $p=0,000$) и свидетельствуют о том, что с повышением уровня к.к. повышается уровень интеллектуального потенциала.

Усредненные баллы типа планирования: интерактивный уровень (2,41 (анализирующий)); рефлексивный уровень (1,99 (угадывающий)); перцептивный уровень (1,9 (угадывающий)). Данные достоверно различаются ($f=8,334$ при $p = 0,000$) и свидетельствуют о том, что с повышением уровня к.к. повышается уровень внутреннего плана действия, дети стараются в уме продумывать ход задачи, что позволяет им быстрее решать аналогичные по условиям задачи.

Анализ корреляций показал, что в группах детей с высоким уровнем к.к. наблюдается обратная связь с возрастом детей ($-0,414$, при $p \leq 0,01$).

В группе детей со средним уровнем к.к. были обнаружены значимые связи между уровнем к.к. и IQ (0,183 при $p \leq 0,05$); уровнем к.к. и типом планирования (0,185 при $p \leq 0,05$), уровнем к.к. и успеваемостью (4,15 баллов) детей (0,215 при $p \leq 0,01$). Также обнаружена значимая связь между IQ и типом планирования (0,165 при $p \leq 0,05$).

В группе детей с низким уровнем к.к. анализ корреляций показал, что уровень IQ тесно связан с полом (0,649 при $p \leq 0,01$), а также отри-

цательно значимо связан с успеваемостью (-0,375 при $p \leq 0,05$). В этой группе детей большинство составляют мальчики (22 человека из 39), что составляет 56,4%. Их средняя успеваемость 3,97 баллов.

Выводы. Чем старше ребенок, тем менее он культурно конгруэнтен, не выполняет правила, заданные нормативной ситуацией. В случае успешного решения задач на теоретическое мышление ученик также покажет высокий уровень и по интеллектуальной методике, но не наоборот. Дети, имеющие тесную связь между интеллектуальным потенциалом и развитым уровнем теоретического мышления, зачастую не проявляют себя максимально успешно на уроках и вне уроков, не являются яркими авторитетами для сверстников и не учатся на «отлично».

Список литературы:

1. Bayanova L.F., Tsvil'skaya E.A., Bayramyan R. M., Chulyukin K.S. A cultural congruence test for primary school students // Psychology in Russia: State of the Art Volume 9, Issue 4, 2016. – P. 94-105.
2. Tsvil'skaya E.A. Study of Cultural Congruence in Graders. The Social Sciences, 10, 2015. – P. 813-816.

СТАТУС ТРАДИЦИОННЫХ ДЕТСКИХ ИГР С ПРАВИЛАМИ В РАННЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ

Черная А.В. (Ростов-на-Дону)

THE TRADITIONAL CHILDREN'S GAMES WITH RULES STATUS IN EARLY ONTOGENY

Chernaya A.V.

Игры с правилами как результат исторического творчества многих поколений играющих, в которых правила выполняют роль специфических знаковых, содержательных, социально-психологических репрезентантов, играют существенную роль в раннем онтогенезе.

Эмпирический материал, зафиксированный в сборниках традиционных детских игр показывает, что правила игры (а именно они, а не описания того, как играют дети), представлены на двух уровнях – каноническом и конвенциональном. Свод канонических игровых правил регламентирует типовые игровые задачи и способы выполнения игровых действий. В традиционных играх разных народов мира представлен класс игр с правилами, значительная часть которых – предметные игры с правилами. Для них типичны способы совершаемых с предметами действий. Это прятанье, подбрасывание, ловля, метание в цель, перебрасывание.

вание и др. Канонические правила определяют также, какие предметы прячут, обычно это небольшие, чтобы можно было спрятать в руке.

Реконструируя канонические правила игр с прятаньем предметов, можно предположить, что культурный прототип данного класса игр – житейские ситуации, сюжет которых исторически обобщен в правило. Обобщение сюжета игры в правило требует от участников игры не столько ориентации на техническую сторону выполнения игровых действий, сколько актуализирует задачи овладения стратегиями игрового социального поведения: прячущего предмет, ищущего предмет, или того, кто наблюдает за происходящим. В игровых правилах на поверхности лежит выполнение простого игрового действия – незаметно подложить (спрятать) колечко, однако психологический смысл игры значительно глубже. Задача водящего состоит в том, чтобы незаметно спрятать, подложить предмет кому-либо из играющих. Задача того, кому подложили предмет – незамедлительно его обнаружить, если предмет подбрасывают за спиной, или как можно дольше скрывать обнаруженный предмет, если по правилам игры предмет передают из рук в руки впереди себя.

Конвенциональные правила отвечают общей логике – какой предмет прячут, как прячут, как договариваются относительно правил начала игры, места для игры и тд. В данном случае речь идет о договоренностях, которые складываются в пределах национальной традиции или в пределах поколения детей, а также о тех, которые обговариваются в конкретном игровом сообществе. В России прячут свитый вдвое жгут; скрученный наподобие веревки платок; кушак, пояс или веревку. На Северном Кавказе и Средней Азии распространены игры с прятаньем шапки и тюбетейки. Узбекские и китайские дети играют в игры с прятаньем платка. В республике Коми дети играют в прятанье мяча. Другой важный момент в конвенциональных правилах – регламентация способов расположения играющих (стоя или сидя в кругу, шеренге, в двух шеренгах и тд.), и способов выполнения действий, например передачи или подбрасывания предмета: из рук в руки, за спиной, под коленями. Конвенциональные правила фиксируются в песенном или словесном сопровождении правил игры. Их пропевают или проговаривают вслух. В башкирской игре «Прятанье кольца» играющие произносят слова: «Кольцо у кого? Пригнись. Рядом сидящего выведи, положи кольцо. Выбегай. Рядом сидящего поцелуй». Конвенциональные игровые правила имеют важное значение в пределах поколения детей. Правила игры в данном случае складываются в актуальную для играющих, здесь и сейчас сформированную модель решения типовых игровых задач, направленных на отработку способов и приемов выполнения игровых действий и актуализацию социально значимых стратегий взаимодействия в коллективе играющих.

ПРОБЛЕМА САМОРАСКРЫТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКА

*Чернявская В.С. (Владивосток),
Устинова О.А. (Новокузнецк)*

Аннотация. На базе основных категорий исследования: образование, подросток, способности – обозначена проблема обоснования и выявления «вкладов» в результативность образования внутренних и внешних предпосылок самораскрытия способностей подростка.

Образование. Современные подходы, внесённые в образование, изменяют его вектор. Новая направленность общего образования приводит к изменению критериев его результативности и пересмотру психологического значения критериев мастерства педагога.

Высший уровень педагогического мастерства может состоять не только в создании условий для развития способностей ученика, но и возможности предсказывать результаты ученика на базе понимания его способностей.

В работах Н.А. Аминова доказано, что модель результативности деятельности педагога определяется фазой отношения общества к образованию и задается параметрами: во-первых – способностями к подавлению дистресса и во-вторых – доминантностью (тип Y) либо конформностью (тип X) [1]. В настоящий период востребованной моделью педагогического профессионализма является педагог типа Y, что предопределяется максимальной успешностью его при опоре на способности ученика в качестве фактора учебных достижений.

Подросток. Подростковый возраст – наиболее сложный жизненный период, который знаменует интенсивное развитие рефлексии, понимание себя в качестве обладателя способностей. Происходит открытие подлинности «внутреннего мира» соотносимого с категорией «ценность», предлагаемой Н.И. Непомнящей. Ценность понимается, как «отраженные субъектом области его существования, через которые происходит выделение им самого себя, своей личности, собственного Я, подлинности, аутентичности Я, переживание себя как себя, «чувствование самого себя» [2].

Именно в диалоге с самим собой подросток раскрывает, прежде всего для себя свои способности, своё новое ощущение себя, новый смысл. Выбор направления профессионального образования и деятельности, прежде всего, связаны с механизмами самораскрытия своих способностей личностью.

А. Лэнгле пишет: «осмысленно жить означает следующее: человек со своими задатками и способностями, чувствами и желаниями включается в реальную жизненную ситуацию, творчески относится к ней, обогащая себя и окружающий мир, принимая и отдавая. Смысл – это своеобразный контракт с жизнью, согласно которому человек душой и телом посвящает себя тому, что является для него важным» [3, С. 2].

Способности. Вместе с тем кто-то должен дать подростку подтверждение того, что способности есть, есть определённая успешность деятельности. Этим человеком может быть кто-то из родителей, сверстник и педагог как профессионал, который в качестве объекта своей профессиональной деятельности рассматривает динамику способностей ученика.

Успешность всегда кто-то замечает, отмечает, обозначает. Это оказывает влияние на раскрытие подростком способностей для себя. Обратная связь, которую получает он, как субъект способностей, оказывает большое влияние на последующее развитие. Внешняя среда и внутренний потенциал – задатки определяют в итоге способности и успешность деятельности.

М. Бакингом и К. Коффман, рассматривая идею способностей сквозь призму практики, позиционируют понимание способностей, как средства для экономии в компаниях. Она получается в результате использования людей в соответствии с их способностями, необходимо совпадение способностей человека и роли, которую он выполняет [4].

При рассмотрении способностей основными структурными компонентами или основой тезауруса являются: а) задатки, б) собственно способности и в) успешность деятельности. Задатки – анатомо-физиологические особенности нервной системы, служащие базой способностей, или согласно Г. Гарднеру – теории множественного интеллекта – (MI Theory) нейронные структуры, которые отвечают за успешность определенной деятельности [5]. Способности формируются на базе задатков. Главным критерием способностей является успешность деятельности (Б.М. Теплов, М. Бакингом, Г. Гарднер, Дж. Холланд) [6, 4, 5, 7].

Проблема исследования состоит в обосновании и выявлении «вкладов» в результативность образования внутренних предпосылок: личностных и когнитивных характеристик старшеклассника и внешних: педагогических, как представлений об образовательном процессе и личностно-профессиональных качествах учителя. Межрегиональной группой исследователей планируется выявление внутренних и внешних факторов, которые позволяют предсказать (предикторы) результативность образования старшеклассников, не только в рамках оценочных категорий, показателей ЕГЭ, но и как самораскрытие способностей.

Литература

- 1.Аминов Н.А. Модели управления образования и стили преподавания // Вопросы психологии. 1994, №2. С. 88-99.
- 2.Непомнящая Н.И. Психодиагностика личности: Теория и практика– М.: ВЛАДОС, 2001. – 192 с.
3. Лэнгле А. Жизнь наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М.: Генезис, 2004. 128с
- 4.Бакингом М., Коффман К. Сначала нарушьте все правила: Что лучшие в мире менеджеры делают по-другому ; Альпина Паблишер – Москва, 2012. – 256 с.
5. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта: Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 512 с
- 6.Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий.– М., 1961. (2-е изд. 1965) с. 9-20
- 7.Holland, John. Making Vocational Choices: a theory of careers. (Prentice-Hall, 1973): 3

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Чулюкин К.С. (Казань)

CROSS-CULTURAL DIFFERENCES IN THE CREATIVE THINKING OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Chulyukin K.S.

Младший школьный возраст представляет собой сензитивный период для развития творческой активности. Именно в начальной школе наиболее эффективно формируются умения работать нестандартно [1].

На протяжении данного возрастного периода у ребенка развивается теоретическое мышление; он получает новые знания, умения, навыки – создает необходимую базу для всего своего последующего обучения [2].

Изучая креативное мышление как базовое составляющее способности к творчеству в начальной школе, следует иметь в виду специфику ее проявления в различных школьных культурных средах, т.е. необходимо обратить особое внимание на аспект кросс-культурных различий креативного мышления.

Целью данного исследования является сравнительный анализ и установление существенных различий креативного мышления детей младшего школьного возраста, проживающих и обучающихся в начальных школах Республики Татарстан, Армении и Узбекистана.

Эмпирическое исследование проводилось на базе средних общеобразовательных школ МБОУ «Русско-татарская школа № 136» и МБОУ

«Школа с углубленным изучением отдельных предметов № 33» города Казани, «Школа с углубленным изучением немецкого языка № 60» и «Школа № 128» города Ташкента, Узбекистан; школа № 122 имени Александра Блока города Еревана, Армения. Объем выборки составил 186 респондентов в возрасте от 8 до 10 лет, проживающие и обучающиеся в Республике Татарстан, Армении, Республике Узбекистан.

Для сбора информации была использована методика – батарея тестов для изучения творческого мышления Е.Е. Туник, которая представляет собой модификацию тестов Гилфорда и Торренса, состоящая из семи субтестов [3].

Статистическая обработка результатов выполнялась с помощью пакета программ Excel и программы SPSS 22. Она включала в себя определение статистической достоверности различий средних арифметических значений и расчет t-критерия Стьюдента для определения существования достоверных различий между данными.

По завершению исследования и обработки полученных данных, были получены следующие результаты:

1. Общий уровень развития креативности показывает, что преобладающее большинство респондентов обладают средним уровнем развития креативного мышления: более чем у 70% респондентов значения коэффициентов вербальной и невербальной креативности находятся на уровне средних значений по выборке.

2. Высокий уровень достоверности различий был обнаружен у младших школьников, проживающих и обучающихся на территории Республики Татарстан, при котором диагностируется более высокий уровень развития вербальной креативности в выполнении заданий на беглость, гибкость, оригинальность и точность по сравнению с младшими школьниками, проживающими и обучающимися в Армении и Узбекистане ($r=0,609^{**}$, при $p < 0,01$).

3. При сравнении результатов выборки из Республики Татарстан, Армении и Узбекистане с показателями дисперсий групп было установлено, что младшие школьники, проживающие и обучающиеся в Армении и Узбекистане, имеют более высокий уровень развития невербальной креативности при сопоставлении значений по суммарным показателям невербальной креативности проведенной батареи тестов ($r=0,526^{**}$, при $p < 0,01$).

Таким образом, дети младшего школьного возраста, проживающие и обучающиеся в начальных школах своих стран, имеют различия креативного мышления, проявляющиеся в соответствующей специфичности вербальной и невербальной выраженности беглости, гибкости оригинальности и точности при решении поставленных заданий с детьми

того же возраста, проживающих и обучающихся в начальных школах других стран.

Список литературы:

1. Кухаронак В. Г. Диагностика творческой активности младших школьников// Пазашкольные выхаванне. – 2000. – № 6. – С. 13-19. с.14
2. Кулагина И. Ю. Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет / Ун-т Рос. акад. образования. — 5-е изд. – М. : Изд-во УРАО, 1999. – С. 175. с. 132
3. Туник Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. – СПб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 2002. – С. 48

ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ВПС В ЛЕЧЕБНОМ СТАЦИОНАРЕ

Чурбанова С.М. (Москва)

THE PRINCIPLE OF THE INTEGRITY OF SOCIAL SITUATION OF DEVELOPMENT IN THE ORGANIZATION OF LIFE SOCIAL SPACE AND REHABILITATION OF CHILDREN WITH CHD IN THE HOSPITAL

Churbanova S.M. (Moscow)

Наличие хронического соматического заболевания у ребенка создает своеобразную социальную ситуацию развития [7]. В ряде исследований было показано, что особенности развития интересов, самооценки, тревожности у детей, сферы межличностных отношений с родителями и сверстниками обнаруживают специфическую возрастную динамику при различных сложных хронических соматических заболеваниях, что свидетельствует об изменении нормального хода личностного развития ребенка, а также обуславливает характер профилактической и психокоррекционной работы клинического психолога, ориентирующегося на внутреннюю картину болезни детей [4; 8]. Созданная на кафедре нейро- и патопсихологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора В.В. Николаевой *модель психологической реабилитации детей и подростков*, перенесших операцию при ВПС на основе диагностики и психокоррекции внутренней картины болезни и самосознания, включена в деятельность Отделения реабилитации больных ВПС Института кардиохирургии имени В.И. Бураковского и НЦССХ имени А.Н. Бакулева РАМН [6; 10].

Однако с позиции детской возрастной психологии показано, что потенциал возможностей в развитии личности детей выходит за пределы только телесности конкретного субъекта, внутренней картины болезни и определяется целостной социальной ситуацией развития – различными типами контекстов социального окружения [5]. Как известно, решение важной прикладной задачи контроля за ходом психического развития ребенка строится на основе *модели возрастнo-психологического анализа психического развития*, при которой на первое место ставится значение деятельности и общения, возрастной специфики, определяющих жизнестойкость ребенка и подростка в особых условиях жизнедеятельности [3]. Такой более широкий взгляд на потенциал возможностей в развитии личности ребенка, основанный на принципе целостности социальной ситуации развития, реализует метапредметный подход и позволяет наметить ряд факторов, постоянно содействующих успешному лечению, реабилитации, более быстрому выздоровлению. Мировая практика и эмпирический опыт, полученный в нашей стране, свидетельствуют о значимости организации пространства жизни ребенка в стационаре как 1) *пространства развития* и как 2) *пространства преодоления травмирующих ситуаций* [2]. В более широком смысле речь идет о создании предметной развивающей среды, отражающей непрерывность развивающего процесса, зависимость от уровня развития деятельности ребенка, его возраста, от *создания специальных условий для занятий творческой деятельностью* [9]. В связи с инициативой благотворительного фонда «Грани таланта» на базе детского отделения врожденных пороков сердца (ВПС) НЦССХ имени А.Н. Бакулева с 2007 года успешно функционирует совместный проект «Исцеление творчеством». С 2014 года в рамках договора о сотрудничестве между факультетом психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и БФ «Грани таланта» студенты совместно с волонтерами-художниками проводят в Центре творческой реабилитации НЦССХ имени А.Н. Бакулева занятия с детьми с ВПС от 3 до 18 лет по продуктивным видам деятельности: рисованию и лепке в до- и послеоперационные периоды. Создание визуальных образов на таких занятиях видятся как элементы арт-терапии, что позволяет организовать между ребенком и взрослым межличностное общение, приводящее к расширению познавательных интересов детей, снижению уровня тревоги [1].

Дальнейшая работа, на наш взгляд, может вестись в двух направлениях: во-первых, предстоит уточнить и конкретизировать эффекты психологического развития в ходе творческого взаимодействия ребенка с ВПС и возрастного психолога, создать условия для их пролонгированного действия за пределами больничной среды. И во-вторых, необходимо вести исследовательскую работу в области изучения снижения трав-

мирующего воздействия на ребенка ситуации болезни, операции и т.д. за счет создания специального предметного пространства больничной среды как пространства преодоления травмирующих ситуаций.

Список литературы

1. Арт-терапия – новые горизонты / Под ред. А.И. Копытина. М.: Когито-Центр, 2006. 336 с.

2. Айламазьян А.М., Вишнева А.Е., Шлягина Е.И. Художественная работа с детьми во время лечения и реабилитации / Программа. Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Рукопись. М., 2009. 40 с.

3. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков / Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, О.А. Карабанова и др. – М.: Академия, 2002. 416 с.

4. Горячева Т. Г. Роль детско-родительских отношений в психическом развитии подростков, оперированных по поводу врожденного порока сердца в раннем возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 20 с.

5. Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии / Методология и история психологии. Т.2. № 4. С. 40-56.

6. Кассирский Г.И. и др. Реабилитация детей после хирургического лечения врожденных пороков сердца. Отделение реабилитации больных ВПС, НЦССХ им. А.Н. Бакулева [Электронный ресурс]. М.: РАМН, 2007. URL: <http://refdb.ru/look/1616514.html> (дата обращения: 21.01.2016).

7. Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику. М.: МГУ, 1987. 168 с.

8. Никольская М. З. Роль индивидуально-психологических особенностей в формировании реакции на заболевание (на примере больных ишемической болезнью сердца): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 20 с.

9. Новоселова С.Л. Предметная среда детства развивающая. Психология развития. Словарь / Под ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М., 2005. 176 с.

10. Султанова А.С. Внутренняя картина болезни подростков, перенесших операцию при врожденном пороке сердца: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 28 с.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Шиян И.Б. (Москва)

DIALECTICAL THINKING AS A MECHANISM OF BUILDING SPACE CAPABILITIES

Shiyan I. B. (Moscow)

Обсуждая пути построения представления о пространстве возможностей развивающейся ситуации, оправдано говорить о следующих параметрах:

- возможностях характеристик ситуации, неподвластных субъекту,
- возможностях партнеров по ситуации,
- собственных возможностях.

К неподвластным субъекту условиям прежде всего относят действие законов «природы» начиная от климатических, географических условий и действия физических законов до условий детерминизма или случайности. Однако к числу неподвластных можно отнести и определенные уровни социального устройства ситуации.

Обсуждая возможности партнеров по ситуации важно оценивать не только интеллектуальные, социальные, физические характеристики других субъектов, действующих в ситуации, но и динамические особенности этих параметров. Необходимо учитывать возможности развития партнеров (в том числе и под влиянием той самой ситуации, возможности которой мы обсуждаем). Заметим, также, что партнер, – не обязательно человек, способствующий достижению цели субъектом. В данном контексте это и соперник, препятствующий достижению цели.

Собственные возможности – также сложный параметр для анализа: здесь субъект мышления одновременно выступает и в качестве предмета анализа.

Мы предполагаем, что выстраивание пространства возможного в отношении каждого из этих факторов осуществляется с помощью единых механизмов (речь идет лишь о различной их направленности).

Основная характеристика пространства возможностей, это вариативность. Осмысливая будущее, мы должны предполагать различные варианты развития ситуации. С помощью диалектического мышления (прежде всего, через действия превращения, опосредствования, объединения) диалектической сериации) мы можем представить будущее как совокупность возможностей, связанных между собой структурными отношениями. Каждая из возможностей мыслится как мультиплика-

ция потенциала человека, его партнеров по ситуации и неподвластных условий.

Выстраивание представления о возможных позициях в отношении нормативной ситуации позволяет по-иному увидеть пространство своих возможностей, собственную *позицию* в ней. Диалектическое мышление выступает в качестве механизма вариативного преобразования собственной позиции и выстраивания таким образом субъектного отношения к пространству возможностей нормативной ситуации. Человек перестает быть зависимым от ситуации, видя реальные возможности в этой ситуации существующие. Позиция субъекта и позиция другого выступают в качестве исходной пары противоположностей, задающей границы пространства возможностей нормативной ситуации, в пределах которых задаются иные реальные и предполагаемые возможные позиции. Диалектическое мышление может выступать в качестве механизма преобразования содержания позиций друг в друга – каждая из них мыслится как *иная* по отношению к исходной.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ О «СВОИХ» И «ЧУЖИХ»
ЛЮДЯХ, ВРАГЕ И ДРУГЕ В МЕТАФОРАХ И НАРРАТИВАХ**

Альперович В.Д. (Ростов-на-Дону)

**REPRESENTATIONS OF ADULTS ABOUT “FRIEND”-”ALIEN”
PEOPLE AND ENEMIES IN METAPHORS AND NARRATIVES**

Alperovich V.D.

В психологических исследованиях обсуждается метафорическая и нарративная основа феноменов «дискриминация» и «язык вражды» [1, 2, 3, 4]. Проблемой нашего исследования являются метафоры и нарративы в разных интерпретативных репертуарах восприятия другого человека как «своего» и «чужого». Цель исследования: выявить различия метафор «своих» и «чужих» людей и нарративов о взаимодействии с ними, отражающих разные интерпретативные репертуары восприятия другого человека как «своего» и «чужого». Предмет исследования: метафоры «своего» и «чужого» человека, уровень выраженности принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям, характеристики представлений взрослых о Враге и Друге, содержательные особенности нарративов о ситуациях взаимодействия субъекта со «своими» и «чужими» людьми. Гипотезы исследования: 1. Метафоры «своих» и «чужих» людей в разных интерпретативных репертуарах их восприятия могут различаться. 2. Разные интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей могут различаться содержательными особенностями нарративов о ситуациях взаимодействия субъекта со «своими» и «чужими» людьми. 3. Разные интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей могут различаться уровнем выраженности принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям. 4. Разные интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей могут различаться характеристиками представлений личности о Враге и Друге.

Методы исследования: контент-анализ метафор, анализ характеристик представлений, нарративный анализ, методы математической статистики (квартилирование, кластерный анализ, Н-критерий Kruskal-Wallis). Применены методики: 1. Авторская методика «Метафоры «своих» и «чужих» людей» (Альперович В.Д., 2016). 2. Модифицированная анкета Д.Н. Тулиновой «Идентификация Другого в качестве Врага и

Друга» (Д.Н. Тулинова, 2005). 3. Авторская методика «Диагностика принятия дискриминационных практик в повседневном межличностном общении» (Альперович В.Д., 2016). Эмпирический объект исследования: 139 человек в возрасте 20-35 лет.

Разработана эмпирическая модель интерпретативных репертуаров восприятия взрослой личностью «своих» и «чужих» людей, различающихся метафорами «своих» и «чужих» людей, нарративами о ситуациях взаимодействия с ними, уровнем выраженности принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям и характеристиками представлений о Враге и Друге. Результаты свидетельствуют в пользу выдвинутых гипотез.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5294.2016.6, тема «Метафоры «своего» и «чужого» как предиктор «языка вражды» и дискриминации» (внутренний номер 213.01-10/2016-10п)

Список литературы

1. Аванесян М.О. Психологические механизмы понимания и создания метафор: Автореф. дис... канд. психол. наук. СПб., 2013. 22 с.
2. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненно-го пути человека: Дис... канд. психол. наук. М., 2010. 220 с.
3. Вачков И.В. Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // Клиническая и специальная психология. 2015. Т.4. № 1 (13). С. 75-88.
4. Якунин А.П. Исследование метафор как форм объективации смысловой сферы в представлениях подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 256-267.

МЕТАФОРЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ ВНЕШНИМ ОБЛИКОМ У ЛИЦ РАЗНОГО ПОЛА, ВОЗРАСТА И УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Альперович В.Д. (Ростов-на-Дону)

METAPHORS OF PERSONS WITH VARIOUS GENDER, AGE AND EDUCATIONAL LEVEL ABOUT “FRIEND” AND “ALIEN” PEOPLE WITH DIFFERENT ETHNOCULTURAL EXTERNAL APPEARANCE

Alperovich V.D.

Межэтнические конфликты и иммиграционные процессы остаются в фокусе внимания исследователей как общественные явления, связан-

ные с актуализацией диалога «своих» и «чужих». Дискриминационные стереотипы и поведение в межгрупповых отношениях, в частности, обусловлены «наклеиванием ярлыков» на членов иных этнических, гендерных групп. Они включают атрибуцию негативных свойств, предрассудки и предубеждения и составляют «язык вражды» («hate speech») [2, 5]. В рамках теоретико-методологической модели изучения отношения к этнолукизму как к повседневной дискриминационной практике, разработанной В.А. Лабунской, выполнены исследования Д.В. Погонцевой и А.А. Беззян [1, 3, 4]. В когнитивной лингвистике и в когнитивной психологии изучаются метафоры и нарративы как механизмы формирования содержания конструктов «свой»-«чужой», «Друг-Враг», отражаемые в речевом поведении индивида, в частности, в «языке вражды».

Проблемой нашего исследования являются различия представлений, выраженных в метафорах и нарративах, о «своих» и «чужих» людях с разными типами этнокультурного внешнего облика. Цель эмпирического исследования: выявить различия метафор «своих» и «чужих» людей со «славянским», «кавказским» и «азиатским» этнокультурным внешним обликом у лиц с разными стратификационными характеристиками (пол, возраст, уровень образования). Предмет исследования: метафоры «своего» и «чужого» человека, Врага и Друга у мужчин и женщин, находящихся на этапах ранней и средней зрелости, с незаконченным высшим образованием и имеющих высшее образование. Основная гипотеза исследования: Метафоры «своих» и «чужих» людей с разным типом этнокультурного внешнего облика у лиц с разными стратификационными характеристиками могут различаться.

В исследовании применены следующие методы: контент-анализ метафор, методы математической статистики (квартирование, кластерный анализ, Н-критерий Краскала-Уоллеса, U-критерий Манна-Уитни). Разработана и применена авторская методика «Метафоры «своих» и «чужих», Врага и Друга как членов иных этнокультурных групп» (Алперович В.Д., 2017). Эмпирический объект исследования: 83 человека в возрасте 19-53 лет (студенты вузов, сотрудники различных предприятий г. Ростова-на-Дону).

Полученные результаты свидетельствуют в пользу выдвинутых гипотез.

В рамках данной выборки, с возрастом, к периоду средней и поздней зрелости, усиливается тенденция наделять положительными социально-психологическими свойствами «чужих» людей со «славянским» внешним обликом, «своих» и «чужих» людей с «кавказским» внешним обликом, позитивно оценивать их роль в общении. Респонденты с незаконченным высшим образованием более склонны приписывать от-

рицательные социально-психологические свойства «своим» и «чужим» людям с «кавказским» и с «азиатским» внешним обликом, негативно оценивать их роль в общении, чем респонденты с высшим образованием. Респонденты-мужчины более склонны подчеркивать различия с «чужими» партнерами по общению, особенно с представителями иных этнокультурных групп, имеют более ограниченные критерии категоризации окружающих людей на «своих» и «чужих», чем респонденты-женщины.

Разработана эмпирическая модель интерпретативных репертуаров восприятия «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 16-36-00049, тема «Социально-психологическая эмпирическая модель исследования отношения к этнолукизму – практики дискриминации на основе обыденных обозначений типов внешнего облика» (внутренний номер темы 213-01-13/2016-01 РГНФ)

Список литературы

1. Безян А.А. Особенности этнической идентичности как предиктор принятия дискриминационного отношения к этнокультурным группам // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 3. С. 454-464.
2. Качмазова А.У., Тамерьян Т.Ю. Когнитивные механизмы этностеротипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 298-305.
3. Лабунская В.А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 19-33. doi: 10.17759/sps.2016070402
4. Погонцева Д.В. К вопросу о дискриминации юношей и девушек со славянским, кавказским и азиатским обликом // Здоровоохранение, образование и безопасность. 2016. № 2 (6). С. 36-40.
5. Тихонова Е.В. Стереотипизация и дискриминация этнокультурных групп: «отмывание информации» и «язык вражды» новых медиа // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сб. науч. тр. / Под общ. ред. Л.К. Раицкой, С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 485-503.

ПРАВЫЕ АВТОРИТАРИИ: ТВОРЧЕСКИЕ ОЗАРЕНИЯ ПРИ АЛЕКСИТИМИИ

Альтман Ю.И. (Ярославль)

RIGHT-WING AUTHORITARIANS: CREATIVE INSIGHTS INTO ALEXITHYMIA

Altman Yuri Ilich

В кросс-культурном исследовании особенностей ценностей у правых авторитариев в РФ и ФРГ при национальных выборках по 150 чел. (2015-2016 гг) применялись шкала ценностей Ш.Шварца, торонтская шкала алекситимии [1] и методика рефлексивности А.В.Карпова [2].

Самый высокий уровень алекситимии демонстрировали правые авторитарии с высокой степенью RWA (Right-wing authoritarianism), при низкой степени RWA уровень алекситимии практически совпадал с ее уровнем у людей, свободных от право-авторитарных особенностей. Соответственно, при высокой степени RWA снижается уровень противоречивости мышления, уменьшается палитра сомнений, сопровождаемые снижением общей рефлексивности, резко снижаются издержки времени, затраченного на принятие поведенческого сценария.

На первый взгляд весьма необычным результатом выступила дихотомия отсутствия символического мышления, способности к фантазии, ригидности к изменениям, характерных для большинства признаков алекситимии, с одной стороны, и специфической креативности, направленной на создание харизматического символа лидера, начальника, с другой. При этом повышается творческий потенциал право-авторитарного субъекта для достижения адаптивно успешного результата, официального одобрения, лояльности, карьерного роста. Иными словами, диалогическую бинарность составляет теперь ригидность и открытость к новизне, но не к новизне как таковой, а – индивидуально осмысленной и конкретизированной в контексте успешной и безопасной адаптивности. Мы усматриваем в такой диалогичности проявление и подтверждение смысла фундаментальной позиции М.Бубера [3] и М.М.Бахтина о двойственности слов человеческой речи [4]. Наличие противоречивости является для правых авторитариев отнюдь не противоречием, приносящим напряжение и страдание в состояниях психологической аномии и когнитивного диссонанса, а естественной устойчивой структурой противоположных фреймов, в которой одновременно сохраняются в сознании, мышлении, памяти, речи, поведении обе противоречащих друг другу когниции. Установление структур сходства, по И.Гофману [5], выраба-

тывает третий, срединный, уравнивающий и синхронизирующий противоречия смысл, субъективно означающий индивидуально осознаваемую «полезность» (просто новизна слишком неизвестная величина, поэтому – отвергается как опасная; новизна для достижения успешного актуально-адаптивного результата – прагматична и потому – предпочтительна и выгодна). Этот третий, синхронизирующий противоречия бинарной оппозиции члена, становится «невидимым» ресурсом, как новый психосемантический инструмент адаптации в зависимости от изменения конъюнктуры и альтернатив «модальностей бытия» [6].

Список литературы

1. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии. URL: <http://info@psylab.info> (дата обращения 20.02.2015)
2. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методики ее диагностики. // Психологический журнал. 2003. №5, С.45-57.
3. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
5. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.
6. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА «ОТРИЦАНИЕ» КАК ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Басимов М.М., Басимова П.М. (Москва)

EJECTION AS A CAUSE AND EFFECT OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN YOUTH ENVIRONMENT

Basimov M.M., Basimova P.M.

Нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация в мире провоцирует рост дистрессовых факторов как в общественном так и в личном сознании, требуя глубокого изучения механизмов психологической защиты, их причинно-следственных связей.

В исследовании П.М. Басимовой были подробно изучены механизмы психологической защиты, их влияние на межличностные отношения в молодежной среде. Для этого применялся следующий инструментарий: методика Р. Плучика изучения механизмов психологической защиты, опросник межличностных отношений ОМО (FIRO В. Шутца), опросник Т. Лири диагностики межличностных отношений (ДМО).

Исследование психических явлений будет искусственно крайне упрощено, если оставаться только в рамках линейных представлений. А чтобы преодолеть эти проблемы используется авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [1]. Для его реализации применяется обобщенный вариант авторского метода множественного сравнения. Сравняются квантильные разбиения данных (триады, кварты, квинты) по изучаемым параметрам.

Переходя на синергетическую платформу и рассматривая кроме линейных простейшие нелинейные связи, мы обнаруживаем три интересные зависимости механизма психологической защиты «Отрицание» (методика Р. Плучика) и параметров межличностных отношений (методики Т. Лири и ОМО).

1. Зависимость параметра «Отрицание» (Y) от параметра «Агрессивный (я-идеальное)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

X-1 (Y= -1193); X-2 (Y= -15212); X-3 (Y= +410); X-4 (Y= +3065);
X-5 (Y= +2471)

Коэффициент силы связи = 0.93 (обратная зависимость = 0.30)

Коэффициент корреляции = 0.39

При начальном росте тенденции к агрессивности (переход с 1 на 2 квинту) наблюдается сильный минимум по шкале отрицание (сравнительная весомость = -15212), когда индивид почти не использует такой механизм психологической защиты как отрицание. Дальнейшее повышение стремления к агрессивности приводит к увеличению по шкале «Отрицание», причем до значений больших, чем первоначальные.

2. Зависимость параметра «Отрицание» (Y) от параметра «Включение (требуемое поведение минус выраженное поведение)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

X-1 (Y= +27); X-2 (Y= +1136); X-3 (Y= +1037); X-4 (Y= -13207);
X-5 (Y= +195)

Коэффициент силы связи = 0.81 (обратная зависимость = 0.20)

Коэффициент корреляции = -0.04

Индивид, который ждет проявления внимания и предложений к сотрудничеству от окружающих, почти не использует такой механизм психологической защиты как отрицание: минимум на 4 квинте (-13207).

3. Зависимость параметра «Эгоистичный (я реальное)» (Y) от параметра «Отрицание» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

X-1 (Y= -1501); X-2 (Y= +374); X-3 (Y= -6825); X-4 (Y= +1919);
X-5 (Y= +648)

Коэффициент силы связи = 0.54 (обратная зависимость = 0.27)

Коэффициент корреляции = 0.14

Для среднего уровня (3 квинта) психологической защиты «Отрицание» наблюдается минимум по шкале «Эгоистичность (я реальное)» со значением (-6825) по шкале сравнительной весомости.

Изучение простейших нелинейных связей апробировалось в многочисленных психологических исследованиях ученых Курганского государственного университета [2-6] и Российского государственного социального университета [7-10], представляющих различные области психологической науки. Нелинейная психология – это неизбежный путь изучения психологических систем, позволяющий также практическому психологу понимать и использовать научные результаты.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Список литературы

1. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 666.
2. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 403.
3. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear effects in interaction “child-parent” // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 261.
4. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear influence of severity on the lifemean orientations of the child // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 261.
5. M.Basimov, E.Padurina Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 778.
6. M.Basimov, E.Padurina Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 779.
7. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 851.
8. M.Basimov Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.
9. P.Basimova, M.Basimov Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 903.
10. P.Basimova, M.Basimov Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЛИДЕРСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА

Беспалов Д.В. (Курск)

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE DYNAMICS OF LEADERSHIP IN THE SPACE OF THE GROUP SUBJECT

Bespalov D.V.

В настоящее время разработка групповой проблематики получает новый импульс в рамках субъектного подхода, который все глубже проникает в социальную психологию (работы А.Л. Журавлева, А.С. Чернышева, К.М. Гайдар и др.) [2, 3, 4]. В то же время проблема лидерства в рамках жизнедеятельности группового субъекта остается мало изученной. Рассмотрение динамики лидерства в соотношении с динамикой группы является перспективным путем анализа лидерства.

Исследование динамики лидерства в пространстве группового субъекта на примере молодежи актуализировано необходимостью выявления факторов, определяющих формирование эффективных гуманистических лидеров в молодежной среде, специфики социального и личного статуса молодежных лидеров в современных социокультурных условиях, а также востребованностью в практической работе с молодежью научной информации об особенностях и закономерностях динамики лидерства в различных молодежных группах.

В отечественной психологии проведен ряд исследований, направленных на изучение лидерства и уровня развития группы. В целом можно констатировать, что в исследованиях отечественных психологов было установлено следующее: лидерство детерминировано уровнем развития группы, в группах низкого уровня развития и в коллективах феномен лидерства принципиально различен. В то же время недостаточно изученным является вопрос о роли и месте лидерства в рамках группового субъекта.

Результаты проведенного исследования [1], ведущую роль в котором играл экспериментальный метод, позволили установить, что динамика лидерства в группах различного уровня субъектности имеет определенную специфику. Потенциальные возможности лидерства, сложившиеся в высокосубъектных группах (согласованное мнение группы относительно лидерства, устойчивость лидерства, лидерский «резерв», соотношение лидеров-организаторов и дезорганизаторов, адекватное восприятие лидеров группой) реализуется в реальной деятельности в совпадении уровня притязаний лидеров и их реального вклада в группу, оптималь-

ном сочетании стратегического и тактического лидерства. В отличие от групп средней и особенно низкой субъектности, в группах высокой субъектности складывается адекватное организационное самоопределение индивидов, основанное на согласованном мнении членов группы относительно лидерства, совпадении уровня притязаний лидеров и их реального вклада в группу, устойчивости структуры лидерства. Группы высокой субъектности отличаются большим лидерским «резервом». В таких группах при создании дополнительной напряженности за счет исключения лидера из деятельности успешность совместной деятельности снижается незначительно, в отличие от групп средней и особенно низкой субъектности.

С ростом субъектности групповое лидерство претерпевает изменения. Лидеры группы, способствуя повышению субъектности группы, сами приобретают новые качества, в частности у них проявляется способность интегрировать индивидуальные и групповые мотивы членов группы, расширять включенность индивидов в совместную деятельность на всех этапах ее реализации, создавать в группе положительный психологический настрой. Некоторые группы медленно достигают высокого уровня развития субъектности из-за отсутствия у лидеров развитых организаторских способностей, низкой лидерской мотивации, часто на место таких лидеров выдвигаются другие индивиды, т.е. если структура лидерства в группе не отвечает поставленным перед группой задачам, то она претерпевает серьезные изменения.

Работа поддержана грантом РФФИ №16-36-01019 «Динамика молодежного лидерства в пространстве группового субъекта»

Список литературы

1. Беспалов Д.В., Чернышев А.С., Аль-Гафри С. Роль лидерства в функционировании группы как субъекта совместной деятельности. Курск, 2013. 243 с.
2. Гайдар К. М. Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та. 2006. 160 с.
3. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
4. Чернышев А.С. Параметрическая теория малых групп и коллективов: исходные положения и тенденции развития // Психол. журн. 2016. №6. Т. 37. С. 15-25.

ОЦЕНКИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА В СТРУКТУРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ

Безьян А.А. (Ростов-на-Дону)

APPEARANCE ESTIMATES IN STRUCTURE OF REPRESENTATIONS OF YOUTH ABOUT TEACHERS

Bezzyan A.A.

В сознании обыденного человека все больше закрепляется представление о том, что привлекательный внешний облик является преимуществом, от наличия которого зависит жизненный успех в различных сферах жизнедеятельности. Лабунская В.А. отмечает, что внешний облик человека наделяется «жизненно важными функциями» [3, с. 29]. В ряде исследований показано, что оценки внешнего облика оказывают влияние на различные аспекты взаимодействия в разных сферах жизнедеятельности: от того какую оценку получает внешний облик человека зачастую зависят перспективы человека – начиная от сферы романтических отношений и заканчивая профессиональной сферой. Так, известно, что эстетические оценки внешнего облика обуславливают успех у противоположного пола и принятие решения о знакомстве [4], [5], принятие решения при приеме на работу, ее престижности и размере заработной платы [4], [9]. Не исключением является и сфера образования, где оценки внешнего облика преподавателя связывают с успешностью взаимодействия «преподаватель-студент». Так, Яворской Э.Э. было проведено социолингвистическое исследование с целью выявления у обучающихся в образовательном учреждении сформировавшихся образов преподавателя и оценок самих себя в процессе обучения [8]. По результатам данного исследования, было выявлено, что 41% респондентов считают, что внешний вид преподавателя определенно влияет на учебный процесс, 43% выбрали ответ – «не влияет». При этом, 10% участников исследования отметили, что внешний вид преподавателя «отвлекает внимание» от изучаемой дисциплины, а 6% считают, что внешний вид преподавателя «мешает восприятию информации». Более половины опрошенных молодых людей так же отмечали, что внешний вид студента на экзамене влияет на получение положительной оценки.

О том, что в структуре представлений студентов о преподавателях важная роль отводится внешнему облику, свидетельствует исследование, в которых изучается имидж преподавателя, представления молодых людей об «идеальном» преподавателе, о социально желательных/нежелательных качествах преподавателя. Так, в исследовании Колесни-

ковой Л.Н. было выявлено, что 99% студентов, из числа анкетированных отметили, что преподаватель должен быть интеллигентен, обаятелен и привлекателен, опрятен и аккуратен, а внешний вид должен соответствовать профессии. [2]. По данным исследования Парфеновой Т.А., Михайловой Т.В., к характеристикам «идеального» преподавателя российские студенты относят внешнюю привлекательность (характеризуемая студентами как опрятность, интеллигентность и наличие вкуса) [6]. В работе Иноземцевой Л.П., было показано, что молодые люди считают, что преподаватель должен обладать такими характеристиками как опрятность, красота, привлекательность, элегантность, эффектность; должен быть подтянутым, с хорошей фигурой и с ухоженными волосами; должен быть стильным и симпатичным, выглядеть безупречно и в тщательно подобранном костюме [1]. В исследовании привлекательных и непривлекательных качеств в имидже преподавателя Шибаевой Л.М., Шибаева В.П. среди наиболее частотных привлекательных характеристик студенты отнесли «элегантный внешний вид» [7].

Таким образом, можно сказать о том, что в структуре представлений молодых людей о преподавателях важная роль отводится внешнему облику и его компонентам (лицо, телосложение, оформление внешнего облика), где молодые люди оценивают внешний облик преподавателя по таким критериям как эстетические оценки и соответствие внешнего облика профессиональной роли.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260

Список литературы

1. Иноземцева Л.П. Имидж преподавателя как составляющая его профессиональной личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 231–232.
2. Колесникова Л.Н. Профессиональный имидж современного преподавателя // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 209-215.
3. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26-39
4. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. СПб.: Изд-во «Прайм Еврознак», 2002. 512 с.
5. Мелешников А.А. Восприятие личности по фотографии при общении в Интернет (на материале сайтов знакомств). Автореф. дис... к.психол.н. – Ярославль, 2010. 27 с.
6. Парфенова Т.А., Михайлова Т.В. Идеальный образ преподавателя ВУЗа: сравнительный анализ представлений студентов России и Казахстана // Социальные явления – журнал международных исследований. 2015. №3. С. 99-104.

7. Шибаетва Л.М., Шибаетв В.П. Профессионально значимые личностные качества как основа имиджа преподавателя высшей школы // Мир образования – образование в мире. 2010. №4. С. 224-227.

8. Яворская Э.Э. Имидж преподавателя в оценках студентов казахстанских вузов / Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии Материалы Международной научно-практической конференции. под ред. Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочиной, Е.А. Горобец. 2016. С. 432-436.

9. Tietje L., Cresap S. Is lookism unjust?: the ethics of aesthetics and public policy implications // Journal of libertarian studies. 2005. Volume 19. No. 2. P. 31-50.

ЭМПАТИЯ В МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Борисова Е.Г. (Москва)

EMPATHY IN MASS COMMUNICATIONS: PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS

Borisova E.G.

Одним из инструментов влияния в массовой коммуникации является эмпатия. В массовой коммуникации это понятие можно интерпретировать как занятие адресатом точки зрения другого персонажа, в том числе автора сообщения или изображаемого героя. Отождествление с автором сообщения заставляет в какой-то момент разделить позицию автора утверждения, что может хотя бы частично закрепиться в памяти. Отождествление с героем сообщения приводит к возникновению положительного отношения к герою (priming) ([Wilson & Capitman, 1982], а в перспективе, по мнению ряда ученых, к восприятию его стереотипов поведения (А. Бандура).

Особо важным представляется изучение инструмента эмпатии в свете роли «мягкой силы», как средства управления массовым сознанием. Главной характеристикой «мягкой силы» ее «открыватель» Дж. Най объявляет притягательность государства (и шире – любого иного общественного явления от страны до политика) для масс. Эмпатия способствует созданию такого впечатления.

Основные моменты формирования эмпатии: ощущение чужого как «своего», одобрение того, что воспринимается «своим», согласие на действия в пользу «своего».

В формировании эмпатии включаются как вербальные, так и невербальные (визуальные, аудиальные) средства. В языковом аспекте занятию позиции автора сообщения способствуют: а) использование языка адресата («подстройка»), б) включение адресата в понятие «мы»

(«наше»), в) номинация, ориентированная на ключевых эмпатируемых персонажей, г) средства создания аффективного состояния, соответствующего состоянию автора («заражение эмоцией») В визуальном плане используются точки задания ракурса, достоверность изображения, создающая иллюзию присутствия (в этом плане существенную роль играют динамические видеосюжеты). В аудиальном плане могут влиять шумы, создающие эффект присутствия, музыка, задающая необходимое эмоциональное состояние и т.п.

Следует отметить, что наряду с отождествлением с автором, большую роль в воздействии на адресата может играть отождествление с одним из персонажей сообщения – телевизионного сюжета, рекламного плаката или ролика и т.п. Помещение адресата на позиции, заданные автором, могут обеспечить необходимые переживания, создающие нужные ассоциации, способствующие к побуждению к действию и т.п. Средства, используемые при этом, относятся к тому же арсеналу, что указанные выше. Однако конкретные приемы при этом отличаются.

В целом возникшие представления, связи, состояние, вызванные отождествлением адресата с автором или с кем-либо из персонажей, позволяют приблизить – пусть до какой-то степени – адресата к сфере автора, что способствует ощущению «своего», возникновению притягательности этого «своего». А это именно тот эффект, который используется в стратегиях «мягкой силы».

ОСОБЕННОСТИ ФОРМ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЦЕНТРАЦИИ

Бреус Е.Д., Попова Ю.А. (Ростов-на-Дону)

FEATURES OF FORMS OF INTERPERSONAL FEEDBACK AT PERSONS WITH DIFFERENT LEVELS OF CENTRATION

Breus E.D., Popova Yu.A.

На современном этапе развития социальной психологии изучение межличностной обратной связи имеет большое значение. Использование различных форм межличностной обратной связи зависит от множества различных факторов и влияет на эффективность процесса общения. Многие исследователи, как отечественные [1, 2, 3, 4], так и зарубежные [5, 6, 7] описывают различные особенности подачи и принятия партнерами по общению межличностной обратной связи. Также изучаются различные социально-психологические и личностные характеристики, оказывающие влияние на процесс общения между людьми: общитель-

ность, контактность, темперамент, стиль общения [8], экстраверсия, толерантность, мобильность [9], децентрация, идентификация, рефлексия, эмпатия [10]. Среди перечисленных характеристик наиболее глубоинной является центрация личности в общении. Однако, данная область изучена еще недостаточно. Поэтому целью исследования является изучение форм межличностной обратной связи у лиц с различным уровнем центрации. Предмет исследования: формы обратной связи, уровень центрации.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что лица с различным уровнем центрации могут использовать различные формы межличностной обратной связи.

Эмпирический объект исследования составил 120 респондентов в возрасте от 15 до 45 лет.

Непараметрический критерий Манна – Уитни показал наличие значимых различий в использовании форм межличностной обратной связи «Я-высказывания» ($Z=-2,72$ при $p\text{-level}<0,006$), «Выражение чувств» ($Z=-4,45$ при $p\text{-level}<0,001$), «Ты-высказывания» ($Z=-4,79$ при $p\text{-level}<0,0002$) и стратегий «избегание» ($Z=2,98$ при $p\text{-level}<0,003$) «приспособление» ($Z=2,46$ при $p\text{-level}<0,01$) у лиц с низким и средним уровнями центрации. Это означает, что представители низкого уровня центрации склонны к использованию «Ты-высказываний» и применению стратегии поведения в конфликте «избегание», «приспособление». Респонденты со средним уровнем центрации ориентированы на использование «Я-высказываний» и чаще выражают свои чувства. Также, значимые различия обнаружены в использовании форм обратной связи «Я-высказывания» ($Z=-5,8$ при $p\text{-level}<0,00001$), «Ты-высказывания» ($Z=6,29$ при $p\text{-level}<0,000001$), стратегий «избегание» ($Z=2,2$ при $p\text{-level}<0,03$) «приспособление» ($Z=2,48$ при $p\text{-level}<0,01$) у лиц с низким и высоким уровнями центрации. То есть, люди с низким уровнем центрации более ориентированы на использование «Ты-высказываний» и применение стратегий поведения «избегание», «приспособление», а респонденты с высоким уровнем центрации чаще используют «Я-высказывания». Найдены значимые различия в использовании форм межличностной обратной связи «Я-высказывания» ($Z=3,56$ при $p\text{-level}<0,0003$), «выражение чувств» ($Z=-2,25$ при $p\text{-level}<0,02$) у лиц с высоким и средним уровнем центрации. Респонденты с высоким уровнем центрации чаще используют «Я-высказывания», а лица со средним уровнем более ориентированы на выражение своих чувств.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают сформулированные нами гипотезы и позволяют сделать следующие выводы:

- для лиц с низким уровнем центрации характерно использование «Ты-высказываний» и применение стратегий «избегание», «приспособление»;
- для лиц со средним уровнем центрации характерно выражать свои чувства;
- для лиц с высоким уровнем центрации характерно использовать форму обратной связи «Я-высказывания».

Список литературы

1. Бреус Е.Д., Попова Ю.А. Использование форм и видов обратной связи в зависимости от уровня центрации и локуса контроля личности.//Материалы Международной конференции «Психология общения и доверия: теория и практика». (6-7 ноября 2014г., Москва). Под ред. Т.П. Скрипкиной. – М.: Университет РАО, 2014. С. 137-139.
2. Бреус Е.Д., Попова Ю.А. Конструктивные формы межличностной обратной связи будущих педагогов-психологов как основа эффективного обучения и развития школьников.// «Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация»: сборник научных статей / под общ. ред. А.В. Черной; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. С. 256-261.
3. Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально психологического тренинга. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. – 168.
4. Соловьева О.В. Обратная связь в межличностном общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С.– 109.
5. Blumberg A., Golembiewski R. T. Learning and change in groups. – Earmondsworth: Penguin Books, 1976. P. – 208.
6. Kluger, A.N. Feedback Effectiveness: Can 360-Degree Appraisals Be Improved? / A.N. Kluger, A. De Nisi // Academy of Management Executive. 2000. P. 129-139.
7. Rubin, I.M. The ABC's of effective feedback / I.M. Rubin, T. Cambell. -San Francisco: Jossey Bass, 1998. P. – 492.
8. Куница В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2002. С. – 544.
9. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2012. С. – 576.
10. Бодалев А.А. Психология межличностного общения. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. С.– 10, 256.

**УСЛОВИЕ РЕАЛИСТИЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

Букреев Н.С., Фомин А.А., Худиева Н.Г., Аристова Ю. (Москва)

**THE CONDITION OF REALISTIC FORECASTING CONSUMERS
PREFERENCES: SOCIAL-PSYCHOLOGICAL DISCOURSE**

Bukreev N.S., Fomin A.A., Hudieva N.G., Aristova J.

Потребительское предпочтение – это социально и личностно детерминированное позитивное субъект-объектное отношение потребителя к товару, услуге или их атрибутам, определяющее выбор [2].

Предпочтения являются как врождёнными (генетически обусловленными), так и приобретёнными. Сенсорные (физиологические) и социальные факторы оказывают иногда противоборствующее воздействие на потребительское предпочтение.

Поэтому факторы определяющие потребительские предпочтения можно разделить на три групп: сенсорные, психологические и физиологические. Все факторы воздействуют одновременно, поэтому важно учитывать их взаимосвязь.

Технический и технологический прогресс в этой связи задает вектор, по которому двигается общество. Его же внутреннюю составляющую занимают интересы граждан, проявляющиеся в потребительских предпочтениях.

Любопытно, что предпочтения потребителя, как их именуют в СМИ, складываются, как раз таки из отношения человека не только к конкретному товару, но и к метафизическому пониманию того или иного элемента производства и его использования. Так возникает некоторый диссонанс между новыми технологиями и принятием их в общественный обиход. На наш взгляд, наиболее интересны изменения в отношениях между человеком и миром сконцентрированы на уровне культуры и эстетического восприятия. Изменения в формирующих субкультуры предпочтениях в музыке и образовании новых музыкальных направлений, насыщение рынка новыми кинофильмами и присутствие «классических», стагнация классических театральных произведений, но появление и разработка новых арт-объектов и элементов современного искусства, а также изменения во вкусовых пристрастиях к еде и предпочтениях в ароматах[2,3]. Исследования потребительских предпочтений проводится с трех различных углов обзора: экономического, маркетингового и социально-психологического.

Экономический угол обзора позволяет рассматривать общество всецело как потребительскую машину, отдающую свои деньги на те или иные товары и услуги. Особенность этого угла обзора в том, что увидеть настоящее потребление общества можно по финалу покупки, но затруднительно его предсказать. Но есть и плюс. Знание экономического положения граждан, их заработка, может помочь в прогнозе объемов потребления.

Маркетинговые исследования, частично направлены на изучение качеств потребительских предпочтений. Созданные исследовательские процедуры ориентированы на изучение реальной структуры каналов потребления и возможностей внедрения предполагаемого продукта на рынок. За основу берется поведение и мнение потребителя по отношению к продукту. При этом производятся расчеты потребительского отклика на основании чего предполагается, в том числе, экономическая рентабельность товара.

Социально-психологический угол обзора позволяет вглядываться не в ситуацию покупки, как это делает маркетинг и не в кошелек потребителя, как это делает экономист. Социально психологический подход позволяет рассматривать сущность потребления, как жизненно важную необходимость человека, вплетенную в социальный контекст развития общества и становления каждой личности. С этой точки зрения предпочтения изучаются на трех различных уровнях: индивидуальном, групповом и социальном.

Совокупность подходов в изучении потребительских предпочтений проявляет возможность выявления сущности потребления, которая раскрывает его статику и динамику в жизни общества. Именно это является основным условием для реалистичного прогноза развития общества в эпоху потребления

Список литературы

1. Петрова Е. А., Букреев Н. С. Психологический механизм ольфакторных предпочтений: как и почему мы избирательны в ароматах? // Ученые записки Российского государственного социального университета. Т. 15. 2016. №. 5 (138). С. 60-68.
2. Посыпанова О. С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. – 2012.
3. Yudkin J. Man's choice of food //The lancet. – 1956. – Т. 267. – №. 6924. – С. 645-649.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Быкова А.В. (Москва)

EPRAVLENCHESKAYA COMPETENCE AS A NECESSARY ELEMENT OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES

Bykova A.V.

За последние годы функция формирования требований к будущим специалистам перешла со стандартов университетов, академий, институтов к работодателям. Соответствие данным требованиям позволяет ориентировать выпускников на успешное трудоустройство и дальнейший карьерный рост.

Частую требования рынка труда не совпадают с уровнем подготовки будущих специалистов и их ожиданиям, создается негативная ситуация, когда выпускники должны устраиваться на работу не по профилю своего образования. На решение этой проблемы направлены Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения (ФГОС 3+), рассматривающие организационно-управленческий вид деятельности как один из основных, которым должен владеть востребованный специалист, так как грамотная организация и результативное управление являются важнейшими условиями успешной работы современного специалиста в любой отрасли.

В стандартах профессионального образования нового поколения организационно-управленческая компетентность определена как необходимый образовательный результат выпускников технических вузов. То есть наличие и уровень овладения организационно-управленческой компетенцией влияет на является необходимым процесса системного формирования профессионального сознания.

Однако из-за отсутствия у студентов четкого понимания цели учебного процесса в рамках дисциплин управленческого цикла, способов прикладного их применения и, зачастую, несоответствия изучаемого материала актуальным потребностям современного рынка, снижается интерес к изучению данных дисциплин.

Согласно данным полученным в ходе исследования профессионализации сознания студентов технических вузов, успешному формированию управленческих навыков и повышению мотивации студентов при

изучении дисциплины управленческого цикла способствует совокупность мер образовательного процесса, направленных на повышение его эффективности [1]:

1. Необходимо соблюдать условие соответствия содержания учебного процесса компонентам организационно-управленческих компетенций.

2. Соблюдение условий преемственности различных видов учебной деятельности, а также наличие междисциплинарных связей и межпредметной интеграции для обеспечения формирования каждого компонента, входящего в организационно-управленческую компетентность.

3. Использование технологий квазипрофессиональной деятельности при обеспечении учебного процесса, предполагающих формирование организационно-управленческих компетенций в рамках каждой дисциплины профессионального цикла учебного плана [2].

4. Обозначение критериев и показателей сформированности организационно-управленческой компетенции у студентов вузов, средства измерения и разработка методов оценки.

Задачи, решаемые выпускниками вузов в современных условиях, чрезвычайно разнообразны. Уровень развития техники, сложность коммуникаций и спектр профессиональных задач требуют от концентрации, ответственности и скорости принятия решений. При этом рынок труда обозначает свои условия. И вузы, как связующее звено между рынком труда и студентами, должны оказывать максимальное воздействия на создание и развитие у студентов технического вуза профессионального сознания, включающего в себя организационно-управленческую компетенцию.

Список литературы

1. Быков В.М., Быкова А.В. Мотивация студентов к изучению дисциплин менеджмента в рамках процесса формирования организационно-управленческой компетенции// European Social Science Journal. 2017. № 2.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 21.03.01 Нефтегазовое дело (уровень бакалавриата) <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4>

РАЗВИВАЮЩАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Верейтинова Т.В., Островский А.В. (Москва)

DEVELOPING ENVIRONMENT AS A CONDITION OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF A PERSON

Vereitinova T.V., Ostrovskiy A.V.

В рамках темы представлены теоретические обоснования и эмпирические результаты применения практических инструментов создания развивающей среды как условия психологического благополучия личности.

Под развивающей средой подразумевается совокупность условий, которые создают предпосылки для раскрытия интеллектуального потенциала личности, способствуют развитию креативности, стимулируют личностное развитие, активную социальную позицию субъекта. Рассматриваются различные виды развивающей среды: природная, образовательная, предметно-пространственная, эстетическая, социокультурная.

В современном обществе психологическое благополучие как личностная характеристика является ресурсом адаптации личности в новых условиях, обеспечивает способность личности к преобразованиям окружающей действительности, позитивному саморазвитию.

Человек, наиболее полно реализующий собственную позицию как субъекта жизни, способен преобразовывать среду, создавая условия как для собственного благополучия, так и для развития окружающей среды (людей, общества, экологии в целом). Существуют примеры общественных и частных инициатив, направленных на преобразование контекста, изменение вектора развития в направлении реализации креативного потенциала личности, самореализации, экологичного стиля жизни. Осмысление этого опыта во взаимосвязи с исследованием личностных особенностей дает возможность лучше понять перспективы раскрытия личностного потенциала человека.

Сегодня особенно актуальны исследования среды, способной предоставить стимулы для развития личности – это среда искусства, современного медиаконтента, организационная и образовательная среда. Нами накоплен практический опыт создания образовательных центров в разных странах мира (Россия, Бразилия, Италия) на основе концепции экобиологии – среды, стимулирующей человека к развитию субъектной позиции во взаимодействии с окружающим миром.

Теоретические и эмпирические материалы рассматривают различные аспекты развивающей среды:

1. Опыт создания развивающей среды в экобиологических образовательных центрах. Подобные центры являются практической реализацией идеи создания среды, направленной на развитие личностного потенциала человека через средовое обучение, инновации в области психологии, применение принципов экобиологии и экологического дизайна. Представлены результаты социально-психологического эксперимента обучения и жизнедеятельности молодежи и взрослых в образовательных центрах в России и Бразилии.

2. Креативная организационная среда: создание рабочей среды для развития сотрудников. Эффективная рабочая среда определяется благоприятными социально-организационными и физическими условиями. Результаты исследований показывают, как при изменении организационной среды с целью содействия развития креативности меняется вовлеченность сотрудников и их психологическое благополучие.

3. Образовательная среда частного и государственного ВУЗа. Представлен практический опыт деятельности двух университетов Бразилии с разными подходами к построению образовательной среды. Студенты частных вузов выше оценивают полученные знания с точки зрения возможности их практического применения в дальнейшей профессиональной деятельности и чаще демонстрируют готовность к открытию собственного дела.

Список литературы

1. Wazlawick P., Schaefer R., Volkova E., Dmitrieva V., Vereitina T., Mikhalyuk O. Socialização dos jovens modernos: uma breve discussão entre conceitos da Sociologia, da Psicologia Social e Histórico-Cultural // REMEA (Revista Eletrônica do Mestrado em Educação), 2016. – Vol. vol. 33, – № n. 2. – P. 331-343
2. Волкова Е. Н., Верейтинова Т. В., Дмитриева В. А., Михалюк О. С. Проблемы социализации российской молодежи: социальные риски и девиации // Петербургский психологический журнал, 2016. – № 15. – С. 70-91.
3. Яничева Т.Г. Образовательная среда – пространство социализации и индивидуализации. //Петербургский психологический журнал, № 5, 2013.

ОТНОШЕНИЕ К РЕКЛАМНЫМ ВОЙНАМ БРЕНДОВ У РОССИЙСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Воробьева А.Е. (Москва)

ATTITUDE TO ADVERTISING WARS OF BRANDS AMONG RUSSIAN CONSUMERS

Anastasia E. V.

Каждый производитель старается представить свой продукт в лучшем свете и показать, что именно его товар лучше, чем у конкурентов. С целью привлечения внимания, пробуждения сильных эмоций, интереса в рекламе используются различные приемы эпатажа. Законом о рекламе запрещена реклама, которая порочит честь, достоинство, деловую репутацию конкурента, однако такой прием как «рекламная война» активно используется разными категориями брендов.

На выборке 60 человек было выполнено сравнительное исследование отношения к войнам брендов. Для исследования были взяты примеры печатной рекламы, содержащей войны российских брендов между собой, зарубежных брендов между собой, а также российских и зарубежных между собой. Была использована авторская методика для оценки психологических показателей эффективности рекламы (20 биполярных шкал), адаптированная под конкретный стимульный материал, основанная на концепции психологии отношений и содержащая когнитивный, эмоциональный, конативный, этический (оценочный) компонент.

Мы предполагаем, что в связи с тем, что рекламные войны брендов имеют более давнюю историю в зарубежной рекламной практике, чем в российской, зарубежные рекламные войны брендов будут оцениваться более позитивно, чем российские. Также в связи с ростом патриотических настроений в российском обществе, мы предполагаем, что российско-зарубежные рекламные войны брендов будут восприниматься позитивно.

Анализ различий по критерию Вилкоксона показал, что российско-зарубежные рекламные войны являются отталкивающими для наших респондентов, в отличие то зарубежных и российских рекламных войн. Товар или услуга, рекламируемый в зарубежных рекламных войнах кажется хорошим в некоторой степени, в то время как в российских рекламных войнах он кажется менее хорошим, а в российско-зарубежных и вовсе плохим. Российско-зарубежные рекламные войны брендов наиболее волнующие, агрессивные, огорчающие. В то время как зарубежные рекламные войны в некоторой степени радующие. Российско-зару-

бежные рекламные войны также оцениваются как непрофессиональные, по сравнению с зарубежными. Также эти войны не вызывают доверие (две другие категории рекламных войн получили нейтральные оценки). Российско-зарубежные рекламные войны оцениваются как более простые, а также как плохие по сравнению с двумя другими категориями рекламных войн. Наименее приемлемой кажется российско-зарубежная рекламная война. Российская рекламная война оценивается как более порядочная, чем зарубежная. Зарубежные рекламные войны оцениваются как заведомо ложные, в отличие от российских рекламных войн и российско-зарубежных.

Таким образом, наиболее негативные оценки получили российско-зарубежные рекламные войны брендов, а наиболее позитивные – зарубежные рекламные войны брендов (за исключением оценки «заведомо ложная»). Российские рекламные войны брендов также оцениваются довольно позитивно, но эти оценки менее выраженные, чем у зарубежных войн брендов. С нашей точки зрения, у российских рекламных войн брендов есть некоторый потенциал роста, который содержится в оценке их как порядочных и правдивых, что является их преимуществом перед зарубежными рекламными войнами. В связи с тем, что рекламные войны брендов не побуждают к совершению каких-либо действий, направленных на ознакомление с тем, что рекламируется, такую рекламу нельзя назвать психологически эффективной. Она воспринимается аудиторией скорее как развлечение.

Работа выполняется в ФГБУН «Институт психологии РАН» при финансовой поддержке РНФ в рамках научно-исследовательского проекта РНФ №14-18-03271 «Макропсихологический анализ социальных явлений».

МОЛОДЕЖЬ И ГОРОД: ВАНДАЛИЗМ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Воробьева И.В., Кружкова О.В. (Екатеринбург)

YOUTH AND THE CITY: VANDALISM AS A FORM OF INTERACTION

Vorobyeva I.V., Kruzhkova O.V.

Город – сложное мультисистемное образование, находящееся в состоянии перманентных изменений, которые осуществляются либо целенаправленно, либо возникают стихийно. Последние объясняются с одной стороны многочисленностью городских подсистем и взаимодей-

ствием их друг с другом [2], а с другой – основным субъектом городской среды – его жителями. При этом именно они зачастую носят деструктивный характер и негативно видоизменяют городскую среду. Такого рода преобразования традиционно называют результатом вандальных действий или вандализмом. Планы же развития современного города уже давно перестали носить исключительно территориально-пространственный характер. Сейчас изменение и рост городов подчинен комплексной стратегии, разрабатываемой в контексте решения целого ряда задач: эстетика, комфорт, инвестиционная привлекательность, экологичность и т.п. [3]. Однако, не смотря на обилие возможностей, новые материалы и привлекательные архитектурные решения проблема вандализма в городском пространстве не только не минимизируется, но и становится пугающе актуальной. Атаке вандалов подвергаются любые городские постройки – исторические и отреставрированные объекты культурного наследия, современные и комфортные жилые дома, здания, выполняющие административные, образовательные или иные функции, важные для жизнедеятельности населения. Гаражи, заборы, детские площадки и многое другое регулярно становятся объектом вандальной активности, их поверхности расписываются граффити или частично разрушаются.

Сложившаяся ситуация обусловила проведение комплексного исследования вандализма в г. Екатеринбург. Его целью выступило выявление механизмов социальной детерминации генезиса молодежного вандализма в современных условиях многовариативных информационных воздействий в городской среде. Мы исходили из понимания вандализма не как формы девиации поведения, а как стратегии взаимодействия молодежи с информационным пространством города. Исследование включало в себя разработку методики семантического анализа проявлений вандализма в городском пространстве, оценку экономического ущерба от его последствий, выявление зон уязвимости городского пространства для вандальных проявлений, основанных на достижениях современной психологической, социологической, культурологической, психолингвистической науки. Предварительные данные подтвердили, что вандализм в городской среде распространен повсеместно, надписи на стенах домов присутствуют в каждом районе мегаполиса, особая представленность граффити наблюдается в местах коммуникации молодежных сообществ. По мнению многих специалистов [1] носителем подобной активности в подавляющем большинстве случаев действительно является молодежь, т.е. представители подростковых и юношеских возрастных периодов. При этом мотивация их поведения чрезвычайно разнообразна: от самоутверждения [4] до совершения разрушительных действий «за компанию».

Понимание детерминации вандальной активности молодежи будет способствовать построению эффективной системы профилактики молодежного вандализма в городской среде; определению общественных настроений среди городской молодежи по маркерам радикализма в их вандальной активности; выявлению роли городской среды в провокации деструктивного поведения молодежи. В целом это позволит эффективно управлять городской застройкой и благоустройством городского пространства для повышения качества жизни и социального благополучия населения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278).

Список литературы

1. Ватова Л.С. Социально-психологический феномен молодежного вандализма // Среднее профессиональное образование. 2009. № 3. С. 25–26.
2. Ермоленко В.В., Ланская Д.В., Попова М.И. Город – уникальная открытая корпорация интегрированного духовного и материального общественного производства // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 41-60.
3. Раевский А.А., Серебренникова Т.А. Типология информационного пространства в контексте организации современной городской среды // Фундаментальные исследования. 2017. № 4-1. С. 64-69.
4. Canter D. Fires and human behavior. New York: Wiley, 1980. 338 p.

УЯЗВИМОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Воробьева И.В., Кружкова О.В., Никифорова Д.М. (Екатеринбург)

VULNERABILITY OF YOUTH IN THE INTERNET ENVIRONMENT

Vorobyeva I.V., Kruzhkova O.V., Nikiforova D.M.

Жизнь современных молодых людей неотрывно связана со всемирной сетью Интернет. Эта информационная среда стала неотъемлемой частью существования молодежного социума. Исследователи и практики давно стали задаваться вопросами о том, какое психологическое воздействие оказывает Интернет на своих пользователей. Большинство ученых, признавая факт наличия психологического воздействия среды Интернет на молодого человека, погруженного в нее, не разделяют позицию относительно направленности и конструктивности данного воздействия.

Инструменты Интернет воздействия (информационные материалы, креализованные тексты, инициированные дискурсы, игровые сюжеты,

видео и фотоматериалы и пр.) целенаправленно или стихийно-стохастично могут изменять ценностные ориентации участников Интернет-пространства, корректировать содержание их образа Я и Я-концепции, формировать мировоззренческие установки, общественное мнение, политическое сознание, влиять на эмоционально-личностное развитие, в том числе в интересах активизировавшихся в последнее время экстремистских групп [1].

В ходе работы, рассматривая стратегии поведения молодых людей в пространстве Интернет, а также их мотивационные основания погружения в Интернет-среду, были получены типы пользовательского поведения молодежи в Сети: Общительные, Самовыражающиеся, Геймеры, Зарабатывающие, Интересующиеся, Покупатели [2]. Каждая из представленных групп молодежи имеет свои «зоны уязвимости», в том числе для воздействия экстремистских групп.

Группа молодых людей, ориентированная на общение в среде Интернет. Восприимчивость данной группы обеспечивается их гиперболизированной потребностью в общении, которая приводит к чрезмерной открытости, доверчивости. Этим молодых людей вовлекают в экстремистские сообщества, как правило, посредством социальных сетей, форумов и иных открытых для диалога ресурсов (чаты в видеоиграх, комментарии к событиям и пр.)

Группа молодых людей, ориентированная на самовыражение в среде Интернет. Чувствительность этой группы риска формируется за счет их потребности во внимании, признании и восхищении. Привлекают таких юношей и девушек в экстремистские группы посредством активной сверхположительной оценки их поведения в Интернет пространстве.

Группа молодых людей, ориентированная на игровую активность в среде Интернет. Восприимчивость «геймеров» к воздействию и манипуляции базируется на их максимальной погруженности в игровую среду и размывании границ между виртуальным и реальным миром. Вербовщики, внедряясь в игровое пространство, становятся «своими» и начинают транслировать «нужные» идеи, опираясь на роли и модели поведения компьютерной игры.

Группа молодых людей, ориентированная на коммерческую деятельность в среде Интернет. Воздействие на эту группу риска со стороны экстремистских групп выстраивается на основании коммерческих предложений и обещаний материальной выгоды.

Группа молодых людей, ориентированная на получение информации в среде Интернет. Чувствительность данной группы к воздействию со стороны экстремистских сообществ обеспечивается актуализацией их интереса к какой-либо новой и никому не известной информации.

В своей виртуальной активности человек может сочетать несколько типов пользовательского поведения, что значительно расширяет его зоны уязвимости для вовлечения в экстремистские сообщества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению», проект № 16-29-09512

Список литературы

1. Angie A.D., Davis J.L., Allen M.T., Byrne C.L., Ruark G.A., Cunningham C.B., Hoang T.S., Bernard D.R., Hughes M.G., Connelly S., O'hair H.D., Mumford M.D. Studying Ideological Groups Online: Identification and Assessment of Risk Factors for Violence // Journal of Applied Social Psychology. 2011. Volume 41. Issue 3. P. 627-657.
2. Кружкова О.В., Воробьева И.В., Никифорова Д.М. Психологические аспекты вовлечения в экстремистские группировки молодежи в среде интернет // Образование и наука. 2016. №10. С. 66-90.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В РОССИИ СООБЩЕСТВ НА ОСНОВЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Воронцов Д.В. (Ростов-на-Дону)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL GROUNDS FOR EMERGENCE OF SEXUAL COMMUNITIES IN RUSSIA

Vorontsov D.V.

Идея о том, что социальные механизмы, по которым функционируют этнические сообщества, применимы для понимания социальной структуры и сексуальных практик в условиях городской культуры мегаполисов начала высказываться в конце 1960-х гг. Эта идея основывается на понимании сообщества в качестве общности, основанной на относительном единстве целей, взглядов, интересов, представлении о наличии общего опыта (воображаемой истории происхождения), а также на общих ресурсах для удовлетворения потребностей. Однако возникновение социальной общности на основе сексуальности происходит лишь в условиях подавления некоторых сексуальных практик в силу их ненормативного, девиантного характера [1]. Если понимать сексуальность как социокультурный феномен, функционирующий в контексте социального взаимодействия [2], то в результате фиксации социального внимания на тех сексуальных практиках, которые не вписываются в рамки гендерной и сексуальной нормативности и на этой основе исключаются из

публичного пространства, со временем могут складываться общности на основе социально подавляемой сексуальности. Социальное подавление стимулирует людей, практикующих ненормативную сексуальность, воспринимать себя в качестве обособленной группы, представители которой обладают некими уникальными характеристиками, которые отличают их от членов других общностей. В социально-психологическом смысле механизм возникновения сексуального сообщества оказывается схожим с формированием этничности. Этничность – это способ самовосприятия личности в культурном аспекте и социально сконструированное представление о личностных особенностях, связанное с принадлежностью к иной общности вследствие социальной категоризации по одному из признаков инакости [3]. Основным социально-психологическим механизмом появления общности по признаку подавляемой сексуальности выступает этнификация, когда в результате соединения условных специфических маркеров (слов, действий, поступков) в некую общую модель поведения происходит выделение в ней нового смысла, а также описание ситуаций, в которых эта модель может использоваться [4]. Что в свою очередь создает культурную границу между теми, кто разделяет, и кто не разделяет особый смысл некоего социального действия в конкретной ситуации (в нашем случае – какой-то сексуальной практики, которая определяется как практика меньшинства). Эмпирический анализ атрибутивных характеристик мужской гетеро/гомосексуальности на выборке студентов 17-22 лет в количестве 120 человек показал, что наличие гетеросексуального опыта и радикальность отличия экспрессивных паттернов, маркируемых как гетеро– или гомосексуальные, имеют не такое уж большое значение для идентификации себя или другого мужчины в качестве гетеросексуального. С точки зрения респондентов, важно предъявлять в процессе общения ансамбль характеристик и признаков, состоящих в определенной иерархии, в соответствии с требованиями конкретной ситуации. Демаркационная линия между гетеро– и гомосексуальностью мужчины в их представлениях чаще находится не в сфере реального сексуального опыта, а в сочетании признаков и контексте их проявления. Таким образом, реализуемая сегодня в России политика вытеснения ненормативных форм сексуальности из публичного пространства и усиления репрессивного социального контроля над ней, по сути, способствует процессу их радикальной этнификации и превращению эмерджентных форм объединения людей с ненормативным сексуальным опытом в стабильные социальные общности и политический проект.

Список литературы

1. Murray S. The Institutional Elaboration of a Quasi-Ethnic Community // International Review of Modern Sociology. 1979. № 9(2). P. 165–177.
2. Gagnon J., Simon W. Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality. Chicago: Aldine, 1973. 316 p.
3. Bradley H. Fractured Identities: Changing Patterns of Inequality. 2-d ed. London: Polity Press, 2015. 256 p.
4. Rampton B. Crossing. Language and Ethnicity among Adolescents. 2-d ed. Manchester: St. Jerome Publishing, 2005. 363 p.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ САМОСОЗНАНИЯ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА

Гайдар К.М. (Воронеж)

THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF SELF-CONSCIOUSNESS OF THE GROUP SUBJECT

Gaidar K.M.

Самосознание – неотъемлемый атрибут группового субъекта, представляющий собой процесс и результат его самопознания, в ходе которого образуются представления о себе в качестве субъекта действий, переживаний, отношений (образы «Мы») и складывается эмоционально-ценностное отношение к своим особенностям (чувство «Мы») в сочетании с готовностью направлять активность на самого себя. В структуру самосознания группы входят компоненты:

- 1) когнитивно-рефлексивный – Мы-концепция как динамическая система образов и представлений, формирующихся у группы относительно себя самой во временной перспективе ее жизненной истории;
- 2) эмоционально-оценочный – групповая самооценка;
- 3) регулятивно-поведенческий – система групповых норм, определяющих действенное отношение к себе группового субъекта.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что с увеличением длительности существования группового субъекта повышается уровень развития компонентов его самосознания. Для ее проверки на материале групп студентов вузов и профтехучилищ мы провели эмпирическое исследование с помощью комплекса методик, выявляющих отдельные компоненты самосознания групп: тест-опросника «Моя учебная группа» Т. Брокера; модифицированной методики 20 утверждений «Кто Я?» М. Куна и Т. МакПартленда, которую мы назвали «Моя группа – это...»; модифицированной в целях исследования методика С.А. Будасси; методики се-

мантического дифференциала Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинды; авторского тест-опросника «Групповые нормы».

Выборку составили 102 учебные группы (2059 человек).

Выводы исследования:

– гипотеза о повышении уровня развития компонентов самосознания группового субъекта с увеличением длительности его существования подтвердилась относительно когнитивно-рефлексивного и регулятивно-поведенческого и не подтвердилась в отношении эмоционально-оценочного компонента;

– чем старше курс обучения групп, тем выше уровень когнитивно-рефлексивного компонента, представленного Мы-концепцией. Это выражается в переходе от идеализированных групповых представлений и недостаточно разнообразного и нередко негативного содержания Мы-образов на 1 курсе к устойчивости и согласованности групповых представлений на 4 курсе в сочетании с расширением репертуара Мы-образов преимущественно позитивной модальности, доминированием в них духовной составляющей. Исключением является 5 курс, когда уровень Мы-концепции групп становится средним: с одной стороны, групповые представления устойчивы и согласованны, с другой, – несколько усиливается отрицательная модальность Мы-образов, уменьшается их содержательная полнота и общее число;

– динамика эмоционально-оценочного компонента самосознания групп, представленного групповой самооценкой, имеет разнонаправленный характер: с 1 по 5 курс самооценки групп меняются от высокого уровня к низкому в течение первых двух лет обучения, а затем – к среднему как оптимальному для развития группового самосознания;

– с увеличением длительности существования группового субъекта повышается уровень представленного групповыми нормами регулятивно-поведенческого компонента его самосознания с низкого до высокого. На 1–2 курсах отсутствует единая система норм, значительная их часть не сформирована. На 3–4 курсах имеется четкая система групповых норм, отличающаяся взаимосвязанностью содержания и уровней их развития, универсальным характером ряда норм, служащих регуляторами совместной активности групп. Исключение составляет 5 курс, когда нормативная сфера групповых субъектов демонстрирует черты распада, приближаясь по уровню развития к исходному состоянию.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ СОХРАНЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Гуриева С.Д. (Санкт-Петербург)

CULTURAL MODELS OF CONFIDENCE THE TRUST IN THE ORGANIZATION

Gurieva S.D.

Важнейшим вопросом современной психологии является изучение организационной модели доверия [5; 7], проявления доверия в межличностных профессиональных отношениях [4], понимание психологических механизмов функционирования доверия [3]. Ч. Фомбрум считает, что организация должна предпринимать активные меры для сохранения уровня доверия и защите репутации компании [8, С. 112]. Необходимо знание национальных и культурных моделей сохранения и поддержания доверия в организации. Рассмотрим некоторые из них, которые представляют повышенный интерес в эпоху глобализации бизнеса.

«Гуаньси» китайская модель построения доверительных отношений в организации. Построение бизнес-отношений, основанных на доверии, является основополагающим аспектом коммуникационной стратегии в китайском бизнесе. Китайцы склонны доверять только тем, с которыми она связаны родственными отношениями и не доверять посторонним людям. Главное – доверять только своей семье, ее членам, своим друзьям, знакомым. Пятиступенчатая структура общественных отношений в китайском обществе переносится на бизнес-отношения, в которых закреплены доверительные отношения и степень зависимости между: начальником и подчиненным; отцом и сыном; мужем и женой; старшим братом и младшим; между друзьями. Для компании является приоритетным поддержание и сохранение доверительных отношений на протяжении многих десятков лет. [6]. Однако не менее важно не только понимать сущность «гуаньси», но и культивировать и поддерживать уровень доверия. «Мяньцзы» или «лицо» является неотъемлемой частью построения социальных отношений в китайском обществе. Иметь «мяньцзы» – все равно, что иметь хороший кредит доверия, у него высокая покупательская способность [6, С. 105]. Поэтому в китайском бизнесе межличностные доверительные отношения составляют основу отношений в организации. Более того, китайские предприниматели считают западные модели ведения бизнеса непродуктивными, так как заключение контракта символизирует неуважение, страх, подозрительность, что является плохим началом для выстраивания отношений.

«Рациональная максимизация полезности» и «договорные обязательства и контракты» являются условием, основой поддержания и сохранения отношений в организации. Однако, по мнению американского консультанта С. Даймонда, доверие не является ключевым и единственным условием успешности, и предлагает рассматривать договоры и контрактную систему, как основные условия для поддержания доверия между сторонами. «Контракты, третьи стороны и средства поощрения – способы заставить другую сторону взять на себя обязательства» [2, С. 57]. А можно ли обойтись без доверия? Разумный эгоизм в сочетании с необходимыми правовыми механизмами может компенсировать отсутствие доверия в сложных ситуациях. Перечисленные культурные модели сохранения и поддержания доверия в организации представляют интерес не только в рамках собственной культуры. Ценность этих моделей может выходить за культурные границы и иметь распространение во многих организационных структурах. Мы живем в эпоху глобализации, следовательно, перед человечеством открываются огромные возможности выбора самых эффективных управленческих моделей. Одной из самых главных и важных задач современности является не только сохранение доверия в обществе, но и поддержание доверительных отношений.

Обладатель Нобелевской премии мира Мухаммед Юнус сказал, что человечеству для того, чтобы стать лучше, нужно научиться людям больше доверять друг другу. Доверие важнейший элемент взаимодействия людей, а выгоды от доверия во взаимодействии с людьми очевидны [1].

Список литературы

1. Даймонд С. Переговоры, которые работают / Пер. с англ. В. Хозинский // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 374с.
2. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013 г.
3. Скрипкина Т.П. Доверие и толерантность. Существуют ли границы? // Межкультурный диалог. Исследования и практика. М., 2004.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 730 с.
5. Минг-Джер Чен, Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнёрами / Минг Джер Чен; пер. с англ. Н.Г. Печерицы. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
6. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М., 2000.
7. Fombrun Ch.J. Fame and fortune: how successful companies build winning reputation / by Ch. J. Fombrum and Cees B.M. van Riel. – 2004 Person Education, Inc. Publishing as financial Times Hall. – 273 p.

ФЕНОМЕН ХЕЙТЕРОВ И ХЕЙТЕРИНГ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ

Даутов Д. Ф. (Ростов-на-Дону)

THE PHENOMENON OF HATERS AND HATERING IN ONLINE COMMUNICATION

Dautov D.F.

Хейтеры – это люди, которые пишут критические, ничем не обоснованные комментарии на публикации в интернете [1,2].

Не смотря на распространённость хейтерства, значимых исследований на эту тему крайне мало [3,4,5].

Данное исследование призвано обозначить проблему, обобщить и изучить основные черты самих хейтеров.

Исследование хейтеров проходило на основе комментариев, в одиннадцати видеоблогах посвящённых кинообзорам. Хейтеры выявлялись через анализ двух параметров. Первый – регулярность критических комментариев, нарушающих правило 24 часов. Второй – эмоциональность высказываний. Всего было выделено 22 хейтера. Их высказывания были подвергнуты контент-анализу, с помощью которого выделены основные объекты их критики и маски, одеваемые ими.

Всего было проанализировано 205 комментариев.

Самой интенсивной критики подвергается внешность блоггера – 87 комментариев. Возраст упоминается в негативной критике в 50 комментариях. Причём, если хейтер критикует блоггера мужского пола то, высказывает сомнения в его зрелости, физической или социальной. Если же женского, стремится подчеркнуть признаки более зрелого возраста.

Наименьший интерес для хейтера имеет, профессиональная деятельность, что говорит об их склонности к неконструктивной критике.

В качестве масок, выбирались следующие – Успешный, Знаток, Циник, Аноним, Конкурент, Опытный. При этом хейтеры не способны правдоподобно и стабильно придерживаться одного образа, скорее обозначая намерение.

Наиболее распространённой маской является – «Аноним». Такая маска удобна для хейтера тем, что снижает его уязвимость для ответной критики, давая ощущение безнаказанности и защищённости. Далее следует маска «Успешный». По-видимому, она позволяет хейтеру чувствовать своё превосходство, через словесную демонстрацию богатства. Наименьшей популярностью пользуются маски «Знаток» и «Конкурент», что связано с необходимостью демонстрировать определённый уровень

квалификации и специальных знаний, которыми хейтеры не обладают. Тот факт, что они не прекращают попытки примерить и эти маски, может свидетельствовать об определённой эволюции хейтера. Когда обычная, бессодержательная, анонимная критика для блоггера становится мало-значимой, хейтер вынужден менять маску «Аноним» на другую, которая будет способствовать более сильному эмоциональному отклику. Во всяком случае, маску «Аноним» носят хейтеры, лишь недавно начавшие критиковать блоггера. Все опытные хейтеры, как правило, упоминают некоторые факты своей биографии, обычно в контексте сравнения её с биографией самого блоггера, разумеется, не в пользу последнего.

В заключение стоит сказать, что зная особенности хейтеров, можно противостоять им, перестав реагировать на неконструктивную критику. Данное исследование может помочь сделать это.

Список литературы

1. Кто такие хейтеры? [Электронный ресурс] http://compogid.ru/post-kto_takie_heyttery.html (дата обращения 23.05. 2016)
2. Охххумирон – Я хейтер [Электронный ресурс] <http://rap-text.ru/охххумирон/3558-охххумирон-я-кейджер-текст-песни.html> (дата обращения 23.10. 2016)
3. Хейтеры-ненавистники. [Электронный ресурс] <http://gutta-honey.livejournal.com/379562.html> (дата обращения 23.10. 2016)
4. Статья видеоблогером хорошая идея? [Электронный ресурс] <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2044908-stat-videoblogerom-horoshaja-ideja.html> (дата обращения 23.10. 2016)
5. The Psychopathology of Hate [Электронный ресурс] <https://www.psychologytoday.com/blog/let-their-words-do-the-talking/201103/the-seven-stage-hate-model-the-psychopathology-hate> (дата обращения 23.10. 2016)

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ КАК ФОРМЕ НИЗОВОЙ КОРРУПЦИИ

Джанерьян С.Т. (Ростов-на-Дону)

THE ATTITUDE TO BRIBERY AS TO A FORM OF LOWERMOST CORRUPTION AT STUDENT'S YOUNG

Dzhaneryan S.T.

Разделяя точку зрения о необходимости привлечения категориального аппарата психологии для описания коррупции [1], мы обратились к изучению отношения к взяточничеству как низовой формы коррупции. Отношение к взяточничеству рассматриваем как смысловое или устойчивое целесредственное психологическое отношение, в котором взяточ-

ничество (взятка) презентуется в сознании субъекта как занимающее место цели или средства в реализации им тех или иных потребностей и ценностей. Повсеместная практика взяточничества и ее принятие большинством населения способствует превращению взятки в инструментальную или даже в терминальную ценность. Содержание такого отношения должно рассматриваться в единстве содержаний каждого из его компонентов – когнитивного (определение и функции взятки), конативного (причины дачи и получения взятки), эмоционально-оценочного (переживания по поводу взяточничества; оценки влияния взятки на государство, социальные группы, субъекта; меры искоренения). Приводимые в специальной литературе характеристики отношения к взяточничеству как форме низовой коррупции зачастую носят констатирующий характер; знак, модальность и готовность субъектов к факту мздоимства описываются противоречиво, что создает предпосылки и обосновывает актуальность специального изучения вариаций отношения к взяточничеству у молодых людей. Здесь излагаются результаты исследования, нацеленного на изучение содержания типов смыслового отношения студенческой молодежи (105 студентов вузов г.Ростова-на-Дону) к взятке (ведущая форма низовой коррупции). Методы: анкетирование, контент-анализ открытых вопросов анкеты, тестирование (Шкала дифференциальных эмоций К. Изарда); статистические методы (факторный анализ методом главных компонент, критерии Шапиро-Уилка, Фридмана, Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена). На основе результатов факторного анализа оценок респондентами содержания ведущих функций и субъективных трактовок взяточничества установлены следующие типы отношений к нему: 1. Средство экономии времени и минимизации ответственности взяткодателя; 2. Средство получения значимых для личности результатов; 3. Вид деловой экономической сделки; 4. Универсально-аморальный способ реализации потребностей; 5. Средство решения карьерных вопросов. Содержание типов отношений позволяет охарактеризовать их как утилитарные, а взяточничество – как универсальное (4 тип) либо специализированное (1, 2, 3, 5 типы) средство удовлетворения различных или специфичных потребностей субъекта. Факторы мздоимства в целом объясняются респондентами «объективно» существующей вынужденностью. Но последняя для взяткополучателя (независимо от типа отношения) соседствует с мотивацией материального характера; а для взяткодателя (в зависимости от типа отношения) – содержательно разнообразной мотивацией. В указанной пропорции факторов мы усматриваем более тесную идентификацию респондентов со взяткодателем. Ни в одном из типов отношения не выявлено доминирования негативной эмоциональной оценки этого яв-

ния. Установлено эмоциональное принятие факта взятки (3-й, 5-й типы) и даже доминирование позитивных эффектов его влияния на субъекта (1-ый тип). Предстоит системная работа по формированию у молодых людей интолерантного отношения к взяточничеству.

Список литературы

1. Ванновская. О.В. Проблема коррупции в психологической феноменологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып.3. Ч.П. С.54-62.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Донцов А.И., Перелыгина Е.Б. (Москва)

PSYCHOLOGICAL SECURITY AS CONDITION OF MODERN SOCIETY WELLBEING

Dontsov A.I., PereLygina E.B.

Понятие «благополучие» в русле социально-психологических исследований трактуется как многофакторный конструкт, включающий сложную взаимосвязь социокультурных, психологических и экономических компонентов. Четырехкомпонентная структура субъективного благополучия (SWB) включает следующие позиции: общую удовлетворенность жизнью; удовлетворенность наиболее важными для личности сферами жизни и деятельности; положительные эмоции и хорошее настроение; небольшой объем отрицательных эмоций [1, с. 34].

Субъективное благополучие связано с ощущением психологической безопасности, предполагающей стабильность и устойчивость существования, которые создают условия для позитивных ожиданий, позитивной стратегии поведения индивида в различных жизненных ситуациях. При этом психологическую безопасность можно трактовать как важное условие достижения состояния субъективного благополучия.

Показатели общей удовлетворенности жизнью как ведущего компонента в структуре SWB определяют различные аспекты деятельности и поведения субъекта, выступая не только значимым фактором состояния индивидуального сознания, содержания социальных представлений, но и состояния групповых настроений, ожиданий, отношений и ценностей в обществе. По результатам исследований ФОМ, безопасность занимает одну из ведущих позиций среди приоритетных ценностей современных россиян [2]. Приоритетная важность ценности безопасности подчеркивает ее значимую роль в достижении общей удовлетворенности жизнью.

Удовлетворенность различными видами деятельности как компонент SWB реализуется в наличии устойчивого состояния когнитивной, эмоциональной и поведенческой готовности индивида реагировать определенным образом на факторы трудовой, учебной, творческой и других видов деятельности. Так, в системе трудовой деятельности удовлетворенность работников связана с позитивной оценкой своего статуса в коллективе, доброжелательными и доверительными отношениями между коллегами. Эта совокупность и отдельные ее компоненты существуют неотъемлемо от чувства безопасности индивида [3, с. 116, 119]. Источниками положительных эмоций и хорошего настроения как компонента SWB могут быть успешные социальные взаимодействия, реализация творческих возможностей и т.д.

Небольшой объем отрицательных эмоций как компонент SWB обусловлен ограниченным объемом и низкой интенсивностью действия источников отрицательных эмоций, которые вызывают тревогу, беспокойство индивида по поводу собственных личных проблем и ситуации в мире. В частности, чувство тревоги способствует возникновению эмоциональной реактивности, понижает способность человека контролировать собственные эмоции и поступки. Однако психологическая безопасность связана не столько с отсутствием внешних угроз, сколько с особенностями реагирования людей на различные сложные или даже травматические ситуации, которые происходят с ними или которые оцениваются как вероятные. «Человек, который находится в состоянии безопасности, не является пуленепробиваемым сверхчеловеком, однако такой человек может более эффективно справляться с трудностями и разочарованиями, он уверен в том, что другие люди способны оказать ему помощь, поддержать его в ситуации угроз» [4, с.8]. Без ощущения психологической безопасности практически недоступно переживание индивидом как общей удовлетворенности жизнью, так и удовлетворенности определенными видами деятельности в различных сферах.

Материал представлен при поддержке гранта РНФ (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

Список литературы

1. Diener E. Subjective well-being. The science of happiness and a proposal for a national index // American Psychologist. 2000. V.55. №1. P. 34-43.
2. Чем мы дорожим [Электронный ресурс] // Еженедельный опрос ФОМ-нибус. 13-14.07.2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10994> (дата обращения 11.04.2017)

3. Рахимгараева Р.М. Психологические факторы удовлетворенности жизнью // Казанский педагогический журнал. 2009. № 11-12. С.115-122.

4. Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю. Безопасность как психологический ресурс «личностной неуязвимости» // Человеческий капитал. 2016. №11 (95). С. 8-10.

САМООЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СТАТУСОМ В ГРУППЕ СВЕРСТНИКОВ

Дроздова И.И. (Ростов-на-Дону)

SELF-EVALUATION OF THE APPEARANCE OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATUS IN THE PEER GROUP

Drozдова I.I. (Rostov-na-Donu)

Проблема оценки внешнего облика занимает важное место в самознании подростков. Самооценка внешности является важной предпосылкой формирования «Я-концепции», идентичности [1]. Несмотря на интерес исследователей к проблеме самооценки внешнего облика подростков [2], в настоящее время неизученными остаются особенности самооценки внешнего облика подростками с разным социально-психологическим статусом в группе сверстников. Данные, полученные социальными психологами на сегодняшний день, не образуют целостной картины взаимодействия самооценки степени привлекательности внешнего облика и статуса личности в подростковых группах. Особенно противоречивы сведения относительно самооценки внешнего облика подростков с низким социально-психологическим статусом [3].

Нами было проведено исследование, где в качестве гипотезы проверялось предположение о том, что существуют различия в самооценке степени привлекательности внешнего облика подростков с разным социально-психологическим статусом в группе сверстников.

В исследовании приняли участие подростки, учащиеся нескольких классов в возрасте 13-14 лет. С помощью социометрической процедуры в каждом классе выявлялись подростки, имеющие высокий, средний и низкий социально-психологический статус. Кроме того, участники исследования оценивали степень привлекательности своего внешнего облика по ряду заданных характеристик, составленных на основе методики «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» [4]. Определялась степень привлекательности лица, телосложения, оформления внешнего

облика, выразительного поведения, а также, степень принятия своего «отраженного внешнего облика» (свое изображение на фото, отражение в зеркале). Проверку различий на значимость осуществили с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования показали, что в целом, в самооценке внешнего облика подростков с разным социально-психологическим статусом прослеживается тенденция: высокостатусные подростки выше оценивают степень привлекательности своего внешнего облика по ряду характеристик: телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение, а также «отраженный внешний облик».

Подростки со средней степенью популярности в группе сверстников (среднестатусные) достаточно высоко оценивают степень привлекательности своего телосложения, выразительного поведения, а также отраженного внешнего облика. Большой разброс у них наблюдается в показателях оценки оформления своего внешнего облика.

Оценка своего внешнего облика низкостатусными подростками неоднородна, одни достаточно высоко оценивают отдельные его показатели, но при этом для большинства низкостатусных подростков характерна низкая самооценка по такому показателю, как «оформление своего внешнего облика». Таким образом, наибольшие различия в оценке степени привлекательности своего внешнего облика разностатусными подростками, проявляются в самооценке оформления своего внешнего облика. Низкостатусные подростки значимо ниже ($p \leq 0,01$), в сравнении с высокостатусными сверстниками оценивают оформление своего внешнего облика.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260.

Список литературы

1. Психология подростка / Под ред. А.А. Реана. СПб., 2008. 480 с.
2. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 344 с.
3. Шафирова Е.М., Белопольская Н.Л., Виссарионов В.А. Психологические особенности восприятия собственной внешности подростком // Сборник работ молодых ученых. МГППУ. 2002. Вып. 10. С. 219-221.
4. Аммон А.В., Филиппова Е.В. Связь социального статуса детей в группе с их психологическими, социально-когнитивными и поведенческими характеристиками // Консультативная психология и психотерапия. 2015. №4. С. 162-176.

МОТИВАЦИОННЫЙ ТИП РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Ермолин А.В. (Киров)

MOTIVATIONAL TYPE RELIGIOUS IDENTITY

Ermolin Alexey Victorovich

Современные религиозные конфликты суть конфликты абсолютных ценностей, имеют хронический характер, легко провоцируемы и практически не поддаются урегулированию. Межконфессиональная гармонизация общества требует разработки и внедрения в социальную практику интегративных диагностических и коррекционных психотехнологий, направленных на выявление и активизацию собственно общероссийского гражданского мотивационного менталитета, воспроизводящего общие этические нормы. Можно допустить, что: а) существуют различные мотивационные типы религиозной самоидентичности; б) различные мотивационные типы религиозной самоидентичности обладают разным конфликтным потенциалом. Под мотивационным типом религиозной самоидентичности автор понимает интегративную характеристику религиозного сознания и поведения, относительно устойчивый религиозно-мотивационный менталитет индивида или группы [1]. Структура религиозно-мотивационного менталитета по критерию осознанности включает три блока [2]: 1) потребностный блок; 2) блок «внутреннего фильтра»; 3) целевой блок. Процесс осознания мотиваторов целостной субъективной структуры религиозного мотивационного менталитета формирует определённый тип направленности личности на взаимодействие, либо конфронтацию с представителями других религиозных групп и общностей, а именно: 1) «позитивная религиозная идентичность», обладающая наименьшим конфликтным потенциалом по причине преобладания позитивных (симпатия), либо нейтральных эмоций и чувств к представителям других религиозных групп и общностей, мотивационной установки на сотрудничество/адаптацию; 2) «религиозное обособление», обладающий умеренным религиозным конфликтным потенциалом по причине преобладания слабо выраженных деструктивных эмоций и чувств (беспокойство, тревога, страх) к представителям других религиозных групп и общностей, мотивационной установки на избегание каких-либо социальных связей и отношений с ними; 3) «религиозное доминирование», обладающий повышенным конфликтным потенциалом по причине преобладания сильно выраженных деструктивных эмоций и чувств (превосходство, надменность) к представителям других религи-

озных групп и общностей, мотивационной установки на активное распространение, проповедование догматов своей религии и ограничение прав и свобод представителей религиозных меньшинств; 4) «религиозный фанатизм», обладающий максимальным конфликтным потенциалом по причине преобладания предельных по своей интенсивности деструктивных эмоций и чувств (вражда, гнев, ненависть) к представителям других религиозных групп и общностей, мотивационной установки на физическую/вербальную агрессию по отношению к ним, призывы к теоциду. В ходе исследования (2016-2017 г.г.) с использованием авторского опросника «Религиозная направленность личности» на выборке 100 человек (57 православных, 31 мусульманин, 8 атеистов, 1 язычник, 3 неопределившихся) были выявлены дифференциальные поло-возрастные различия степени выраженности разных типов отношения к представителям других конфессий, их социокультурным нормам. Особо стоит отметить значимые ($p < 0.05$) возрастные различия в проявлении данного мотивационного феномена, а именно, большую склонность лиц раннего юношеского возраста к когнитивно простой, негативистской системе восприятия других религий и их представителей.

Список литературы

1. Ермолин А.В. Мотивационный менталитет. Материалы IV Всероссийского съезда РПО. – М.– Ростов-на-Дону: КРЕДО. Том 4. 2007. С.52-53.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. С.117.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ТРЕНЕРОВ РАЗНЫХ ВИДОВ СПОРТА О ПРОФЕССИИ И О РАБОТЕ ТРЕНЕРА

Жолудева С.В. (Ростов-на-Дону)

PERCEPTIONS OF COACHES OF DIFFERENT SPORTS ABOUT THE PROFESSION AND ABOUT THE COACH

Zholudeva S. V.

С целью изучения представлений тренеров разных видов спорта о профессии тренера была использована методика «Незаконченные предложения». Всего в исследовании приняли участие 150 человек. Это тренера баскетбола – 30 человек, тренера-дартисты – 30 человек, тренера-стрелки – 30 человек, тренера по КАРАТЭ – 30 человек и учителя физкультуры – 30 человек.

Анализ представлений о работе тренеров показал:

– тренера по баскетболу в большей степени характеризуют тренера как друга детей. Они считают, чтобы у воспитанников были высокие ре-

зультаты, тренер должен постоянно развиваться сам. Но сама работа не зависит от личностных качеств тренера.

– тренера по каратэ полагают, что настоящим тренером может стать только человек с определенными личностными качествами. Они считают, что все в их работе зависит от качества тренировочного процесса.

– тренера по стрельбе считают, что чтобы у воспитанников были высокие результаты их необходимо правильно и постоянно мотивировать. Они полагают, что настоящим тренером может стать только человек, который любит детей. И в их работе все зависит от желания воспитанников.

– учителя физкультуры считают, что все в их работе зависит от желания воспитанников.

– тренера по дартсу считают, что чтобы у воспитанников были высокие результаты их необходимо правильно и постоянно мотивировать. Они полагают, что настоящим тренером может стать только человек, который любит детей. Зависимость своей работы они видят от любви к ней.

С целью изучения профессиональных представлений о самой работе тренеров разных видов спорта был использован опросник, направленный на изучение представлений об объекте деятельности (Е.И.Рогова).

Анализ представлений по четырем исследуемым факторам оценки работы показал, что по изучению представлений о работе у тренеров разных видов спорта показал, что они уважительно относятся к работе, принимают ее, склонны осознавать ее как носителя позитивных, социально желательных характеристик, в определенном смысле удовлетворены ей. Однако выявлен недостаточный самоконтроль процесса работы, неспособность держать принятую линию поведения и зависимость от внешних обстоятельств и оценок. Неспособность добиваться желаемого, контролировать ситуацию и настаивать на своем. Но все тренера отмечают высокую активность, общительность, эмоциональную отзывчивость и импульсивность в отношении работы. Работа представляется им достаточно точной, контрастной и яркой.

Так же были выявлены и различия в представлениях о работе у тренеров разных видов спорта:

– тренера баскетбола свою работу представляют более грязной, но в тоже время более приятной. Свою деятельность они оценивают как трудную, и в отношении нее они относительно инертны, относятся к ней достаточно спокойно, хотя они точно ее представляют.

– тренера по КАРАТЭ оценивают свою работу более чистой, для них она кажется простой, хотя в большей степени неопределенной в своем содержании.

– тренера-стрелки свою работу представляют менее приятной и испытывают в отношении ее больше негативных эмоций. Они точно представляют содержание своей работы.

– учителя физкультуры оценивают свою работу более чистой, для них она кажется простой. В своей работе они более активны, и отмечают высокую инициативность в отношении нее, но ее содержание достаточно неопределенно для них.

– тренера-дартисты в отношении своей работы относительно инертны, относятся к ней достаточно спокойно.

САМООЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СТАТУСОМ В ГРУППЕ СВЕРСТНИКОВ

Зотова И.И. (Ростов-на-Дону)

SELF-EVALUATION OF THE APPEARANCE OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATUS IN THE PEER GROUP

Drozhdova I.I.

Проблема оценки внешнего облика занимает важное место в самосознании подростков. Самооценка внешности является важной предпосылкой формирования «Я-концепции», идентичности [1]. Несмотря на интерес исследователей к проблеме самооценки внешнего облика подростков [2], в настоящее время неизученными остаются особенности самооценки внешнего облика подростками с разным социально-психологическим статусом в группе сверстников. Данные, полученные социальными психологами на сегодняшний день, не образуют целостной картины взаимодетерминации самооценки степени привлекательности внешнего облика и статуса личности в подростковых группах. Особенно противоречивы сведения относительно самооценки внешнего облика подростков с низким социально-психологическим статусом [3].

Нами было проведено исследование, где в качестве гипотезы проверялось предположение о том, что существуют различия в самооценке степени привлекательности внешнего облика подростков с разным социально-психологическим статусом в группе сверстников.

В исследовании приняли участие подростки, учащиеся нескольких классов в возрасте 13-14 лет. С помощью социометрической процедуры в каждом классе выявлялись подростки, имеющие высокий, средний и низкий социально-психологический статус. Кроме того, участники ис-

следования оценивали степень привлекательности своего внешнего облика по ряду заданных характеристик, составленных на основе методики «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» [4]. Определялась степень привлекательности лица, телосложения, оформления внешнего облика, выразительного поведения, а также, степень принятия своего «отраженного внешнего облика» (свое изображение на фото, отражение в зеркале). Проверку различий на значимость осуществили с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования показали, что в целом, в самооценке внешнего облика подростков с разным социально-психологическим статусом прослеживается тенденция: высокостатусные подростки выше оценивают степень привлекательности своего внешнего облика по ряду характеристик: телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение, а также «отраженный внешний облик».

Подростки со средней степенью популярности в группе сверстников (среднестатусные) достаточно высоко оценивают степень привлекательности своего телосложения, выразительного поведения, а также отраженного внешнего облика. Большой разброс у них наблюдается в показателях оценки оформления своего внешнего облика.

Оценка своего внешнего облика низкостатусными подростками неоднородна, одни достаточно высоко оценивают отдельные его показатели, но при этом для большинства низкостатусных подростков характерна низкая самооценка по такому показателю, как «оформление своего внешнего облика». Таким образом, наибольшие различия в оценке степени привлекательности своего внешнего облика разностатусными подростками, проявляются в самооценке оформления своего внешнего облика. Низкостатусные подростки значимо ниже ($p \leq 0,01$), в сравнении с высокостатусными сверстниками оценивают оформление своего внешнего облика.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260.

Список литературы

1. Психология подростка / Под ред. А.А. Реана. СПб., 2008. 480 с.
2. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 344 с.
3. Шафирова Е.М., Белопольская Н.Л., Виссарионов В.А. Психологические особенности восприятия собственной внешности подростком // Сборник работ молодых ученых. МГППУ. 2002. Вып. 10. С. 219-221.
4. Аммон А.В., Филиппова Е.В. Связь социального статуса детей в группе с их психологическими, социально-когнитивными и поведенческими характеристиками // Консультативная психология и психотерапия. 2015. №4. С. 162-176.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Зотова О.Ю., Солодухина О.С. (Екатеринбург)

PSYCHOLOGICAL SECURITY AS A CONDITION OF MODERN SOCIETY WELLBEING

Zotova O. Yu., Solodukhina O.S.

Мы все живем в обществе, где уровень безопасности по всем основным параметрам, начиная от вероятности насильственной смерти и заканчивая гигиеническими нормами, значительно выше, чем был когда-то прежде, однако люди продолжают испытывать потребность в безопасности, отыскивая в окружающем мире всевозможные угрозы и опасности. В современном мире безопасность перестает быть абстрактным понятием, она становится конкретным феноменом, создаваемым взаимодействующими людьми.

В 1954 г. А. Маслоу [1], позже К. Рифф и К. Кииз в 1995 г. [2], а также Р. Райан и Э. Дэцы в 2000 г. [3], утверждали, что существуют универсальные человеческие потребности и что их удовлетворение будет способствовать повышению чувства благополучия человека. Р. Веенховен и Дж. Эрхардт [4], отмечали, что некоторые общества имеют более высокое качество жизни, потому что они имеют характеристики, которые являются универсальными и желательными для большинства людей. Роберт Эджертон [5] утверждал, что есть и «больные общества», которые не производят счастье и здоровье. Общим здесь является то, что для высокого качества жизни во всех культурах и у всех народов существуют универсальные желания и потребности.

Опасности и риски современных обществ существенно отличаются от предыдущих эпох. Эти угрозы, утверждает Бек [6], не могут быть ограничены в пространстве, во времени или в социальном плане. «Общество риска» действительно угрожает безопасности человека. Характер кризиса нашей современной эпохи имеет тревожные последствия, в частности общий климат неопределенности подпитывает тревогу человека, ставя под угрозу само ядро самоидентичности. Речь в данном случае идет об одной из форм групповой социетальной безопасности, охарактеризованной датским политологом Оле Вёвером как «защита группы от угрозы потери идентичности» [7. р. 581]. П. Бергер и Т. Лукман писали, что «типизации индивида, при помощи которых он ориентируется в конкретной ситуации, будут сохраняться и определять его действия в конкретной ситуации, пока им не брошен вызов» [8. с. 56]. Э. Гидденс указывал на

адаптивные реакции и типы преодоления риска и нестабильности: сосредоточенность на повседневных занятиях и сознательное блокирование тревожности; оптимизм в преодолении опасностей [9. с. 274-277].

В настоящее время, когда в процессе глобализации человек теряет привычные культурные и социальные ориентиры, когда учащаются случаи нестабильности в различных сферах общественной жизни, растет необходимость понять, как избежать социальной нестабильности и из чего складывается социальное благополучие. Таким образом, баланс между безопасностью и психологическим благополучием является концептуальной проблемой, которая требует дальнейшего изучения.

Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №16-18-00032

Список литературы

1. Maslow A. H. Motivation and personality. NY.: Harper & Row, 1954. 369 p.
2. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited. // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. №69. P. 719-727.
3. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. // American Psychologist. 2000. №55. P. 68-78.
4. Veenhoven R., Ehrhardt J. The cross-national pattern of happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness. // Social Indicators Research. 1995. №34(1). P. 33-68.
5. Edgerton R. B. Sick Societies: Challenging the Myth of Primitive Harmony. NY.: Free Press, 1992. 288 p.
6. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: Sage Publications, 1992. 272 p.
7. Wæver O. The Changing Agenda of Societal Security // Globalization and Environmental Challenges: Reconceptualizing Security in the 21st Century. Berlin: Springer-Verlag, 2008. Vol. 3. P. 581-593.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
9. Гидденс Э. Последствия модерна. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.

ВАНДАЛИЗМ КАК ФОРМА ЗАЩИТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЕ СРЕДЕ

Каримова В.Г. (Екатеринбург)

VANDALISM AS A FORM OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN THE URBAN ENVIRONMENT

Karimova V.G.

Современная городская среда – это крайне многогранный феномен, которому невозможно дать однозначное определение. Так О. Е. Трущенко формулирует следующее «Городская среда – совокупность исторически сложившихся условий (социально-экономических, социально-политических, культурных, экологических, пространственно-временных и т.д.) жизнедеятельности городского населения». Другая дефиниция предложена В. Л. Глазычевым «Городская среда – соотносительность, сопряженность, взаимосвязанность предметно-пространственного окружения с межчеловеческими взаимодействиями, происходящими в нем» [1].

Стоит обратить внимание на то, что городская среда это не что-то целостное, однородное. Её можно представить, как «поскутное одеяло», сотканное из различных кусочков. Так, этнические меньшинства неравномерно присутствуют на всей территории города, а живут замкнуто в определенных районах, которые можно назвать этническими анклавами. В городе Екатеринбурге согласно психологическому атласу, составленному Гуманитарным университетом [4], этнические анклавы находятся в таких микрорайонах как Сортировка, Завокзальный, Вторчермет. Этнический анклав представляет собой объединение одного этноса на небольшой территории города. В таких анклавах этнические сообщества могут говорить на родном языке и жить в соответствии с традициями своей культуры, тем самым данное объединение выполняет защитную функцию, которая выражается в сопротивлении утраты своей этнической идентичности. Говоря об этнической идентичности мы определяем её как «эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями одной с ним этнической группы, а также его позитивное ценностное отношение к истории, культуре, национальным традициям и обычаям своего народа, к его идеалам, чувствам и интересам, фольклору и языку, территории проживания этноса и его государственности» [3].

Если этнические анклавы позволяют этническим меньшинствам сохранять свою идентичность, то у коренного населения они могут вызывать чувство отчуждения и агрессию. Это связано с тем, что у коренно-

го населения слабо сформирована этническая идентичность, вследствие чего они воспринимают этнические меньшинства как угрозу для сохранения своей этнической идентичности. Защита своей моноэтнической идентичности, на наш взгляд, может выражаться в агрессивном поведении и стремлении обесценить и унижить представителей другой культуры. В данном контексте нас интересует вандализм как проявление такой агрессии.

В.А. Жмуров под вандализмом понимает «разрушение культурных, материальных и духовных ценностей, патологическое проявление одичания и косвенной агрессии». Также вандализм может интерпретироваться как защитная реакция индивида или группы на давление внешней среды [2]. Защитные реакции проявляются при восприятии ситуации как угрожающей для благополучия и стабильности существования человека, его мировоззрения, установок, привычного образа поведения. В нашем контексте вандальное поведение будет проявляться как защитная реакция, которая направлена на деструкцию представителей другой культуры. Вандализм в данном случае будет выражаться в написании ксенофобских лозунгов, погроме рабочих мест иноэтнического населения, осквернении памятников культуры.

На основе выше представленных аргументов, мы сформулировали гипотезу о том, что вандализм и этническая идентичность имеют обратную корреляцию. На данном этапе проводится исследование для проверки выдвинутой нами гипотезы.

Список литературы

1. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды / В. Л. Глазычев. М: Наука, 1984. 180 с
2. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. М. 2-е изд. 2012.
3. Малафеева М.А. Этническая и религиозная идентичности: содержание понятий и современное состояние // 2017 [Электронный ресурс] «Преподавание истории в школе» № 2, 2015. URL: <http://religjourn.ru/nauka/post-209/> (дата обращения: 03.05.2017)
4. Психологический атлас Екатеринбурга. Екатеринбург. – 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://gu-ural.ru/2017/03/opublikovan-psihiologicheskij-atlas-ekaterinburga/> (дата обращения: 03.05.2017)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОР ПРОГНОЗА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Кожухарь Г.С. (Москва)

VALUE ORIENTATIONS AS PREDICTOR OF SOCIAL COGNITION IN UNIVERSITY STUDENTS

Kozhukhar G.

Проблемы, связанные с ценностной сферой личности, являются важнейшими в изучении человека и общества, а обучение в университете – значимым этапом в развитии личности молодых людей, в формировании и стабилизации их ценностной системы. Многими психологами ценности понимаются как ядерное образование личности, влияющее на все ее проявления в социуме (Г. Олпорт, М. Рокич, В. Франкл, В. Шутц, С.С. Бубнова, Д.А. Леонтьев и многие другие).

Влияние ценностных ориентаций на социальное познание у студентов университета еще недостаточно изучено. Поэтому основным вопросом исследования явилось выявление того, каким образом ценностные ориентации позволяют прогнозировать восприятие и понимание студентами окружающих их людей. Мы использовали следующие методы: методику диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова) [1], личностный дифференциал [2], методику диагностики межличностных отношений Лири (адаптация Л.Н. Собчик) [3]. При изучении ценностных ориентаций студенты должны были оценить себя. Для семантического дифференциала и теста Лири была изменена инструкция: студентов просили оценить, как они воспринимают одноклассников из своего близкого окружения, с которыми они учатся в университете.

Для статистической обработки данных использовалась программа SPSS, v. 23.0., методы дескриптивной статистики и автоматическое линейное моделирование.

Выборку исследования составили 126 студентов университетов Москвы (бакалавриата и магистратуры) в возрасте от 19 до 27 лет. Из них 83% девушек. Данные были собраны автором и студенткой магистратуры Е. Грачевой.

Результаты описательной статистики позволили определить значимость ценностных ориентаций для студентов: на первом месте оказалась ценность альтруизма, а на последнем месте – ценность социальной активности.

В модель, оказывающую влияние на оценку близкого окружения (точность прогноза – 29,8%) вошли такие ценностные ориентации: эсте-

тическое восприятие, альтруизм (обратный знак), здоровье, приятное времяпрепровождение, социальная активность (обратная зависимость) и общение. Предикторами понимания в других людях фактора силы как представлений о развитии волевых качеств одноклассников, явилась высокая важность ценности здоровья, приятного времяпрепровождения и общения (предсказательное значение составило 21.7%).

Предикторами фактора активности (точность прогноза 22.9%) явились такие ценности как приятное времяпрепровождение, познание (отрицательный коэффициент), и ценность эстетического восприятия действительности.

Точность предсказания модели восприятия в других людях индекса доминантности – 31.5%. В модель вошли (по мере важности) высокая значимость ценности любви, здоровья, сниженная ценность альтруизма, важность признания, низкая направленность на социальный статус, значимость приятного времяпрепровождения, при низкой значимости общения.

Индекс дружелюбия, как оказалось, ценностные ориентации предсказали с меньшей точностью – на 15.6%. Модель составили три ценности: материальное благополучие, приятное времяпрепровождение, при отрицательной связи с ценностью общения.

Для всех 8 типов отношений были обнаружены разные модели ценностных ориентаций в качестве предикторов, влияющих на их познание студентами в одноклассниках.

Результаты исследования могут явиться основой для разработки программ социально-психологического тренинга, направленных на оптимизацию процессов социальной перцепции на основе особенностей системы ценностей у студентов университета.

Список литературы

1. Бубнова С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Методы психологической диагностики. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Воронина. М.: Институт психологии РАН, 1994. С. 144-157.
2. Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие / Сост. Е.Е. Миронова. Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. С. 121-124.
3. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. СПб.: Речь, 2003. С. 75 – 87.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ

Колосова В.В. (Нижегород)

AXIOLOGICAL DIMENSION I-CONCEPT STUDENTS

Kolosova V.V.

Проблема исследования ценностного аспекта Я-концепции студентов определяется сложностью и противоречивостью процесса формирования человека как гражданина и профессионала, проходящего в течение своей жизни через множество реально или виртуально существующих социальных систем, включая новые социальные феномены российского общества, наблюдаемые в поведении и личностных характеристиках граждан России [1]. Научное понимание и объективный анализ становления системы ценностных ориентаций (ЦО) студенческой молодёжи продиктован востребованностью российским обществом специалистов-психологов, готовых и способных к профессиональной деятельности в различных видах социальной практики. Цель исследования состояла в выявлении специфики иерархии ЦО студентов-психологов, исходя из их представления о двух формах Я-концепции – реальной и идеальной. В исследовании приняли участие в общей сложности 86 студентов 1, 2, 3 курсов. Представляем результаты, полученные на выборке студентов-психологов 1 курса. В процессе исследования ЦО студентов с помощью модифицированной методики М. Рокича [4] нами получены эмпирические результаты, описывающие иерархии ЦО студентов, в том числе группы (типологии) предпочитаемых, индифферентных и отвергаемые ценностей в образах Я-реальное и Я-идеальное. В процессе корреляционного анализа была выявлена сильная положительная связь высокой степени значимости (коэф. корреляции Спирмена) между терминальными ценностями в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное» ($r=0.927$, $p<0.001$) и умеренная достоверная положительная связь между инструментальными ценностями в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное» ($r=0.634$, $p<0.05$). Мы рассматриваем совпадение, связанность образов-представлений первокурсников как недостаточную сформированность и дифференцированность представлений испытуемых, что может свидетельствовать об отсутствии содержательного, осознанного размышления (в прошлом и в настоящем) о своём ближайшем и далёком будущем, в том числе о правилах и нормах жизнедеятельности, социальном и профессиональном взрослении. Обратим внимание на ряд ценностей, характеризующих сферу профессиональной самореализации: «интерес-

ная работа», «познание», «творчество», которые и в образе Я-реальное, и в идеальном образе находятся в группе индифферентных и отвергаемых ценностей. Следует признать, что в условиях глобальной модернизации всех сторон социальной реальности стремление к получению нового, более совершенного результата деятельности (ценность «творчества») не воспринимается первокурсниками как значимый регулятор социального поведения, полезным оказывается стандарт, заданный образец, шаблон поведения и деятельности. Существенное изменение ЦО в образе Я-идеальное наблюдается в иерархии инструментальных ценностей: ценность «воспитанность» переместилась с 3 на 14 ранговую позицию. Видимо, тактичность, умение вести себя, соблюдая правила поведения в обществе, проявляя такт в отношениях с другими людьми выглядит архаично и вызывает сопротивление будущей интеллигенции. Полезным для дальнейших исследований и проектирования образовательного процесса является обнаружение значимых взаимосвязей ЦО «продуктивная жизнь» и «воспитанность» ($-0,58$, $p \leq 0,001$), а также «творчество» и «воспитанность» ($-0,54$, $p \leq 0,01$). Рассматривая воспитание как специально организуемую деятельность по формированию общечеловеческих ценностей и нравственных норм личности, полученный нами результат, следует рассматривать как важную социальную, психологическую и педагогическую проблему развитию качеств благонаправленной, предупредительной и учливой личности.

Список литературы

1. Забродин Ю.М. Психология акмеогенеза – анализ движения личности в социальном пространстве // Вестник практической психологии образования. 2010. № 2. С. 35–42.
2. Колосова В.В. Научный потенциал социально-психологического знания: проблемы становления и перспективы развития. // Приволжский научный вестник. 2014. Приволжский научный вестник. – 2014. – № 11–2 (39). С. 147–152.
3. Колосова В.В. Парадигма профессионально-личностного развития и задачи модернизации образовательных программ [Электронный ресурс] // Наукоеведение. – 2013. – №4. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/84pvn413.pdf> (дата обращения: 16.04. 2017).
4. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М: «СМЫСЛ», 1992. – 17 с.

«НЕУСТАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» ВНЕ АРМИИ: СТРУКТУРА, СПЕЦИФИКА, ФУНКЦИИ

Конева Е.В. (Ярославль)

“HAZING” OUTSIDE THE ARMY: THE STRUCTURE, SPECIFICITY, FUNCTION

Koneva E. V.

Под «неустановными отношениями» понимается система официально не декларируемых форм физического и психического насилия, обеспечивающих доминирующее положение старших по нерегламентированному статусу в группе над младшими. Проявления неустановных отношений характерны для различных социальных организаций: учреждений общего, а также начального и среднего профессионального образования, общежитий образовательных учреждений, организаций различных форм собственности и т.д. (Козлова, 2013; Конева, Пелевина, 2013; Пелевина, 2014; Sullivan, 2010). По мнению С.Н. Тутолмина, это «устойчивое свойство психики ... воспроизводится в любой группе независимо от времени и места его существования» (Тутолмин, 2007).

«Универсальность» феномена «неустановных отношений» не исключает их количественной и качественной специфики в зависимости от организации, в которой они проявляются. Прямое количественное сопоставление их уровня дает противоречивые и трудноинтерпретируемые результаты. Это обстоятельство имеет несколько оснований.

Во-первых, «неустановные отношения» в ряде случаев не воспринимаются их субъектами (носителями соответствующих форм поведения) и объектами («жертвами») как явление, выходящее за пределы нормального функционирования группы. Поэтому в ответах на диагностическую методику, направленную на выявление феномена и носящую опросный характер (Пелевина, 2014), испытуемые преуменьшают выраженность «неустановных отношений» в некоторых их проявлениях. Это отчасти объясняется способностью «неустановных отношений» удовлетворять некоторые психологические потребности членов группы. Так, один из вариантов выхода личности из ситуации дезадаптированности становится создание вокруг себя специфической среды межличностных взаимоотношений. Удовлетворение аналогичных потребностей иным способом может быть более разрушительным для личности и группы, поскольку «неустановные отношения» представляют собой в какой-то степени регулируемое явление, в том числе и со стороны официального руководства организации. Они разворачиваются «на глазах» участников взаимодей-

ствия и в крайнем своем выражении могут быть ограничены с их стороны. Кроме того, «неуставные отношения» регулируют социальное взаимодействие между людьми с разным сроком пребывания в организации, обеспечивают социализацию новых членов.

Во-вторых, по причине многоаспектности феномена в организациях приоритетными являются разные стороны его проявления. В частности, наиболее диагностичным с точки зрения дифференциации групп по качественным особенностям «неуставных отношений» является так называемое «принуждение к погашению фактического или мнимого долга», под которым понимаются не только финансовые отношения, но и требование от «жертв» выполнения неких обязанностей, официально возложенных на субъектов «неуставных отношений». В значительной степени группы отличаются друг от друга также по дескриптору «нерегламентированная внутрigrупповая иерархия», которая представляет собой иерархическое разделение членов группы в соответствии с показателями их принадлежности к той или иной микрогруппе.

Структурные особенности «неуставных отношений» не зависят от формального состава группы и ее официального предназначения (Конева, Солондаев, Пелевина, 2017), а определяются, по-видимому теми их функциями, которые наиболее востребованы в группе: от реализации агрессии ее членов до необходимости обеспечения ее функционирования в случае недостаточных действий официального руководства в этом направлении.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10643.

Список литературы

1. Козлова О.В. Феномен психологического риска в образовании в некоторых зарубежных исследованиях начала XXI века // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 93–103.
2. Конева Е.В., Пелевина А.А. «Неуставные отношения» как социально-психологический феномен // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 2. С. 82–85.
3. Конева Е.В., Солондаев В.К., Пелевина А.А. «Неуставные отношения» в учебных коллективах // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2017. В печати.
4. Пелевина А.А. Особенности «неуставных отношений» в различных социальных организациях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 118-122.
5. Пелевина А.А. «Неуставные отношения» как социально-психологический феномен: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2014. 244 с.
6. Конева Е.В., Солондаев В.К., Пелевина А.А. «Неуставные отношения» в организациях образования // Материалы международной научно-практической

конференции «Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях» (С-Петербург, 11 января 2016 г.) С-Пб.: ИЦРОН, 2016. С. 191-193.

7. Тутолмин С. Дедовщина: ретроспектива. Историко-психологическое исследование. [Электронный ресурс]. URL: <http://fondiv.ru/articles/3/189/> (дата обращения: 17.10.2015).

8. Sullivan K. *The anti-Bullying Handbook*. Oxford University Press, 2000. 250 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.com.tr>. (дата обращения: 15.05.2017).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ ЛИЦ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ УГРОЗУ

Короженцева А.В., Позднякова М.Н. (Ростов-на-Дону)

REPRESENTATIONS OF STUDENTS ABOUT THE EXTERNAL APPEARANCE OF PERSONS POSING A TERRORIST THREAT

Korochentseva A.V., Pozdnykova M.N.

В современном обществе борьба с преступностью, стала одной из приоритетных задач государства. Эта проблема, наряду с существующим экономическим кризисом и политической нестабильностью, в настоящее время стала одной из наиболее актуальных. Своевременное обнаружение лиц представляющих террористическую угрозу, позволяет предотвратить чрезвычайную ситуацию, связанную с физической угрозой здоровью и жизни людей. Большое значение в этом процессе придается внешним характеристикам, которые могут помочь своевременно обнаружить человека, представляющего террористическую угрозу.

Основываясь на положении о неразрывной связи экспрессии, внешнего облика с внутренним миром человека и его психическим состоянием (Рубинштейн С.Л., Бодалев А.А., Панфёров В.Н., Лабунская В.А., Петрова Е.А., Белугина Е.В., Дроздова И.И., Тулинова Д.И.), а также на основании идеи о том, что эти связи на протяжении всей жизни фиксируются в личном опыте каждого субъекта взаимодействия [1, 2, 3, 4], мы исследовали особенности представлений студентов вуза о внешнем облике различных типов лиц, представляющих террористическую угрозу.

Мы изучили представления о трех типах лиц, представляющих террористическую угрозу: «Террорист – зомби» (подвергшийся какому либо виду психологической обработки, НЛП, гипнозу и т.п., не отдающий отчета в своих действиях); «Террорист за веру» (религиозный «фанат», ведущий борьбу с «неверными»); «Террорист за деньги» (совершает преступную деятельность, ориентируясь на коммерческую выгоду).

В исследовании приняли участие студенты вуза в возрасте от 19 до 22 лет. На основе определения коэффициента ранговой корреляции Пирсона нами были определены взаимосвязанные характеристики, которые были выбраны испытуемыми для каждого визуального портрета. Так среди основных элементов, входящих в паттерны невербального поведения «Террориста за деньги», преобладали: холодный и жесткий взгляд; дисгармоничные напряженные позы; желание навязать свою точку зрения (напористость во взгляде, позах и жестах). В паттерн невербального поведения «Террориста-зомби», вошли: «застывшее лицо», неприязненное (враждебное) отношение к другим людям (мимические «гримасы», оскорбительные жесты); холодный взгляд; частые прикосновения к себе и другим; суетливость в движениях; бегающий взгляд; вялая, невыразительная жестикуляция; длительные паузы в речи; грубость в голосе. По представлениям студентов невербальный паттерн «Террориста за веру», включает такие характеристики как: заглядывание в глаза при нежелании другого фиксировать визуальный контакт; прятание рук (в карманы, за спину); страх человека быть смешным в глазах других людей, острая реакция на такое отношение (крик, резкие жесты и др. проявления агрессии); позы активные; отсутствие внешней привлекательности; подергивание отдельных мышц лица.

Также с помощью критерия Манна-Уитни нами была определена степень значимости различных особенностей поведения и элементов внешнего облика для обнаружения лиц, представляющих террористическую угрозу, по представлениям студентов. Среди наиболее значимых компонентов внешнего облика студенты выделили: данные голоса (высокий, низкий, дрожащий, грубый), особенности коммуникации (различные высказывания, реплики, выкрики), соответствие поведения нормам общегражданского этикета, специфику визуального контакта (чрезмерно длительный или наоборот избегающий), физические данные (мускулистость, худоба, другие особенности телосложения), причёску (соответствие ситуации взаимодействия, опрятность, головной убор) и аксессуары (несоответствие их стилю одежды, необычная или религиозная символика).

Список литературы

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 200 с.
2. Короченцева А.В. Представления студентов о внешнем облике политиков и отношении к ним. Автореф. Дисс. На соискание уч. степени к.п.н. Ростов-на-Дону: РГУ, 2006. 25 с.
3. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. 608 с.
4. Панферов В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей // Вопросы психологии, 1982, №5. С. 139-141.

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Кубышко В.Л. (Москва)

Полиция России – стержнеобразующая структура государства. В 2018 году отмечается 300-летие ее создания по Указу Петра I от 25 мая 1718 года «Пункты, данные С.-Петербуржскому Генерал-Полицмейстеру», согласно которому «Для улучшения порядков, в сем городе быть Генералу-Полицмейстеру, его Царского Величества Генерал-Адъютанту Девиеру, и даны ему за Его Величества собственною рукою пункты, как ... оное врученное дело управлять» [1, С. 570]. В его 13-ти положениях были впервые определены на основе европейского опыта реализуемые затем почти два столетия направления ее деятельности – административное (контроль строительных предписаний, состояния улиц и др.) и обеспечения общественного порядка и безопасности (пресечение «всякого зла и лиха», задержание «гулящих и слоняющихся» и т.д.) [Там же, С. 569-571].

А.М. Девиер вошел в историю как рачительный и неподкупный генерал-полицмейстер. Его состоявшая из армейцев полицейская команда заложила традиции достойного выполнения многочисленных задач. Потрясения столетней давности извратили облик российской полиции в стремлении противопоставить ему героическую летопись советских органов правопорядка. Однако и они ушли в прошлое под шквал обрушившейся разноречивой информации как о них, так и об их предшественниках.

Современное общество и полиция России как его неотъемлемая часть поставлены перед необходимостью такого понимания этой истории, которое бы не вызывало чувства ущербности и боли за своих предков, а способствовало формированию соответствующего духу времени патриотического самосознания, миропонимания, целостности Я как граждан своей страны. Это междисциплинарная проблема, имеющая психологическое содержание, конструктивно осмысливаемое в концептуальных подходах Ф.Р. Анкерсмита, Дж.С. Брунера, В.В. Знакова и др.

По проблематике истории российской полиции выполнено около 300 отечественных диссертационных исследований по историческим (преимущественно в классических университетах) и юридическим (преимущественно в системе МВД России) наукам, в т.ч. несколько десятков докторских. Это свидетельствует о востребованности ее научного понимания, трансформируемого во все слои общества.

Анализ рандомизированного равно представленного банка таких исследований (n=200) показывает, что в их тематике в исторических науках

преобладает метафора политической полиции и жандармерии негативного содержания (-), тогда как в юридических науках она в постсоветское время сменилась на позитивную метафору (+) полиции в целом (табл. 1).

Таблица № 1

Динамика метафор тематики отечественных диссертационных исследований истории российской полиции

№ п/п	Период (годы)	- Метафора жандармерии, %		+ Метафора полиции в целом, %	
		Ист. науки	Юрид. науки	Ист. науки	Юрид. науки
1	1990-е	100	60	-	40
2	2000-е	65	21	18	79
3	2017	45	12	27	67

Из данных таблицы 1 также следует, что: а) несмотря на устойчивую тенденцию к снижению распространенности негативной метафоры тематики исследований в исторических науках, по степени выраженности она существенно контрастирует с метафорами тематик исследований в юридических науках, продолжая вносить разлад в умы и сердца сотрудников МВД России и общества в целом; б) однако позитивная метафора образа российской полиции с 2000-х годов устойчиво преобладает и набирает силу.

Опыт пятнадцатилетнего исследования данной проблемы свидетельствует о конструктивности рассматриваемого подхода, реализуемого в настоящее время в системе МВД России в комплексе посвященных празднованию 300-летия российской полиции мероприятий.

Литература

1. ПСЗРИ. Собр. первое: С 1649 года. Т. V. 1715-1719. – Типогр. II Отдел. СЕИВ Канцелярии, 1830.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА: ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лабунская В.А. (Ростов-на-Дону)

THE SOCIAL PSYCHOLOGY OF FACIAL APPEARANCE: APPROACHES, PROBLEMS AND PERSPECTIVES ON RESEARCH

Labunskaya V.

В социальной психологии внешнего облика сформировалось ряд направлений, главными из них являются направления, рассматривающие роль внешнего облика в сферах занятости; образования; в сфере зна-

комства и брака; в политической деятельности [2,3,9]. В каждом из этих направлений обсуждается проблема факторов возникновения переживаний, связанных с внешним обликом [1, 5]. В результате проведенных исследований сложились социо – культурный и социально-психологический подходы к объяснению роли внешнего облика в жизни человека. В контексте этих подходов был сделан фундаментальный вывод об актуализации негативных оценок внешнего облика, о преобладании неудовлетворенности внешним обликом, охвативших подростков, молодых, взрослых и пожилых [5]. В настоящее время социо – культурный, социально-психологический подходы дополняются изучением экономических, гендерно – стратификационных факторов выполнения внешним обликом его разнообразных функций в обществе. Общий вывод гласит: «Внешний облик – это ключ к здоровью и привлекательности в различных сферах жизнедеятельности».

Результаты многочисленных работ способствовали выделению такого предметного поля, как «внешний облик – субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью», «внешний облик и счастье», в рамках которого изучается «инвестиционная сила внешнего облика» [4, 6,7, 8]. На передний план выходит тема «внешний облик и власть», а вместе с ней появляется необходимость поставить вопрос о влиянии внешнего облика на властные отношения.

Многие исследователи уделяют особое внимание социально-когнитивному подходу, рассматривающему проблему конструирования внешнего облика, его интерпретаций, оценок и самооценок, проблему «давления» [10] представлений о необходимых параметрах внешнего облика, проблему влияния интегральных индивидуально – личностных факторов на восприятие, оценки и самооценки внешнего облика [1,2, 8,9]. Вместе с этими исследованиями ставится вопрос о взаимосвязях внешнего облика и индивидуально – личностных, социально-психологических характеристик. Существующие подходы и предметные области психологии внешнего облика получили новый импульс развития в связи с проведением лонгитюдных исследований влияния внешнего облика на различные аспекты жизнедеятельности человека [8].

В целом, современное состояние разработанности социальной психологии внешнего облика позволяет сформулировать проблему интеграции социо-культурных, социально-психологических, экономических, гендерно-стратификационных факторов изучения фундаментальных феноменов, связанных с внешним обликом. Интеграция перечисленных факторов является необходимым условием, но недостаточным для объяснения взаимосвязей между внешним обликом человека и различными видами взаимодействия, между внешним обликом и субъективным

благополучием, удовлетворенностью жизнью. В этой связи системное социально-психологическое исследование внешнего облика должно включать комплекс субъектных характеристик. Совмещение субъектных факторов с социо – культурными, социально-психологическими, индивидуально – личностными, экономическими, гендерно-стратификационными позволяет отойти от традиционных схем исследований в психологии внешнего облика человека и получить эмпирические ответы на вопросы о взаимосвязи внешнего облика и жизненных перспектив человека.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260

Список литературы

1. Варлашкина Е. А., Дементий Л. И. Перфекционизм как личностная детерминанта отношения к внешности// Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2010. Вып. 9. С. 5-15.
2. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен// Международный Журнал «Социальная психология и общество»– 2010. декабрь (1). С.26-39 .
3. Лицо человека в пространстве общения/ отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барabanщиков, А.А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа. Когито-Центр, 2016. 430 с.
4. Gupta N., Etcoff N. L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress// Journal of Happiness Studies. 2015. pp.1-13.
5. Harris DL, Carr AT. Prevalence of concern about physical appearance in the general population//British Journal of Plastic Surgery. 2001. V. 54, pp. 223–226.
6. Kaczmarek L. D, Enko Jolanta, Awdziejczyk M., Hoffmann N., Białobrzaska N., Mielniczuk P., Dombrowski S.U. Would You Be Happier If You Looked Better? A Focusing Illusion// J. Happiness Stud. (2016) 17:357–365.
7. Lorenzo, G.L., Biesanz, J.C., & Human, L.J. What is beautiful is good and more accurately understood: Physical attractiveness and accuracy in first impressions of personality//Psychological Science. 2010. V. 21. pp. 1777–1782.
8. Moss TP, Lawson V, White P. Salience and Valence of Appearance in a Population with a Visible Difference of Appearance: Direct and Moderated Relationships with Self-Consciousness, Anxiety and Depression// PLoS– Public Library of Science ONE. 2014. 9(2): e88435. doi:10.1371/journal.pone.0088435
9. Oxford Handbook of the Psychology of Appearance/ by ed. N Rumsey, D. Harcourt. London, 2012. 560 p.
10. Stock, N. M. Culture clash: Appearance concerns in black and minority ethnic groups// Journal of Aesthetic Nursing. 2014. 3 (7). pp. 294-295.

ДОВЕРИЕ – ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СОВЛАДАНИЯ С ТРУДНЫМИ ЖИЗНЕННЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Леонова И.Ю. (Ижевск)

TRUST IS A PERSONAL RESOURCE OF COPING WITH DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Leonova I. Yu.

Доверие, являясь предметом исследования социальной психологии, осмысливается, прежде всего, как социально-психологическое отношение, фиксирующее психологические результаты взаимодействия социальных объектов. Доверие связано с ценностно-смысловой структурой сознания, так как проявление доверия/недоверия – сознательно регулируемый процесс. Важным является тот факт, что в современном обществе особое значение придается проблематике доверия. Доверие становится необходимым ресурсом, позволяющим человеку совладать с трудностями, которые неизбежно возникают в этом мире.

В последнее время многими отечественными и зарубежными авторами (Н.Е. Водопьянова, 2009; Т.Л. Крюкова, 2005; Д.А. Леонтьев, 2010; Е.А. Петрова, 2008; Е.А. Сергиенко, 2009; С.А. Хазова, 2010; Hobfoll, 1988; Lazarus, 1984; Taylor, 1995; Maddi, 2001 и др.) совладающее поведение человека в трудных жизненных ситуациях рассматривается с точки зрения так называемого «ресурсного подхода», предполагающего наличие у человека определенных особенностей, помогающих ему преодолевать возникшие трудности.

Исследователи трактуют совладание как процесс активного и осознанного взаимодействия человека с ситуацией [1] понимают трудные жизненные ситуации как требующие от человека максимальной реализации ресурсов субъектной регуляции [3] и связывают процесс конструктивного совладания с возможностью и способностью человека реализовать богатый репертуар конкретных копинг-стратегий [4].

Именно ресурсы позволяют человеку решать определенные задачи адаптации и преодоления неблагоприятных внешних и внутренних условий более эффективно. Под ресурсом совладающего поведения чаще всего понимается совокупность личностных и средовых средств, которые имеются в наличии и которые субъект может использовать в целях совладания с трудной жизненной ситуацией. При этом одной из ключевых характеристики ресурса является полезный эффект от его использования. Однако оценить ресурсность того или иного фактора может только сам субъект совладающего поведения, а это создает дополнительные проблемы для исследователя.

Ресурсы субъекта объединены в систему, которая формируется по влиянию косвенного опыта и знаний человека о своих фактических достижениях, которые помогли ему быть эффективными.

Выстраивая ментальные репрезентации тех или иных событий, человек опирается на свой внутренний опыт проживания взаимоотношений с миром и другими людьми как частью этого мира. Человек всегда доверяет и себе и миру одновременно. Поскольку система «Человек и Мир» является единой онтологией, а доверие – это двуполусное явление, связанное с одновременной обращенностью человека в себя и в мир, то, рассмотренные в единой системе, они дают обобщенное представление о том, какие стратегии поведения человек выбирает в каждом конкретном случае, в каждой конкретной ситуации.

Сегодня все более процесс совладания с трудностями мыслится исследователями как необходимый и постоянный элемент повседневной жизни, а изучение внешней и внутренней детерминации выбора стратегий поведения в значимых жизненных ситуациях является важнейшей задачей эмпирических исследований.

Проведенное нами эмпирическое исследование подтвердило факт того, что доверие к себе и межличностное доверие влияют на стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, а построенная априорная модель позволяет оценить специфику этого влияния в юношеском возрасте, а также возможность прогнозировать изменения реагирования на трудные жизненные ситуации при изменении доверия к себе и(или) межличностного доверия [2].

Список литературы

1. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. 2(2). С. 88–95.
2. Леонова И.Ю., Леонов И.Н. Доверие как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией. В кн: Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV междунар. конф., Кострома, 2016. Кострома: КГУ им.Н.А.Некрасова, 2016. С. 223–226.
3. Сергиенко Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования. 2009. 5(7). <http://psystudy.ru>
4. Хачатурова М.Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики/ 2013. 10(3). С. 160–169.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Матвеева Л.В. (Москва)

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE EMERGENCE OF MODERN INFORMATION CULTURE

Matveeva L.V. (Moscow)

В настоящее время мы присутствуем при становлении нового витка развития культуры – информационной культуры. В современных информационных продуктах могут соединяться самые высокие проявления творческого интеллекта и грубые, низменные, подчас патологические инстинкты человека, берущие начало в первородном грехе, тяге к нарушению запрета. По какому сценарию будут развиваться отношения этих двух начал человека в информационном пространстве, в значительной степени будет зависеть от способности человеческого сообщества к научной рефлексии процессов воздействия информационного дискурса на образ мира и поведение человека. Если традиционная культура сосредоточилась на проблемах жертвы и воздаяния за нарушение культурных запретов и на сценариях распада старой идентичности человека как Царя природы и завоевателя пространства и ресурсов, то в информационной культуре осуществляется провокация нормы на основе рефлексии границы сакрального, inferнального и профанного пространства, представленных в ментальной и образной форме. Манифестируется образ человека, обладающего сверхмогуществом и самосвятостью (образ человека-паука, «железного человека», бэтмана и др.). Одним из путей создания цивилизованного существования в информационной культуре может стать формирование жестких критериев и ограничений в системе ценностей, способах удовлетворения потребностей, в сценариях одобряемого поведения, которые способствуют выживанию человечества как вида. Самая существенная проблема в настоящее время – это война за критерии культурной нормы. 10-15 лет назад в рамках концепции постмодернизма Джозефом П. Овертоном была разработана политическая теория «окно Овертона» [1]. Она описывает механизм воздействия на общественное сознание, позволяющий превратить за пять шагов невыносимое в общепринятое через радикальное, приемлемое, разумное, популярное. Используя эту теорию можно добиться с помощью средств массовой информации принятия обществом как разумных, так и абсурдных идей. Наибольшей убедительностью в информационном пространстве обладают образы художественных произведений, фильмов, мультфиль-

мов и телесериалов. В нашей работе мы проанализировали картину мира, представленную в российском и американском вариантах мультфильмов на одну и ту же сказочную тему о царевне-лягушке. В качестве параметров для контент – анализа были взяты категории различения культур по концепции «культурной грамматики» Э.Холла (1959) [2] и теории культурных различий Г. Хофстеде (1997) [3]. Результаты показали, что понятие времени и пространства различно представлено в сознании и поведении героев. Значительные различия обнаруживаются по категориям «индивидуализм/коллективизм», «отношение к неопределенности», «дистанция власти», «феминность/маскулинность». Результаты сравнительного анализа показывают, что ценности, символы, ритуалы, понятие времени и пространства, а также образы и поведение героев в художественных медийных продуктах, выполненных в традициях различных цивилизационных матриц отличаются, хотя сюжет истории один и тот же. Демонстрация маленьким детям мультфильмов, выполненных в рамках другой культуры требует обсуждения и интерпретации для них различий по основным параметрам культурной матрицы, иначе могут возникнуть трудности в формировании цивилизационной идентичности у целого поколения.

Список литературы

1. Джо Картер. Как уничтожить культуры за пять простых шагов. Интернет-ресурс www.perevodika.ru/articles/22649.html
2. Hall E.T. Beyond Culture, Neu York-London, 1976
3. Hofstede G. Culture and Organization: Software of the Mind/ New York: McGraw-Hill. 1997

ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Мельникова Н.М., Белинская Е.П., Иванова Е.Е. (Якутск)

PHENOMENON OF PSYCHOLOGICAL HEALTH IN ORDINARY CONSCIOUSNESS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Melnikova N.M., Belinskaya E.P., Ivanova E.E.

Проблемы здоровья, в том числе психологического, начали привлекать внимание представителей социальных наук еще с 50-60-х годов двадцатого столетия. Общемировое ускорение темпов технологического развития повлекло за собой переход развитых стран к постиндустри-

альной экономике. Именно человек оказался не только решающим, но и наиболее «слабым звеном» высокотехнологичных производств [1,2,10].

Влияние изменений образа жизни на уровень здоровья и благополучия людей особенно ярко выступает на примере коренных народов Севера: для них процессы урбанизации и ассимиляции культур нередко становятся прямой угрозой существованию, особенно в сочетании с экстремальными природно-климатическими условиями. Показатель самоубийств среди коренного населения Республики Саха (Якутия) превышает в 4 раза аналогичный показатель, регистрируемый среди некоренного населения. Это свидетельствует о снижении уровня жизнестойкости титульных наций, ухудшении психологического здоровья населения [8].

Для уточнения содержания понятия «социально-психологическое здоровье» и создание модели мониторинга социально-психологического здоровья в 2016 г. было проведено исследование обыденных представлений населения Республики Саха (Якутия) о здоровье и факторах, влияющих на него. Выборка составила 278 человек (61 мужчин, 217 женщин) из разных муниципальных районов республики. Всего проведено 25 фокус-групп, 35 глубинных интервью.

Отмечается высокая согласованность описаний видов здоровья различными группами респондентов.

Психическое здоровье является неотделимой частью общего физического здоровья. Основными характеристиками психического здоровья являются адекватность.

Психологическое здоровье. Психологически здоровый человек – это здоровый человек, принимающий себя со всеми своими особенностями, умеющий решать свои проблемы самостоятельно, способный регулировать свое состояние в стрессовых ситуациях, имеющий какое-либо свое увлечение и заботящийся о своем физическом здоровье и психологическом благополучии.

Социальное здоровье. Социальное здоровье – это социальная активность населения и, прежде всего, занятость трудоспособного населения, наличие социальных связей, вовлеченность в различные социальные институты и степень его участия в жизни общества, в том числе и участие в традиционных совместных видах деятельности.

Социально-психологическое здоровье – это стабильное функционирование личности человека, наличие позитивного образа «Я», наличие потребности в саморазвитии, понимание и принятие себя, а также сформированность продуктивных форм и способов взаимодействия человека с внешней средой.

Понятия психического, психологического, социального и социально-психологического здоровья отражают определенные уровни субъек-

тивного благополучия человека и характеризуют гуманитарную составляющую его качества жизни. Природа психологического здоровья тесно взаимосвязана с социально-психологическими аспектами человеческого существования: гармоничная включенность в общество, в рамки социальных норм (успешная социализация), наличие прочных взаимоотношений социальных связей и социальной поддержки являются неотъемлемой частью психологического здоровья человека.

Список литературы

1. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни. / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304
2. Васильева, О. С., Филатов, Ф.Р. Психология здоровья человека: феномен здоровья в культуре, психологической науке и быденном сознании. М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
3. Воронина, А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 142– 145.
4. Дубровина, И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности. Вестник практической психологии образования, 2009. – № 3. – С.7–21.
5. Ениколопов, С.Н., Садальская, Е.В., Абдраязкова, А.М. Психология здоровья и проблемы психологического благополучия // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты / под ред. Б.Г.Юдина. М.: 2003.
6. Лебедева, О.В. Проблема соотношения понятий «психическое здоровье» и «психологическое здоровье» в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. – № 3. – С. 33-37.
7. Психология здоровья: Учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.
8. Семенова, Н.Б., Мартынова. Т.Ф. Этнокультуральные факторы риска суицидального поведения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2013. № 3 (72) <http://lekarius.ru/magazines/81119/82137/120152>;
9. Marks, Murray, Evans, Willing, 2000. – Health Psychology: Theory, Research and Practice. – L., 2000. – P. 7-28.
10. Ogden, J. Health Psychology / J. Ogden. Backingham, Philadelphia, 1996. – 335 p.

ОСОБЕННОСТИ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ СКЛОННЫХ К РАЗНЫМ ФОРМАМ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

Мозговая Н.Н., Лихван А.В. (Ростов-на-Дону)

FEATURES OF THE SOVEREIGNTY OF PSYCHOLOGICAL SPACE OF THE PERSONALITY OF ADOLESCENTS ARE PRONE TO VARIOUS FORMS OF DEVIANT BEHAVIOR

Mozgovaya N.N., Likhvan A.V.

Актуальность данной тематики достаточно очевидна, так как вопросы психологической основы отклоняющегося поведения мало изучены, как и тема психологического пространства личности [1], [2].

На формирование психологического пространства личности [3], [4], которое окончательно формируется ближе к юношескому возрасту, оказывают большое влияние явления, происходящие с личностью в этом возрасте, а именно: взаимоотношения с семьёй, с друзьями и сверстниками, формирование поведения, осознание чувства взрослости [4],[5]. Таким образом, можно сказать, что значительным является социальная ситуация развития. В ходе эмпирического исследования особенности суверенности психологического пространства личности подростков склонных к разным формам отклоняющегося поведения (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2016-2017 гг.) [5] мы установили, что:

– склонные к нарушению правил и норм имеют высокие показатели таких компонентов суверенности психологического пространства как суверенность физического тела, суверенность территории, суверенность привычек и суверенность социальных связей. Это значит, что им свойственны – свобода в реализации своих потребностей, в социальных контактах и в комфортном распорядке жизни, а также удовлетворении основных физиологических потребностей, их отличает свобода во вкусах и ценностных установках;

– старшеклассники склонные к аддиктивному поведению отличаются высокими показателями по компонентам – суверенность мира вещей и привычек, что также свидетельствует о свободе в распоряжении своей жизнью.

– склонные к Интернет-зависимости имеют высокий уровень суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности ценностей. Можно предположить, что это связано с тем, что компьютерные игры моделируют людям иную реальность, помогают в формировании различных навыков (уверенность в себе, независимость, умение

управлять и брать ответственность и др.), но при этом, человек находится только «в своём мире», что отражается на содержательной стороне личностного пространства, на взаимодействии с другими людьми;

– подростки склонные к разным формам отклоняющегося поведения имеют высокий общий уровень суверенности психологического пространства, то есть эти респонденты способны самостоятельно контролировать свое личностное пространство, но такая самостоятельность приводит к асоциальному поведению. Этот факт можно учитывать при работе с такими подростками, особенно психологическим службам в школе.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1997.
2. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как социологическая теория. //Социс. – 1991. – № 4. – С. 72-78.
3. Мозговая Н.Н., Манвелян Н.Г. Особенности суверенности психологического пространства личности юношей и девушек студентов вузов//Психология обучения. 2015. № 1. с. 44-56.
4. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. N 1. С. 35 – 42
5. Суроедова Е.А., Мозговая Н.Н. Психологическая проблема девиации смысловой сферы и личностного пространства детей и родителей//В сборнике: Девиантология родительства сборник научных трудов. Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО; сост. Е.В. Куканова; отв. ред. Е.В. Куканова. Москва, 2016. С. 181-189.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРКУРА: ДЕЙСТВИЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ СОЗНАНИЕ.

Насибуллов К.И., Аглымова А.В. (Казань)

PARKOUR'S WORLD VIEW: AN ACTION THAT DETERMINES CONSCIOUSNESS

Nasibullov K.I., Aglyamova A.V.

Паркур – это крупное неформальное молодежное сообщество, возникшее относительно недавно, но вызывающее огромный интерес, как среди молодежи, так и взрослой части населения по всему миру. Паркёр (фр. parkour – дистанция, полоса препятствий) – это искусство перемещения, рационального преодоления препятствий и стиль жизни. Многие трейсеры отмечают, что занятие паркурром очень сильно изме-

нило их мировоззрение. Целью проведенного исследования было изучение влияния занятий паркуром на становление смысложизненных ориентаций трейсеров. Исследование строилось с опорой на методологию социального конструкционизма (К.Герген и др.) [1], предполагалось, что сообщество трейсеров конструирует особое мировоззрение, опираясь на двигательную практику паркура. В качестве основного метода было использовано исследовательское интервью [2], как наиболее чувствительный метод для выявления индивидуальных мировоззренческих аспектов сообщества. В качестве основы для его проведения были выделены высказывания из книги «Паркур» основателя сообщества Д.Белля. Интервьюируемым предлагалось прокомментировать эти высказывания, соотнеся со своим опытом занятий паркуром. Выборку составили 8 человек от 21 до 27 лет мужского пола, занимающихся паркуром не менее 6 лет. Также было проведено вспомогательное исследование с использованием стандартизованных методик «Смысложизненные ориентации» (Д.А.Леонтьев); «Уровень субъективного контроля» (модификация Е.Г.Ксенофонтовой). Выборку составили 50 человек в возрасте от 18 до 27 лет мужского пола, занимающихся паркуром не менее 3 лет. В результате анализа были выделены ключевые смысложизненные категории: «гармония», «движение», «личный путь», «познание себя», «помощь нуждающимся», «препятствие», «равновесие», «расширение границ», «саморазвитие», «собственный выбор», «становление трейсера», «суждение о людях по их намерениям», «телесная память», «тело», «трейсер и мир», «уверенность в себе», «удовольствие от гаркура». Мы отметили, что феномены, связанные с особенностями движения в паркуре, в дальнейшем нередко переносятся на иные сферы активности трейсера. Как высказался один из участников интервью: «Паркур – это далеко не только тренировки, потому что, скажем так, именно в период становления личности, я паркур обрел и с тех пор паркур стал для меня фактически всем. То есть, во всех жизненных ситуациях, во всём я вижу паркур, в том, что он учит преодолевать препятствия, теми или иными способами и что границ так таковых для человека в принципе нету и, собственно, благодаря этому, научился весьма, скажем так, с иронией смотреть на проблемы, какие бы то ни было, я знаю, что с любой проблемой, с которой я сталкиваюсь, я могу её преодолеть, да, возможно нужно искать серьезные, сложные пути, да, возможно это займет долгое время, но, это возможно. Главное понять, хочешь ты это сделать или не хочешь. Но возможно всё». Результаты по стандартизованным методикам выявили у трейсеров более высокий уровень интернальности и осмысленности собственной жизни. Целью дальнейших исследований является описание психологических меха-

низмов самоконструирования жизненного мира данного сообщества с учетом постмодерного социального контекста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ» № 17-06-00664а.

Список литературы

1. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социал.-психол. подходы: науч.-аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М.: ИНИОН, 1999. 115 с.
2. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ О БУДУЩЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Нестик Т.А., Зуев К.Б. (Москва)

THE COLLECTIVE REPRESENTATIONS OF RUSSIAN PSYCHOLOGISTS ABOUT THE FUTURE OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Nestik T.A., Zuev K.B.

В тезисах представлены результаты пилотажного исследования, которое представляется актуальным по ряду причин. Во-первых, как в России, так и за рубежом формируется более отчетливый социальный заказ на психологические исследования. Этот заказ все чаще выражается в попытках определить приоритетные направления исследований «сверху», без участия самих ученых. Во-вторых, растущая скорость технологических и социальных изменений, нарастающие глобальные риски обостряют необходимость восстановления техно-гуманитарного баланса, осмысления изменений с участием представителей естественных, социальных и гуманитарных наук. Наконец, реализация стратегии научно-технологического развития России требует формирования в научных коллективах стратегических программ развития, долгосрочного видения будущего, чувствительности к «слабым сигналам» приближающихся перемен.

В 2016 г. проведен экспертный опрос, направленный на выявление мнений специалистов о том, какими станут психологическая наука и практика в нашей стране и в мире к 2030. К опросу было привлечено 50 экспертов, имеющих ученую степень доктора или кандидата наук и обязательно обладающих достаточным опытом исследовательской и/или практической деятельности. Опрос проводился в форме анкеты (14

закрытых и 6 открытых вопросов). Результаты опроса свидетельствуют о том, что психологическое сообщество в целом видит будущее психологии как мультипарадигмальной науки и ожидают роста востребованности психологов-исследователей обществом. Основная часть опрошенных полагает, что российская психология будет ориентироваться на западные образцы, но отчасти сохранит свою самобытность. Опрошенные выражают заметно больший оптимизм в отношении труда психолога-исследователя в мире, чем в нашей стране. Среди принципиально новых направлений исследований большинство экспертов указывают на проблемы, связанные с развитием IT-технологий: психологию социальных сетей, виртуальной реальности и нейроинтерфейсов между человеком и компьютером, искусственного интеллекта, психологию людей-киборгов, людей с имплантированными ложными воспоминаниями и т.п. По мнению опрошенных психологов, следует ожидать интеграции традиционных психологических направлений с когнитивными исследованиями, нейронауками и эволюционной психологией. На основе достижений медицины, генетики и психофармакологии будет развиваться психология геной инженерии, психология программируемой одаренности и творчества. С одной стороны, в условиях ускоряющихся изменений и высокой неопределенности будут востребованы психологические технологии работы с ценностно-смысловой сферой личности и жизненными сценариями. Так, будет формироваться психология моделирования жизненного пути личности и разрешения трудных ситуаций (в том числе, на основе игровых сценариев). Можно ожидать развития психологии личностных смыслов и духовности, включая психологию религиозных, эзотерических практик развития. С другой стороны, развитие коммуникационных технологий и опора на большие данные позволят не только проводить дистанционную психологическую диагностику, но и еще более эффективно манипулировать массовым сознанием.

Проведенные нами в 2016 г. интервью с 10 видными отечественными психологами (В.А. Ключарев, Ю.И. Александров, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, В.В. Знаков, Т.Ю. Базаров, Е.А. Сергиенко, А.В. Махнач, Д.А. Леонтьев, М. Фаликман) показали, что образ будущего психологии в представлениях психологов тесно связан с групповой идентичностью и оценкой степени внутренней интегрированности психологического сообщества.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-06-00675

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ощепков А.А. (Димитровград)

HUMAN HARDINESS AND RESILIENCE AS FACTORS OF COPING DEVIANT BEHAVIOR

Oshepkov A.A.

Современное общество характеризуется высокой динамикой развития межличностных и межгрупповых отношений, представляя множасьее разнообразие как позитивных, так и негативных явлений. Наряду с этим, развивается и знание об общественных процессах, дифференцируясь и интегрируясь, в рамках которого все большую значимость приобретает человек как личность с его индивидуальными особенностями. Личность сегодня рассматривается уже не только с позиций одной концепции, или даже дисциплины, а в комплексе взаимосвязей единой системы научных отраслей.

Особую значимость, поэтому, приобретает проблема девиантного поведения, которое на современном уровне развития психологии рассматривается и как негативное явление (агрессия, аддикции), и как позитивное (творчество). Этим подчеркивается важность изучения, наряду с негативными аспектами, и позитивные, которые могли бы пролить свет не только на формировании отклонений, но и на развитии сильного нормативного начала в жизни человека. В этом ряду, поэтому, стоит обратить внимание на таких важных новообразованиях личности как жизнестойкость и жизнеспособность человека, которые выступают потенциалом личностного роста человека, изучение которых поможет понять каким образом возможна не только профилактика девиаций в поведении людей, но и их преодоление.

Однако понятия жизнестойкости и жизнеспособности могут показаться близкими по смыслу, если не синонимичным, несмотря на то, что выражают принципиально разные сущностные характеристики человека. Феномен жизнестойкости личности разрабатывался С. Мадди, с точки зрения которого, жизнестойкость представляет психологическую живучесть и расширенную эффективность человека [6]. В отечественной психологии проблема жизнестойкости разрабатывается в рамках исследования стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, посттравматического стрессового расстройства [1]. Также в современной отечественной психологии ведутся исследования личностного адаптационного потенциала [3; 4], определяющего устойчивость человека к экстремальным факторам.

С другой стороны, феномен жизнеспособности определяется как системное качество личности, определяющее активность и саморегуляцию человека и выступающее, таким образом, основой социальной адаптации индивида. Так, А.В. Махнач считает, что жизнеспособность индивида следует рассматривать «в качестве системного свойства, определяющего проявление активности и адаптивности» [5, С. 70], а А.И. Лактионова рассматривает жизнеспособность как «индивидуальную способность человека к социальной адаптации и саморегуляции» [2, С. 6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что жизнестойкость – понятие, которое отражает в большой степени способность к совладанию с трудной жизненной ситуацией, и через это достижение социально-психологической адаптации а жизнеспособность – понятие, которое относится к общему потенциалу социально-психологической адаптации. В этом плане, понятие жизнеспособности выступает общим, а понятие жизнестойкости частным в русле потенциала социально-психологической адаптации. В этой связи особую теоретическую и практическую значимость приобретает изучение способов оптимизации процесса социально-психологической адаптации, а для этого также важно изучение в комплексе жизнестойкости и жизнеспособности личности как факторов превенции формирования отклонений от нормального развития.

Публикация подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ, N заявки 17-06-00814.

Список литературы

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. Вып.2 / Под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С.82–90.
2. Лактионова А.И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2010. 25с.
3. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып.1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С.56–65.
4. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. №1. С.16–24.
5. Махнач А.В., Лактионова А.И. Личностные и поведенческие характеристики подростков как фактор их жизнеспособности и социальной адаптации // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №5. С. 69–84.
6. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. V. 63. №2. P. 265–274.

**ПСИХОЛОГИЯ ИМИДЖА:
ВЕХИ РАЗВИТИЯ В РАМКАХ РПО**

Петрова Е.А., Мокшина С.Н., Буркотова Д.С. (Москва)

**PSYCHOLOGY OF THE IMAGE: MILESTONES
OF DEVELOPMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE RPO**

Petrova E.A., Mokshina S.N., Burkotova D.S.

Психология имиджа – область психологической науки, обращенной к изучению феномена имиджа в разных видах коммуникаций. Различные споры о психологических предпосылках, условиях и механизмах функционирования этого феномена стали предметом серьезных научных исследований. В рамках Российского психологического общества (Московское отделение) более десяти лет работает секция, направленная на разработку данной области. Секция «Психология имиджа» объединяет маститых и начинающих ученых, которые в своих работах поднимают разные проблемы и ищут способы их решения в общем поле имиджелогии [1]. В настоящее время проведена серия научно-прикладных исследований, посвященных персональному, профессиональному имиджу субъекта общения, имиджу организаций, имиджу различных территорий и городов России, Европы и мира; имиджу стран. Результаты этих исследований воплощены в 68 кандидатских и 6 докторских диссертациях. Выпущены монографии, коллективные сборники научных трудов. В прошедших мероприятиях участвовало более 1500 человек, выпущено 15 сборников.

«Психология имиджа» – динамично развивающаяся секция РПО, за последние несколько лет ее жизнь была богата не только научными исследованиями, но и рядом масштабных мероприятий: пятнадцать Международных симпозиумов по имиджелогии на территории России, Украины, Беларуси, Франции, Германии; четыре Международных женских конгресса, где всесторонне рассматривались психологические проблемы имиджа; семь интернациональных конкурсов «Имидж-директория», в рамках которых наряду с номинациями в области науки, образования и практики в сфере имиджелогии, деятелям культуры, искусства и журналистам вручались специальные награды: «За вклад в формирование позитивного имиджа России», «За существенный вклад в формирование и развитие позитивного имиджа армии» и «За укрепление единства армии и общества» (по рекомендации Министерства обороны).

Теоретико-методологической основой большинства исследований в области психологии имиджа становится психосемиотический подход.

Имидж изучается как динамически изменяющийся феномен, включающий в себя семиотическую, эмоционально-аффективную, когнитивную и собственно-перцептивную составляющую [2]. Содержательно имидж формируется либо на основе реального опыта взаимодействия с его носителем, либо на основе социально-перцептивных механизмов массового сознания [3]. Отдельной содержательной проблемой является изучение функционально-ролевых проявлений имиджа в жизнедеятельности различных социальных структур и организаций.

Список литературы

1. Петрова Е.А. Из опыта работы секции «Психология имиджа» в 2010-2014 гг. //Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том «От истоков к современности», М., 2015. С. 393-395.

2. Петрова Е.А. Имидж субъекта общения// Психология общения: энциклопедический словарь /Под общ.ред. А.А.Бодалева.2-е изд., испр. И доп. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015. С. 66-67.

3. Петрова Е.А. Научная школа А.А. Бодалева как исток психосемиотического подхода к общению // Психология общения: Школа академика А.А. Бодалева. Коллективная монография / Под ред. Н.Л.Карпова, В.А. Лабунская, Т.И. Пашукова. – М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2017. С. 167-171.

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНОСТИ «НОВОГО» ПОКОЛЕНИЯ

Пищик В.И. (Ростов-на-Дону)

FEATURES OF MENTALITY OF THE “NEW” GENERATION

Мировое сообщество активно обсуждает проблемы современных поколений [1], [2], [3], [4]. Поколение мы понимаем как реальную общность сверстников и соратников, социализация которых проходит в период определенных событий истории, обладающих особой ментальностью, ценностными ориентациями и поведенческими стилями, отделенных от другого поколения примерно 20-ю годами. Нами определены советское поколение традиционной ментальности (1946–1964 г.р.); поколение переходное традиционной и переходной ментальности (1965–1982 г.р.); информационное поколение инновационной ментальности (1983–1999 г.р.); новое, постперестроечное поколение постинновационной ментальности (2000–2015 г.р.). Проблема выявления социально-психологических характеристик «нового» поколения сегодня является достаточно актуальной для выработки эффективных стратегий взаимодействия с ними во всех сферах.

К группе учащихся нового поколения, нами были отнесены респонденты возраста 14-15 лет (250 чел., 130 девушек, 120 юношей), они идентифицировали себя с постсоветским поколением. Применялись методики: культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов и С.В. Рыжова); методика измерения типов ментальности (МИТМ) (В.И. Пищик); методика «Система жизненных смыслов» (В.Ю. Котляков).

Обнаружены следующие составляющие культурно-ценностного дифференциала представителей «нового» поколения: взаимовыручка, открытость, дисциплинированность, миролюбие, верность традициям, недоверие к власти, сердечность, самостоятельность, устремленность в будущее, законопослушность. Значимые различия между юношами и девушками получены по шкалам осторожность (девушки), склонность к риску (юноши); соперничество (девушки), уступчивость (юноши).

Выявлен инновационный тип ментальности в особенностях образа мира, образа жизни, особенностях взаимоотношений и стиле мышления ($p < 0,001$); традиционный тип выражен только в особенностях взаимоотношений ($p < 0,001$); выраженность переходного типа ментальности представлена в архетипах. Инновационному типу ментальности присущи такие социально-психологические характеристики как независимость от группы, восприятие образа мира как нестабильного, континуум открытости опыту, индивидуализм.

Альтруистические смыслы выражены у юношей (15,2), девушек (14,6). Экзистенциальные смыслы, основанные на потребности человека придавать ценность самому проживанию жизни, иметь свободу выбора, более свойственны девушкам (15,2) и юношам (12,2). Гедонистические смыслы, заключающиеся в потребности человека получать удовольствие от жизни и наслаждаться всем разнообразием доступных человеку эмоций и ощущений, являются более значимыми школьниц-девушек (15,4). Самореализация в большей степени важна для девушек, обучающихся в школе (16,6). Статусные смыслы, менее всего важны для школьников-юношей (12,7). Потребность в коммуникации, общении важна примерно одинаково для всех респондентов (13). Семейные смыслы выражены в большей степени у юношей – школьников (16,1), меньше всего у девушек (10,1). Когнитивные смыслы, как это ни парадоксально, занимают одно из последних мест в системе жизненных смыслов молодых людей – юноши-школьники (12,6).

Полученные данные свидетельствуют о том, что «новое» поколение имеет своеобразие.

Список литературы

1. Пищик В.И. Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью // Прикладная и практическая социальная психология. Коллективная монография / Под ред. Л.И. Рюминой. М.: КРЕДО, 2015. С. 20-30.
2. Adiguzel, O., Batur, H. Z., & Eksili, N. (2014). Kusaklarin Degisen Yuzu ve Y Kusagi ile Ortaya Cikan Yeni Calisma Tarzi: Mobil Yakalilar. Journal of Suleyman Demirel University Institute of Social Sciences Year, 1(19). Турецкиепоколения
3. Ozkan, M., Solmaz, B. (2015) Mobile Addiction of Generation Z and its Effects on their Social Lifes: (An Application among University Students in the 18-23 Age Group). Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 205, 9, pp. 92-98.
4. Wallis C. (2006) Gen M: The Multitasking Generation, Time Magazine. Monday, Mar. 27.

ОТНОШЕНИЕ К ДИСКРИМИНАЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ ДРУГОГО К ЖЕНЩИНАМ С РАЗЛИЧНЫМ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫМ ОФОРМЛЕНИЕМ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Погонцева Д.В. (Ростов-на-Дону)

ATTITUDE TO THE DISCRIMINATORY BEHAVIOR OF THE OTHER TO WOMEN WITH DIFFERENT ETHNO-RELIGIOUS APPEARANCE: THE GENDER ASPECT

Pogontseva D.V.

В современном мире мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, в которых люди подвергаются дискриминации в связи с их внешним обликом, данный вид дискриминации в современной психологии носит название «лукизм» и включает в себя несколько подвидов (дискриминация по весу, росту, цвету волос, привлекательности и т.д.). Одной из форм дискриминации является этнолукизм т.е. оценка этнокультурной принадлежности основывается на оценке внешнего облика, а результат данной оценки запускает определенное отношение – дискриминационное или толерантное. В наших предыдущих работах [1, 2, 6, 7] мы уже затрагивали различные аспекты восприятия этнокультурного оформления внешнего облика, однако учитывая, что принятие/непринятие дискриминационного поведения Другого зависит от сочетания трех групп факторов: 1) этнической принадлежности, эмоционально-оценочного отношения к этническим группам; 2) этнической принадлежности объекта дискриминации и его гендера; 3) вида обыденных ситуаций взаимодействия [3, 4, 5], нами была модифицирована методика отношения

к девушкам с различным этнорелигиозным оформлением внешнего облика и включены ряд ситуаций взаимодействия.

В данной работе мы хотели бы рассмотреть различия в отношении к дискриминационному поведению Другого мужчинами и женщинами на примере ситуации «совместное проживание». В связи с этим мы предложили респондентам заполнить анкету фильтр (в которой респонденты указывали свой пол, возраст, этническую принадлежность), а также оценить набор фотографий девушек в хиджабе и без него (5 пар фотографий). К каждой фотографии была предложена ситуация: «В пансионате заезд отдыхающих происходит в течение дня. Приехавшие ранее отдыхающие попросили менеджера пансионата не селить на оставшееся свободное место в их комнате девушку с фотографии. Насколько вы согласны с такими пожеланиями отдыхающих в пансионате?», респондентам предлагалось оценить насколько они согласны с поведением Другого в данной ситуации. В нашем исследовании приняли участие 807 человек: 436 женщин и 371 мужчина, в возрасте от 18 до 35 лет, средний возраст 25 лет.

В ходе проведенного анализа нами были получены значимые различия в принятии данной ситуации по отношению к девушкам (фотография 2 $t=4,35$; фотография 3 $t=2,20$; фотография 4 $t=2,44$; фотография 5 $t=2,92$; фотография 7 $t=2,33$; фотография 8 $t=2,52$; фотография 9 $t=3,26$; фотография 10 $t=2,41$ при $p<0,05$). Однако, интересно отметить, что девушка представленная на фотографии 1 и 6 (одна и та же девушка в первом случае в хиджабе, во втором без него) оценивается примерно одинаково и мужчинами, и женщинами (фотография 1 $M_{ср.}=3,5$; фотография 6 $M_{ср.}=4,3$), таким образом, респонденты негативно относятся к ситуации дискриминации данной девушки Другим. В остальных ситуациях женщины значимо чаще выражали не согласие с поведением Другого по отношению к девушкам на фотографии, в то время как мужчины скорее были склонны согласиться с дискриминационным поведением Другого по отношению к девушкам на фотографиях. Мы также провели анализ оценок согласия с данными ситуациями, используя критерий Уилкоксона, и обнаружили значимые различия в каждой паре фотографий, таким образом, мы можем предположить, что в данной ситуации срабатывает два типа дискриминации: этнолукизм и сексизм. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на отношение к дискриминационному поведению по отношению к женщинам с различным этнорелигиозным оформлением внешнего облика влияет пол субъекта оценивания данной ситуации.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №16-36-00049.

Список литературы

1. Безьян А.А. Особенности эмоционально-оценочного отношения русских к этническим группам // В сборнике: Безопасность и развитие личности в образовании Материалы III-й Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 38-41.
2. Безьян А.А. Содержание «appearance»-стереотипов мужчин и женщин с различными типами внешнего облика // Психолог. 2016. № 6. С. 9-19.
3. Лабунская В.А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 19–33. doi:10.17759/sps.2016070402
4. Лабунская В.А., Безьян А.А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия / Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы четвертой Международной научной конференции (30-31 мая 2014). Смоленск: Изд-во СГУ, 2014. Т. 1. С. 50-55.
5. Лабунская В.А., Безьян А.А. Особенности дискриминационного отношения к представителям этно-культурных групп: гендерно-ситуационный анализ / Гендерные реалии 21 века: сборник научных статей. Материалы XI Международных гендерных чтений (28 марта 2014). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 130-134.
6. Погонцева Д.В. Виды дискриминации в современной социальной психологии // Психолог. – 2016. – № 5. – С.1-6. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.5.20574.
7. Погонцева Д.В. Формы проявления этнолукизма (на примере современных зарубежных исследований) // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – 301 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕВУШЕК О ВНЕШНЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОМ МУЖЧИНЕ

Погонцева Д.В. (Ростов-на-Дону)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF FEMALES REPRESENTATIONS ABOUT ATTRACTIVE MALE APPEARANCE

Pogontseva D.V.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, тем, что в современном обществе категории «красота» и «привлекательный внешний облик» стали ценностно-значимыми как для женщин, так и для мужчин. Данное утверждение подкрепляется активным развитием индустрии красоты и рекламны косметических средств, что косвенно свидетельствует о нарастании значимости привлекательного внешнего облика

в повседневной жизни современного человека. В социально-психологических работах фиксируется «одержимость внешним видом», характерная для современного общества, отмечается тенденция Арреангсеперфекционизма как стремления к эталонной внешности [4, 5, 6]. Варлашкина Е.А. подчеркивает, что в настоящее время внешность человека связывается с психическим благополучием [1, 2].

Если раньше неудовлетворенность и обеспокоенность своим внешним обликом в большей мере рассматривались как прерогатива женщин, то теперь отмечается другая тенденция. Вместе с этим, при росте общественного интереса к проблеме эстетического образа мужчины, в науке недостаточно изученным остается вопрос изучения особенностей представлений молодежи, в частности, девушек, о красивом мужчине.

Целью нашей работы является изучение представлений о красивом мужчине у девушек. В исследовании приняли участие 85 девушек в возрасте от 18 до 25 лет. Испытуемым был опросник ориентации личности на гендерные роли (С. Бем) в адаптации М.В. Бураковой (бланковая методика МИГИ) [3].

Исходя из полученных данных по методике МИГИ нами были выделены две группы испытуемых: девушки с фемининным типом гендерной идентичности (55%), андрогинным типом гендерной идентичности (45%), характеризующийся выраженностью и фемининных и маскулиновых характеристик.

В результате сравнительного анализа представлений о красивом мужчине у девушек с фемининным и андрогинным типами гендерной идентичности были выявлены значимые различия и различия, близкие к значимым в оценках соответствия личностных характеристик красивым мужчинам. Так, в представлениях о красивом мужчине девушек с фемининным типом гендерной идентичности в большей мере выражены такие характеристики как «сильный физически» ($z=-2,942$), «обаятельный» ($z=-1,851$) и «любящий» ($z=-1,942$). Девушки с андрогинным типом гендерной идентичности, чаще включают в представления о красивом мужчине характеристики, относящиеся к негативным: «равнодушный» ($z=-3,997$), «необязательный» ($z=-2,491$), «ревнивый» ($z=-2,413$), но при этом «мягкий» ($z=-1,887$). Отсутствуют значимые различия в оценках соответствия таких характеристик как «аналитически мыслящий», «сострадательный», «действующий как лидер», «чувствительный», «готовый идти на риски», «обладающий лидерскими качествами», «готовый облегчить страдания», «доверчивый», «добросовестный», «дружелюбный», «напористый», «полезный для других», «независимый», «доминирующий», «сочувствующий», «искренний», «неестественный», «самодостаточный», «чистый», «мужественный», «женственный», «счастливый», «уступчивый».

Можно заметить, что оценках соответствия характеристик красивым мужчинам и у фемининных и у андрогинных девушек отражены как маскулинные (сильный физически, ревнивый) так и фемининные (любящий, мягкий) характеристики. Различия проявились в выраженности соответствия красивому мужчине таких характеристик как «сильный физически», «обаятельный», «любящий»/«равнодушный», «необязательный», «ревнивый», «мягкий» в зависимости от принадлежности участников исследования-девушек к фемининному либо андрогинному типу гендерной идентичности.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260.

Список литературы

1. Варлашкина Е.А., Козубенко С.В. Внешняя привлекательность мужчины в массовом сознании: гендерный аспект // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2011. № 42. С.11-18.

2. Варлашкина Е.А. Гендерные особенности социальных представлений о внешне привлекательной женщине // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2010. № 1. С. 18–24.

3. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 208 с.

4. Погонцева Д.В., Узлова Д.Д. Категоризация мужчин как успешных и красивых // GESJ: Education Science and Psychology 2013. No.2 (24). С. 35-38.

5. Погонцева Д.В. Представление об эталонах красоты у современных девушек // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2496–2500.

6. Погонцева Д.В. К проблеме оценки Другого по внешнему облику // GESJ: Education Science and Psychology. 2011. No.1 (18). С. 3-9.

ДОВЕРИЕ ЛИЦ, СКЛОННЫХ К МАНИПУЛЯЦИЯМ, НЕПРОВЕРЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рюмшина Л.И. (Ростов-на-Дону)

TRUST OF PERSONS, PRONE TO MANIPULATIONS, TO UNVERIFIED INFORMATION BY MASS MEDIA.

Ryumshina L.I.

Стремительное развитие средств массовой коммуникации и мировой сети Интернет, в том числе, создало много возможностей для их воздействия на массовое сознание. При этом особого внимания заслуживает молодежь, которая, согласно различным исследованиям [1, 2 и др.],

более подвержена воздействию извне. В то же время нельзя отрицать наличия личностных особенностей, способствующих или, наоборот, позволяющих противостоять манипулятивным воздействиям [3]. Все вышеописанное явилось основанием исследования, целью которого было определение доверия лиц, склонных к манипуляциям, непроверенной информации, получаемой из различных информационных каналов. В исследовании использовалась методика МАК-4, а также авторская анкета, содержащая специально сконструированные утверждения, касающиеся современных политических и экономических событий в стране. Респондентам предлагалось оценить степень достоверности этих утверждений в зависимости от источника, из которого они могли получить такую информацию (федеральные ТВ каналы, местное ТВ, радио, газеты, интернет, а также члены семьи, друзья и коллеги, незнакомые люди) и проанализировать степень субъективного доверия к каждому источнику от 0 до 7 баллов. На различных этапах исследования в нем приняло участие 156 человек в возрасте от 18 до 65 лет. Остановимся на анализе группы студентов и взрослых людей. Независимо от возраста, респонденты в целом доверяют телеканалам, и практически не доверяют незнакомым людям. Студенты в одинаковой степени доверяют ТВ и радио, взрослые больше их доверяют ТВ, в отличие от студентов практически не доверяют интернет-сайтам. Студенты более склонны доверять непроверенной информации, получаемой от друзей, чем взрослые. Причем это справедливо, как по отношению к утверждениям, касающимся политических, так и экономических событий. При этом лица с низким уровнем выраженности манипулятивных склонностей меньше доверяют информационным источникам, чем лица со средним и высоким уровнем их выраженности. Вероятно, при восприятии непроверенных утверждений, лица с низким уровнем макиавеллизма больше доверяют себе, опираясь на собственные знания, опыт и т.д. Студенты, в отличие от взрослых, больше подвержены воздействию СМИ. Они не доверяют непроверенной информации только исходящей от других людей (членов семьи, знакомых и незнакомых), в то время как взрослые с низким уровнем макиавеллизма доверяют и членам семьи, а из средств массовой коммуникации преобладающее их большинство верит только местному ТВ. По мере выраженности макиавеллизма растет доверие к федеральным каналам, достигая апогея у взрослых с высоким его уровнем выраженности. У студентов с высоким уровнем манипулятивных склонностей, увеличение доверия к федеральным СМИ сопровождается уменьшением доверия к непроверенной информации, получаемой из прессы. Но и в данном случае можно наблюдать отличие между двумя группами респондентов. Студенты с высоким уровнем макиавеллизма доверяют, хоть и разной степени,

всем информационным источникам, кроме газет, а взрослые проявляют определенную жесткость. Они верят только ТВ, прежде всего, федеральным каналам, радио и в незначительной степени членам семьи. В целом исследование показало, что респонденты скорее поверят непроверенной информации, передаваемой средствами массовой коммуникации, чем получаемой от партнеров в межличностном общении. Непроверенной информации, получаемой от незнакомых людей (случайных попутчиков в транспорте, на улице), респонденты не верят, но взрослые поверят непроверенной информации, если услышали ее от членов семьи, а студенты и от друзей, в том числе.

Список литературы

1. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2-х т. Т.2: Сб. статей /Под ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой и др. – М: Аспект Пресс, 2008. 399 с.
2. Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2015. 672 с.
3. Рюмшина Л.И. Онтопсихология общения/ LAPLAMBERTAcademicPublishingGmbH&Co. Германия, 2011. 366 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Салахова В.Б. (Москва)

PSYCHOLOGICAL LIFE RESISTANCE CHILDREN AND ADOLESCENTS

Salakhova V.B.

Современная ситуация развития общества, к сожалению, сопровождается проявлением такого негативного социального явления в детской среде, как отклоняющееся поведение. Его нарастание – распространение наркомании и алкоголизма, жестокость совершаемых преступлений – вызывает особую тревогу, прежде всего, потому, что оно сопровождается деградацией личности, «выключает» из жизни часть представителей молодого поколения, усугубляет их дезинтеграцию в обществе.

В связи с необходимостью внедрения новых методов по профилактике девиантного поведения детей и подростков, формированию здорового образа жизни, развития целостной и гармоничной личности, обучения детей и подростков конструктивным способам поведения нами разработана программа обучения тренеров (подготовки волонтеров) в области

формирования здорового образа жизни и профилактики девиантного поведения детей и подростков «Психологическая жизнестойкость».

Целью профилактической программы является обучение тренеров (волонтеров) деятельности, направленной на формирование у детей и подростков конструктивных форм поведения, обеспечивающих развитие способности противостоять трудностям, сохранение и развитие целостной и гармоничной личности, сохранение психического здоровья ребенка. Программа направлена на развитие личности ребенка, повышение его самооценки и сопротивляемости негативным явлениям, расширение коммуникативной сферы, изменение в оценке рискованных форм поведения, формирование самосознания и позитивного восприятия действительности, вовлечение детей и подростков в общественно-полезную деятельность.

Структура профилактической программы позволяет реализовать «каскадный метод» обучения и обеспечивает достижение поставленных целей и задач.

Программа включает в себя интерактивные методы обучения, представленные элементами психологических тренингов (ролевые игры, интерактивные игровые упражнения, визуализация, драматизация, общение в малых группах, групповая дискуссия, другое).

Структура профилактической программы включает в себя следующие блоки: подготовительный блок, обучающий, практико-ориентированный, оценивающий, итоговый блок.

По итогам реализации программы достигаются следующие результаты:

- 1) Развитие волонтерского движения в учебных заведениях.
- 2) Обучение детей и подростков конструктивным формам поведения в социуме.
- 3) Овладение детьми и подростками эффективными формами общения.
- 4) Формирование потребности к здоровому образу жизни у детей и подростков.
- 5) Повышение уровня пропаганды здорового образа жизни.
- 6) Обеспечение социализации подростков.
- 7) Обеспечение преемственности поколений.
- 8) Формирование жизнестойкости.
- 9) Разработка методических рекомендаций для педагогов образовательных учреждений.

Публикация подготовлена в рамках РГНФ № 17-06-00814/17.

Список литературы

1. Салахова В.Б. Генезис девиантного поведения: от делинквентного подростка к осужденному [Текст]: монография / Ощепков А.А. – Ульяновск: УлГУ, 2016. 600 с.

РАЗВИТАЯ ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ЧАСТЬ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ НАДЕЖНОСТИ ГРУППЫ

Сарычев С.В., Чернышев А.С. (Курск)

THE ADVANCED PREVENIENT PART OF JOINT ACTIVITIES AS SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISM OF SMALL GROUP'S RELIABILITY

Sarychev S.V., Chernyshev A.S. (Kursk)

В экспериментальном исследовании надёжности группы в напряженных и экстремальных условиях совместной деятельности мы исходили из предположения о том, что результативность совместной деятельности и организация взаимодействия членов группы обусловлена особенностями ориентировки группового субъекта в предстоящей деятельности [1]. Было установлено, что ориентировочная часть совместной деятельности в напряженных и экстремальных условиях надёжных групп имеет больший удельный вес в сравнении с исполнительной частью. В таких группах уделяется большое внимание согласованию совместных действий, разработке плана деятельности. Ориентировка осуществляется заинтересованно, в ходе ее обсуждаются детали предстоящей деятельности, их последствия. После обсуждения план совместной деятельности принимается как добровольное руководство к действию членами группы.

Содержательная часть плана предстоящей совместной деятельности в напряжённых и экстремальных условиях улучшается по сравнению с оптимальными условиями и характеризуется тщательным распределением действий, стабильностью, способностью группы обосновать распределение действий и операций, последовательность их выполнения. Испытуемые уточняют содержание совместной деятельности, условия её осуществления [2].

Испытуемые настойчиво стремятся найти наиболее рациональный способ осуществления совместной деятельности, предполагающий наименьшие затраты сил и дающий наилучшие результаты. Это особенно ярко проявляется в экстремальных условиях совместной деятельности, когда в процессе ориентировки испытуемые обсуждают предстоящие

совместные действия, согласовывают их последовательность, распределяют участки работы. Довольно часто подготовка предстоящей совместной деятельности представляет собой разработку детализированного «сценария», предполагающего, что каждый член группы осведомлён о том, когда ему надлежит включиться во взаимодействие с другими, какие действия он выполняет самостоятельно, а какие во взаимосвязи с другими членами группы. В итоге у каждого члена группы складывался целостный образ решения групповой задачи и готовность помимо своих обязанностей выполнять обязанности других членов группы в случае их ошибок или задержки ими действий. Испытуемые проговаривают предстоящие действия в той последовательности, в которой они намереваются их осуществлять и с кем при этом они намереваются взаимодействовать. Следовательно, ориентировка является не только средством формирования образа совместной деятельности и проектирования функций, выполняемых каждым членом группы, но и позволяет упорядочить взаимодействие в группе. Было экспериментально установлено, что надёжные группы не просто тратят больше времени на ориентировку, но используют это время более продуктивно, т.е осознание и реализация совместной деятельности опираются на эффективный подход «от целого к частному».

Список литературы:

1. Гамова Е.И., Сарычев С.В. Исследование социально-психологических аспектов ориентировки в совместной деятельности // Психологические и педагогические аспекты формирования профессиональной и социальной компетентности : мат-лы межд. научно-практич. конф. (Иваново, 13 – 14 ноября 2009). Ч.1. С. 16-20.

2. Чернышев А.С. Сарычев С.В., Лобков Ю.Л. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход). Курск, 2006 . 156с.

«ЕСТЕСТВЕННОСТЬ» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСПРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЛИЧНОСТИ В ЦЕЛОМ (ПСИХОЛОГО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСКУРС)

Сериков Г.В. (Ростов-наДону)

«NATURALNESS» AS A CHARACTERISTIC OF THE EXPRESSIVE BEHAVIOR OF A MAN AND HIS PERSONALITY IN GENERAL

Serikov G.V.

А.А. Бодалев подчеркивал, что специфика познания человеком человека обусловлена тем, что другой человек «не предмет, не вещь», а поэтому воспринимается не только как носитель доступных субъекту

восприятия внешних, объектных свойств, но и как личность, обладающая скрытыми от прямого наблюдения, внутренними субъектными качествами. При этом на первый план выходит «интерпретация внутреннего мира», «психологическая интерпретация человеком другого человека как личности» на основе «отражения и интерпретации внешнего облика и поведения» [1, с.102-104]. Данный процесс разворачивается в соответствии с имеющимися у человека схемами, стереотипами, являющимися основаниями для толкования и оценивания. В этой связи, интерес представляет оценка экспрессивного поведения другого с точки зрения его естественности или неестественности. Рассматривая этот вопрос, мы касаемся традиционной проблемы соотношения внешнего и внутреннего в человеке, взаимосвязи тела и души.

Поскольку феномен естественности поведения человека, его экспрессии интересовал исследователей в различных отраслях человекознания, это задало междисциплинарный подход к рассмотрению данной проблемы. Теоретическое исследование включило в себя анализ ряда литературных произведений, в которых выдающиеся писатели пытались воссоздать, смоделировать ситуации сложного взаимодействия внешнего и внутреннего в человеке, его души и тела (исходя из своих представлений об их взаимосвязи, своего понимания естественности [2-5, 9, 10]), а также, затрагивающих данную проблему, психиатрических исследований [8] и работ в области кинематографии [6,7].

Одной из задач данной работы было попытаться дать социально-психологическое определение понятию «естественность» как характеристике, проявляющейся в общении людей в процессе познания одним человеком другого, на примере героев литературных произведений, а также, исходя из того, какой трактовки естественного «явления» внутреннего придерживается тот или иной автор.

Пытаясь объяснить особенности экспрессивного поведение других людей, будь это в реальной жизни, на сцене, в кино, в литературном произведении, субъекты восприятия постоянно оценивают его в категориях: «естественно/правдиво» – «неестественно/фальшиво». Таким образом, очевидно, что естественность может выступать не только в качестве одной из характеристик экспрессии человека, его общения и поведения, но оценкой личности в целом. Представления о естественном и неестественном в поведении, реакциях, экспрессии другого человека обуславливаются нашим опытом, бессознательным ощущением «правды, подлинности», рационально-логическими выводами, но, в большей степени, стереотипами, культурно-обусловленными нормами.

«Естественность» – социальный конструкт, оценочная категория, определяющая соответствие поведения, общения конвенциональным соци-

окультурным представлениям о взаимодействии внутреннего и внешнего в человеке. Демонстрируемое поведение воспринимается, интерпретируется как естественное, правдивое, свободное, спонтанное, органичное, простое и т.п., или же, как неестественное, фальшивое, искусственное, неприятное, странное, в зависимости от общепринятых представлений о нормальном, обычном, привычном. Таким образом, естественность предстает ценным для других (и для самого субъекта) личностным свойством, а также выступает в качестве социально-психологической характеристики личности, поскольку проявляется, воспринимается, оценивается другими людьми в межличностном общении. Потребность быть естественным побуждает литературных героев к достижению данного состояния, освобождению от всего того, что мешает этому.

Список литературы

1. Бодалев А.А. Личность и общение: Избр. психологич. труды. М.: Международн. педагогич. академия, 1995. 328 с.
2. Генри О. Попробовали – убедились / Избр. произв. в 2-х т. М.: Гослитиздат, 1960. Т.2. С. 367-378.
3. Генри О. Бабье лето Джонсона Сухого Лога / Избр. произв. в 2-х т. М.: Гослитиздат, 1960. Т.1. С. 454-462.
4. Грин А. Любимый / Собр. соч. в 6-и т. М.: Правда, 1965. Т.1. С.98-102.
5. Грин Г. Неопровержимое доказательство / Шедевры готического рассказа. М.: Слово, 1994. Т.2. С.282-390.
6. Кузнецова В.А. Кинофизиогномика (Типажно-пластический образ актера на экране). Л.: Искусство, 1978. 175 с.
7. Пудовкин В.И. Собр. соч. в 3-х т., М.: Искусство, 1975. Т. 1. С.185-239, 260-300.
8. Сикорский И.А. Физиогномика в иллюстрированном изложении / Читать человека как книгу. АОЗТ «ЭКМО», 1995. С. 9-219.
9. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Собр. соч. в т. М.: Правда, 1967. Т.2. С.507-572.
10. Хемингуэй Э. Недолгое счастье Френсиса Макомбера / Избранное. М.: Прогресс, 1981. С.160-190.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ «СИРОТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ»

Уласень Т.В., Пахомова Т.Ю. (Смоленск)

В силу особенностей и уязвимости детского и подростковых возрастов воспитанники социозащитных учреждений в ряде случаев «копируют» поведение друг друга, приобретая тем самым новые формы патологической социализации с формированием в последующем «сиротской субкультуры». В связи с этим уместным становится упоминание о социальных феноменах, которые могут определять межличностные взаимодействия воспитанников социозащитных учреждений.

Цель исследования – многосторонняя оценка био-психо-социальных механизмов психотравмирующего опыта, обуславливающих социально-психологическую дизадаптацию у воспитанников социозащитных учреждений, для описания профиля социального развития личности подростка «сиротской субкультуры» и создание алгоритма дифференцированной клинико-психологической и социальной помощи для данного контингента.

Проведено выборочное обследование подростков 11-18 лет, воспитывающиеся в социозащитных учреждениях (сироты, социальные сироты и дети из малообеспеченных семей). Для более точного дифференцированного анализа маркеров дизадаптационных проявлений выделены две идентичные друг другу по возрасту и полу группы: I группа – сироты (истинные и социальные) и II группа – подростки, воспитывающиеся в кровных семьях.

Особенности взросления обследуемых подростков находят свое отражение в становлении самосознания, важными характеристиками которого являются идентичность (половая, возрастная, национальная, именная, профессиональная и др.) и идентификации. У подростков I группы выявлено достоверное преобладание нарушений социального аспекта идентичности, в то время как у подростков II группы – в большей степени нарушен возрастной аспект идентичности (не могут представить себя в будущем). Найденные различия находят свое отражение в социальном функционировании обследуемого контингента и клинических проявлениях травматических переживаний, выявленных опросником ПИВПСД [2], [4], [6]. У подростков I группы превалируют клинические проявления по критерию А (немедленное реагирование), вытесненные травмирующие переживания и формирование избегающего поведения. Подростки II группы, напротив, в большей степени фиксированы на травмирующих ситуациях, включая поступление в социозащитное учреждение, что обуславливает формирование другого, по сравнению с сиротами, стиля со-

циального поведения. И в первом и втором случае речь идет о маркерах нарушений личностной и социальной идентичности, что, в свою очередь объясняет нарушения групповой социализации с формированием разных девиантных форм поведения. Однако, особенностью этой социальной дизадаптивности является то, что она нивелируется высокими уровнями алекситимических проявлений и напряженностью неспецифических адаптационных реакций организма (превалированием реакций стресса и реакций тренировки), что в свою очередь облегчает развитие явлений дизадаптации [1], [3], [5].

Выявленные профили социально-психологического функционирования определяются своеобразием выбираемых стратегий поведения по преодолению стресса. У подростков I группы преобладают стратегии «избегание» и «стараюсь расслабиться и оставаться спокойным». У подростков II группы, напротив, прослеживается тенденция к использованию стратегий, определяющих «агрессивное и аффективное реагирование» на фоне достоверно чаще встречаемого экстернального типа мышления. При этом найденные различия клинических и социально-психологических проявлений травматических переживаний и физиологической адаптации находят свое выражение в «масках» вытесненных травматических переживаний: у подростков I группы преобладают балльные оценки индекса враждебности и негативизма, в то время, как у подростков II группы – индекса агрессивности, обиды и чувства вины, что находит свое отражение в нарушениях социальной направленности.

Полученные данные позволяют говорить о разных механизмах, условиях формирования и социально-психологических проявлениях отклоняющегося поведения у воспитанников социозащитных учреждений, и, соответственно, о прогнозировании разных сценариев их социального функционирования.

Литература

1. Бобров А.Е., Уласень Т.В., Сулимова Н.В., Нивеницин Э.Л. Психиатрические аспекты сиротства с позиций биопсихосоциальной концепции // Вопросы психического здоровья детей и подростков. Научно-практический журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин. 2017. № 1 (17). С. 36-42.
2. Классификация психических и поведенческих расстройств в детском и подростковом возрасте в соответствии с МКБ-10. М.: Смысл; СПб.: Речь. 2003. 407 с.
3. Решетников М.М., Уласень Т.В. Изучение социально-психологических и клинических проявлений травматических переживаний у воспитанников социозащитных учреждений // Международный научно-исследовательский журнал 2017. № 07 (61), часть 2. С 96-99.

4. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. М.: Изд. «Институт психологии РАН». 2009. 304 с.

5. Уласень Т. В., Сулимова Н. В. Алекситимические проявления и адаптационный потенциал подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Новое в психолого-педагогических исследованиях. Теоретические и практические проблемы психологии и педагогики. 2017. № 2. С 127-138.

6. DSM-IV – American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders, 4th ed. Washington: American Psychiatric Association. 1994. 886 p.

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ
(СРАВНЕНИЕ ГРУПП «ОТЦОВ» И «ДЕТЕЙ»)**

Урываев В.А., Сенин И.Г., Золотарева В.В. (Ярославль)

**THE IMPACT OF SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION
OF RUSSIAN SOCIETY ON THE FORMATION OF PERSONALITY
TRAITS (COMPARISON OF GROUPS OF “FATHERS”
AND “CHILDREN”)**

Uryvaev V.A., Senin I.G, Zolotareva V.V.

Целью нашего исследования стала оценка степени выраженности влияния социально-экономических преобразований, происшедших в российском обществе за последние 25 лет на формирование личности подрастающего поколения. Разница в 25 лет между сравниваемыми выборками позволяет категоризировать группы как группа «отцов» и группа «детей».

Экспериментальные группы и этапы исследования. Первый этап исследования был проведен в 1992-1993 г.г. Испытуемые – студенты второго курса ЯГМУ, лечебный факультет, 200 человек, охваченных исследованием в максимально массовом порядке. Сразу заметим, что испытуемые родились в 1973-1975 годах и их внутриутробное детство, младенческий, дошкольный, младший школьный и младший подростковый возраста пришлось на «эпоху застоя», как одно время было принято выражаться. Эпоха характеризовалась развернутой системой защиты матери и ребенка (молочные кухни, детские сады, дачи, пионерские лагеря и проч.), относительной стабильностью социально-экономических устоев общества.

Второй этап исследования проведен в 2016-2017 г.г. Точно также взяты студенты второго курса лечебного факультета, 200 человек (соотношение юношей и девушек было выровнено для надежности результатов

статистической обработки данных). Даты рождения испытуемых второй группы – 1997-1998 г.г. и их развитие пришлось на качественно другую эпоху.

Методика исследования. В данной публикации мы используем только результаты применения личностного опросника Р.Б. Кеттелла (полный вариант).

Результаты исследования. Статистически значимые различия по выборке в целом мы констатировали по 15-ти факторам из 16-ти (у девушек, аналогично, – 15 факторов из 16-ти, у юношей изменились – 11 факторов). Далее обсуждаются только статистически значимые различия.

Наиболее выразительно изменилась группа черт личности, обуславливающих эффективность интеллектуальной активности (факторы В, Е, М, N, Q1). У девушек выросли значения всех факторов, у юношей – выросли значения четырех факторов из пяти. На втором месте по степени выраженности трансформации черт личности – группа «эмоциональных» черт личности (С, I, O, Q4). У девушек изменений наблюдается в два раза больше.

Заметим, что такого рода «соседство» выраженных изменений в характеристиках «интеллекта» и «эмоций» не может не порождать высокого напряжения внутренней жизни.

На третьем месте – черты, регулирующие поведение в микро– окружении (Е, G, L, N, Q2). Преимущество изменений у группы девушек внутренне. На четвертом – изменения в группе «волевых» регуляторов поведения (Е, G, H, Q3). Приоритет девушек минимален. На пятом – изменения регуляции поведения в макро– окружении (А, F, H). Динамика в группах юношей и девушек различна, но в целом они равны.

Выводы. Таким образом, социально-экономические изменения, произошедшее в российском обществе оказали существенное влияние на выраженность практически всех черт личности подрастающего поколения (в частности, на личностные черты исследуемых студентов-медиков, представляющих вуз средней полосы России). Мобилизация личностных черт, обеспечивающих адаптацию молодых людей в новом обществе, прежде всего, коснулась сфер «интеллекта» и «эмоций». Наибольшие изменения произошли в развитии адаптационных способностей девушек.

**ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ
И САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА
ЖЕНЩИН В МУСУЛЬМАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ**

Хакимова Л.Н. (Казань)

**THE PROBLEM OF CONSTRUCTING
AND AUTO-CONSTRUCTING OF LEWORLD OF WOMEN
IN THE MUSLIM COMMUNITY**

Khakimova L.N.

На протяжении последних десятилетий в мире наблюдается возрождение религиозности и увеличение ее роли в различных сферах жизнедеятельности человека. Однако простое увеличение количества принявших ислам, рост обрядности и общин нельзя однозначно объяснять как качественный рост религиозности. Важным фактором обращения и изменения отношения к религии является специфика социальной ситуации.

Согласно работам М.Фуко, современный период социально-общественного устройства обозначается как «эпоха постмодерна». Одной из характеристик «общества постмодерна» является его неопределенность. Следствием такой неопределенности (социальной, культурной, политической, экономической) выступают попытки личности найти какую-то опору в этом «непонятном мире» (в силу человеческой природы).

Другой характеристикой выступает отсутствие метанарративов, то есть системы универсальных понятий, смыслов и ценностей. Как следствие, человек в современном мире является свидетелем эпохи, где нет общих правил, норм поведения, стандартов и ориентиров. Общество не навязывает человеку определенные ценности и нормы. Каждый человек часто самостоятельно формирует свои нормы, правила, ценности и идеологию.

Отсутствие определенной идеологии, правил и норм поведения, к которым так привыкло Российское общество, способствует поиску ориентиров и определенности. Господство ценностей рынка, провозглашаемых и так активно внедряемых западной культурой, не удовлетворяет население, которое до этого считало своими ценностями общество, народ, семью и коллектив. Однако возможность найти опору в современном мире дает религия, в которой четко и ясно прописано «как надо жить», в частности, ислам.

В исследовании мы обратились к женщинам – мусульманкам, которые выступают некоторым маркером современного общества, так как мужчины – мусульмане, как правило, не выделяются своим внешним

видом. Внешние особенности женщин-мусульманок в свою очередь оказывает влияние не только на практику и идеологию различных религиозных групп, но и на общественную культуру в целом.

На тему возрождения ислама написано достаточное количество работ, в том числе и в Татарстане (Г. Балтанова [1], И. Кузнецова-Моренко [2], Л. Салахитдинова [3], Т. Титова и Д. Гараев [4], А. Хакимзянова [5], Г. Гузельбаева [6], А. Саттарова [7], Г. Галиева [8] и др.). Эти публикации, посвящены различным аспектам жизни мусульманских женщин: их правам и свободам, их участию в политике и в выборах, гендерному равноправию, феминизации экономической активности.

Вместе с тем, в современных источниках практически не представлены исследования психологических особенностей женщин-мусульманок. Однако изучение психологии и жизненного мира мусульманок открывает широкие возможности понимания представителей мусульманских сообществ. В частности это: мотивы принятия ислама женщинами; специфика влияния ислама на жизненный мир, жизненные взгляды и ценности мусульманок, живущих в современном обществе; степень субъектности мусульманок – является ли женщина в исламе субъектом при построении своего мира или объектом, на который лишь воздействуют каноны ислама.

Проведенный анализ позволил сформулировать проблему исследования – психология конструирования и самоконструирования жизненного мира женщин в мусульманском сообществе. Выделенная проблема открывает широкие исследовательские перспективы и будет решаться в серии последующих теоретических и экспериментальных работ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ» № 17-06-00664а.

Список литературы

1. Балтанова Г.Р. Экономические и социально-политические аспекты положения женщины в традиционных исламских странах. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2003. – 122 с.
2. Кузнецова-Моренко И. Мусульманская благотворительность: повседневные и официальные практики В Республике Татарстан // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под. ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. – С. 391–420.
3. Кузнецова-Моренко И., Салахитдинова Л. Молодые мусульманки Татарстана в контексте социокультурной трансформации // Гендер. Традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям / Под ред. С. Р. Касымовой. – Душанбе, 2005.
4. Титова Т. А., Гараев Д. М. Формирование религиозной субкультуры меньшинств в условиях полиэтничной городской среды // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150. – Кн.1. – С. 188-195.

5. Хакимзянова А.С. Трансформация мусульманской семьи как социального института в Республике Татарстан в XXI веке // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 3. URL: <http://www.vestnykeps.ru/0310/40.pdf> (дата обращения: 12.04.2017).

6. Гузельбаева Г.Я. Исламская идентичность молодых татар в Республике Татарстан (по материалам социологических исследований 2008-2012 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарная серия. – 2012. – Том 154, кн. 6. – С. 176-186.

7. Саттарова А.И. Мусульманки в современной социокультурной жизни Татарстана // Вестник КазГУКИ, № 4-2, 2014. – С. 40-44.

8. Галиева Г. И. Жизненные стратегии мусульманок как предмет социологических исследований / Г. И. Галиева // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. – Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. – Екатеринбург, 2016. – С. 281-285.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КАК КОМПОНЕНТОВ МЕНТАЛИТЕТА

Чуганская А.А. (Москва)

METHODOLOGICAL BASIS OF INVESTIGATION OF SOCIAL REPRESENTATIONS AS A COMPONENTS OF MENTALITY

Chuganskaya A.A.

Развитие народа подвержено множеству влияний. Традиции, обычаи, нормы и склад национального характера формируется веками. Однако существуют общие закономерности развития культуры и сущности этнических особенностей, которые в концентрированной форме воплощаются в менталитете. Важными являются категории социальных представлений и системы значений как составляющих менталитета этноса [2].

Наиболее полно теория социальных представлений представлена в трудах французского ученого С.Московичи и его коллег.

С.Московичи описывает социальные представления как определенные формы повседневного сознания, обыденного понимания действительности. Социальные представления выступают как единое целое процесса и продукта конструирования действительности. Д.Жоделе дается такое определение социальных представлений: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлено. В более широком плане социальные

представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения» [цит. По 1, С. 35-36]. В этом определении снова подчеркиваются важные характеристики, которые выступают общими в понимании двух понятий «социальные представления» и «менталитет». К ним относятся:

- Отнесенность к обыденному познанию, повседневной жизни, здравому смыслу;
- Социальность, зависимость в источнике и функционировании от общества, общности;
- Это активные механизмы, объединяющие процесс и продукт;
- Наличие не только идеального плана (значения, идеальные образования, содержания), но и материальной, практической основы.

Что представляют собой «социальные представления» по содержанию? С.Московичи выделяет три важных измерения, приложимых к представлениям. Это информация, поле представления и установка.

Однако в концепции С.Московичи понятие установки не получает достаточного развития, т.к. он не видит в нем достаточного объяснительного потенциала. Установка передает готовность субъекта высказать определенное суждение. При рассмотрении «установки» в контексте понимания системы значений необходимо обратиться к проблеме изучения значения в работах А.Н.Леонтьева. Процесс усвоения и использования значений или поля представления происходит в процессе не пассивного изучения реальности, а в процессе активного постижения, деятельности [3].

Процесс формирования, переживания менталитета как феномена из ряда сознания является единым процессом, сочетающим аффективный и когнитивный компоненты. Если когнитивный компонент менталитета является коллективно выработанным продуктом, а эмоциональная сфера принадлежит миру субъекта, то поведение является ответом человека, как представителя той или иной культуры, сходя из усвоенной, пережитой системы значений. Именно установка становится таким буфером между внутренним планом, картиной мира и ее выражением в общности, группе.

Можно предложить следующее определение:

Менталитет – это система социальных представлений определенной этнической общности.

При таком понимании «менталитета» становится ясным использование неклассического подхода для исследования данного феномена. Если этническая общность выступает для нас как целостность, т.е. субъект, то воссоздание его реальности возможно через объективный анализ продуктов такого коллективного сознания [4].

Отсутствие современной методологии межпредметного научного и практического взаимодействия: медицинского (клинического) и специального психологического в сопровождении человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), определили необходимость исследования данной проблемы. Проблемы возникают из-за отсутствия продуктивного взаимодействия врачей, клинических и специальных психологов, с использованием современных адекватных методов: медицинской диагностики патологий и нарушений развития: органов слуха, зрения, речи, опорно-двигательного аппарата, интеллекта и соматических расстройств; психологической дифференциальной диагностики, консультирования; применение психотропной терапии без методов клинической и специальной психологии. Такой подход, приводит к разрозненности методологии взаимодействия этих специалистов и в результате этого происходит, использование не своевременной и менее эффективной медицинской, клинической и специальной психологической помощи лицам с ОВЗ.

Своевременно и правильно поставленный диагноз патологий или нарушений его психофизического развития как показывает наука и практика, обеспечивают эффективность психокоррекционной работы и медико-психологического сопровождения детей с ОВЗ. Иногда, при получении раннего медицинского заключения, часто игнорируются или вообще отсутствуют, заключения или рекомендации клинических и специальных психологов, что очень важно при организации психокоррекционной работы, а в дальнейшем и для успешности специального и инклюзивного образования. Эти же проблемы касаются медиков, клинических и специальных психологов, отсутствие их взаимодействия при использовании диагностических методик исследования, не достаточно объективно и полно диагностируют состояние, особенно соматических, терминальных больных, детских патологий и аномалий психического-физического развития лиц с ОВЗ. Своевременная психодиагностика выявления психопатологических синдромов, при различных заболеваниях, а также для отграничения умственной отсталости, расстройств аутистического спектра, проводится зачастую по количественным показателям тестирования. Это было подвергнуто критике ещё в прошлом веке выдающимся отечественным психологом С.Я.Рубинштейн, она отмечала, что общество развивается и для нового времени нужны адекватные методы исследования.

Сегодня необходимо решить проблему совместного взаимодействия специалистов с использованием потенциала современных методов клинической и специальной психологии в сопровождении лиц с ОВЗ. Для этого содержание программ подготовки, переподготовки и повышения

квалификации врачей, клинических и специальных психологов, необходимо дополнить этими знаниями, а также для качественного сопровождения лиц с ОВЗ, ввести в штатное расписание медицинских, образовательных организаций клинического и специального психолога. Именно отсутствие данного нормативно-правового акта сегодня привело и приводит в первую очередь, к сокращению психологов в различных медицинских и образовательных организациях, что усугубляет решение вышеперечисленных проблем. Это сказывается, особенно на взаимодействии и оказании своевременной медицинской и психологической помощи населению, тем более и в сопровождении, в том числе различных категорий лиц с ограниченными возможностями здоровья. Сегодня Российская психологическая наука и практика располагает потенциалом адекватных современных методов в клинической и специальной психологии для взаимодействия для сопровождении различных групп населения.

Список литературы

1. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
2. Лекторский В.А. Представление // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. Совет: В.С.Степин, А.А.Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П.Огурцов. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – С. 334-335.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
4. Махмутова А.А. Смысловое пространство этноса: от теоретических вопросов к проблеме метода // Психология перед вызовом будущего: Материалы научной конференции, приуроченной к 40-летию юбилею факультета психологии МГУ. 23-24 ноября 2006 г. – М.: МГУ, 2006. – С. 177-179.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР САМООЦЕНОК ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

Шкурко Т.А. (Ростов-на-Дону)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL NEEDS OF THE INDIVIDUAL AS A FACTOR OF SELF-EVALUATIONS OF APPEARANCE

Shkurko T.A.

Целью исследования было изучение взаимосвязи выраженности социально-психологических потребностей личности и системы оценок ею компонентов своего внешнего облика, а также возрастной динамики оценок личностью своего внешнего облика. Эмпирическим объектом иссле-

дования выступили 103 человека в возрасте от 14 до 60 лет (55 женщин и 48 мужчин).

Методологическими предпосылками работы выступили представления о социально-психологических потребностях личности как факторе, обуславливающем систему отношений, оценок и самооценок личности (В.Н. Мясищев [3]); представления о внешнем облике человека, его структуре и социально-психологических функциях, разработанные В.А. Лабунской [1, 2]. В исследовании были использованы опросник межличностных отношений В. Шутца [4] и методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской [2].

Решение первой эмпирической задачи исследования – выявление взаимосвязей выраженности социально-психологических потребностей с оценкой компонентов своего внешнего облика (ВО) и его соответствия гендерно-возрастным конструктам, проведенное с помощью корреляционного анализа Спирмена, позволило выявить сложную систему их взаимосвязей. Наибольшее количество прямых взаимосвязей (24) обнаружено между выраженностью потребности во включении на уровнях выраженного и требуемого от других поведения, выраженностью потребности в установлении близких эмоциональных отношений и оценкой личностью различных компонентов своего ВО (в первую очередь, оценкой лица, телосложения, выразительного поведения), интегральных оценок ВО (оценка привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола, оценка сексуальности ВО, интегральная оценка ВО), а также параметра удовлетворенности своим ВО.

Решение второй эмпирической задачи исследования – выявление возрастной динамики оценки параметров своего ВО и его интегральных характеристик было произведено с применением критерия Крускалла-Уоллиса. Выборка была разделена на 3 подгруппы: в первую подгруппу вошли 30 человек в возрасте 13-18 лет (юные); во вторую вошли 43 человека в возрасте 19-34 (молодые), в третью подгруппу вошли 30 человек в возрасте 35-60 (взрослые). Сравнительный анализ показал «позитивную поступательную» [5] возрастную динамику следующих показателей оценки ВО: оценка своего выразительного поведения, оценка соответствия ВО гендеру / гендерным ролям, оценка возрастной привлекательности ВО, оценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола, оценка сексуальности ВО.

Полученные результаты позволили сделать вывод об исключительном значении для позитивного самоощущения человека, связанного с высокой оценкой своей внешности и ее компонентов, привлекательности для других, самооценки сексуальности ВО, удовлетворенности

ВО высокого уровня выраженности потребности человека в социальных контактах и установлении близких эмоциональных отношений с другими людьми. Также исследование позволило зафиксировать возрастную динамику оценки параметров ВО и его интегральных характеристик (сексуальность ВО, привлекательность ВО для других), показывающую, что наименее высокие оценки своей внешности характерны для человека, находящегося в периоде юности и молодости, по сравнению с периодом «зрелость».

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

Список литературы

1. Лабунская В. А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Выпуск 2. ART 55035. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55035.htm> (дата обращения: 12.05.2017)
2. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 344 с.
3. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Изд-во МПСИ, 2004. 400 с.
4. Рукавишников А.А. Опросник межличностных отношений. М.: Когито-Центр, 2006. 46 с.
5. Шкурко Т.А. Динамика отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1997. 130 с.

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ ОТНОШЕНИЙ В ПАРЕ

Юмкина Е.А., Куницына В.Н. (Санкт-Петербург)

HOSPITALITY AS A RESOURCE OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN COUPLE RELATIONSHIPS

Yumkina E.A., Kunitsina V.N.

Гостеприимство – феномен, до недавнего времени широко не освещавшийся в социально-психологической литературе, а также в работах по психологии семейных отношений. Можно выделить несколько направлений изучения проблемы гостеприимства в социально-психологическом плане: этническое своеобразие практик гостеприимства [2], [4]; воспитательный потенциал гостеприимства [1]; гостеприимство как

форма социализации личности [3]; гостеприимство как условие поддержания психологического здоровья личности [5].

Цель настоящей работы состояла в изучении гостеприимства как ресурса повышения благополучия отношений в парах. В исследовании приняло участие 38 пар со стажем совместного ведения хозяйства от полутора до восьми лет (38 мужчин и 38 женщин), средний возраст мужчин – 27 лет, средний возраст женщин – 26 лет. Использовались методы: опросник «Семейный отношения и дом» (СОД – Куницына В.Н., Юмкина Е.А.) на диагностику семейного уклада; методика «Ценностные ориентации-36» (Куницына В.Н.); методика «АПЭД» (В.Н. Куницына, модификация методики «ПЭА» А.Н. Волковой) на анализ параметров психологической совместимости. Шкала опросника СОД «Гостеприимство» (которая включает две подшкалы – «Подготовка к гостям» и «Удовольствие от общения с гостями») показала ряд значимых корреляций с различными социально-психологическими параметрами отношений в паре.

В восприятии процесса подготовки к встрече гостей сложным образом переплетаются схожесть супругов во взглядах на значимые даты, необходимость их отмечания и поддержания отношений с родственниками и друзьями. Если супруги считают гостеприимство важной составляющей их совместной жизни, то они в равной степени открыты регулярному общению с родными ($r=0.424$, $p<0.01$), собирая близких людей в праздничные дни в стенах дома ($r=0.361$, $p<0.05$).

Успешности супругов в организации приема гостей способствует их сходство по таким ценностным ориентациям, как умение ценить право друг друга на независимость ($r=0.360$, $p<0.05$), желание получать удовольствие и положительные эмоции от жизни ($r=0.424$, $p<0.01$). Немаловажную роль играет их взаимная дополняемость, например, большая эмоциональность одного и рациональность другого (отрицательные связи с ЦО «терпимость» – $r=-0.362$, $p<0.05$), что позволяет сделать прием гостей интересным и приятным событием. Из аспектов психологической совместимости на этапе подготовки ко встрече гостей важно сходство партнеров оценке уровня взаимопонимания друг друга ($r=0.381$, $p<0.05$).

Одинаковая мера удовлетворенности супругов от общения с гостями зависит от общего уровня взаимопонимания между ними ($r=0.409$, $p<0.05$), умения договариваться по вопросам бытового характера ($r=0.415$, $p<0.01$). Представление обоих супругов о жизненном пространстве друг друга является важным условием получения удовольствия от взаимодействия с гостями, исключения нежелательных обид ($r=0.411$, $p<0.05$).

В число ценностных ориентиров успешно организованного общения с близкими людьми входит схожесть в стремлениях супругов к интересной жизни ($r=0.396$, $p<0.05$).

Список литературы

1. Веклова О.Ф. Гостеприимство башкирской семьи // Среднее профессиональное образование. – 2010. – № 12. – С. 38-40.
2. Марковская О.В. Влияние психологических характеристик культур на социальные представления русских и немцев о гостеприимстве: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 2005. – 24 с.
3. Таскина И. А. Национальные традиции как фактор социализации молодежи в условиях Республики Алтай // Учёные записки ЗабГГПУ. – 2011. – №(4). – С. 202-205.
4. Koenig J. New Testament hospitality: Partnership with strangers as promise and mission. – Philadelphia, PA: Fortress. 1985.
5. Pohl C.D. Hospitality and the Mental Health of Children and Families // American Journal of Orthopsychiatry. – 2011. – Vol. 81. – Iss. 4. – P. 482-488.

ПСИХОЛОГИЯ СМЫСЛОВЫХ ИНИЦИАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СМЫСЛОДИДАКТИКИ

Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Коленова А.С. (Ростов-на-Дону)

PSYCHOLOGY INITIATIONS OF MEANING IN THE CONTEXT OF MODERN SENSE-DIDACTICS

Abakumova I.V., Ermakov P.N., Kolenova A.S. (Rostov-on-Don)

Теория смысла и смыслообразования, в отечественной психологии занимает особое место. По мнению выдающегося советского психолога А.Н. Леонтьева: «внутреннее движение развитой системы индивидуального сознания, создается смыслами» [3]. И за понятием личностный смысл скрывается одна из важнейших проблем – проблема системного психологического исследования личности. Предметная направленность человека, творящего себя самого в процессе свободной деятельности, является связующей нитью между субъектом и миром [1]. По словам А.Н. Леонтьева: «личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего «индивидуального», своего «не психологического» существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с его мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания» [3]. А.Г. Асмолов, анализируя структуру личности, в качестве единицы анализа выделяет динамическую смысловую систему. Данная система определяется раскрытием всех видов связи между мотивами, личностными смыслами, установками, поступками и деяниями. А.Г. Асмолов вводит понятие смысловой установки, как формы выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности, именно «личностный смысл есть содержание установки» [2].

Смыслодидактика не только анализирует основные механизмы, иницирующие познание в учебном процессе в смысловой интерпретации, но и определяет возможность построения системы ее операционализации в реальной учебной практике. В отличие от значений, которые традиционно в дидактике рассматриваются как содержательное наполнение учебного процесса, здесь приоритет отдается пристрастности личности познающего. Если значения в процессе познания выражают объектив-

ные связи окружающей человека действительности, то смыслы выражают его отношение к данной действительности и тем самым связывают человека с миром. В полноценном обучении обязательно обнаружится смысловой компонент, который из отчужденной формы может трансформироваться в личностный смысл, в то знание, которое порождает пристрастность души к познаваемому [4].

Исследование механизмов перехода от безличностных значений к понятиям, наполненным личностными смыслами, дают возможность разработать технологии направленной и опосредованной инициации смыслообразования учащихся, преодолеть ценностно-смысловые барьеры в реальной практике учебного процесса. Существует достаточно серьезное препятствие интериоризации личностно-центрированных психолого-педагогических теорий в реальную практику учебного процесса. Эта проблема состоит в противоречии между природой смысла (как единицы личностного развития) и смыслообразования как интенциональных, самоактуализирующихся актов сознания и учебным процессом, обязательным атрибутом которого является регуляция познавательной деятельностью учащихся. Как управлять тем, что не подлежит внешнему управлению? Для разрешения этого противоречия нужна новая технология обучения, основанная на достижениях смысловой психологии и предлагающая не просто описание механизмов функционирования смысла в практике учебного процесса как направленного познания, но и выявляющая технологии воздействия на смыслообразующий потенциал его участников. Необходимо создать и привнести в практику учебного процесса методы и технологии, которые будут инициировать именно смысловое развитие.

Список литературы

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе. Ростов н/Д. Изд-во РГУ, 2003.
2. Асмолов А.Г. психология личности: учебник. – М., Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х томах / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. – М., 1983.
4. Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / сост. И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, И.А. Рудакова. – М.: Кредо, 2014. – 430 с.

ФУНКЦИИ СОЗНАНИЯ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агафонов А.Ю. (Самара)

FUNCTIONS OF CONSCIOUSNESS AND UNCONSCIOUSNESS IN COGNITIVE ACTIVITY

Agafonov A. Yu.

Принято считать, что осознанные переживания, которые аккомпанируются чувством очевидности происходящего, допускают вербальный отчет, в то время как бессознательные процессы экранированы от осознания. Однако такое, казалось бы, понятное и неоспоримое представление не столько проясняет различие между сознанием и бессознательным, сколько провоцирует задавать вопросы, ответы на которые помогли бы понять функциональное устройство когнитивной системы человека. Важно заметить, что собственно процессы сознания нельзя надежным образом отличить от бессознательных процессов, которыми пронизана психическая деятельность. Это отличие определяется только конечным результатом. Узнавание и воспроизведение, восприятие и процесс представления, решение задач и принятие решений, да и, в целом, все виды психической активности, имеющей в качестве своего продукта осознанное переживание, сами по себе не являются осознанными. Деятельность сознания происходит всегда неосознанно, эксплицируется только ее результат [3]. Ни в каком состоянии сознания человек не способен осознать, каким образом он сличает перцептивную информацию с мнемической, как извлекает информацию из памяти, как управляет вниманием, или порождает решение инсайтной задачи. При всей важности сознательного контроля на стадии осознания проблемной ситуации мыслительный процесс по большей части протекает неосознанно. Работы В.М.Аллахвердова, О.К.Тихомирова и, в некоторой степени, Я.А.Пономарева, дают основания полагать, что инсайт – есть осознание ранее найденного, но еще неосознанного решения. (Недаром А.Бине называл мышление «бессознательной деятельностью ума»). Эксперименты также показывают: перед «сознательным» принятием решения последнее уже подготовлено бессознательным выбором [1,4]. Более продуктивным представляется дифференцировать не сознательные и бессознательные процессы, а имплицитное и эксплицитное психическое содержание (если угодно, информацию). В когнитивной деятельности происходит постоянное взаимодействие осознаваемого и неосознаваемого содержания. Это взаимодействие, хотя никогда не может быть

осознанно, составляет суть когнитивной деятельности. Исследования показывают, что эффекты осознания в существенной мере определяются неосознаваемыми, в том числе, подпороговыми воздействиями. Однако и осознанная информация оказывает влияние на протекание бессознательных процессов, что доказывают эксперименты по имплицитному научению [2]. Помня о том, что работа механизмов сознания составляет часть неосознаваемого функционирования когнитивного аппарата, можно все же провести функциональное разграничение между сознанием и бессознательным. Приняв бессознательное в качестве идеализации, допустимо признать, что его когнитивное назначение заключается в том, чтобы одновременно порождать множество вариантов решения (гипотез, интерпретаций, моделей действия и пр.). Функция сознания состоит в выборе одного варианта из этого множества бессознательных альтернатив, в преодолении семантической неопределенности. В этом смысле осознание – это редукция. Сделанный выбор затем уже на стадии исполнения решения – заключительной фазе микрогенеза осознания – и подлечит осознанию [1]. Приведенные рассуждения носят не отвлеченный характер, а базируются на данных, полученных, прежде всего, в экспериментах, где использовалась многозначная неосознаваемая стимуляция [4, 6]. Если бессознательное – выдающийся теоретик, то сознание – экспериментатор, занятый выбором и проверкой не своих гипотез.

Материалы подготовлены в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ (грант №16-06-00110, рук. А.Ю.Агафонов).

Список литературы

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания. Самара: Бахрах-М, 2007. 336 с.
2. Агафонов А.Ю., Бурмистров С.Н., Шилов Ю.Е. Регуляция имплицитного научения посредством эксплицитной обратной связи // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 720 с.
3. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология. Т.1). СПб: Издательство ДНК, 2000. 528 с.
4. Филиппова М.Г., Чернов Р.В., Мирошников С.А. Восприятие полисемии: когда происходит выбор значения, подлежащего осознанию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 2. Ч.1 С. 261-270.
5. Eichele N., Debener S., Calhoun V.D., Specht R., Engel A.K., Hugdahl K., D.Y.von Cramon, Ulsperger M. Prediction of human errors by maladaptive changes in event-related brain. Networks // Proc. of National Acad. Sci. of the USA, 22 Apr. 2008, V.105, No.16. P. 6173-6178.
6. Swinney D.A. Lexical access during sentence comprehension: Reconsideration of context effects // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1979. No.10. P. 645-659.

**ПОНЯТИЙНЫЙ ТЕЗАУРУС НАУКИ СОЗНАНИЯ:
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ И СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ**

Акопов Г.В. (Самара)

SCIENCE OF CONSCIOUSNESS: CONCEPTUAL THESAURUS

Akopov G.V. (Samara)

Актуальность проекта основана на стремительно возрастающей роли сознания как объекта и предмета психологических и междисциплинарных исследований. Многоаспектная амплификация содержания проблемы сознания в последней четверти XX – начале XXI столетий обеспечила становление нового комплексного направления современной науки (Science of Consciousness), органично связанного с современным цивилизационным развитием. Существенно усложняет решение проблемы включенность самого сознания в используемый спектр методов организации (в том числе и нейрокогнитивных), качественного анализа и интерпретации. Отраженность проблемы сознания в языке и имплицитная регуляция процессов познания, посредством традиционно оформленных языковых дискурсов, могут быть проявлены сравнением понятийных (категориальных) пространств исследований сознания в разноязычных культурах. Структурные построения (на материале тематически избранных семантических единиц), основанные на логике бинарных оппозиций унитарность – междисциплинарность, естественнонаучность – социогуманитарность, ценностность – утилитарность и др. дихотомий в исследованиях сознания, позволят использовать соответствующий арсенал количественных методов, включая математическое моделирование. Масштабные зарубежные исследования в «Науке сознания», новые программы известных российских специалистов в этой области (Петренко В.Ф., Аллахвердов В.М., Александров Ю.И., Карпов А.В. и др.) существенно расширяют проблемное поле и многомерно структурируемое пространство решений. Тезаурус, как систематизированная совокупность понятий, позволит: коннотировать естественнонаучную и социогуманитарную проблематизацию сознания, сопоставить темпоральную специфику (аппроксимированные тренды) англоязычной (с 60-х гг. до 1996 г. и далее ежегодно до 2018 г.) и русскоязычной терминологии в области научных исследований сознания, создать основу современной информатизации проблемы.

Конкретные задачи проекта: Описать совокупность терминов, специфических понятий, категорий (основополагающие понятия для постро-

ения теории) в различных постановках и решениях проблемы сознания. Выявить качественную и количественную картину темпоральной динамики тезаурусов разного типа. Определить естественнонаучную и социогуманитарную составляющие англоязычного и русскоязычного тезаурусов в Науке сознания. Верифицировать представленность в англоязычном и русскоязычном тезаурусах социокультурной специфики типологической картины проблем сознания. Определить потенциалы развития естественнонаучной и социогуманитарной проблематик сознания в тезаурусной парадигме в контексте динамики информационных систем и конструирования искусственного интеллекта. Осуществить поиск в системах сформированных тезаурусных «проекций» Науки сознания семантических единиц, оформляющих тему «конфронтация – консолидация» социального и индивидуального сознания в современном обществе. Представить основания для информационной технологизации проблемы сознания в англоязычной и русскоязычной версиях. Подготовить дизайн и осуществить реализацию математического моделирования тезаурусов Науки сознания в структурном (бинарные оппозиции) и темпоральном измерениях.

Тезаурусное оформление проблемы сознания и различных подходов к ее решению в современной науке позволит определить размерность и полноту информационного пространства Науки сознания, выявить потенциальные точки роста и подготовить «атлас» перспективных исследований.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РАЗДУМЬЯ

Алексеева Е.М. (Казань)

MENTAL REPRESENTATION OF THE MENTAL STATE OF MEDITATION

Alekseeva E.M. (Kazan)

Актуальным в настоящее время является изучение репрезентаций психических явлений, в том числе психических состояний. Имеется ряд работ, где представлены результаты изучения отдельных уровней репрезентации психических состояний [1-3].

В эмпирическом исследовании, задачей которого ставилось описание понятийных и ассоциативных характеристик репрезентации 25 психических состояний, приняли участие 96 человек. Экспериментальная процедура была разработана при помощи компьютерной программы

DMDX, позволяющей замерять время речевой реакции на стимулы с точностью до миллисекунды. Одной группе испытуемых нужно было устно назвать любые ассоциации к предъявляемым на мониторе компьютера стимулам – понятиям психических состояний. Другая группа испытуемых называла оценочные ассоциации в виде прилагательных, отвечая на вопрос «какое?» то или иное состояние. В третьей части исследования применялся метод свободного описания объекта.

Как показывают результаты, ядром когнитивного состояния среднего уровня психической активности «раздумье» являются объяснения с помощью слов «мысли», «мыслительный» и «размышление» (49,7% ответов): например, «сосредоточенность мыслей», «мыслительный процесс» и т.д. Следующий слой включает в себя описание раздумья как состояния погружения – 14,7% ответов («погружение в мысли», «состояние погружения»). Реже встречалось прилагательное «умственный» 8,8% («умственный процесс», «умственная работа», «умственное напряжение»). По 5,8%, выделены такие характеристики, как: решение чего-либо («нахождение путей решения», «решение проблемы»); сосредоточение, обдумывание или задумчивость. Периферия: колебание, отсутствие ответов, столкновение мотивов и т.д. Большинство ответов имеет познавательную характеристику, некоторые – мотивационную («колебание», «столкновение мотивов»).

Время свободной ассоциативной речевой реакции на стимул «раздумье» составило 1569,2 миллисекунд, что значительно меньше, чем среднее время свободной ассоциативной реакции на 25 названий психических состояний, составившее 2114,68 миллисекунды. Время оценочной ассоциативной реакции (в форме прилагательного) в 1603,8 мсек. также меньше среднего времени оценочной реакции на 25 названий состояний (2246,9 мсек.)

Кроме количественных характеристик (12 различных ассоциаций) можно описать качественные особенности ассоциативного поля состояния раздумья. Оно состоит из ядра мысль/мысли (48% респондентов), околоядерный слой заполняют ассоциации мозг/мозги (6%), учеба (6%), экзамен (6%), задумчивость (6%). Периферия представлена такими ассоциациями, как книги, размышления, задача, пара, ветер, обдумывание.

Оценочное ассоциативное поле состоит из 15 различных прилагательных. Ядро образует прилагательное долгое (30% респондентов), околоядерный слой заполняют прилагательные большое, глубокое, задумчивое, умное (по 7%). Периферия представлена такими оценочными ассоциациями, как странное, быстрое, мучительное, тягостное, тяжелое, полное, волнительное, уникальное, сложное.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884а.

Список литературы

1. Алексеева Е.М. Оценочная составляющая ментальной репрезентации психических состояний // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Психолого-педагогические науки». Вып. 2. С. 100-113.
3. Алексеева Е.М. Билингвальная репрезентация психических состояний на ассоциативном уровне // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Том 158. Кн. 5. С. 1290-1299.
3. Прохоров А.О., Алексеева Е.М. ИмPLICITная ассоциативная составляющая ментальных репрезентаций психических состояний // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 36–48.

ВЛИЯНИЕ ЛОЖНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ОБ УСПЕХЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕШЕНИЯ СЛОЖНОЙ КОГНИТИВНОЙ ЗАДАЧИ

Аллахвердов М.В. (Санкт-Петербург)

INFLUENCE OF FALSE POSITIVE FEEDBACK ON PERFORMANCE IN DIFFICULT COGNITIVE TASKS

Allakhverdov M.V. (Saint Petersburg)

Проблема повышения эффективности любой деятельности человека в основном рассматривается как прикладная задача в современной психологии. Многие ученые пытаются ответить на вопрос о том, как можно увеличить эффективность человека на работе, в спорте, в обучении и т.д. Были предложены многие подходы, пытающиеся предложить методы для повышения эффективности, но их использование до сих пор не показывает тех результатов, которые все ожидают. Возможно, это связано с тем, что в большинстве таких подходов ограниченность эффективности рассматривается как ограниченность человеческих ресурсов, следовательно, повышение эффективности – это увеличение резерва этих ресурсов. Предыдущие исследования в области сознательного контроля, показывают, что увеличение таких физических возможностей не является достаточным, так как человек накладывает на себя еще и сознательные ограничения на собственную успешность. Таким образом, ключевой проблемой становится преодоление этих сознательных ограничений. В данном пилотажном исследовании рассматривается влияние процессов когнитивного контроля на эффективность при получении человеком ложной обратной связи об успехе его деятельности. В эксперименте при-

няло участие 43 человека (67% женщин, средний возраст – 22,4 года). Испытуемые случайным образом были разделены на 2 группы. Эксперимент состоял из 4 этапов по 24 пробы в каждом. На каждом этапе обеим группам предлагалось решить сложную арифметическую задачу: определение 3 цифры в произведении при перемножении 3-значного и 2-значного чисел (например, $278 * 54 = \dots ? \dots$). При этом испытуемым предлагалось 3 варианта ответа, один из которых был правильным (например, а) ..0., б) ..9.. с) ..3..). Каждый пример предъявлялся на 10 секунд, а варианты ответа предъявлялись через 3,5 с после предъявления задания. После каждого ответа испытуемым давалась обратная связь, правильный или неправильный ответ они дали. В контрольной группе испытуемым давалась реальная обратная связь, а в экспериментальной группе вне зависимости от ответа испытуемых в 75% случаев испытуемым сообщалась ложная обратная связь о том, что их ответ правильный. Показателем эффективности в данном задании является количество правильных ответов на каждом из этапов. В обеих группах на первом этапе количество правильных ответов не отличается от случайного угадывания (около 33% правильных ответов). Однако на последующих этапах есть значительная разница между двумя группами. Испытуемые контрольной группы дают значимо больше правильных ответов по сравнению с экспериментальной группой ($F(3, 124) = 0.004, p = 0.004$). Более того, в контрольной группе наблюдается процесс классических скачков научения, а в экспериментальной группе – результаты незначительно снижаются с каждым этапом. По-видимому, такой результат объясняется тем, что у испытуемых, получающих реальную обратную связь происходит классическое научение, в то время как в экспериментальной группе наличие ложной обратной связи об успехе приводит к противоречию внутри когнитивной системы, которая имеет имплицитные представления о самооэффективности. Таким образом, испытуемый, получая информацию о том, что он успешнее, чем сам себе представляет, приводит к тому, что процесс личностного когнитивного контроля пытается выровнять это противоречия снижая реальную эффективность испытуемого. В дальнейшем планируется проведение основного исследования, в котором планируется получить подтверждение результатов, полученных в данном эксперименте.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-2787.2017.6

КОГНИТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗАДАЧИ В ТЕСТЕ «РИСУНОК-РИСУНОК»

Аллахвердов М.В., Львова О.В., Жукова Е.А. (Санкт-Петербург)

COGNITIVE TASK CONTROL IN PICTURE-PICTURE PARADIGM

Allakhverdov M.V., Lvova O.V., Zhukova E.A.

В рамках Струп-парадигмы и похожих экспериментальных подходов отдельное место занимает задание типа «рисунок-рисунок». В этом случае испытуемым предъявляется некий рисунок, изображенный в другом рисунке. Задача человека назвать целевой рисунок (в зависимости от условия им может быть внутренний или внешний рисунок), при этом не обращая внимания на рисунок-дистрактор (внешний или внутренний рисунок соответственно). Данный эффект интересен тем, что может стать основным методологическим подходом для проверки лексических моделей, которые в последнее время активно используются для объяснения Струп-парадигмы. Мы считаем, что интерференционный эффект в меньшей степени связан с лексической обработкой ответа, а появляется в результате ошибки при сличении автоматически выполняемых операций с инструкцией игнорировать их выполнение. Можно предположить, что существует некий когнитивный процесс, который контролирует правильная ли задача сейчас решается (Контроль задачи). В интерференционной задаче Контроль задачи периодически проверяет, правильно ли выполняется задача игнорирования дистрактора, т.е. не анализируется ли сейчас дистрактор, и информация об этом попадает в сознание и возникает сигнал об ошибке, что и приводит к интерференционному эффекту. В проведенном нами исследовании приняло участие 60 человек. Каждый испытуемый в случайном порядке выполнял задание «рисунок-рисунок» в 3 условиях: усложненная цель (целевой рисунок изображен пунктиром и вписан в цельный дистрактор), усложненный дистрактор (целевой рисунок изображен сплошной линией, а дистрактор – пунктиром), классическое условие (оба рисунка нарисованы сплошной линией). Всего использовалось 4 рисунка: яблоко, томат, перец, груша. Во всех случаях задача испытуемого – определить, какой рисунок представлен внутри большого рисунка и нажать соответствующую клавишу на клавиатуре. Так, если испытуемому предъявлялось изображение груши, вписанное в изображение томата, испытуемый должен был нажать на клавишу, соответствующую ответу «груша». В каждом из 3 условий, испытуемым перед выполнением основного задания рисунок-рисунок, предлагался

контрольный этап, на котором целевые изображения предъявлялись внутри прямоугольной рамки. Интерференция рассчитывалась как разница между временем выполнения основного и контрольного этапов для каждого из условий. Результаты эксперимента показывают, что порядок прохождения условий значимо не влияет на время реакций, как на контрольном, так и на основном этапе ($p > 0.1$). Количество правильных ответов на всех этапах не имеет значимой разницы и составляет около 97% ($F < 1$). На всех этапах была обнаружена значимая интерференция. Так, для классического условия интерференция составила в среднем 124 мс ($t(59) = 11.6$, $p < 0.001$), для условия усложнения дистрактора – 73 мс ($t(59) = 6.531$, $p < 0.001$), для условия усложнения цели – 68 мс ($t(59) = 6.522$, $p < 0.001$). Как видно, интерференция в классическом условии значительно больше, чем в двух других случаях ($F(2, 108) = 11.353$, $p < 0.001$). По-видимому, в классическом условии у испытуемых происходит путаница, на какой стимул именно сейчас они должны реагировать, в то время как при пунктирных цели или дистракторе, сам по себе пунктирный рисунок позволяет быстрее разграничить две задачи, а следовательно, быстрее среагировать на целевую задачу. Однако наличие задачи игнорирования во всех 3 условиях приводит к тому, что в них наблюдается интерференция. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 15-06– 05112а.

ОБРАЗ ВЕДУЩЕГО В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аникеева Т.Я. (Москва)

TV-SCREEN IMAGE OF ANCHORMEN IN A TELEVISION COMMUNICATION

Anikeeva T.Ya. (Moscow)

Исследование проводилось в рамках предположения о сопоставимости психологической структуры телевизионной опосредствованной коммуникации и межличностного непосредственного общения [1], [2]. На первом этапе с применением метода психодиагностики изучались личностные особенности телевизионных коммуникаторов, сотрудников ТВ, дикторов и ведущих информационных, аналитических и развлекательных программ. Испытуемые: 9 мужчин, 8 женщин, возраст 30-50 лет. Тестирование проводилось по тесту 17 LF (тест Кеттелла). В результате выделены 2 подгруппы, личностные особенности испытуемых в которых значимо различаются друг от друга степенью выраженности различных личностных качеств (матрица коэффициентов сходства личностных профилей). Условные названия двух подгрупп: «экспрес-

сивность проявлений личности, выраженность «образа Я» и «экономность проявлений личности, нивелирование «образа Я». На следующем этапе с применением метода психосемантического шкалирования проводилось изучение особенностей восприятия телезрителями экранных образов телевизионных ведущих и дикторов. Использовались видеозаписи телепередач, в которых в качестве ведущих и дикторов выступали испытуемые, протестированные ранее, всего 10 человек, 5 из первой подгруппы испытуемых и 5 из второй подгруппы. После демонстрации респондентам – телезрителям фрагментов видеозаписей ими заполнялась специально разработанная на данном этапе исследования психосемантическая шкала, состоящая из 47 биполярных шкал, описывающих различные личностные качества. Экранный образ каждого телеведущего оценивали по шкале в среднем 40 респондентов, представителей различных возрастных (18 – 65 лет) и социальных групп (рабочие, служащие, интеллигенция, предприниматели, военные), мужчины и женщины. По результатам психосемантического шкалирования проводился факторный анализ (программа EXPAN, метод главных компонент, вращение Varimax) с дальнейшей интерпретацией выделенных факторов – категорий восприятия. Категориальная структура восприятия образов телеведущих включает пять основных факторов и два дополнительных, объясняющих 60.9% общей дисперсии данных. Условные названия факторов (в соответствии с содержанием входящих в них биполярных психосемантических шкал): 1) «интеллигентность»; 2) «выразительность образа»; 3) «творческая активность, оригинальность»; 4) «сила «Эго», организованность»; 5) «личностная состоятельность»; 6) «личностная открытость»; 7) «личностная позиция». Выявлены значимые различия в оценках телезрителями в пространстве выделенных семи факторов экранных образов телеведущих, принадлежащих к первой и второй подгруппе испытуемых по тесту 17 LF. Кроме того, факторы – категории, выделенные при анализе восприятия зрителями телеведущих в телевизионной коммуникации содержательно сопоставимы с факторами, которые были выделены Л.Голдбергом и А.Шмелевым при анализе восприятия человека человеком в межличностном общении [3]. Таким образом, полученные данные позволяют говорить о том, о том, что личностные особенности телевизионных ведущих лежат в основе особенностей их самопредъявления в телевизионном эфире и влияют на дифференцированное восприятие зрителями их экранных образов. То есть личность человека на экране является определяющим моментом при общении телезрителями, а сама ситуация коммуникативного контакта в телевизионной коммуникации психологически сопоставима с ситуацией межличностного общения. Это находит отражение в стремлении

телезрителей отнести телеперсонаж к определенному типу реальных партнеров по общению.

Список литературы

1. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации: учебное пособие. Москва, УМК «Психология», 2000. 362 с.

2. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е. Восприятие авторами и зрителями образов телевизионных игровых передач-лотерей и их ведущих // Психология когнитивных процессов. Материалы 5 всероссийской научно-практической конференции / Под. ред. Селиванова В.В. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 240 с. С. 85-95.

3. Голдберг Л.Р., Шмелев А.Г. Межкультурное исследование личностных черт: «большая пятерка» факторов в английском и русском языках // Психологический журнал, 1993, №4, С. 32-39.

СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ РАЗНОМОДАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ

Артищева Л.В. (Казань)

THE STRUCTURE OF RELATIONS THE MENTAL REPRESENTATIONS OF RAZNOSTILEVYH MENTAL STATES AND INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY

Artishcheva L.V. (Kazan)

Субъективный опыт человека хранит в себе информацию о психических состояниях, а также об их причинах и условиях порождения, протекания, трансформации. Данная совокупность отражается в виде образов, которыми человек оперирует в процессе жизнедеятельности, репрезентируя их в сознании [3,4]. Ментальные репрезентации психических состояний малоизученная категория психического. В связи с чем встает вопрос широкого изучения механизмов формирования репрезентаций состояний, динамики, а также связи с личностными, индивидуальными характеристиками [1,2,3]. В нашем исследовании мы раскрываем специфику ментальных репрезентаций разномодалных состояний (положительных и отрицательных), в которых чаще всего находятся испытуемые. Показываем связь ментальных репрезентаций с индивидуально-психологическими характеристиками личности. В анализ исследования вошли индивидуальные особенности (Я.Стреляу, Г.Айзенка), личност-

ные характеристики (Маккрае – Коста, Будасси), структура интеллекта (Р.Амтхауэра).

Структура взаимоотношений индивидуально-психологических особенностей и ментальных репрезентаций психических состояний различна в зависимости от модальности состояний. Степень связанности, согласованности структуры исследуемых взаимоотношений наиболее высокая у ментальных репрезентаций положительных состояний. При этом наиболее дивергирующей является структура взаимоотношений с отрицательными состояниями. Дивергирующие признаки придают некое разнообразие в структуре, а конвергирующие характеристики усиливают избирательность связей.

Ментальные репрезентации положительных состояний и индивидуально-психологические характеристики имеют в основном положительные корреляции (51 из 55 выявленных связей), т.е. повышение интенсивности показателей данных состояний связано с усилением определенных личностных качеств испытуемых. А репрезентации отрицательных состояний, напротив, в большей мере имеют отрицательные корреляции с личностными характеристиками (31 из 49 выявленных связей). Формированию ментальных репрезентаций положительных психических состояний в большей мере способствуют личностные характеристики самоконтроля-импульсивности, эмоциональной устойчивости-неустойчивости, экспрессивности-практичности. Структурообразующие показатели – степень ответственности человека, его способность к волевой регуляции, уровень самооценки определяют интенсивность и выраженность протекания психических процессов, переживаний и поведенческих реакций. С показателями репрезентаций отрицательных состояний большее количество связей имеют личностные характеристики экстраверсии-интроверсии, привязанности-обособленности, самоконтроля-импульсивности, эмоциональной устойчивости-неустойчивости, экспрессивности-практичности. Выраженность характеристик ментальных репрезентаций состояний (психические процессы, физиологические реакции, переживания) определяют такие структурообразующие элементы, как степень активности человека, любознательность или реалистичность в восприятии жизни.

1. Индивидуально-психологические особенности человека и ментальные репрезентации его психических состояний имеют взаимосвязь и взаимообусловленность, определяемые качеством и модальностью состояний.

2. Ментальные репрезентации отрицательных и положительных состояний выстраиваются с помощью личностных характеристик: уровень самооценки и способности к волевой регуляции поведения в большей мере опре-

деляет структуру ментальной репрезентации положительных состояний, а самостоятельность мышления, здравомыслие и степень реалистичного отношения к жизни – структуру репрезентации отрицательных состояний.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884.

Список литературы

1. Артищева Л.В., Событийно-ситуативный аспект образного уровня ментальной репрезентации психического состояния // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т.157, кн. 4. С. 169-176
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.
3. Прохоров А.О., Артищева Л.В., Циркадная динамика образных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т.158, кн. 4. С. 957-966
4. Прусакова О.А., Сергиенко О.А. Репрезентации эмоций детьми от трех до шести лет // Научный поиск. Сборник научных работ студентов, аспирантов и молодых преподавателей / Под ред. А.В. Карпова. Вып. 3. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2002. С. 51-64.

МЕЖПОЛУШАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГАНИЯ ВНИМАНИЯ

Бабенко В.В., Ермаков П.Н., Явна Д.В. (Ростов-на-Дону)

HEMISPHERIC DISTINCTIONS OF ATTENTION BLINK

Babenko V.V., Ermakov P.N., Yavna D.V.

Феномен мигания внимания выражается в ухудшении восприятия второго целевого объекта, который следует за первой целью через короткий интервал времени (до 600 мс и более). Обычно этот феномен изучают с использованием экспериментальной парадигмы быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов (6-20 стимулов в секунду), когда в ряд сменяющих друг друга дистракторов вставляются целевые объекты. Данный феномен принято интерпретировать как проявление временного захвата первой целью значительной части ресурсов обработки, что может препятствовать передаче информации о втором целевом стимуле в рабочую память. Проявление данного феномена подробно исследовано в последние годы. Однако отличия полушарий в когнитивной сфере ставят вопрос о возможных различиях показателей мигания внимания при обработке информации разными полушариями. Цель нашего исследования – определить межполушарные особенности мигания внимания при восприятии вербальных и невербальных зрительных стимулов.

Мы трансформировали традиционную экспериментальную парадигму таким образом, что использовали одновременно две последовательности стимулов, которые синхронно подавались в правое и левое полуполя зрения. Известно, что одновременное предъявление разных изображений в разные полуполя зрения в значительной степени препятствует межполушарному переносу информации и позволяет оценить перцептивные ресурсы каждого из полушарий.

В определенный момент времени в обе последовательности дистракторов вставлялось по одному целевому стимулу. Они появлялись одновременно, но были разными по форме. Вторая цель появлялась через переменное время после первой (от 450 до 1050 мс), но лишь в одном из полуполей. Каждый трайл заканчивался, как и начинался, последовательностью дистракторов. Испытуемый сообщал нажатием определенных клавиш, какие целевые изображения он заметил во время очередного трайла. В первом эксперименте целевыми стимулами служили буквы русского алфавита, а дистракторами – контурные геометрические фигуры. Во втором эксперименте стимулы менялись ролями: теперь целями были фигуры, а дистракторами – буквы. Всего использовалось 9 букв и 9 фигур. В экспериментах приняло участие 20 человек в возрасте 19-25 лет. Все испытуемые были правшами и не имели проблем со зрением.

Обнаружено, что в обоих экспериментах наблюдался эффект мигания внимания, который выражался в снижении вероятности восприятия второго целевого стимула (относительно первого) через 450 мс после появления первой цели. Эффект был наиболее выражен сразу после предъявления первого целевого стимула и постепенно уменьшался. Статистически значимые отличия в выраженности феномена для стимулов разной латерализации были обнаружены лишь при самом коротком интервале между первой и второй целью. Когда целями служили буквы, ухудшение восприятия было менее выраженным для стимулов, появившихся в правом полуполе. Когда целями были геометрические фигуры, преимущество получали изображения, локализованные слева.

Полученные результаты указывают на межполушарные различия проявления феномена мигания внимания и могут отражать отличие полушарий в ресурсах обработки вербальных и невербальных зрительных стимулов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект № 3336)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОРРЕЛЯЦИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Басимов М.М. (Москва)

METHODOLOGICAL DEADLOCK IN INTERPRETATIONS OF CORRELATIONS IN PSYCHOLOGY

Basimov M.M.

Европейское, в том числе Российское психологическое сообщество придерживается хорошо укоренившегося в последние 20-25 лет явно лженаучного подхода, когда очень слабые (0.2-0.3) и слабые корреляции выдаются за «значимые» и описываются как достаточно сильные связи (спасительные звездочки SPSS), достойные интерпретации на страницах печатных изданий.

Возникает ситуация, когда для достаточной выборки (порядка 100), критическое значение порядка 0.2. И очень слабая корреляция (0.2-0.3) трактуется часто как практически сильная. Прослеживается массовый уход (намеренный или неосознаваемый) в область низких значений коэффициента корреляции, когда «ненулевая корреляция» становится достаточной для описания связей как сильных. Это связано с нехваткой сильных линейных связей (больших 0.6 (или хотя бы 0.5) по модулю), когда изучаются сложные психологические объекты преимущественно нелинейные по своей природе.

Возникают два глобальных разрыва в психологии. С одной стороны, методологически нелинейная природа психического не отрицается, и узкий круг психологов работает в рамках синергетической парадигмы, частично решая возникающие проблемы. Но подавляющее большинство психологов даже если и говорят о синергетике, как новом методологическом этапе, по-прежнему остаются в своей экспериментальной работе в рамках линейных представлений.

И если первая ошибка просто выдает желаемое за действительное, которого просто нет – нет связи ни линейной, ни простейшей нелинейной. То вторая ошибка может рассматриваться как очень грубая, т.к. связь со слабой корреляцией «выявляется», но она на самом деле достаточно сильная и другая по природе – нелинейная (чаще с максимумом или минимумом), а значит, чтобы ее выявить и интерпретировать, нужны другие статистические методы, соответствующие сложной природе психологического.

И возникает второй разрыв между экспериментальной и практической психологией, когда линейные модели дают ложное представление

в отношении изучаемого предмета исследования, и считается, что многие научные знания не дают пользы практическому психологу, ему нужно накапливать свой опыт, который имеет, прежде всего, интуитивный характер.

А чтобы выйти из этого методологического тупика, нужно принять факт, что психологи в своих исследованиях, наряду с линейными связями должны рассматривать и простейшие нелинейные связи, которые имеют психологический смысл и дают объяснение многих явлений, изучаемых психологией.

Также не надо пытаться строить модели со сложными зависимостями. Так как в любом случае n точек можно соединить кривой, представляющей многочлен n -й степени, что позволяет формально иметь функциональную зависимость для любого случая анализа данных. А простейших нелинейных зависимостей всегда достаточно много, чтобы полно раскрыть связи изучаемых экспериментальных параметров.

Коэффициент корреляции Пирсона помогает устанавливать связи родственных параметров или действительно немногочисленных пар пропорциональных параметров. Но часто не обнаруживаются желаемые сильные линейные связи между неродственными параметрами.

Чтобы преодолеть указанные проблемы нами используется авторский подход [1]. Изучение простейших нелинейных связей апробировалось в многочисленных, различных по тематике психологических исследованиях ученых Курганского государственного университета [2-6] и Российского государственного социального университета [7-10], представляющих различные области психологической науки. Нелинейная психология – это неизбежный путь изучения психологических систем.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а.

Список литературы

1. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.
2. M.Basimov, E.Padurina Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 778.
3. M.Basimov, E.Padurina Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 779.
4. M.Basimov, I.Nikolaeva Value characteristic "I" as object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 784.
5. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of durability and subjective remoteness from "Worst others" // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 785.

6. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of conviction in favour of the world and communicative tolerance // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 783.

7. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 851.

8. M.Basimov Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.

9. P.Basimova, M.Basimov Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 903.

10. P.Basimova, M.Basimov Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ САМООЦЕНКИ СИБЛИНГОВ

Баскаева О.В., Пьянкова С.Д. (Москва)

FEATURES OF THE FORMATION OF SIBLINGS' SELF-EVALUATIONS

Baskaeva O.V., Pyankova S.D.

Роль самооценки как интегральной личностной характеристики и регулятора человеческого поведения признана в психологической науке. Будучи тесно связана с уровнем психологической адаптации и подверженная возрастной динамике, самооценка по-прежнему остаётся недостаточно изученным феноменом.

Формируясь в семейной среде, самооценка сиблингов зависит от целого ряда причин, таких, например, как сиблинговые и детско-родительские отношения, половая принадлежность, возраст и количество детей в семье, взаимодействие средовых и генетических факторов развития.

Цель исследования: выявить особенности формирования сиблинговых самооценок. Гипотеза: сиблинговые самооценки и взаимные оценки (оценки друг друга) статистически значимо взаимосвязаны между собой.

Схема исследования. В исследовании принимали участие 99 однополых ($n = 55$) и разнополых ($n = 44$) пар сиблингов, всего 198 человек. Средний возраст старшего сиблинга – $23,3 \pm 3,47$, младшего – $20,5 \pm 2,76$ полных лет. Многие сиблинги жили в доме родителей и каждый день виделись и общались; другие разъехались (учёба, брак) и уже не поддерживали тесных взаимоотношений.

Респондент заполнял пять опросников: опросник Айзенка (адаптация В.М.Русалова) [4]; Уровень субъективного контроля – УСК [1]; Грязная дюжина [5]; экспресс-опросник Тёмная триада [3]; портретный тест-опросник для диагностики свойств Большой пятерки [2]. Каждый опросник заполнялся испытуемым дважды: «за себя» и «за партнера» по сиблинговой паре.

Методы анализа данных. Выборка была разбита на две подгруппы – старших и младших членов сиблинговой пары. Вычислялись коэффициенты корреляции Спирмена, критерий Колмогорова–Смирнова, t-критерий Стьюдента. Использовался пакет программ SPSS 18.0.

Результаты. В целом можно констатировать следующее. Коррелируют между собой параметры локуса контроля старшего и младшего сиблингов. В частности, чем «интернальнее» старший сиблинг, тем «интернальнее» младший; и наоборот, чем «интернальнее» младший, тем «интернальнее» старший сиблинг. Также установлена положительная связь внутриспарных показателей невротизма. Полученные результаты свидетельствуют о том, что сиблинги приписывают себе по этим характеристикам определенное сходство со своим сиблинговым партнёром; при заполнении опросников «за другого» воспринимаемое сходство с собой сиблинга-партнера увеличивается.

Выводы. Выявленные взаимосвязи самооценок сиблингов свидетельствуют о значимом сходстве, которое приписывается самому себе и своему партнеру. Сложный комплекс средовых и генетических воздействий, формирующих психологическое своеобразие сиблингов, требует дополнительных исследований.

Список литературы

1. Бажин Е., Голынкина Е., Эткинд А. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993. 16 с.
2. Егорова М.С., Паршикова О.В. Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 45. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2017).
3. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А. Половые различия по показателям Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2017).
4. Русалов В.М. Модифицированный личностный опросник Айзенка. М.: Смысл, 1992. 21 с.
5. Jonason P.K., Webster G.D. The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad // Psychological Assessment. 2010. Vol. 22(2). P. 420–432.

НЕВРОТИЗМ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ В САМООЦЕНКАХ СИБЛИНГОВ

Баскаева О.В. (Москва)

NEUROTICISM AND THE LOCUS OF CONTROL IN SIBLINGS' SELF-EVALUATIONS

Baskaeva O.V.

В работе анализируются показатели невротизма и интернальности-экстернальности в парах взрослых сиблингов.

Методы

Выборка

В исследовании участвовала 61 пара однополых и разнополых сиблингов – 122 человека. Возраст старшего сиблинга от 27 лет до 51 года ($M = 38,7$; $SD = 4,89$); младшего – от 24 до 50 лет ($M = 35,5$; $SD = 4,99$).

Схема исследования

Каждый член сиблинговой пары заполнял опросник Айзенка в адаптации В.М.Русалова [2] и опросник «Уровень субъективного контроля» – УСК [1]. В ходе эксперимента какое-либо общение между сиблингами исключалось.

Опросники заполнялись испытуемым дважды согласно двум различным инструкциям. Инструкция 1 предписывала определить свою степень согласия с вопросом или утверждением. Затем, по инструкции 2, респондент заполнял тот же опросник, но уже за сиблинга: «Представьте, как, по Вашему мнению, ответил (ответила) бы, Ваш (Ваша) брат (сестра)».

Мы проанализировали показатели по шкале невротизм-эмоциональная стабильность (по Айзенку) и по семи шкалам УСК, рассмотрев как внутриспарную связь одноимённых самооценок, так и связи названных показателей между собой в самооценке старшего и младшего сиблингов.

Методы анализа данных

Взаимосвязь переменных изучалась с использованием корреляций Спирмена; различия оценивались по t-критерию Стьюдента. Статистическая обработка проводилась с помощью пакета SPSS 18.0.

Обсуждение результатов

Внутриспарные связи самооценок невротизма и интернальности

Самооценки невротизма, как и самооценки локуса контроля старшего и младшего сиблингов не имеют статистически значимых различий (оценка по t-критерию). Корреляционный анализ выявил значимую положительную связи между самооценками невротизма ($r = 0,36$;

$p = 0,004$), интернальности в области достижений и интернальности в области здоровья ($r = 0,28$; $p = 0,031$), а также интернальности в области здоровья ($r = 0,28$; $p = 0,027$) членов сиблинговых пар.

Структурные связи самооценки невротизма и интернальности

У старших сиблингов самооцененный невротизм обнаруживает высокозначимые отрицательные связи с показателями самооценки общей интернальности ($r = -0,41$; $p = 0,001$) и интернальности в области достижений ($r = -0,45$; $p = 0,000$); связи самооценки невротизма с прочими показателями самооценки интернальности также отрицательны, однако не достигают значимого уровня.

Невротизм младших на значимом уровне связан (отрицательно) только с общей интернальностью ($r = -0,26$; $p = 0,045$), отрицательные связи невротизма со субшкальными показателями интернальности незначимы.

Выводы

1. Чем более невротичным является сиблинг, тем больше вероятность невротических проявлений у его сиблингового партнёра.

2. Большее принятие на себя ответственности в области достижений у одного из сиблингов связано с большей ответственностью за своё здоровье у его сиблингового партнёра; и чем более ответственным за своё здоровье является один из сиблингов, тем ответственней будет в этой области его брат / сестра.

3. Чем более невротичен старший сиблинг, тем меньше его готовность брать на себя ответственность за то, как складывается в целом его жизнь; и тем в большей мере он приписывает свои достижения внешним обстоятельствам.

4. Чем больше невротических проявлений наблюдается у младшего, тем меньшую ответственность он приписывает самому себе за происходящее в его жизни в целом.

Список литературы

1. Бажин Е., Голынкина Е., Эткинд А. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993. 16 с.
2. Русалов В.М. Модифицированный личностный опросник Айзенка. М.: Смысл, 1992. 21 с.

КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РИСКА У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Богачева Н.В., Павлова Е.М. (Москва)

COGNITIVE REPRESENTATIONS OF RISK IN HEALTH CARE WORKERS

Bogacheva N.V., Pavlova E.M.

С опорой на парадигму «от деятельности к личности» можно предположить, что деятельность человека определяет схемы психологической регуляции, которые отражаются не только в развитии профессионально важных качеств, но и в формировании систем когнитивных репрезентаций[1]. В деятельности врача неотъемлемо присутствует риск, но исследования этих специалистов обычно заостряют внимание на их личностных особенностях. Показана склонность врачей к ошибочной оценке вероятностей (например, переоценке вероятностей болезни) [2],[3],[4],[5] что также отражает специфику субъективных репрезентаций риска[1]. Однако нет комплексных исследований оценки рисков во врачебной деятельности, рассматривающих единство когнитивного и личностного потенциала медицинских работников при принятии решения в неопределенных ситуациях[6].

Практическое отсутствие методик, направленных на выявление когнитивных репрезентаций риска, определяет актуальность их разработки. Задача нашего исследования состояла в выделении таких когнитивных репрезентаций.

Участники исследования: 30 врачей (офтальмологи и хирурги), средний стаж – 18 лет. Данные собирались методом полуструктурированного интервью. Респондентам предлагалось описать ситуацию из практики, в которой им или коллегам пришлось пойти на риск (метод критической ситуации [7]), а затем ответить на вопросы о видах и источниках риска в деятельности врача и оценить прогнозируемость и вероятность их возникновения.

Качественный анализ протоколов проводился экспертной группой из 2 психологов с опорой на методики Р.Стернберга[7], конденсации смыслов и обоснованной теории (открытое и осевое кодирование). Высказывания испытуемых были разделены по 4 темам, представляющим аспекты когнитивных репрезентаций риска: виды риска (122 выск.); источники риска (133 выск.); вероятность риска (41 выск.); прогнозируемость риска (35 выск.). Затем из высказываний были выделены смысловые единицы для дальнейшей категоризации.

Было выделено: 1) 6 общих видов риска (связанные с самим врачом, с пациентом, с коллегами и учреждением, с медициной как наукой и др.). 2) 9 общих источников риска, частично пересекающиеся с категориями видов риска (врач, пациент, база и пр.). 3) 3 способа оценки вероятности риска (частная оценка отдельного пациента или процедуры, общая оценка профессиональной деятельности, относительная оценка областей медицины, ситуаций или пациентов между собой. 4) 2 типа оценки прогнозируемости риска (собственно прогнозируемость, в процентах или субъективных оценках) и условия успешного прогноза.

Результаты качественного анализа продемонстрировали тесную связь между разными аспектами когнитивных репрезентаций риска у врачей. Так, частично перекрываются категории видов и источников риска. Через описание видов и источников риска дается более половины оценок вероятности и прогнозируемости риска, в то время как статистические оценки составляют менее трети всех оценок. Лишь один испытуемый указал, что применяет объективные оценочные шкалы для прогноза рисков, хотя предсказательная способность подобных шкал достоверно превосходит субъективные оценки[8].

Выводы: 1) была построена иерархическая структура видов и источников рисков во врачебной деятельности; 2) расширены представления о способах оценки врачами вероятностей и прогнозируемости рисков.

Восприятие риска специфично в отношении сферы, и исследование его репрезентаций на медицинских работниках позволяет лучше понять взаимодействие когнитивных и личностных сфер и конкретизировать их применительно к деятельности врача.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00130.

Список литературы

1. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 286 с.
2. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Изд-во Институт прикладной психологии "Гуманитарный Центр", 2005. 632 с.
3. Operskalski J.T., Barbey A.K. Risk literacy in medical decision-making // Science Translational Medicine. 2016. V. 352, № 6284. P. 413-414.
4. Berg N., Biele, G., Gigerenzer G. Consistent Bayesians are no more accurate than non-Bayesians: economists surveyed about PSA // Review of Behavioral Economics. 2016. V. 3, № 2. P.189-219.
5. Kwok W.O., Tori C.D., Rainer T.H. New roles of psychologists in medical settings: direct services in Hong Kong accident and emergency department // Open Journal of Medical Psychology. 2013. V.2, № 2. P. 69-76

6. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010. 334 с.

7. Стернберг Р.Дж., Форсайт Дж. Б., Хедланд Дж., Хорвард Дж. А., Вагнер Р., Вильямс В.М., Снук С.А., Григоренко Е. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

8. Grove W.M., Zald D.H., Lebow B.S., Snitz B.E., Nelson C. Clinical versus mechanical prediction: a meta-analysis // Psychological Assessment. 2000. V.12, № 1. P. 19-30

О ТРАЕКТОРИИ РАСКРЫТИЯ ПОНЯТИЯ «ОДАРЕННОСТЬ» И МЕТОДАХ ЕЕ ВЫЯВЛЕНИЯ

Богоявленская Д.Б. (Москва)

ON THE TRAJECTORY OF THE CONCEPT “GIFTEDNESS” AND METHODS OF ITS DIAGNOSTICS

Bogoyavlenskaya D.B. (Moscow)

Последние четверть века нарастает актуальность проблемы выявления и сопровождения одаренных детей. Это подтверждают ежегодные документы, подписанные на уровне высшей государственной власти и программы ведущих телеканалов. Внимание к данной проблеме закономерно. т.к. это связано с реализацией конкурентноспособности страны. Поэтому удивляет, что пути решения данной проблемы постоянно регрессируют.

В настоящее время основной путь выявления одаренных детей сводится к победе в соревновательных мероприятиях. Вместе с тем, все специалисты понимают, что победить в олимпиаде могут как одаренные, так и просто способные, быстро мыслящие или просто хорошо подготовленные ребята. Объяснить такую систему выявления одаренности можно тем, что принятая система выявления одаренности базируется на все еще господствующей традиции сводящей одаренность только к способностям. Если век назад это специалистами признавалось как временное отступление от подлинного понятия в силу отсутствия методик выявления высоты развития личностно-волевой сферы и требованиями психометрической парадигмы измерения исследуемого явления. Это не только осознавалось, но и афишировалось. Штерн подчеркивал, что потребность измерения приводит к ограничению понятия. То век спустя отсутствие должных методик маскируется теоретическим обоснованием по сути редуцированного понятия.

В то же время уже в 1998 была разработана отечественная концепция одаренности ВНИКом при МО РФ, в которой одаренность рассматривалась как системное качество, интегрирующее личностную сферу [2]. В ряде докторских диссертаций (Ларионова Л.И., Мелик-Пашаев А.А., Волкова Е.В. и др.) наряду с факторами когнитивной сферы рассматриваются личностные качества, ее система ценностей, национальные особенности мировоззрения.

Разработанная нами еще в 1969г. теория творчества и соответствующий ей метод исследования «Креативное поле», позволили выделить единицу его анализа как способности к развитию деятельности по своей инициативе, что связано с доминированием в структуре личности познавательной направленности. Валидность метода как диагностического по выявлению одаренности доказана в течении 46 лет на выборке более 9 тысячах испытуемых (с 5 до 80 лет) широкого спектра профессий [1].

Правомерность подхода к раскрытию понятия одаренности как системного качества подтверждает появление в рамках этой традиции новых теорий. В этом плане следует отметить теорию ведущего ученого в области психологии способностей академика РАО В.Д. Шадрикова.

Развивая свою теорию способностей как свойств функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, которые имеют индивидуальную меру выраженности, он относит их к уровню индивида, а специальные способности как общие, приобретшие свойство оперативности под влиянием требований деятельности, характеризуют уже уровень субъекта деятельности. Следующий шаг – рассмотрение способностей на уровне личности, включающих ее нравственность («и есть одаренность, которая может перерасти в творчество»), делает проблему определения одаренности как способности к творчеству прозрачной [3].

В ситуации рассмотрения победителей как одаренных, следует учесть, что ситуация соревнования при всех равных дает преимущество тем, у кого доминирует мотив достижения и высокий уровень притязаний, а не духовные ценности.

Список литературы

1. Богдавленская Д.Б., Богдавленская М.Е. Одаренность: понятие и диагностика. М.: // Развитие личности. 2013. – 208 с.
2. Рабочая концепция одаренности / Богдавленская Д.Б.-ответственный редактор, Шадриков В.Д. научный руководитель. – М.: МО РФ.– 2003.-94с.
3. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. – М.: Аспект-Пресс, 2007.– 327с.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ГАРМОНИЧНОГО И ДИСГАРМОНИЧНОГО ВИДОВ ОДАРЕННОСТИ

Богоявленская М.Е. (Москва)

ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR THE DIFFERENTIATION OF HARMONIOUS AND DISHARMONIOUS TYPES OF GIFTEDNESS

Bogoyavlenskaya M.

Выделение видов одаренности связано, в первую очередь, со сферой ее реализации, т.е. основными видами деятельности людей. В «Рабочей концепции одаренности» отмечается, что данный критерий «является наиболее важной в плане понимания качественного своеобразия природы одаренности. Данный критерий является исходным, тогда как остальные определяют особенные, в данный момент характерные для человека формы» [1, с.19]. Критерии, положенные в основания систематизации одаренности и определяющие формы ее проявления и степень выраженности, дифференцируют количественные характеристики одаренности по принципу дихотомий. «Актуальная» и «потенциальная» одаренность выделяются по критерию степени ее сформированности; «явная» и «скрытая» – по форме проявления; «общая» и «специальная» – по широте проявления; «ранняя» и «поздняя» – по времени проявления одаренности в онтогенезе. Надо отметить, что последний критерий в РКО обозначен как «Особенности возрастного развития». Однако, такому критерию более соответствует еще одна дифференциация, приведенная в РКО как характеристика особенностей личности с гармоничным и дисгармоничным типом психического развития у детей с признаками одаренности.

Под одаренностью с гармоничным типом развития понимается «счастливый вариант жизни ребенка», при котором на фоне высоких и объективно значимых достижений в определенной предметной области гармонично развита интеллектуальная сфера в сочетании с физической и личностной зрелостью. У детей с дисгармоничным типом на фоне очень высокого уровня развития отдельных способностей и высоких достижений присутствуют грубые проблемы общего психического развития, «в силу чего они могут быть зачислены в “группу риска”» [1, 2003, с.30-31].

Несмотря на утверждение, что данное деление не является жестким, и возможен перевод с дисгармоничного на гармоничный тип развития

как результат грамотного психолого-педагогического сопровождения, в РКО фактически проводится достаточно жесткое разделение на еще два вида одаренности по критерию наличия или отсутствия у ребенка с признаками одаренности проблем общего психического развития. Это имеет негативные последствия в практике выявления одаренных детей, в том числе в системе общего образования.

Наши исследования [2,3] показали, что типы развития закладываются очень рано, в дошкольном детстве, в то время как способности (и, как следствие, – незаурядные достижения) могут проявиться в более старших возрастах. Но именно специфика общего развития будет влиять на процесс реализации способностей человека на протяжении его жизни. Познавательная и практическая ценность выделения типов развития одаренности – возможность построения прогноза развития ребенка с признаками одаренности и обосновании эффективной стратегии психолого-педагогической поддержки детей на пути становления их одаренности.

Гармоничный тип развития одаренности не значит беспроблемный. Но в данном случае мы можем прогнозировать поступательное развитие одаренности, В случае дисгармоничного типа, если не будет оказано своевременной помощи в решении проблем развития, то с большой вероятностью одаренность «угаснет». Это и определяет наше понимание деления на гармоничный и дисгармоничный типы развития одаренности, что позволяет перейти от диагностики выявления одаренности – к диагностике ее развития.

Список литературы

1. Рабочая концепция одаренности. – 2-е изд., расш. и перераб. М.: Магистр, 2003. 93 с.
2. Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е. Психологические особенности детей с гармоничным и дисгармоничным типами развития одаренности // Российский психологический журнал. 2008. № 4. С 11-21.
3. Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е. Одаренность: природа и диагностика. – М.: АНО «ЦНПРО», 2013. 208 с.

ОБЩАЯ СПОСОБНОСТЬ К САМОРЕГУЛЯЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бондаренко И.Н., Моросанова В.И., Филиппова Е.В. (Москва)

GENERAL CAPACITY FOR SELF-REGULATION: PERSPECTIVE FOR FURTHER RESEARCH

Bondarenko I.N., Morosanova V.I., Filippova E.V.

Психологи и педагоги отмечают усиливающийся конфликт между требованием к учащимся быть инициативными, креативными и активно познающими мир, и в тоже время, дисциплинированными, исполнительными и осторожными. Это противоречие отсылает нас к фундаментальному различию в мотивационных предпочтениях, и на первый взгляд кажется неразрешимым. Нам представляется, что осознанная саморегуляция (СР) является тем ресурсом, который способен преодолеть это противоречие. А. Schoier и Е. Higgins предлагают разделять ситуации, с которыми сталкиваются учащиеся на привычные, при которых новизна является минимальной, и напряженные, то есть характеризующиеся высокой новизной, в которых требования к СР и совладанию со стрессом очень высоки [8]. В первом случае, предлагается делать выводы о сложившейся у учащегося системе осознанной СР на основании ее стилевых особенностей [6], во втором, на основании сформированности общей способности к саморегуляции (ОСС) [2].

Работа по операционализации феномена ОСС, начатая О.А. Конопкиным, позволила выделить основные признаки ОСС, позволяющие судить о ее развитии: уровень сформированности и гармоничность профиля осознанной СР, ее устойчивость в различных ситуациях, а также наличие развитого внутреннего плана взаимодействия с действительностью [2]. Особенности проявления ОСС: продуктивная самостоятельность, упорство и настойчивость в достижении принятой цели. Созданный диагностический комплекс ДСССР позволяет судить о проявлениях СР в различных экспериментальных ситуациях. Экспериментальные задания ДСССР с одной стороны моделируют ситуации, схожие с учебными, с другой - отвечают требованиям новизны и нетипичности, различаются по сложности, значимости и обратной связи. Совместное использование многошкальных опросных методов [3], диагностирующих стилевые особенности осознанной СР, как устойчиво проявляющиеся в различных жизненных ситуациях индивидуальные особенности регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств субъекта, а также методика ДСССР, открыло новые возможности для разработки проблемы ОСС.

Выделены группы испытуемых с различным развитием ОСС. Описаны их регуляторные и личностные свойства. Высокий уровень ОСС в сочетании с высокой познавательной активностью и мотивацией достижения определяет высокую результативность как при выполнении экспериментальных заданий, так и в учебной деятельности. Эти результаты достигаются за счет устойчивости осознанной СР в новых, нетипичных ситуациях, наличию внутреннего плана взаимодействия с действительностью и активному поиску возможностей безошибочного и быстрого достижения выбранной цели [4]. Благодаря тому, что методика ДСССР позволяет моделировать ситуации с различной ситуационной спецификой, была проанализирована результативность выполнения экспериментальных заданий в зависимости от типа обратной связи: о точности (отсутствии ошибок) или о скорости достижения цели. Показано, что направленное изменение характеристик экспериментальных ситуаций (сложности, значимости и обратной связи) может способствовать мобилизации и развитию регуляторных ресурсов, повышению результатов действий испытуемых, в первую очередь тех, чья ОСС находится на среднем или низком уровне [5]. Отмечена значимая роль эмоционального компонента, поддерживающего у субъекта чувство уверенности в своих возможностях достижения цели [1]. Анализ взаимосвязей ОСС и исполнительных функций [7] позволит проверить гипотезу о соотношении этих феноменов как когнитивного и метакогнитивного уровней системы регуляции поведения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 15-06-10855а.

Список литературы

1. Бондаренко И.Н., Доценко О.Н. Регуляторная роль позитивных и негативных эмоций у учащихся с различной саморегуляцией и академической успешностью / Психология стресса и совладающего поведения: материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 22–24 сентября 2016 г. / в 2 т. / отв. ред.: Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. Т. 2. С. 102–104.
2. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. N 2. С. 128–135.
3. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.
4. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Общая способность к саморегуляции: операционализация феномена и экспериментальный подход к диагностике ее развития // Вопросы психологии. 2016. N 2. С. 109–124.
5. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Роль осознанной саморегуляции в организации внешних и внутренних ресурсов достижения учебных целей // Мир образования – образование в мире. 2014. N 2. С. 182–193.

6. Моросанова В.И. Развитие теории осознанной саморегуляции: дифференциальный подход // Вопросы психологии. 2011. N 3. С. 106–118.
7. Hofmann W., Schmeichel B., Baddley A. Executive function and self-regulation // Trends in Cognitive Science. March 2012. Vol. 16. N3. 174-180.
8. Scholer, A., and Higgins T., Regulatory focus in a demanding world / In Handbook of personality and self-regulation, 291-314. Ed. Rick H. Hoyle. Malden, MA: Blackwell, 2010.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИНАМИКИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Борисенко З.В. (Севастополь)

SOME ASPECTS OF DYNAMICS OF A GOAL-SETTING IN THE PROCESS OF NEGOTIATION

Borisenko Z.V.

Целеполагание является одной из значимых сторон личности, отражающей как структурные, так и динамические аспекты. Личность, согласно мнению А.Н. Леонтьева [6], является одним из уровней функционирования субъекта. Онтогенетически нижележащий уровень представлен индивидуальными проявлениями субъекта, отражающими физические характеристики человека как представителя биологического вида. Следующий уровень, индивидуальный, специфичен проявлениями задатков и способностей, проявляющихся в определенной социальной среде, а также под влиянием некоторых внешних факторов. Уровень личности, отражает социальные нормы и ценности, преломляясь через психические особенности и физическую данность субъекта. Во многом, познание другого способствует лучшему представлению субъекту собственного «Я». Особенности постановки целей являются частью личности. Цели субъекта можно рассматривать на нескольких уровнях. Наиболее значимым для субъекта является уровень личности. Здесь цели представлены жизненными ориентирами, достаточно долговременными и отражающими ценностные представления и основные личностные характеристики. На этом уровне цель – это не только образ результата действия, но и представление себя в социуме в результате планируемых к совершению действий.

В школе деятельности исследование постановки целей изначально были представлены работами в области психологии мышления. Васильев И.А. [5], Арестова О.Н. [1], и др. исследовали цель как образ конечного результата мыслительных действий. Цель отражает характеристики задачи, а также условий ее решения. Необходимый компонент цели в

этом понимании – ее недостаточная точность в силу нехватки информации о всех процессах, могущих оказать влияние на достижение цели.

В дальнейшем, исследование цели включило мотивационный компонент. Цели представлены как осознанный элемент структуры мотивов субъекта, то, к чему человек стремится. В этом понимании важны характеристики цели, степень представленности ее обобщенного вида и структурных характеристик у субъекта.

На этом уровне можно рассмотреть целеполагание как процесс постановки целей, отражающий структуру мотивации субъекта. В связи с многоуровневостью системы мотивации можно представить цели, соответствующие разным уровням.

Исследование процесса постановки целей нам представляется наиболее интересным в аспекте решения задачи при групповом взаимодействии [2]. Переговорный процесс представляет экстериоризованную форму представления целеполагания [3,4].

Изучая цели, которые субъект формирует в процессе решения задачи, мы можем представить упрощенную схему целеполагания на конкретном уровне решения задачи. В дальнейшем это может оказать влияние на представление всей структуры постановки целей субъекта. Так, изучив процессы, которые связаны с постановкой цели в процессе группового решения задачи, мы можем перейти к исследованию структуры постановки целей более высокого порядка.

Список литературы

1. Арестова О.Н. Мотивация и перспективное целеполагание в мыслительной деятельности, 1999.
2. Борисенко З.В. Место целеполагания в структуре общения // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века Краснодар, 2015. С. 191-204.
3. Борисенко З.В. Установки целеполагания в процессе переговоров // Science Time. 2016. № 1 (25). С. 54-59.
4. Борисенко З.В. Подходы к изучению переговоров в психологии, // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн, No. № 4(5), 2016. pp. 503-509.
5. Васильев И. А., Митина О. В., Кобанов В. В. Влияние различных типов мотивации и самоуправления личности на продуктивность мыслительной деятельности // Психологический журнал. 2006. Vol. 27. №4.
6. Леонтьев А.Н. Категория деятельности в современной психологии. Vol 2. // Избранные психологические произведения. М. 1983.
7. Тихомиров О.К., Телегина Э.Д., Волкова Т.К. и др. Психологические проблемы целобразования. М.: Наука, 1977.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕНОСА ИМПЛИЦИТНОГО ЗНАНИЯ

Бурмистров С.Н., Крюкова А.П. (Самара)

PARTICULARITIES OF TRANSFER OF IMPLICIT KNOWLEDGE

Burmistrov S.N., Kryukova A.P.

Несмотря на большое количество исследований посвященных проблеме неосознаваемого (имплицитного) знания, по-прежнему остается много нерешенных вопросов. В частности, это вопросы, касающиеся процесса получения имплицитного знания (научения), а также его основных качеств: гибкость (эффективность переноса), устойчивость и абстрактность. По мнению целого ряда ученых, имплицитное научение протекает по независимым от сознания каналам [см., например, 2, 3, 4]. Вместе с тем, еще в конце XIX столетия Г. Эббингауз доказал, что заученные элементы, после того как сознание утрачивает к ним доступ, не исчезают полностью, а продолжают существовать, сохраняясь в памяти [1]. Таким образом, неосознаваемое знание включает в себя не только результаты имплицитного научения, но и ранее осознанную информацию. Чем отличается знание, полученное имплицитным путем, от знания которое было получено эксплицитно, но в новых условиях не может использоваться сознательно, прежде не рассматривалось.

В описанном ниже эксперименте проверялось предположение, что обе формы неосознаваемого знания могут эффективно использоваться в новых стимульных условиях. Отличия между ними будут проявляться в выборе оснований принятого решения.

Метод. В эксперименте приняли участие 34 человека обоих полов в возрасте от 19 до 30 лет. Испытуемых случайным образом распределили на две группы (по 17 человек в каждой).

Использованный в процедуре метод основан на экспериментальной парадигме усвоения искусственных грамматик. Для проведения процедуры было разработано грамматическое правило, устанавливающее последовательность букв в строках (наборах, включающих от 4 до 8 согласных букв).

В первой части процедуры, испытуемые первой группы (ЭГ1) 4 минуты заучивали структурную модель грамматического правила. Испытуемым второй группы (ЭГ2) в течение 4-х минут демонстрировались строки, составленные согласно разработанному правилу. Время демонстрации каждой строки составляло 4 сек. с интервалом 1 сек. Требовалось запоминать строки и фиксировать их повторное предъявление. После выполнения этого задания испытуемым ЭГ2 сообщалось,

что строки были составлены с применением специально разработанного правила.

Во второй части испытуемые обеих групп выполняли одинаковое задание. Им демонстрировались строки, составленные с применением ранее использованного правила, но из другого набора букв. В половине представленных строк были допущены ошибки. Строки демонстрировались по 2,5 сек., за это время требовалось выбрать отвечает строка правилу или нет. После каждого ответа испытуемых просили указать на что они опирались при выборе ответа: 1) случайный выбор, 2) интуиция, 3) анализ фрагментов строк или 4) знание правила.

Результаты. Количество правильных ответов в обеих группах значительно превысило уровень случайного угадывания: ЭГ1 – 57,2% ($\chi^2=9,224$; $p<0,01$); ЭГ2 – 56,11% ($\chi^2=6,134$; $p<0,05$). При этом разница между группами не показала значимых отличий ($\chi^2=0,048$; $p>0,05$). Из четырех вариантов, которые испытуемые указывали в качестве основания при выборе ответа, значимые отличия между группами были обнаружены по интуиции и анализу фрагментов строк. Испытуемые ЭГ1 реже указывали интуицию, чем испытуемые ЭГ2 (36% против 52%; $\chi^2=12,864$; $p<0,01$), и наоборот, выбор анализа фрагментов строк в ЭГ1 встречается чаще чем в ЭГ2 (21,4% против 14%; $\chi^2=6,722$; $p<0,01$).

Заключение. Знания, полученные эксплицитным и имплицитным способами, могут неосознанно применяться в новых условиях. Особенности этих знаний проявляются в субъективной оценке используемых оснований.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 16-06-00110).

Список литературы

1. Ebbinghaus H. Memory: a contribution to experimental psychology // Annals of neurosciences. 2013. Vol. 20. №. 4. P. 155-156. 7.
2. Hayes, N.A., Broadbent, D.E. Two modes of learning for interactive tasks. Cognition. 1988. Vol. 28. № 3. P. 249-276.
3. Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious acquisition of information // American psychologist. 1992. Vol. 47. No. 6. P. 796 – 801.
4. Reber, A.S., Lewis, S. Implicit learning: An analysis of the form and structure of a body of tacit knowledge. Cognition. 1977. Vol. 5. № 4. P. 333-361.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ МОТИВАЦИИ
К УЧЕБЕ С ПОЗНАВАТЕЛЬНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ
У СТАРШЕКЛАСНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ ВОСПРИЯТИЕМ
НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА УРОКЕ**

Валиуллина М.Е. (Казань)

**INTERRELATION OF STUDY MOTIVATION COMPONENTS
WITH COGNITIVE STATES IN HIGH SCHOOL STUDENTS
WITH DIFFERENT PERCEPTIONS OF NEW INFORMATION
ON THE LESSON**

Valiullina M.E.

Вопрос о том какие могут быть способы усиления мотивации к усвоению знаний у школьников, которые не испытывают изначально интереса к преподаваемому предмету или не могут легко понять предлагаемую им новую информацию, продолжает оставаться открытым для обсуждения. Проблема соотношения различных мотивационных структур и познавательных состояний в процессе усвоения новой информации на уроке требует дополнительного изучения.

В рамках исследований психических состояний, А.О. Прохоров и М.Г. Юсупов указали ряд познавательных состояний, наиболее часто переживаемых студентами в процессе учебы [2]. В список познавательных состояний, выделенных исследователями, внесены не только психические состояния, способствующие усвоению знаний, но и препятствующие этому процессу. Этот список состояний был использован и в нашем исследовании.

Целью исследования стало выявление различий в структуре взаимосвязей между мотивационными характеристиками, касающимися учебы и познавательными состояниями у старшеклассников при их разном восприятии новой темы, предлагаемой к изучению во время урока.

В исследовании принимали участие школьники последнего года обучения – возраст 17-18 лет, всего 60 человек.

Для определения особенностей учебной мотивации школьников использовалась адаптированная методика оценки уровня притязаний личности В.К. Гербачевского [1]. Опросник предназначен для определения уровня притязаний испытуемых, который представляется суммой компонентов мотивационной структуры личности. Анкета «Степень выраженности познавательных состояний» позволила учащимся выделить наиболее значимые для них познавательные состояния в двух моделях учебной ситуации. Анкета была составлена на основе списка познава-

тельных психических состояний А.О. Прохорова и М.Г. Юсупова [2]. Испытуемым предлагалось оценить по семибалльной шкале, насколько сильно у них проявляются во время урока те или иные состояния в зависимости от степени понимания предлагаемого материала на уроке.

Попарное сравнение корреляционных матриц позволило сделать следующие выводы:

Усиление внутренней (значимой лично для себя) познавательной мотивации старшеклассников в ситуации, когда новая тема непонятна, происходит при актуализации познавательного состояния недоумения. В то же время ослабление этого вида мотивации в этой ситуации происходит при актуализации познавательных состояний озадаченности и размышления.

В ситуации непонимания содержания новой темы, усиление мотивации самоуважения в процессе учёбы происходит при уменьшении переживаний озадаченности и озабоченности.

Значимость хороших результатов в процессе учебы в целом при окончании школьного периода, как компонент мотивационной структуры личности, в ситуации, когда новая тема понятна, тем больше, чем менее глупым чувствует себя учащийся и чем меньше умственных усилий он затрачивает на усвоение нового материала. В то же время, в ситуации непонимания темы, значимость хороших результатов увеличивается при усилении состояния удивления.

В том случае, когда тема урока понятна, волевые усилия, направленные на усвоение материала, увеличиваются при ослаблении переживания недоумения.

Оценка своих возможностей в учебе в целом, как ещё один компонент структуры мотивации к учебе, тем больше в ситуации понятной новой информации на уроке, чем сильнее переживания когнитивного диссонанса и удивления.

Результаты данного исследования свидетельствуют, во-первых, о существовании достоверных различий в структуре взаимосвязей между некоторыми характеристиками учебной мотивации и рядом познавательных состояний, во-вторых, о необходимости разработки специальных методов подачи нового, особенно сложного материала на уроках в старших классах с учётом обнаруженных взаимосвязей. Наличие достоверных взаимосвязей между показателями мотивации к учебе и познавательными состояниями позволяет предполагать, что даже если учёба воспринимается старшеклассниками без энтузиазма, преподаваемые знания кажутся непонятными и скучными, можно, актуализируя определённые познавательные состояния, развивать определённые компоненты мотивации.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00057а

Список литературы

1. Гербачевский В.К. Исследование уровня притязаний в связи с индивидуально-типическими характеристиками эмоциональности и интеллекта: Автореф. дисс. канд. психол. наук. JL, 1970. 20 с. Библиотека авторефератов и диссертаций по педагогике <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-13/dissertaciya-sootnoshenie-urovnya-prityazaniy-motivatsii-dostizheniya-i-samootsenki-na-etape-professionalnogo- stanovleniya-lichnosti#ixzz4jam19LcL>

2. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Феноменологические особенности познавательных состояний студентов различных курсов обучения // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 3 (45). – С.39-46.

ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Валиуллина М.Е., Артищева Л.В.

AGE SPECIFICITY OF COGNITIVE MENTAL STATES

Valiullina M.E., Artischeva L.V.

Как известно, одна из наиболее важных тем, изучаемых в рамках когнитивной психологии – это познавательная активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знания [2]. Вопрос о качественных и количественных особенностях проявления познавательной деятельности в разные возрастные периоды жизни остаётся открытым для изучения. Тем не менее, не вызывает сомнений, что для более успешного усвоения новой информации человек, независимо от возраста, должен переживать в процессе познания определённые психические познавательные состояния. В частности, внимание учёных привлекает состояние заинтересованности объектом познания. Это одно из познавательных состояний, выполняющее ориентировочно-мотивационную функцию. Оно способствует поддержанию потребности в усвоении содержания информации [1; 4].

Проведенное нами исследование является ещё одним шагом в раскрытии в раскрытии возрастной специфики состояния заинтересованности. В качестве испытуемых выступили лица от 6 до 60 лет. Были выделены следующие возрастные группы: 6-10, 11-14, 15-17, 18-20, 21-30 и 40-60 лет. Для оценки состояния заинтересованности использовался опросник А.О.Прохорова «Рельеф психического состояния» [3], включающий в себя характеристики психических состояний, отражающих

протекание психических процессов, физиологических реакций, переживаний и поведения.

Структура определяет степень сложности организации состояния, степень связанности характеристик между собой, их взаимообусловленность. В нашем исследовании было выявлено, что у детей 11-13 лет состояние заинтересованности имеет наиболее связанную, сложноорганизованную структуру. Данная особенность позволяет регулировать состояние, актуализируя и стабилизируя его через различные характеристики. Обнаружена относительно слабоорганизованная структура заинтересованности у детей 6-10 лет и у лиц 18-20 лет. Это позволяет предположить, что в этих возрастах переживание заинтересованности легко может смениться каким-либо другим видом психического состояния, например, может быть высокая отвлекаемость, переключаемость и слабая мотивированность. А также в раннем школьном возрасте слабоорганизованная структура взаимосвязей может быть объяснима недостаточностью опыта переживания состояний.

Нами было выявлено, что структурообразующие показатели состояния заинтересованности различны в каждой возрастной группе, но все они относятся к подструктурам *переживание* и *поведение*. В возрасте 6-10 лет состояние заинтересованности в большей степени определяется адекватностью-неадекватностью поведения, в раннем подростковом возрасте (11-14 лет) – степенью уверенности и открытости поведения. Поведенческая реакция, а именно степень импульсивности-размеренности поведения определяет структуру состояния заинтересованности в возрасте 40-60 лет. Структура и управляемость состояния заинтересованности обусловлены характеристиками переживания в возрасте 15-17 лет (печаль-задорность, сонливость-бодрость), в возрасте 21-30 лет (грустность-оптимистичность). Юношеский возраст (18-20 лет) имеет иную специфику. Структурообразующими показателями являются характеристики переживаний и поведения в одинаковой степени, т.е. структуру состояния заинтересованности обуславливают вялость-бойкость переживаний и неуверенность-уверенность поведения.

Исследование также показало, что интенсивность протекания состояния заинтересованности различна у людей в зависимости от возраста и имеет определенную специфику, обусловленную подструктурами состояния. Так, наибольшая интенсивность психических процессов (восприятие и представление) при заинтересованности выявлена в возрасте 6-10 и 18-20 лет. Физиологические реакции более выражены в 18-20 и 40-60 лет. В юношеском возрасте при заинтересованности усиливается состояние мышечного тонуса и слизистой оболочки полости рта, в зрелом возрасте – активизируется двигательная активность и проявления со

стороны органов дыхания. При заинтересованности выраженная интенсивность переживаний выявлена в возрасте 6-10 лет, у детей отмечается задорность, бойкость и легкость переживаний. Поведенческие реакции наиболее выражены в 6-10 и 21-30 лет. У детей заинтересованность сопровождается активностью, устойчивостью, уверенностью и открытостью поведения, у людей более старшего возраста – размеренностью и продуманностью поведения.

Итак, проведенное исследование позволяет представить картину специфики протекания и структурной организованности познавательного состояния заинтересованности в зависимости от возраста. В каждом возрасте заинтересованность имеет различные проявления в протекании психических и физиологических процессов, переживаний и поведенческих реакций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057.

Список литературы:

1. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.; Ленингр.ун-т, 1984, 235 с.
2. Найсер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии./ пер. с англ. В.В. Лучкова. – М.: ПРОГРЕСС, 1981. – 232с
3. Практикум по психологии состояний: Учебное пособие / под ред.проф. А.О. Прохорова. – СПб.: Речь,2004. – 480с.
4. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Феноменологические особенности познавательных состояний студентов различных курсов обучения // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 3 (45). – С.39-46.

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФЕНОМЕНА ПРИСУТСТВИЯ В ВИРТУАЛЬНЫХ СРЕДАХ

Величковский Б.Б. (Москва)

COGNITIVE FACTORS OF PRESENCE IN VIRTUAL ENVIRONMENTS

Velichkovsky B.B. (Moscow)

Под феноменом присутствия понимают иллюзию реальности происходящего в системе виртуальной реальности [1]. Возникновение феномена присутствия является важной характеристикой работы с виртуальной средой, так как без него не может быть достигнута основная цель применения технологий виртуальной реальности – замена реальной среды виртуальной. В частности, коррекция фобии путем десенсибилизации

с применением технологий виртуальной реальности невозможна, если чувство присутствия у пациентов не формируется. В этой связи проектирование и практика применения виртуальных сред должны ориентироваться на создание максимально выраженного чувства присутствия, что делает необходимым изучение его предикторов [2].

Важное направление – изучение связи присутствия и процессов внимания. В oddball-парадигме увеличенная амплитуда и латентность компонента P300, свидетельствующие о вовлечении большего количества ресурсов внимания во взаимодействие с виртуальной средой, было связано с увеличенными показателями присутствия (измеренного с помощью русскоязычной версии опросника ITC-SOPI, [3]). Значительную роль в формировании феномена присутствия играют процессы контроля внимания, обеспечивающие концентрацию внимания на элементах виртуальной стимуляции и игнорирование иррелевантных стимулов и мыслей. В этой связи показательными являются корреляции выраженности присутствия и эффективности процессов подавления (измеренной с помощью фланговой задачи Эриксонов, задачи на антисаккаду и задачи Go-No Go, [4]).

Исследования также показывают влияние когнитивной гибкости на формирование феномена присутствия. Под когнитивной гибкостью понимают возможность быстрой смены сенсо-моторных установок при изменении задачи. Такое изменение задачи, очевидно, происходит при переходе из реальной в виртуальную среду, которая характеризуется особыми, непривычными требованиями к сенсо-моторной координации. Негибкое отсутствие замены последних приводит к возникновению различного рода низкоуровневых эффектов «симуляторной болезни», когда проприоцептивные ощущения не соответствуют визуальным. В этой связи показательно, что эффективность когнитивного переключения задач отрицательно коррелирует с выраженностью негативных эффектов «симуляторной болезни» [4].

Исследования также показывают, что функциональные возможности рабочей памяти (её объем и эффективность обновления рабочей памяти) коррелируют с выраженностью феномена присутствия [5, 4]. Роль рабочей памяти, гипотетически, заключается в построении разноуровневых моделей виртуального окружения, которые обеспечивают взаимодействие с ней. Так, относительно низкоуровневая пространственная модель виртуальной среды обеспечивает ориентацию и навигацию в виртуальном окружении, отражая его специфическую метрику [6], в то время как ситуационная модель обеспечивает понимание виртуального нарратива [7] и интерпретацию виртуальных событий. Легкость построения непротиворечивых моделей виртуального окружения с привлечени-

ем ресурсов рабочей памяти будет определять выраженность феномена присутствия, даже если технологически виртуальное окружение является низко-иммерсивным. В целом, исследования показывают влияние целого ряда когнитивных факторов на феномен присутствия, что делает необходимым их дальнейшее изучение. Перспективной при этом представляется оценка вклада различных уровней когнитивной организации (низкоуровневое познание – объектные взаимодействия – мета-познание) на формирование феномена присутствия.

Список литературы

1. Авербух Н.В., Щербинин А.А. Феномен присутствия и его влияние на эффективность решения интеллектуальных задач в средах виртуальной реальности // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2011. № 4. С. 102–119.
2. Величковский Б.Б. Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах // Национальный психологический журнал. 2014. №3. № 15. С. 31–38.
3. Lessiter J., Freeman J., Keogh E., Davidoff J. Across-media presence questionnaire: The ITC – Sense of Presence Inventory // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. – 2001. V. 10. P. 282–297.
4. Величковский Б.Б., Гусев А.Н., Виноградова В.Ф., Арбекова О.А. Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 5–20.
5. Rawlinson T.G., Lu S., Coleman P. Individual Differences in Working Memory Capacity and Presence in Virtual Environments / Zhang H., Hussain A., Liu D., Wang Z. (Eds.) // Advances in Brain Inspired Cognitive Systems. BICS 2012. Lecture Notes in Computer Science. V. 7366. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 22–30.
6. Wirth W., Hartmann T., Böcking S., Vorderer P., Klimmt C., Schramm H., Saari T., Laarni J., Ravaja N., Gouveia F., Biocca F., Sacau A., Jäncke L., Baumgartner T., Jäncke P. A Process Model of the Formation of Spatial Presence Experiences // Media Psychology. – 2007. – V. 9. – № 3. – P. 493–525.
7. Zwann R.A., Radvansky G.A. Situation models in language comprehension and memory // Psychological Bulletin. – 1998. – V. 123. – № 2. – P. 162–185.

ХРАНИТЕЛЬНО-ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ

Величковский Б.Б., Качина А.А., Султанова Ф.Р. (Москва)

THE STORAGE OF TASK-RELEVANT INFORMATION IN LONG-TERM MEMORY

Velichkovsky B.B., Kachina A.A., Sultanova F.R.

Современные исследования рабочей (оперативной) памяти подчеркивают её характер как функциональной системы [1]. Рабочая память

образует систему компонентов, согласованно решающих задачи оперативного хранения и переработки информации в целях решения текущей задачи. При этом в рабочей памяти выделяется несколько систем хранения с различными функциональными свойствами [2]. Одна система хранения – «регион прямого доступа» – обеспечивает надежное удержание 3-4 наиболее актуальных для решения задачи элементов в состоянии высокой доступности. Информация в этой системе хранения защищена от распада под влиянием времени и интерференции. В известном смысле, эта система хранения соответствует кэш-памяти персонального компьютера. Наличие такого ограниченного по объему хранилища информации хорошо соответствует современным данным об ограничении объема рабочей памяти 3-5 элементами [3]. Очевидно, однако, что при решении экологически валидных задач приходится удерживать в памяти значительно большее количество информации. В этой связи становится ясным, что рабочая память должна образовывать иерархию систем хранения, в которой верхние уровни занимает регион прямого доступа, а нижние должны быть образованы другой системой хранения. Эта другая система хранения должна работать на других принципах, так как надежное удержание небольшого числа элементов в регионе прямого доступа, очевидно, является физиологически слишком затратным. Важным примером такой альтернативной системы хранения является активированная долговременная память – система репрезентаций долговременной памяти, активированных выше некоторого порогового значения [2, 3].

Эта система, опирающаяся на механизмы долговременного хранения, может содержать значительные объемы информации. Однако её основным недостатком является зависимость от эффектов интерференции, т.е. ненадежность хранения. Наши исследования показывают, что при увеличении нагрузки на рабочую память до 5-6 элементов (т.е. за пределы объема хранения в регионе прямого доступа) как раз и начинают проявляться негативные эффекты интерференции, которые не проявляются при нагрузке в 3-4 элемента [4]. Другая особенность этой системы хранения – неконтролируемое распространение активации по семантической сети от элементов, выгруженных в активированную долговременную память из региона прямого доступа. В частности, наши исследования задачи поиска в памяти Стернберга показывают, что неактуальные элементы, которые были актуальны в недавнем прошлом (recent-negative probe) отвергаются медленнее, что свидетельствует об их представленности в рабочей памяти. Аналогичный эффект наблюдается и для проб, семантически связанных с ними. Такая автоматическая активация irrelevantных элементов может отвлекать ресурсы рабочей памяти и снижать эффективность когнитивной деятельности, в частно-

сти, при депрессии [5]. Однако безусловным достоинством этой системы хранения является обеспечение оперативного доступа к большому количеству потенциально релевантной информации. В целом, системы хранения в рабочей памяти обеспечивают баланс между объемом хранения, его надежностью и скоростью доступа к той информации, которая необходима для решения текущей задачи.

Список литературы

1. Величковский Б. Б., Козловский С. А. Рабочая память человека: фундаментальные исследования и практические приложения // Интеграл. 2013. Т. 68. № 6. С. 14–16.
2. Oberauer K. Access to Information in Working Memory: Exploring the Focus of Attention // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2002. V. 28. P. 411–421.
3. Cowan N. The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity // Behavioral and Brain Sciences. 2001. V. 24. P. 87–114.
4. Величковский Б. Б., Никонова Е. Ю., Румянцев М. А. Структура рабочей памяти: Эффекты увеличения количества информации, усложнения обработки и интерференции // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 38–48.
5. Особенности подавления эмоциональной интерференции при депрессии / Б.Б. Величковский, Г.Е. Рупчев, Ф.Р. Султанова и др. // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 105-летию С.Я. Рубинштейн) Материалы научно-практической конференции с международным участием, Москва, 29-30 ноября 2016 г. Научный центр психического здоровья Москва, 2016. С. 107–110.

ИССЛЕДОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Галлямова А.А. (Казань)

RESEARCH AND DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY OF STUDENTS

Gallyamova A.A.

Бессубъектная позиция (Д.А. Леонтьев, 2010) и профессиональный маргинализм (Е.П. Ермолаева, 2001), характерные для многих современных специалистов, проявляющиеся в неразвитом профессиональном самосознании, пассивной позиции, безинициативности, репродуктивности деятельности, становятся основными проблемами в развитии профессиональной сферы современной России. И здесь основной организацией, ответственной за формирование субъектной позиции и профессиональной идентичности будущих специалистов является вуз. Поэтому для вы-

явления специфики обозначенной проблемы, нами было организовано пилотажное исследование особенностей профессиональных и учебных представлений студентов психолого-педагогических специальностей (n=86) и характера их профессионального становления (n=46). В результате было выявлено, что подавляющее большинство студентов перекладывают ответственность за плодотворность обучения на преподавателей и характер организации учебного процесса, недооценивая и не рефлексируя собственная роль в успешном профессиональном становлении и только половина студентов представляют себя в будущем работающими по специальности. Также для студентов характерна неудовлетворенность основных мотивов профессиональной деятельности, а у четверти имеется неустойчивая профессиональная направленность [1]. Соответственно, возникает задача практико-ориентированного характера – предоставления вузом, помимо академического набора знаний, умений, навыков и компетенций, также и программ развития внутренней активной, самостоятельной позиции студента, компонентов ценностно-смысловой и мотивационной сферы, навыков планирования, анализа собственных и внешних ресурсов и ориентации на саморазвитие (другими словами – субъектности), которые окажут положительное влияние на профессиональное становление студента. Для решения этой задачи нами были разработаны упражнения для активизации и развития обозначенных качеств у студентов и объединены в смысловые блоки: «Блок работы постановкой целей, ценностями и их структурой», «Блок работы с профессиональными представлениями и профессиональным самосознанием», «Блок работы с методами достижения целей и анализа ресурсов», «Блок работы с мотивацией к активной позиции студентов», каждый из которых рассчитан на два академических часа. Так, в программе развития субъектности приняли участие студенты КФУ психолого-педагогических специальностей (экспериментальная группа – n=85, контрольная группа – n=24). Диагностическим инструментарием явились личные проекты студентов, а также стандартизированные тесты: опросник диагностики парциальных позиций интернальности – экстернальности личности (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд), опросник способности к самоуправлению (Н.М. Пейсахов), методика исследования самоотношения (С.Р. Пантелеев), методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов). Диагностика перед и после завершения занятий позволила выявить достоверные положительные изменения в показателях «общей интернальности», «интернальности достижений», «целеполагания», «планирования», «коррекции», «самоуправления» и «самоценности». Что свидетельствует об эффективности проведенной программы развития субъектности студентов. К текущему

этапу исследования нами разработан и проходит апробацию опросник оценки уровня субъектности студентов, позволяющий определять факторы субъектности и уровень их развитости.

Список литературы

1. Галлямова А.А. Профессиональные и учебные представления студентов психологических специальностей / А.А. Галлямова, О.Г. Лопухова, Р.М. Хусаинова // Профессиональные представления: сборник научных трудов № 9 / Под ред. Е.И. Рогова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. С. 69-76.

2. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда (статья 2) // Психологический журнал. 2001. Т. 22, №5. С. 69-77.

3. Леонтьев Д.А. Что даёт психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 60-78.

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА Т. ХИГГИНСА «ДИАГНОСТИКА ФОКУСА РЕГУЛЯЦИИ» НА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКЕ

*Гершкович В.А., Морошкина Н.В., Кулиева А.К.,
Наследов А.Д. (Санкт-Петербург)*

RUSSIAN ADAPTATION OF THE REGULATORY FOCUS QUESTIONNAIRE

*Gershkovich V.A., Moroshkina N., Kulieva A.,
Nasledov A. (Saint-Petersburg)*

В соответствии с теорией фокуса регуляции [1] целенаправленное поведение регулируется двумя различными мотивационными системами, которые подразумевают качественно различные средства достижения желаемых состояний. В теории различаются два фокуса регуляции: фокус продвижения (promotion) и фокус профилактики (prevention). Под фокусом регуляции понимается либо установка на избегание ошибок ложной тревоги и чувствительность к потерям (фокус профилактики), либо установка на достижение положительного результата и чувствительность к приобретениям (фокус продвижения) [1]. Фокус регуляции может быть вызван как ситуативно, так и являться устоявшейся стратегией, связанной с индивидуальной историей достижения успеха в различных видах деятельности. На этом основании Т. Хиггинсом с соавторами был разработан опросник на диагностику фокуса регуляции – Regulatory

Focus Questionnaire (RFQ, [2]). Опросник состоит из 11 вопросов и содержит две независимые шкалы.

В настоящее время концепция фокуса регуляции является достаточно влиятельной: показана ее применимость в широком круге задач (от особенностей запоминания информации и принятия решения [2] до исследований стиля лидерства [3] и доверия [4]). Особый интерес для исследователей представляет идея «регуляторного совпадения» [5] – степени соответствия типичного для человека фокуса регуляции с параметрами ситуации, провоцирующими включение того или иного фокуса (см, например, [6]; [7], [8]). Указанный опросник адаптирован на нескольких языках. Адаптация опросника на русскоязычной выборке проводится впервые, что позволит производить кросскультурные сопоставления результатов и интегрировать отечественные исследования в контекст мировой психологии.

Выборка. В адаптации опросника приняли участие 308 человек, в возрасте от 17 до 23 лет ($M = 20,8$ лет, $\delta = 1,76$); 207 женщин, 101 мужчина. Все опрошенные – студенты различных вузов.

Процесс адаптации методики осуществлялся в соответствии со стандартным методом адаптации зарубежных опросников. Перевод методики с английского языка на русский был выполнен двумя независимыми экспертами. В процессе перевода внимание уделялось сохранению содержания вопроса, а также сохранению грамматической формы высказывания. После этого, с целью проверки адекватности перевода, был выполнен обратный перевод с русского на английский язык. Полученный обратный перевод был сверен с автором методики на предмет соответствия. В русскоязычной версии была сохранена оригинальная нумерация и последовательность вопросов.

Для проверки согласованности шкал опросника были рассчитаны показатели внутренней согласованности по каждой из шкал. По шкале «фокус продвижения» α -Кронбаха = 0,76 по шкале «фокус профилактики» – α -Кронбаха = 0,79. На выборке в 96 человек была проверена ретестовая надежность (фокус продвижения: $r = 0,865$, $p < 0,001$; фокус профилактики: $r = 0,879$, $p < 0,001$).

Также мы проверили, сохраняется ли в русскоязычной версии, двухфакторная ортогональная структура опросника. Для этого на полученных данных были проведены конфирматорный и эксплораторный факторный анализы, которые подтвердили устойчивость факторной структуры и ее воспроизводимость на русскоязычной студенческой выборке.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00376

Список литературы

1. Higgins, E. Beyond pleasure and pain. // *American Psychologist*, 1997, 52(12), 1280–1300.
2. Higgins, E., Friedman, R., Harlow, R., Idson, L.C., Ayduk, O., & Taylor, A. Achievement orientations from subjective histories of success: Promotion pride versus prevention pride. // *European Journal of Social Psychology*, 2001, 31(1), 3–23
3. Kark, R., & Van Dijk, D. Motivation to lead, motivation to follow: The role of the self-regulatory focus in leadership processes. // *Academy of Management Review*, 2007, 32, 500–528
4. Keller J., Mayo R., Greifeneder R., Pfattheicher S. Regulatory focus and generalized trust: the impact of prevention-focused self-regulation on trusting others // *Frontiers in Psychology*, 2015, V. 6, Article 254, p.1-13.
5. Higgins, E. T. Making a good decision: Value from fit.//*American Psychologist*, 2000, 55, p. 1217-1230
6. Keller, J., & Bless, H. Regulatory fit and cognitive performance. The interactive effect of chronic and situationally induced self-regulatory mechanisms on test performance. // *European Journal of Social Psychology*, 2006, 36, 393–405.
7. Lee, A., and Aaker J., Bringing the Frame into Focus: The Influence of Regulatory Fit on Processing fluency and Persuasion, // *Journal of Personality & Social Psychology*, 2004, 86 (2), 205-218.
8. Labroo A. and Angela Y. Lee. Between Two Brands: A Goal Fluency Account of Brand Evaluation.// *Journal of Marketing Research*: 2006, Vol. 43, No. 3, pp. 374-385.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТВОРЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Гильманов С.А. (Ханты-Мансийск)

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CREATIVE CONDUCT

Gilmanov S.A. (Khanty-Mansiysk)

В обеспечении комплексного подхода к изучению творчества в психологии мы считаем возможным обращение к понятию творческого поведения именно как к понятию, а не только как к словосочетанию, используемому в метафорическом смысле.

В психологической науке для этого есть достаточные основания. Можно упомянуть подходы классиков психологии (не говоря уже о бихевиоризме как мировой психологической школе): У. Мак-Дауголл с его родами (стадиями) поведения, определяемыми ведущими стимулами – от страдания и удовольствия, до идеала, как регулятора поведения; К. Левин с понятием «полевого поведения», формируемого ситуаций; Л.С. Выготский, утверждавший, что поведение – продукт «системы социальных

связей и отношений, коллективных форм поведения и социального сотрудничества»; С.Л. Рубинштейн, выделявший в структуре поведения реакцию, действие, поступок и указывавший на то, что «Различные типы и уровни сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок)» и др.

Основываясь на сложившихся подходах, мы считаем вполне правомочным использование в психологии понятия «творческое поведение» означающего «линию» сознательных действий и поступков различных субъектов, направленных на поиск решения социокультурно значимых проблем и приводящих к созданию нового в культурном отношении продукта. Это одна из сторон поведения человека как индивидуальности и как социального субъекта деятельности и отношений, имеющая психологически определенную форму проявления – творческий акт, который с социокультурной стороны может быть отнесен к реакциям («ответам» на внешние стимулы), сознательным действиям или поступкам. Со стороны индивидуальности творческое поведение может рассматриваться через соответствующую систему признаков, куда относятся характеристики психических (например, осознание побочного продукта деятельности, внутренний план действий – Я.А. Пономарев), личностных (например, интеллектуальная инициатива Д.Б. Богоявленской, надситуативная активность В.А. Петровского и др.) и других механизмов творчества. С социокультурной стороны можно рассматривать: виды субъектов творческого поведения (индивидуальное, коллективное, массовое); влияние социальной среды на творческий характер действий (затрудняет или поддерживает среда творческие усилия; выражается творчество только через «узкие», ситуативные проявления, или через «культурные горизонты» и т.п.). Обобщающими характеристиками, «осями» творческого поведения могут служить выделение мотивационно-процессуальной стороны (ось «активность-пассивность») и результативно-ценностной (ось значимости действий и продукта по параметрам «ситуация текущая-ситуация общекультурная»). Пересечение этих осей позволяет выделить четыре типа творческого поведения, основанных на характеристиках субъекта, процесса и результата: изобретательское, продуктивное, созидательное, оригинальное.

Понятие творческого поведения в научном плане может служить интегрирующим для систематизации творчества, позволяя выявлять сущность его социокультурных и личностных механизмов, сопоставлять характеристики влияния разнообразных факторов, создавать междисциплинарный исследовательский инструментарий и практические техники для стимуляции проявлений творчества в разных видах деятельности. Упорядочение подходов к психологии творчества, позволит более после-

довательно отвечать на вызовы, стоящие как перед системой образования, так и перед обществом в целом в связи с острой необходимостью активизации творческих сторон жизнедеятельности.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СИТУАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА В ИССЛЕДОВАНИИ КАЧЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКИ МЫШЛЕНИЯ В НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Горбачева Е.И. (Калуга)

THE PROCEDURE OF RECONSTRUCTION OF THE SITUATION OF MORAL CHOICE IN THE STUDY OF THE QUALITATIVE SPECIFICITY OF THINKING IN THE MORAL SPHERE

Gorbacheva E.I. (Kaluga)

Нормативные требования в форме морали не выступают в своей имманентной сущности, а «растворяются» в предметной логике нормативных требований [1]. С этой точки зрения, вычленение и интерпретация морального противоречия в задачах, моделирующих ситуацию морального выбора, осуществляется посредством «переформатирования» его составляющих применительно к специфике нормативного регулирования в конкретных сферах социального взаимодействия – экономической, правовой, обыденного жизнеустройства.

Ситуации морального выбора представлены в настоящем исследовании в форме видеокейсов, стимульным материалом в которых являются отрывки из художественных кинофильмов. Особенности морального рассуждения устанавливались с помощью исследовательской процедуры реконструкции ситуации морального выбора, результаты которой фиксировались посредством контент-анализа. Его единицами являлись утверждения (слова и словосочетания в текстах протоколов, полученных на студенческой выборке численностью 80 испытуемых), относящиеся к основным компонентам социального взаимодействия: участники, обстоятельства, мотивы, ценности, последствия.

Установлено, что моральные противоречия, возникающие в контексте житейских практик, рассматривались студентами с позиции рассогласования актуальных мотивов и ценностей участников ситуации при игнорировании социокультурных условий реализации морального выбора в группах и сообществах. В интерпретации нравственных аспектов правовой ситуации делался акцент на просоциальности – асоциальности мотивов действующих лиц, а последствия принимаемых решений квалифицировалась с точки зрения юридически значимых моделей адаптации

к социуму. В интерпретации последствий принимаемого морального решения в задаче социального взаимодействия с экономическим контекстом наблюдалась переоценка безвыходности ситуации, а ее участники рассматривались не с точки зрения субъектов морального действия, а с позиции победителя или проигравшего в конкурентной борьбе.

В задачах с житейским контекстом наиболее часто реализовывался такой способ реконструкции ситуации, который артикулировал личностные характеристики действующих участников (79,2% частота упоминания). Недостатки такого рода подхода проявились в индифферентности испытуемых в отношении всех остальных компонентов ситуации морального выбора. Второй способ реконструкции, который встречался преимущественно в задачах с правовым контекстом, проявился в определении «моральности» ситуации как ограничения для взаимодействий участников ситуации (58,3% упоминания). В основном, интерпретировались «моральные издержки» последствий принимаемых решений в связи с возможным порицанием окружающих. Ценности и мотивы конкретных участников как возможные основания производимого выбора не выделялись и, соответственно, не рассматривались. Третьим способом реконструкции ситуации морального выбора, который чаще имел место в задачах с экономическим контекстом (56,7% упоминания), является вычленение в ней типа отношения, которое согласуется с известным нам описанием решения экономических дилемм. Речь идет о так называемом отношении «реципрокности, основанной на намерениях», когда мотивы и последствия действий участников приобретают полноту описания в соотнесении с воспринимаемыми правилами конкуренции безотносительно к общественным нормативам и последствиям их отчуждения для личности.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Калужской области (проект № 16-16-40007 а(р)).

Список литературы

1. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 641 с.

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЗАБЫВАНИЯ

Гофман А.А., Нуркова В.В. (Москва)

THE MODERN PSYCHOLOGY OF FORGETTING

Gofman A.A., Nourkova V.V.

В современной англоязычной литературе для различения двух фундаментальных форм забывания используются термины «availability» (наличие) и «accessibility» (доступность) впервые предложенные в работах Тульвинга [1].

Проблема «наличия» следа памяти заключается в возможности детекции следа пережитого события, который потенциально может быть активирован и воспроизведен [2]. Забывание связывается с деградацией следа памяти или его модификацией. Одной из самых радикальных теорий данного подхода является теория деградации или уничтожения мнемического следа, ранние версии которой предполагали пассивное угасание следа со временем в отсутствии повторения. Несмотря на критику, теория уничтожения следа получила подкрепление в исследованиях, посвященных эффекту снижения воспроизведения в ответ на независимые от контекста кодирования ключи.

Альтернативным угасанию под воздействием времени механизмом уничтожения следа события рассматривается ретроактивная и проактивная интерференция. Также новейшие нейрофизиологические исследования феномена «катастрофической интерференции» со своих позиций возвращают легитимность механизму уничтожения следа.

Большое влияние имеет теория реконсолидации, во многом связанная с попыткой согласовать психологическое и нейрофизиологическое знания. Согласно полученным данным, сформировавшиеся ранее следы памяти на короткое время после повторной активации приобретают способность интегрировать в себя новые элементы, а также могут быть уничтожены, таким образом рассматривается возможность трансформации мнемического следа и формирования новых содержаний [3].

В отличие от проблемы «наличия следа памяти», проблема доступности мнемического материала связана с режимами извлечения следов памяти при достаточной их сохранности. Феномен забывания изучается как отсутствие воспроизведения существующего следа прошлого опыта [4].

В рамках данной проблемы рассматриваются пассивные явления ошибки доступа к существующему в памяти содержанию, среди которых феномен «на кончике языка», эффект «размера категории» и эффект «веера» являющиеся результатом ошибки навигации в семантической сети.

Однако, проблема доступности не может быть сведена к пассивному сбою воспроизведения. Существенный вклад в понимание памяти как динамичного конструктивного процесса вносят исследования активных режимов торможения доступа к определенным содержаниям – механизмов сдерживания воспроизведения, которые могут осуществляться как по когнитивным, так и по мотивационным причинам [5].

К когнитивно обусловленному сдерживанию воспроизведения относится эффект забывания, индуцированного припоминанием, представляющий собой механизм торможения менее адекватного разворачивающейся деятельности ответа в пользу более адекватного и являющийся универсальной динамической тактикой функционирования долговременной памяти.

Наряду с эти рассматриваются мотивационно обусловленные механизмы сдерживания воспроизведения, среди которых непроизвольные механизмы вытеснения материала, имеющего угрозу для позитивной самооценки, а также механизмы произвольного и намеренного забывания, исследования которых развиваются в зарубежной литературе последние полвека.

В настоящее время фактор наличия материала в памяти и факт его доступности для воспроизведения рассматриваются как взаимоисключающие объяснения забывания. В отличие от этого, мы считаем продуктивной гипотезу о том, что факторы и механизмы забывания могут варьировать для различных подсистем памяти, а также в зависимости от характеристик деятельности, в рамках которой состоялось запоминание и осуществляется воспроизведение.

Список литературы

1. Tulving, E., & Pearlstone, Z. Availability versus accessibility of information in memory for words. // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1996. – Vol. 5, 4. – p. 381-391. doi: 10.1016/S0022-5371(66)80048-8
2. Нуркова В.В., Гофман А.А. Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. // *Национальный психологический журнал*. – 2016. – № 3(23). – С. 64-71.
3. Agren T. Human reconsolidation: a reactivation and update. // *Brain research bulletin*. – 2014. – Vol. 105. – p. 70-82. doi: 10.1016/j.brainresbull.2013.12.010
4. Нуркова В.В., Гофман А.А. Забывание: Проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 2. // *Национальный психологический журнал*. – 2016. – № 4(24). – С. 3-13.
5. Anderson, M.C. Rethinking interference theory: Executive control and the mechanisms of forgetting. // *Journal of memory and language*. – 2003. – 49(4). – p. 415-445. doi: 10.1016/j.jml.2003.08.006

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КИНОПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д. (Москва)

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF MOVIE PREFERENCES AMONG YOUNG AUDIENCES

Kubrak T.A., Grebenshikova T.A., Pavlova N.D.

В условиях глобализации информационного пространства и медиатизации современной жизни человек становится субъектом своей массовой медийной активности [2], [5]. Выбор медийной продукции осуществляется на основе мотивов и ожиданий, ведущих к удовлетворению потребностей [8], [9], [10], опосредуется индивидуальными и социально-психологическими характеристиками личности [1], [6], [7]. Особую значимость эти вопросы приобретают при исследовании такого влиятельного масс-медиа как кино [3], [4]. Цель настоящего исследования связана с поиском психологических детерминант выбора субъектом кино. Для этого была поставлена задача выявить структуру взаимосвязей между кинопредпочтениями и личностными чертами субъекта, а также определить различия в выборе кино в связи с полом и условиями просмотра.

В исследовании приняли участие 205 человек: 31,2 % мужчин и 68,8 % женщин (64 мужчины и 141 женщины); возраст респондентов – от 16 до 28 лет (средний возраст – 21,7 года ($M=21,7$), стандартное отклонение $SD=2,9$). В работе были использованы следующие методики: оригинальная методика «Кинопредпочтения», пятифакторный личностный опросник (NEO-FFI-S Inventory) (в адаптации М.В. Бодунова, С.Д. Бирюкова), методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла, опросник «Вера в справедливый мир» (в адаптации В.В. Латынова).

В результате исследования определена структура кинопредпочтений зрителей, включающая шесть факторов: «Драматичность», «Экстремальность», «Фантазийность», «Маскулинность», «Легкость» и «Эксцентричность». Показано, что выбор фильмов осуществляется на основании их базовых характеристик, сочетания которых соответствуют выявленным факторам кинопредпочтений. Обнаружена общность жанров, предпочитаемых зрителем, что позволяет говорить об его избирательности и активности при обращении к фильмам. Выявлены взаимосвязи между кинопредпочтениями зрителей и их личностными чертами (нейротизмом, экстраверсией, открытостью, дружелюбием и сознательностью), а также уровнем интеллекта и верой в справедливый мир. Люди предпочитают смотреть те фильмы, которые соответствуют их индиви-

дуально-психологическим особенностям. Были установлены как схожие зрительские аудитории (мужского и легкого кино, драматических и эксцентричных фильмов), так и «противоположные» (с одной стороны, легкого кино, с другой стороны, драматических и эксцентричных фильмов).

Существуют половые различия в выраженности кинопредпочтений. Для женщин при выборе кино наиболее значимым является фактор «драматичности» («интеллектуальности») и «легкости» кино, а для мужчин – фактор «маскулинности». Не обнаружилось различий между мужчинами и женщинами в частоте просмотра фильмов и предпочитаемой ситуации просмотра (в одиночестве, с другими людьми). Выбор ситуации просмотра связан с личностными чертами зрителей, а именно с их открытостью и экстраверсией.

Наиболее полный психологический портрет был получен для тех, кто предпочитает кино легкого, развлекательного жанра. Зрительские аудитории экстремальных и фантазийных фильмов очерчиваются менее четко. Таким образом, по индивидуально-психологическим характеристикам можно с большей точностью предположить, любит ли человек легкие и развлекательные фильмы, нежели определить, предпочитает он экстремальное или фантазийное кино.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 15-06-10702а.

Список литературы

1. Воскресенская Н.Г. Социально-психологическая характеристика любителей определенных киножанров // Вопросы психологии. 2015. № 2, С. 78–87.
2. Лагинов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
3. Кубрак Т.А. Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2017).
4. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2002.
5. Bennett W. L., Iyengar S. The shifting foundations of political communication: Responding to a defense of the media effects paradigm // Journal of Communication. 2010. Vol. 60. № 1. P. 35–39.
6. Cohen J. What I watch and who I am: National pride and the viewing of Local and Foreign Television in Israel // Journal of Communication. 2008. V. 58. P. 149–167.
7. Iyengar S., Hahn K.S. Red media, Blue Media: Evidence of Ideological Selectivity in Media Use // Journal of Communication. 2009. V.59. P.19-39.
8. McGuire W. J. Psychological motives and communication // The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research gratification / J.G. Blumler, E. Katz (Eds.). Beverly Hills, CA: Sage, 1974. P. 167-196.

9. McQuail D., Windahl S. Communication Models for Study of Mass Communication. London, 1981.

10. Rubin A. M. Media uses and effects: A uses-and-gratifications perspective // Media effects: Advances in theory and research / J. Bryant, D. Zillmann (Eds.). Hillsdale. NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1994. P. 417–437.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК «ТОЧКА СБОРКИ» И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Емелин В.А. (Москва)

В условиях развития информационного общества, сопровождающегося переменами во всех областях жизнедеятельности, индивид оказался в нестабильном мире «текущей современности» делающих неоднозначными и нестабильными мотивационные и когнитивные факторы формирования устойчивой идентичности. Все чаще и громче звучат слова о кризисе идентичности, но понимать идентичность сквозь призму перманентного кризиса контрпродуктивно, хотя можно противопоставить пониманию идентичности как статического образования статике динамическую модель как некоторую «точку сборки», момент динамической устойчивости и гармонии с собой в условиях текущей современности. Тогда идентичность следует понимать не как нечто неизменное и навсегда зафиксированное, а как некий процесс постоянного формирования, на который оказывает влияние широкий спектр социокультурных и индивидуальных факторов. Идентичность не может не меняться в изменчивом мире, конечно если не говорить о крайних проявлениях ригидности и размывания идентификации, которые скорее представляют некую патологию, чем норму. Человек ощущает идентичность, переживая ее лично, внутренне определяя свое место, и решая самый важный вопрос своего существования в мире, отношения к нему, устанавливая границы «Я» и «не-Я».

Еще несколько десятков лет назад социальные реалии фактически не предлагали возможности перемен образа жизни, не было неограниченного доступа к информации, а несколько сотен лет назад проблемы поиска и обретения идентичности вообще не существовало. Все радикально изменило технологическое развитие, связанное с наступлением информационного общества, предложившего качественно новый уровень возможностей и вариантов идентификации, причем последние постоянно меняются, что делает само понимание идентичности как некой фиксированной данности неприемлемым. *В современных условиях идентичность следует понимать как переживаемую субъектом «точ-*

ку сборки», в которой человек находит некий баланс сосуществования с внешним миром.

Идентичность – это не вещь, которая где-то лежит, которая может быть однозначно измерена, прочно зафиксирована, четко очерчена, верно определена и правильно установлена. Идентичность, прежде всего и всегда, это специфическое феноменологическое переживание единства «Я» и «не-Я», обретаемое индивидом в процессе самоидентификации. Если максимально обобщить, то под идентичностью понимается ощущение себя как некоего единства, проистекающего из того или иного специфического источника – из принадлежности некоторой общности, этносу, культуре, природе, полу или поколению, из переживаний потребностей организма, из определенной структуры витальных влечений, рациональных целеполаганий и когнитивных способностей, верований и т.д. Идентичность – это те знания, представления и переживания, которые задают основу самоидентификации, о которых, сопоставив с собой, человек может сказать «я это – Я». Идентичность – это феноменологически переживаемая субъектом тождественность самому себе в культурно-историческом хронотопе, осознано/бессознательно, рефлексивно/интуитивно воспринимаемая им как чувство принадлежности/непринадлежности к общностям, контролируемости/неконтролируемости ситуаций, включенности/ невключенности в процессы, предсказуемости/ непредсказуемости событий, разделенности/неразделенности отношений, способности/неспособности к договоренности, и, в конечном счете, осмысленности/неосмысленности личного существования в качестве субъекта/объекта деятельности.

Работа выполнена при поддержке РФФИ проект 17-06-00849 «Мотивационные и когнитивно-аффективные факторы формирования идентичности»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ РОССИИ: ВЕХИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Ждан А.Н. (Москва)

PSYCHOLOGICAL CONGRESSES OF RUSSIA: MILESTONES IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SCIENCE

Zhdan A.N. (Moscow)

В преддверии VI съезда РПО, который состоится в октябре 2017 года, уместно напомнить о предшествующих ему форумам психологов. Они начались с собраний Московского психологического общества, создан-

ного при Императорском Московском университете (1885). Их регулярность определялась Уставом Общества (не менее одного раза в месяц, что, однако, нередко нарушалось по социальным причинам. В 1922 году МПО, как и все другие научные общества России после Октябрьской революции 1917 года, было распущено. В 1930-х -40-х годах собрания психологов не проводились в связи со сложной обстановкой в науке и обществе. В 1950-е годы результаты, проблемы и перспективы развития науки обсуждались в формате I (1952), II (1953) и III (1955) Всесоюзных совещаний по психологии, организованных АПН РСФСР. I совещание, которому предшествовала печально знаменитая сессия двух Академий – АН СССР и АМН СССР, посвященная физиологическому учению И.П.Павлова (1950), а по существу поставившая под угрозу существование психологии в нашей стране, было посвящено принципиальным вопросам психологической теории, ее предмету и методу. В теоретических докладах А.А.Смирнова и Б.М.Теплова обосновывалась мысль о психологии как самостоятельной науки, не сводимой к учению о высшей нервной деятельности И.П.Павлова. На II совещании обсуждались результаты исследований по изучению ряда познавательных процессов мышлению, психологии речи, памяти, ощущений и восприятий, типологических различий высшей нервной деятельности человека. III совещание продемонстрировало расширение круга исследуемых вопросов и областей психологической науки: психология личности, ощущения и восприятия, восприятие и понимание речи; взаимоотношения речи и действия; умственное развитие ребенка до школы; познавательные процессы у школьника; формирование пространственных представлений и технических умений у школьников; вопросы психологии труда и спорта; двигательные навыки; проблемы установки; вопросы патопсихологии и дефектологии; изучение поведения животных. Все совещания проходили в Москве. Работа совещаний подготовила создание новых организационных форм сообщества психологов.

В 1957 году при АПН РСФСР создается Общество психологов СССР. В соответствии с Уставом, Общество психологов, опираясь на опыт предшествующих организаций, проводило съезды для обсуждения научных и организационных вопросов, связанных с задачами Общества. Было проведено семь съездов. Они проходили в разных городах и республиках СССР. I – 1959, Москва, РСФСР; II – 1963, Ленинград, РСФСР; III – 1968, Киев, Украина; IV – 1971, Тбилиси, Грузия; V – 1977, Москва, РСФСР; VI – 1983, Москва, РСФСР; VII (последний) – 1989, Москва, РСФСР.

После распада СССР в новых социальных условиях было создано Российское Психологическое общество (РПО) при РАН. Организация

РПО была нацелена на объединений усилий психологов разных ориентаций, представляющих все регионы нашей страны. В Уставе были определены цели, задачи Общества, его структура, руководящие и исполнительные органы. Высшим органом Общества является съезд РПО Согласно Уставу, съезды РПО созываются не реже одного раза в четыре года. Состоялось пять съездов РПО. I Учредительный – 1994, Москва; II «Психология и практика» – 1998, Ярославль; III «Психология и культура» – 2003, Санкт – Петербург; IV «Психология – будущему России» – 2007, Ростов-на –Дону; V – 2012, Москва. Шестой съезд РПО пройдет в октябре 2017 года в Казани.

Психологические съезды России убедительно демонстрируют преемственную связь в развитии отечественной психологической научной мысли.

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Жукова Е.С. (Москва)

LONGITUDINAL STUDY OF CREATIVE ABILITIES

Joukova H.S. (Moscow)

Данная работа выполнена в парадигме понимания творческих способностей как способности к развитию деятельности по своей инициативе, что проявляется в интеллектуальной активности (Д.Б.Богоявленская). Лонгитюдное исследование проводилось в течение 4-х лет и охватывало 53 человека. Нами исследовался младший школьный возраст и переход к средней школе. Диагностика интеллектуальной активности (ИА) проводилась индивидуально методом «Креативное поле», который позволяет определить ведущие мотивы деятельности и дифференцирует работу детей в эксперименте по уровням познания. Первый уровень «стимульно-продуктивный» предполагает работу только в рамках заданной деятельности. Второй уровень «эвристический» определяется доминированием познавательной мотивации и развитием деятельности за пределами требований. Сопоставляя результаты исследований ИА у детей по мере их взросления можно сказать, что она может проявляться в разные периоды: мы отмечали как ранний дебют, так и относительно позднее ее проявление. Так, во 2 классе 19% выборки вышли на эвристический уровень, в 5 классе – это 15 % выборки. От уровня развития интеллекта ИА зависит только в той мере, в которой он позволяет

свободно освоить предложенную деятельность. Решающим механизмом проявления ИА является мотивационный компонент. ИА как устойчивое образование, характеризует особое отношение ребенка к задаче, которое выражается в открытости задаче и направленности на познание, вследствие чего происходит развитие деятельности и выход на открытие закономерностей. Этим детей мы относим к эвристическому уровню. Тогда как остальная часть группы (70% во 2 классе, 56% в 4 классе и 50% в 5 классе) демонстрирует стимульно-продуктивный уровень. Ими движут мотивы достижения, социальной значимости. При ближайшем рассмотрении они часто имеют проблемы личностной, эмоционально-волевой сферы (тревожность, инфантилизм, страх неудачи). Полученные данные свидетельствуют об устойчивости феномена ИА. 25 % выборки, рано обнаружив эвристический уровень, сохраняют его на протяжении всех срезов. 30% детей демонстрируют положительную динамику данного феномена. Но есть часть группы, которая показывает не прямую динамику развития этого качества (5% детей). Выйдя на эвристический уровень во 2 классе, они демонстрируют регресс к стимульно-продуктивному уровню в 4 классе, и выход на эвристический уровень в 5 классе. Причина подобного сценария может быть в анамнезе ребенка. Приведем пример. Во 2 классе высокий уровень ИА показала девочка, которая была «никак не примечательна» для педагога. Серьезные проблемы артикуляции усугубляли личностные характеристики (тревожность), что воплотилось при нормальном интеллектуальном уровне в общую стратегию поведения «серой мышки». В динамике становления ИА у этого ребенка мы видим усугубление проблем и отрицательную динамику этого свойства в 4 классе, но в 5 классе девочка демонстрирует яркий выход на эвристический уровень. Своевременное вмешательство психолога и совместная работа специалистов помогли ребенку совладать с имеющимися проблемами. Поздний дебют становления ИА, при отсутствии причин интеллектуального характера может объясняться влиянием личностных особенностей, родительских стереотипов. В отечественной психологии проблеме мотивов и потребностей уделялось большое внимание. Л.И. Божович [5] пишет: «Полноценное развитие человеческой личности решающим образом зависит от того, какие именно потребности приобретут форму самодвижения». Полученные данные помогут скорректировать методы взаимодействия с детьми и нивелировать факторы, препятствующие развитию личности по творческой модели.

Список литературы

1. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Психологический институт РАО, Изд-во Федоров, 2009. 414 с.

2. Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е. Психология одаренности. Понятие, виды, проблемы. М.:МИОО, 2005. 175 с.
3. Божович Л.И. Проблемы развития мотивационной сферы ребенка// Изучение мотивации поведения детей и подростков. М.:Педагогика, 1972. 352 с.
4. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности//Вопросы психологии. 1986. №4. С.101-107
5. Чудновский В.Э. Лидия Ильинична Божович: основные вехи научного пути //Журнал практического психолога. 2008. №5. С.44-65.

«НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ» – ТИПЫ И СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ПЕРИОД СТАНОВЯЩЕЙСЯ ВЗРОСЛОСТИ

Зайцева Ю.Е. (Санкт-Петербург)

HOPE IN PERSPECTIVE – TYPES AND STRATEGIES OF TIME PERSPECTIVE CONSTRUCTIONS IN EMERGING ADULTHOOD

Julia E. Z. (Saint-Petersburg)

Одной из наиболее важных задач конструирования личной идентичности в период становящейся взрослости [5] является формирование длительной временной перспективы в масштабе стратегии целостного жизненного пути. Ее разработанность и протяженность может отражать степень субъектной активности личности [2], [3], [4] и выступать предиктором субъективного благополучия [6], [8]. Еще одним важным фактором является ценностная окрашенность перспективы будущего, в том числе феноменологически переживаемая как «надежда» [7], [9].

Традиционно большая часть исследований временной перспективы [10] проводится в концептуальной рамке временных ориентаций по Ф. Зимбардо. Однако различные основания оценки настоящего, прошлого и будущего в рамках данной модели не позволяют сделать вывод о динамике субъектного и эмоционального ценностного отношения к этим трем ключевым элементам временной трансперспективы.

В рамках настоящего исследования мы анализировали четыре модели субъектного и эмоционального отношения к прошлому, настоящему и будущему в рамках актуализированной временной перспективы: 1) «линейно прогрессивная» (будущее лучше настоящего, которое лучше прошлого); 2) «U-образная, оптимистичная» (будущее лучше настоящего, которое хуже прошлого); 3) «П-образная, пессимистичная» (будущее хуже настоящего, которое лучше прошлого); 4) «линейно регрессивная» (будущее хуже настоящего, которое хуже прошлого). Нами были использованы методы нарративного анализа, субъективной семантики

и оценки метафор. Испытуемым (112 молодым петербуржцам возраста становящейся взрослости (18-27 лет, ср. 20,3 ст.откл 2,1), студентам_кам и выпускникам гуманитарных и технических вузов) предлагалось выбрать одно из самоописаний по методике Кто Я, и рассказать три истории проявления данного качества в жизни (из прошлого, настоящего и будущего), а затем оценить по 19 параметрам семантического дифференциала [2] личное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему в целом.

В целом молодые люди и девушки нашей выборки смотрели в будущее оптимистично (ср. 58,4 ст.откл 8,9 из 70) и переживали скорее положительные чувства относительно настоящего (ср. 52,5 ст.откл 9,5) и прошлого (ср. 47,7 ст.откл 9,8). Субъектная активность также оценивалась в целом высоко (медиана 10, 11 и 13 баллов из 14). Причем будущее воспринимается даже завышено оптимистично (медиана – 6 из 7 баллов в среднем), и в целом лучше и более субъектно опосредованно, чем настоящее и прошлое (W-Кендалла, $p < 0.001$). Однако более пристальный, качественно-количественный анализ 4 типов временной перспективы позволил выявить: кроме преобладающей «линейно прогрессивной» группы (60%), 23% – относились к U-образной, 14% – к П-образной и 4% к «линейно-регрессивной». За исключением параметра «важности» там будущее прогрессивно важнее в 79%. Последовательного регрессивного снижения субъектности не ожидалось, но 10% ожидали ее уменьшение в будущем по сравнению с настоящим. А 16% и 24% переживали настоящее менее личным и связанным с активными действиями, чем прошлое и будущее. Наиболее интересный для нас тип «Пессимистичного» сценария показал значимые взаимосвязи с негативным тоном нарратива в историях (пресс, препятствия побеждали намерения героя) и отсутствием ценностной интеграции (ANOVA). Следующим этапом анализа планируется выявление базовых образных схем [1], лежащих в основе временной перспективы данного типа. Время как темпо-ритм и эффективность своевременного приложения усилий в масштабах жизни реже всего (K-Краскелла-Уоллеса=12,5; $p=0.02$) вызывала ассоциации в группе пессимистов.

Публикация в рамках проекта РФФИ №15-36-01357.

Список литературы

1. Зайцева Ю.Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2017).
2. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.:Смысл, 2004. – 608 с.

3. Сараева Н. М. Временная перспектива студентов с разным уровнем субъектности // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология. 2014. №5 (58). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vremennaya-perspektiva-studentov-s-raznym-urovнем-subektnosti> (дата обращения: 15.05.2017).

4. Толстых Н.Н. Формирование личности как становление субъекта развития // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 134–140

5. Arnett JJ Emerging Adulthood A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties // American Psychologist 2000. Vol. 55. No. 5, 469–480

6. Boniwell I., Osin E., Alex Linley P., & Ivanchenko G.V. A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples. The Journal of Positive Psychology, 2010, 5(1), 24–40.

7. Bronk K.C., Hill P.L., Lapsley D.K., Talib T.L., & Finch H. Purpose, hope, and life satisfaction in three age groups. The Journal of Positive Psychology, 2009, 4(6), 500–510.

8. Drake L., Duncan E., Sutherland F., Abernethy C., & Henry C. Time perspective and correlates of wellbeing. Time and Society, 2008, 17(1), 47–61.

9. Dwivedi A., Rastogi R. Future Time Perspective, Hope and Life Satisfaction: A Study on Emerging Adulthood. Jindal Journal of Business Research, 2016 5:1, 17-25

10. Stolarzki M., Fieulaine N., van Beek W. (eds.) Time Perspective Theory; Review, Research and Application. NY, London, Springer, 2015 – 551 p.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ МЕГАПОЛИСА

Зачесова И.А. (Москва)

INTENTIONAL ORGANIZATION OF THE EXTERNAL URBAN ENVIRONMENT IN THE MEGALOPOLIS

Zachiosova I.A. (Moscow)

В психологических исследованиях городская среда обычно рассматривается в социально-психологическом контексте [3]. Основные направления связаны с изучением особенностей восприятия города, его предметно-пространственной, пространственно-временной и социальной среды, механизмов ментальных репрезентаций городского пространства в обыденном сознании горожан [1], [5]. В настоящем исследовании, продолжая изучение организации и функционирования повседневного дискурса [2], мы обратились к анализу речезыкового аспекта внешней городской среды мегаполиса. В фокусе внимания находились интенциональные направленности, формирующие дискурсное пространство внешней городской среды, и типовые способы оказания воздействия на жителей мегаполиса. Материалом для анализа послужили формирующие

внешний облик города типовые «обращения» к жителям, реализованные в разных ситуациях и воплощенные в разных жанрах. Фактологический материал собран на улицах города, в транспорте, объектах торговли и представлен в блокнотных записях, фото– и видеоматериалах. В работе использовался метод оценки психологического содержания речи – интент-анализ [4].

Результаты анализа показали, что большая часть письменных текстовых форм в городской среде ориентирована на насущные потребности горожан и направлена на их информирование и регуляцию поведения. Текстовые обращения в разных локусах мегаполиса имеет свои особенности, определяемые ситуативно-территориальными потребностями горожан. Выявлены и описаны интенциональные характеристики выраженных в разных жанрах и представленных в разных локусах мегаполиса городских текстовых обращений. Названия улиц, городских объектов различного назначения, дорожные указатели служат информированию людей об организации городской среды. Информационную, прагматическую, направленность в этом случае реализуют частные интенции обозначить местоположение, указать, поименовать объект. Городские вывески, рекламирующие разного рода продукцию и услуги, нацелены на привлечение внимания горожан к объекту именованию с целью подтолкнуть их к совершению тех или иных действий. Выраженные в них интенции самопрезентации, стремления убедить, обещать, посоветовать интегрируют косвенные компоненты воздействия, формируя у потенциальных покупателей и клиентов упреждающие представления, мнения, оценки. Информационно-просветительскую направленность имеют афиши, информирующие жителей о культурной жизни города, плакаты, посвященные важным городским событиям, приглашающие посетить те или иные мероприятия. Просветительский, дидактический характер носят социальные плакаты, призванные привлечь внимание горожан к реализации городских программ разных направлений. Фатическую направленность имеют городские социальные плакаты-поздравления, приуроченные к знаменательным датам, создающие праздничное настроение, способствующие консолидации гражданского общества. Официальные объявления городских служб, адресованные жителям города, направлены на передачу социально-полезной информации и служат информированию, напоминанию, предупреждению, инструктированию, запрещению тех или иных действий. В городских дворах обычны частные объявления, касающиеся повседневных бытовых нужд отдельных горожан, реализующие разного рода информацию, просьбы, предложение услуг. Фатической направленностью характеризуются шаблонные реплики-наклейки в салонах автомобилей. Они могут быть приурочены

к праздничным датам, часто имеют шуточный характер. В совокупности эти и другие подобные обращения формируют интенциональное пространство внешней городской среды, в котором, хочет он того или нет, существует горожанин.

Список литературы

1. Габидулина С.Э. Психология городской среды. М.: Смысл, 2012. 152 с.
2. Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 207 с.
3. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196-213.
4. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 150 с.
5. Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 267 с.

АССЕРТИВНОСТЬ КАК МЕДИАТОР СВЯЗЕЙ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИЧНОСТИ С УРОВНЕМ САМОСОЗНАНИЯ

Зиренко М.С. (Москва)

ASSERTIVENESS AS A MEDIATOR BETWEEN IMPLICIT THEORIES OF INTELLIGENCE AND PERSONALITY AND SELF-CONSCIOUSNESS

Zirenko M.S. (Moscow)

Имплицитные теории (ИТ) интеллекта и личности являются сложившимися в индивидуальном опыте представлениями о природе интеллекта и личности – как стабильной или поддающейся изменению [6]. К. Двек продемонстрировала прямую связь ИТ интеллекта с целями обучения (ЦО) [3], в чем мы видим их включенность в уровень сознательной регуляции, который, в свою очередь, также опосредуется целостным интеллектуально-личностным потенциалом человека [7]. На выборках студентов К. Двек было показано, что из представлений о приращаемой природе интеллекта следует выбор ЦО на обучение и мастерство, а из представлений о константной природе интеллекта – выбор ЦО на результат. Последовавшие далее исследования стали предполагать наличие других переменных, включающихся в связь ИТ с уровнем самосознания (напр., модераторы, см. [4]).

Цель исследования. В нашем исследовании проверялись гипотезы о наличии и характере связей между ИТ интеллекта и личности и

ЦО, а также самооценкой обучения (СО), входящей в академическую Я-концепцию. Мы предположили, что ассертивность, как свойство личности, заключающееся в способности отстаивать свои права, защищать свои интересы, ценности и выборы [1], может выступать медиатором связи между ИТ и уровнем самосознания личности.

Метод. В исследовании приняли участие 274 учащихся вузов Москвы и Санкт-Петербурга (возраст $M=21,6$, $SD=4,7$); 69% женщин. Они заполняли Опросник имплицитных теорий и целей обучения К. Двек – С. Смирнова [8]; тест Ассертивности [9], модифицированный нами [5].

Результаты

Корреляционный и регрессионный анализ в SPSS показал пригодность данных для медиаторного анализа (по: [2]). Медиаторный анализ проводился в программе EQS 6.2 for Windows. ИТ личности в регрессионном анализе значимо положительно предсказывают ЦО на мастерство и высокую СО. Однако при расчете моделей с включением ассертивности в качестве медиатора связей между ИТ личности и СО, а затем – между ИТ личности и ЦО, прямая связь между ИТ личности и каждой из двух зависимых переменных становится незначимой. Данные свидетельствуют о регулятивной роли ассертивности: недостаточно разделять убеждения о том, развивается личность или нет, важна еще активность личности по их отстаиванию, позволяющая этим представлениям участвовать в сознательной постановке целей в обучении и формировании академической Я-концепции.

ИТ интеллекта значимо положительно предсказывают ЦО на мастерство и более высокую СО. При расчете модели с включением ассертивности в качестве медиатора связей между ИТ интеллекта и ЦО прямая связь между этими переменными становится незначимой, следовательно, влияние ИТ интеллекта на выбор ЦО опосредуется личностной диспозицией ассертивности. В то же время для медиаторной модели, включающей ИТ интеллекта и СО, при наличии опосредующего медиатора ассертивности сила прямой детерминации имплицитной теорий интеллекта самооценки обучения снижается, но сохраняется значимой. ИТ интеллекта детерминирует СО прямо и косвенно. Таким образом, в формировании академической Я-концепции, относящейся к уровню самосознания, и включающей самооценку обучения, ИТ интеллекта участвуют через личностную активность по отстаиванию этих представлений, при этом прямое влияние ИТ сохраняется.

Вывод. Ассертивность может выступать в качестве личностной характеристики, опосредующей детерминацию имплицитными теориями интеллекта и личности (как глубинными структурами) целевых ориентаций и самооценки обучения (как структур самосознания).

Список литературы

1. Ames D. R., Flynn F. J. What breaks a leader: the curvilinear relation between assertiveness and leadership // Journal of personality and social psychology. – 2007. – V. 92. – №. 2. – P. 307-324.
2. Baron R. M., Kenny D. A. The moderator–mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // Journal of personality and social psychology. – 1986. – V. 51. – №. 6. – P. 1173 – 1182.
3. Blackwell L. S., Trzesniewski K. H., Dweck C. S. Implicit theories of intelligence predict achievement across an adolescent transition: A longitudinal study and an intervention // Child development. – 2007. – V. 78. – №. 1. – P. 246-263.
4. Burnette J. L., O’Boyle E. H., VanEpps E. M., Pollack J. M., Finkel E. J. Mind-sets matter: A meta-analytic review of implicit theories and self-regulation// Psychological Bulletin, 2013. №139(3). P. 655-701.
5. Zirenko M.S., Ismayilova A. Cross-cultural validation of Assertiveness Scale in Russian and Azerbaijani students// Proceedings of the 31st EFPSA Congress, 23-30 April 2017, Qakh, Azerbaijan. – P. 99-100.
6. Двек К. Гибкое сознание: новый взгляд на психологию развития взрослых и детей. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 304 с.
7. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – СПб: Нестор-История, 2016. – 344 с.
8. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новотоцкая-Власова Е.В. Модификация опросника имплицитных теорий К.Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психологический журнал, 2008. Т. 29. №3. С. 106–120.
9. Шейнов В.П. Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности// Вопросы психологии, 2014. №2. С. 107-116.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА ПАРТНЕРА ПО ОБЩЕНИЮ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Кара Ж.Ю. (Ростов-на-Дону)

THE STUDY OF THE IMAGE OF THE COMMUNICATION PARTNER OF TEENAGERS

Kara Zh.J. (Rostov on Don)

Вопросами изучения различных аспектов толерантности занимаются уже достаточно длительный период времени. Одним из интересующих нас направлений в области толерантности выступает коммуникативная толерантность, а именно исследование образа партнера по общению у старших подростков.

В результате проведенного исследования, с помощью факторного анализа в полученных данных были обнаружены следующие варианты представлений старших подростков о партнере по общению.

1) образ партнера по общению у коммуникативно интолерантных старших подростков характеризуется положительной связью с показателями общего уровня коммуникативной толерантности. У респондентов наблюдается интолерантность к окружающим и высокая вероятность конфликтов. По всей видимости, этому способствует критическое отношение старшего подростка к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, а также уровнем принятия самого себя. Отметим, что в образе партнера по общению данной категории респондентов не особо важны следующие атрибуты собеседника – демонстративность, образованность, упрямство, общительность, неприятный запах, честность.

2) образ партнера по общению у старших подростков, подгоняющих собеседника под себя. Данный вариант характеризуется положительной связью с показателями стремления подогнать партнера под себя использования себя в качестве эталона, фактора активности.

3) образ партнера по общению у старших подростков, не принимающих индивидуальность собеседника характеризуется положительной связью с показателем неприятия или непонимания индивидуальности другого человека, при наблюдении отрицательной связи с показателем фактора силы, фактора активности и фактора оценки. У респондентов с данным вариантом наблюдается неумение либо нежелание понимать или принимать индивидуальные особенности других людей. По всей видимости, этому способствует интровертированность, определенная пассивность, критическое отношение старшего подростка к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем принятия самого себя. Человек в возрасте 15-18 лет, как правило, направлен на поиск себя, потому ему трудно понять индивидуальность окружающих.

4) образ партнера по общению у старших подростков с нетерпимостью к физическому или психическому дискомфорту собеседника. Данный вариант характеризуется положительной связью с показателями нетерпимости к физическому или психическому дискомфорту и фактора активности. Данные респонденты не терпимы к физическому или психическому дискомфорту, в котором оказался другой.

Таким образом, образ партнера по общению у старших подростков в связи с коммуникативной толерантностью имеет определенные особенности: старшие подростки данной выборки интолерантны к окружающим и имеют высокую вероятность конфликтов; старшие подростки стремятся подогнать партнера под себя, используя себя в качестве эталона, фактора активности; старшим подросткам свойственно неприятие или непонимание индивидуальности другого человека; старшие подростки переживают нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту и фактора активности.

СТРУКТУРНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ И КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

Карпов А.В.

STRUCTURAL-PHENOMENOLOGICAL APPROACH IN THE STUDY OF METACOGNITIVE PROCESSES AND PERSONALITY TRAITS

Karpov A.V.

Современное метакогнитивное направление в психологии характеризуется интенсивным развитием и накоплением новых научно-исследовательских данных. Вместе с тем, большой круг вопросов в метакогнитивизме остается до сих пор раскрытым не в полной мере или же вообще, часть из них существует лишь на этапе постановки проблемы. В настоящее время существует объективная необходимость разработки в русле данного научного направления новых перспективных парадигм, которые по своей сути обозначают его стратегические задачи в ближайшем будущем. Одним из таких путей разрешения сформулированных в метакогнитивизме задач по интенсификации его развития, а также по углублению теоретического уровня исследований и обогащения его методологической базы является структурно-феноменологический подход [1]. Его сущность состоит в следующем. В первую очередь, важно отметить, выполненные в рамках метакогнитивизма за последние двадцать лет исследования, обладают одной очень значимой особенностью. Она заключается в существовании определенных феноменов (в некоторых случаях эффектов), выявляющихся эмпирически (зачастую – и экспериментально) и соотносящихся с самыми различными сферами жизнедеятельности: с процессом обучения и воспитания, с различными видами профессиональной деятельности, с социально-психологических ситуациями и др. Существование подобных феноменов имеет, на наш взгляд, чрезвычайно важное значение для развития всего современного метакогнитивизма в целом. Основными задачами предлагаемого нами структурно-феноменологического подхода к исследованию метакогнитивных процессов и качеств личности являются комплексное, поэтапное систематизированное описание выявленных к настоящему моменту метакогнитивных феноменов (эффектов); разработка таких методологических средств, которые бы позволили выявлять их в дальнейшем; формулировка на этой основе новых концептуальных положений. Другой важной особенностью данного подхода является акцент на реализации

структурного анализа феноменологической стороны метапознания. Понятие метакогнитивных феноменов (эффектов) представляет собой, как известно, в настоящее время ключевой объект исследований в рамках феноменологического направления, а их закономерности появления и реализации могут быть определены в качестве предмета рассматриваемого направления. Вместе с тем, качественные характеристики феноменов позволяют сделать вывод об их взаимосвязи друг с другом, а по сути, о наличии некой единой феноменологической структуры метапознания. Учитывая тот факт, что, фактически все метакогнитивные процессы предполагают наличие у них определенного феноменологического состава, можно сделать вывод и о наличии такой структуры, лежащей в его основе. В свою очередь, отдельные метакогнитивные феномены (эффекты) также должны быть осмыслены не как разрозненные и автономные явления, а объяснены именно как «части целого», то есть в качестве подсистем метакогнитивной сферы как единой системы. Таким образом, на начальном этапе развития структурно-феноменологического подхода в метакогнитивизме, наиболее важной представляется задача по систематизации имеющихся на сегодняшний день метакогнитивных феноменов (эффектов). Она предполагает необходимость выявления новых феноменов, а в целом, расширение эмпирического базиса метакогнитивного направления.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, № проекта МК-2796.2017.6.

Список литературы

1. Карпов, А.А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016 – 208 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карпов А.В. (Ярославль)

METHODOICAL FOUNDATIONS OF THE RESEARCH OF METACOGNITIVE DETERMINANTS OF ORGANIZATION OF ACTIVITY

Karpov A. V. (Yaroslavl)

В качестве двух важнейших проблем методологического и методического характера современного метакогнитивизма выступают следующие взаимосвязанные проблемы. Во-первых, проблема преодоления его

внедействительного характера, то есть парадигмы, согласно которой основным способом изучения является лабораторный эксперимент, а также техники, основанные на феноменологическом подходе. Во-вторых, проблема экологической валидности полученных в нем экспериментальных данных, а также осуществленных на их основе теоретических обобщений.

В целях их преодоления сформулирован и развит новый методологический подход к исследованию метакогнитивных детерминант организации и регуляции деятельности принцип деятельностно-опосредствованного исследования метакогнитивных процессов и качеств личности. На основе данного подхода разработан комплекс новых исследовательских методик, направленных на раскрытие особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности: методика «деятельностного зондирования», методика «стилевой дифференциации», методика «рефлексивного расслоения» и методика «факторных декомпозиций». Так, суть первой из них состоит в том, что метакогнитивные детерминанты деятельности исследуются не прямо и непосредственно, то есть не на основе интроспективных техник, а существенно иначе. Это реализуется опосредствованно, точнее деятельностно-опосредствованно. Вся выборка дифференцируется на подгруппы, согласно какому-либо внешнему, то есть деятельностному, а потому объективному критерию на ряд подгрупп. В этих целях хорошо зарекомендовал себя метод «полярных групп» – «лучших и «худших» по тому или иному критерию. Далее по отношению к этим подгруппам проводится комплексная психодиагностика уровня развития основных параметров метакогнитивной сферы. В силу этого, все те различия, которые существуют и в плане организации метакогнитивной сферы, будут обусловлены именно деятельностными факторами: сама деятельность будет выступать своеобразным «зондом», позволяющим эксплицировать специфику и содержание организации детерминант метакогнитивного плана.

Посредством комплекса этих методик открываются новые достаточные конструктивные возможности для получения экологически валидных данных о специфике метакогнитивной регуляции деятельности. Показано, что их применение, действительно, приводит к экспликации целого ряда новых, не описанных до настоящего времени особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности. В частности, выявлены и проинтерпретированы генеративно-порождающие эффекты синергетического типа, возникающие в результате синтезирования ключевых метакогнитивных процессов и факторов. Так, показано, что между двумя основными типами метапроцессов метакогнитивными и метарегулятивными в структуре деятельности устанавливаются отно-

шения именно взаимно фасилитирующего, то есть, синергетического характера. В результате этого существенно расширяется общий когнитивно-регулятивный потенциал субъекта. Данный вывод содействует также обоснованию развиваемого авторами ресурсного подхода к интерпретации факторов метакогнитивного плана. На основе всей совокупности представленных результатов конструктивные – достаточно общие направления и конкретные пути решения одной из наиболее важных задач современного метакогнитивизма задачи преодоления его внедеятельностного характера и, соответственно, его синтеза с психологической теорией деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда; № проекта 16-18-10030

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОДУЦИРОВАНИЯ МЫСЛЕЙ

Кияткина А.Д., Шадриков В.Д. (Москва)

THE COGNITIVE AND PERSONALITY DETERMINANTS OF INDIVIDUAL DIFFERENCES IN THOUGHT CREATION

Kiyatkina A.D., Shadrikov V.D.

Данное исследование предпринимает попытку изучить феномен мысли с позиции рассмотрения ее как сложного, комплексного феномена, опираясь на современную теорию мысли, где мысль рассматривается как эмоционально-потребностно-содержательная субстанция, выражающаяся в связи вещи и ее признака, устанавливаемая субъектом. [1], [2]

Таким образом, исследование посвящено изучению когнитивных и личностных детерминант процесса порождения мыслей. Для диагностики когнитивных и личностных характеристик использовались следующие методики: «Тест на уровень развития интеллекта Кеттелла», «Тест структуры интеллекта Амтхауэра», «Индивидуально-типологический опросник Собчик», «Рельеф психического состояния Прохорова А.О.» и «Тест на мотивацию». Для диагностики процесса продуцирования мыслей используется методика – «Работа с мыслями».

Полученные данные по методике «Работа с мыслями» позволили выделить два профиля по количественным показателям, а именно профили с высокой и низкой продуктивностью порождения мыслей. Для выделения профилей был использован анализ латентных профилей, позволяющий выполнять усовершенствованный кластерный анализ переменных.

Выделенные профили обладают контрастными значимыми различиями по когнитивным и личностным шкалам.

Следующим шагом стало создание двух систем регрессионных моделей, одна из которых предсказывает продуктивность порождения мыслей, а другая – индивидуальный набор предметных мыслей по типу связи вещи и ее признака («предмет-предмет», «предмет-признак», «предмет-функция», «предмет-личностный смысл»). Качественная классификация осуществляется посредством семантического анализа выделенных предметных мыслей.

Данные модели включили в себя ряд когнитивных и личностных предикторов индивидуальных различий в процессе порождения мыслей. Наиболее влиятельными факторами, участвующими во всех предложенных моделях, стали мотивационные шкалы, которые характеризуют мотивацию мыслительной деятельности субъекта.

Эмоциональные предикторы вошли только в количественные модели, то есть наблюдается зависимость между эмоциональным состоянием субъекта и его продуктивностью. Более того, было выявлено, что более позитивное психическое состояние, нахождение в тонусе наблюдается у субъекта высокопродуктивного профиля. Обратная ситуация справедлива для субъекта низкопродуктивного профиля, который демонстрировал нахождение в подавленном негативном состоянии в момент начала мыслительной деятельности.

Личностные характеристики субъекта продуцирования мыслей оказались весьма влиятельными в моделях, предсказывающих качественную наполненность набора выделенных предметных мыслей у респондентов. Так, на образование мыслей с типом связи «предмет-признак» оказали влияние такие характеристики, как интроверсия, тревожность и спонтанность, на «предмет-предмет» – экстраверсия и агрессия, а на «предмет-функция» – лабильность, на «предмет-личностный смысл» – спонтанность и тревожность.

Данные модели описывают детерминанты количественного и качественного набора предметных мыслей и позволяют прогнозировать продуктивность и индивидуальную наполненность набора предметных мыслей исходя из личностных и когнитивных характеристик субъекта продуцирования мыслей.

Список литературы

1. Шадриков В.Д. Мысль и ее порождение // Вопросы психологии. 2014, № 5, С. 118–127
2. Шадриков В.Д., Кургинян С.С. Продуктивность продуцирования мысли у лиц с разным уровнем интеллектуального развития // Вопросы психологии, 2016, № 6.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ
НА СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ И ВЫРАЖЕННОСТИ
ФАКТОРОВ ОПРОСНИКА «БОЛЬШАЯ ПЯТЕРКА»**

Корбут А.В., Самойленко Е.С. (Москва)

**INTERRELATION OF SOCIAL COMPARISON
ORIENTATION AND PERSONALITY TRAITS MEASURED
BY THE TEST “BIG FIVE”**

Korbut A.V., Samoylenko E.S.

Целью исследования было выявление взаимосвязи между ориентированностью на социальное сравнение и рядом индивидуально-психологических характеристик, измеряемых с помощью опросника «Большая пятерка».

Социальное сравнение, наряду с универсальностью некоторых его характеристик, может иметь разную выраженность: люди проявляют разную степень заинтересованности в информации, пригодной для сравнения, и, соответственно, не в одинаковой степени склонны к оценке собственной ситуации в соотнесении с аналогичными ситуациями, в которых находятся окружающие. В ходе изучения проблемы индивидуальных различий в процессах социального сравнения было предложено понятие «ориентированность на социальное сравнение» и разработан соответствующий опросник Iowa-Netherlands Comparison Orientation Measure (INCOM) (Gibbons, Buunk, 1999). Опросник состоит из 11 пунктов, содержащих утверждения относительно сравнения человеком себя с различными группами социальных референтов в разных аспектах жизни. Русско-язычная версия опросника (Самойленко, 2012) использовалась нами в данном исследовании в сочетании с пятифакторным личностным опросником «Большая пятерка», разработанным Р. МакКрае и П. Коста и адаптированным А.Б. Хромовым (Батаршев, 2006). Опросник «Большая пятерка» состоит из 75 пар противоположных по значению утверждений, по отношению к которым респонденты должны выразить степень своего согласия.

В исследовании приняли участие 208 человек (83 мужчины, 125 женщин), средний возраст 26 лет. Был проведен факторный анализ шкалы INCOM с использованием метода VARIMAX с выделением главных компонент и их вращением. В результате, вопросы методики INCOM были выделены в три фактора: «ориентация на сравнение способностей», «ориентация на сравнение мнений», «ориентация на глобальное сравнение».

Путем корреляционного анализа были выявлены связи между фактором шкалы INCOM «ориентация на сравнение способностей» и шкалой «эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» методики «Большая пятерка». Показано, что чем более человек склонен к высокой эмоциональной устойчивости, тем чаще он сравнивает свои способности со способностями других людей.

Также связь была выявлена между фактором «ориентация на сравнение мнений» и такими шкалами опросника «Большая пятерка»: экстраверсия – интроверсия; привязанность – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость. Показано, что чем более у людей выражены такие характеристики как экстравертированность, привязанность, экспрессивность и самоконтроль, тем выше их ориентированность на социальное сравнение. То есть люди, более направленные вовне и более открытые к общению, лучше устанавливающие социальные контакты и обладающие более развитым чувством самоконтроля, более склонны к сравнению мнений как к доступному способу оценивания себя.

Наличие связи между фактором шкалы INCOM «ориентация на глобальное сравнение» и шкалами опросника «Большая пятерка» выявлено не было.

Полученные результаты позволяют говорить о наличии взаимосвязи между степенью ориентированности на сравнение мнений и способностей и такими личностными характеристиками как экстраверсия, эмоциональная устойчивость, самоконтроль, экспрессивность. Эти результаты дополняют существующие в литературе данные о наличии связи между ориентированностью на сравнение себя с другими людьми и некоторыми другими параметрами личности, среди которых склонность к депрессии, самооценка, нейротизм, типы личности А или Б и т.д.

Исследование выполнено в рамках госзадания, проект ФАНО №0159-2017-0004.

Список литературы

1. Батаршев А.В. Диагностика черт личности и акцентуаций. М.: Психотерапия. 2006. 288 с.
2. Самойленко Е.С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис... докт. психол. наук. М.: ИП РАН, 2012.
3. Gibbons F.X., Buunk A.P. Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. 76(1). P. 129–142.

ИСТОЧНИКИ ПРЕДВОСХИЩАЮЩЕЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Корнилова Т.В. (Москва)

SOURCES OF ANTICIPATORY ACTIVITY UNDER UNCERTAINTY

Kornilova T.V. (Moscow)

Процессы предвосхищений, прогнозирования, выдвижения гипотез включены как в решение проблем, так и в принятие решений. Не оставившаяся на дискуссиях о дихотомиях рационального-интуитивного, когнитивного-эмоционального и прочих характеристик осуществляемых человеком выборов, отметим, что в последние десятилетия демонстрируется наибольшая эффективность мыслительных стратегий, в которых человек сочетает при решении прогностических задач рациональный анализ и интуицию, причем в опоре на целостный интеллектуально-личностный потенциал [1, 2].

Прогностические процессы изучаются на разных уровнях регуляции активности человека. При этом можно выделить две тенденции искажения обобщений в теоретико-эмпирических исследованиях. Первая связана с переносом закономерностей, установленных на одном уровне психологической регуляции, на другие (более высокие) уровни. Рассматривая мышление как прогнозирование, А.В. Брушлинский обосновывал ошибочность распространения представлений об обратной связи, касающихся более элементарных процессов, на мыслительную деятельность [3]. Вторая тенденция сегодня выглядит как аналогичное «укрупнение» обобщений в отношении регулятивной роли эмоциональных процессов, связываемых с разноуровневыми предвосхищениями.

Так, изучение процессов прогнозирования стало «давать крен» в сторону первенства эмоциональной сферы после того, как А. Дамасио была выдвинута гипотеза «соматических маркеров» [4]. Под ними подразумеваются некие висцеральные реакции, возникающие при определенных сигналах, построенные на основе предыдущего индивидуального опыта и субъективно переживаемые как «подозрения», предчувствия и проч. Популяризации этой концепции способствовало то, что она служит теоретической поддержкой апелляции к нейрофизиологическим основам обратной связи и к специфике прогнозирования в разных клинических группах. Причем эти закономерности выявляются на основе единой экспериментальной модели игрового Айова-теста – Iowa Gambling Task (IGT) [5]. При этом незначительное число исследований, использующих модель IGT, выполнялось на не клинических выборках. Обращение же к ним ста-

ло демонстрировать роль именно когнитивной регуляции, в частности, со стороны интеллекта – как эмоционального, так и академического [6].

Мы хотели бы представить не только эмпирические данные, но и упущенные пока возможности теоретизирования относительно источников интеллектуально-личностной активности человека, проявляемой при разного вида прогностических задачах. Не только телесные основы обратной связи необходимо рассматривать в качестве источников познавательной активности человека в условиях неопределенности.

Концепция «образа мира» (предложенная А.Н. Леонтьевым и развитая в работах его сотрудников) фокусирует иной аспект актуалгенеза предвосхищений, чем обратная связь от чувственно представленного индивидуального опыта: опережающую прогностическую активность субъекта, направляемую амодальными глубинными структурами, включающими, в частности, индивидуальную представленность значений и процессы выдвижения познавательных гипотез. Поскольку построение предвосхищений включает их предметное содержание и направляющую роль образа мира, а динамическая регуляция решений в условиях неопределенности и риска ставит диагностические проблемы (какие именно процессы выходили на ведущий уровень регуляции) [7], в теоретических представлениях необходим переход к высокоуровневым представлениям о прогностической активности, не сводимой к висцеральным компонентам обратной связи.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-06-10404.

Список литературы

1. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
2. Степаносова О. В., Корнилова Т. В. (2006). Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Психологический журнал, 2006. Т. 27, №2. С. 60–68.
3. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979. 230 с.
4. Damasio, A.R. The somatic marker hypothesis and the possible functions of prefrontal cortex / A.C. Roberts, T.W. Robbins and L. Weiskrantz (Eds.). The Prefrontal Cortex. NY: Oxford University Press, 1998. P. 36–50.
5. Bechara A., Damasio H., Damasio A.R., Tranel D. (2005). The Iowa Gambling Task and the somatic marker hypothesis: some questions and answers // Trends in Cognitive Sciences, 2005. V. 9, №4. P. 159–162.
6. Webb C., DelDonno S., Killgore W. The role of cognitive versus emotional intelligence in Iowa Gambling Task performance: What's emotion got to do with it? // Intelligence, 2014. V. 44. P. 112–119.
7. Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилова Т.В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии, 2016. №4. С. 3-13.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Крутелева Л.Ю. (Ростов-на-Дону)

THE QUESTION OF FORMING LIFE-SENSE STRATEGIES OF A PERSON IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Kruteleva L.J.

Человек является неотъемлемой частью общества. Социально-культурная обусловленность его существования определяет те жизненные отношения – ценности и смыслы, нормы и стереотипы, – которые, посредством усвоения собственного субъективного жизненного опыта, формируют ценностно-смысловую сферу личности субъекта.

Как писал А.Н. Леонтьев: «Смысл определяется жизнью», жизненные смыслы – это те объективные отношения человека с окружающей действительностью, на которые происходит замыкание его субъектного опыта, т.е. человек, находясь в своем жизненном мире, сам определяет ведущие его составляющие, приписывая им смысловое значение и определяя их ценностное содержание для себя лично.

Описанная Д.А. Леонтьевым иерархическая система организации ценностно-смысловой сферы личности [1] позволяет объяснить механизмы формирования ее смысложизненных стратегий. С точки зрения теории смысла, ценностно-смысловая сфера личности является своеобразной мембраной: в процессе своего развития и профессионального становления личность входит ценностно-смысловое видение мира своей профессиональной группы, ассимилируя те ценности и смыслы, присутствующие этой группе, которые соответствуют уже сложившейся у него ценностно-смысловой системе, и отвергая то, что по каким-либо параметрам выходит за рамки его мировосприятия. При этом «любой факт действительности, попав в жизненную орбиту человека, может инициировать возникновение смыслового к нему отношения и стать рефлексивно поглощенным «Я-концепцией», наполняя ее новым смысловым содержанием» [2]. Так, формируясь на основе ценностно-смысловой сферы личности, смысложизненная стратегия проявляется в конкретных условиях жизнедеятельности субъекта, определяя его поведение и жизненные приоритеты в каждый конкретный момент.

Исследование смысложизненных стратегий студентов в процессе их профессионального становления (на начальном и завершающем этапе

первой ступени образования) показывают достоверно значимые изменения в структуре смысложизненных стратегий студентов как научно-естественных, так и гуманитарных специальностей. Если на начальном этапе обучения студенты больше «поглощены» самим процессом жизни и обучения, то на завершающем этапе обучения акценты смещаются в сторону дальнейших жизненных перспектив и более ценностного отношения к пройденному жизненному пути и приобретенному жизненному опыту, при этом локус контроля сдвигается у студентов гуманитарных специальностей в сторону управляемости жизни, в то время, как у студентов научно-естественных специальностей – в сторону большей уверенности в своих силах и свободе выбора. С точки зрения осознанности своей профессиональной принадлежности можно отметить более четкое «видение» себя как специалиста в процессе обучения в ВУЗе.

Список литературы

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. 3-е издание, дополненное. М.: Смысл, 2007. 510 с. – Сер. Фундаментальная психология. ISBN: 978-5-89357-237-7.
2. Соловьева Г.В. Формирование смысложизненных стратегий личности // Российский психологический журнал. 2007. Том 4. № 1. С. 46-48.

ЭФФЕКТ ПЕРЕНОСА В ИМПЛИЦИТНОМ НАУЧЕНИИ: НОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТЫ

Крюкова А.П., Агафонов А.Ю., Бурмистров С.Н. (Самара)

EFFECT OF TRANSFER IN IMPLICIT LEARNING: NEW EXPERIMENTAL FACTS

Kryukova A.P., Agafonov A. Yu., Burmistrov S.N.

В области исследований имплицитного научения одним из интересных экспериментальных феноменов является эффект переноса. Он выражается в способности неосознанно обнаруживать в массиве новой стимульной информации закономерность, которая была имплицитно усвоена ранее. Например, при использовании техники «научение искусственным грамматикам» эффект проявляется в верной классификации строк, составленных по правилу обучающего этапа, но из других букв [2], [3]. (Данный экспериментальный метод предполагает на обучающем этапе запоминание последовательности букв, не составляющих слово. Строки образованы по произвольному правилу, которое

определяет порядок чередования букв в строке. На этом этапе о наличии правила испытуемым не сообщается. На тестовом этапе требуется установить, какие из предъявляемых новых строк соответствуют правилу, а какие – нет) (см. [1]).

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что перенос имплицитно усвоенного правила искусственной грамматики может иметь место и при решении задач, не относящихся к стандартным заданиям данного метода. Другими словами, мы преследовали цель – выявить эффект переноса на материале irrelevantных задач (сенсомоторных) относительно обучающего этапа эксперимента. Это составляло принципиальную новизну исследовательского замысла.

В эксперименте приняли участие 40 добровольцев обоих полов в возрасте от 18 до 43 лет. Выборка была дифференцирована на экспериментальную и контрольную группы (по 20 человек в каждой). Все экспериментальные процедуры проводились на персональном компьютере с матрицей серийного образца при разрешении экрана 1366x768 пикселей, диагональ экрана 15,6 дюймов.

На предварительном этапе было измерено время реакции каждого испытуемого для последующего сравнения с аналогичным показателем тестового этапа. Использовалась техника «научение искусственным грамматикам». На этапе обучения испытуемые запоминали 15 грамматических строк. Предтестовый этап представлял собой обычную классификацию 20-ти строк на грамматические и аграмматические для выявления испытуемых, имплицитно усвоивших искусственную грамматику (при обработке учитывались результаты только этих испытуемых). Во время тестового этапа предъявлялась строка, и через 2 сек. над строкой появлялся кружок. Строка вместе с кружком оставались на экране в течение 300 мсек. Участникам надо было как можно быстрее нажать клавишу «←» при появлении кружка зеленого цвета или нажать клавишу «→» при появлении кружка желтого цвета. В экспериментальной группе условия были следующими: грамматическая строка всегда предвещала появление зеленого кружка; аграмматическая – желтого. О существовании связи типа строки с цветом кружка не сообщалось. Испытуемые решали 30 задач (15 грамматических и 15 аграмматических строк предъявлялись в случайном порядке). В контрольной группе цвет кружка не зависел от «грамматичности» строки.

Было установлено значимое уменьшение времени реакции в экспериментальной группе на тестовом этапе ($p < 0,05$). Это позволяет утверждать, что на основании серии первых предъявлений тестового этапа испытуемые неосознанно зафиксировали связь типа строки с цветом кружка. Это сформировало специфическую установку на появление

кружка определенного цвета, что, в свою очередь, способствовало более быстрой реакции.

Таким образом, перенос имплицитно усвоенного правила искусственной грамматики приводит к повышению эффективности выполнения сенсомоторных задач.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 16-16-63002) и РФФИ (проект № 16-06-00110).

Список литературы

1. Крюкова А.П. Знание без осознания: опыт исследований имплицитного научения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 166–170.
2. Altmann G.T., Dienes Z., Goode A. Modality independence of implicitly learned grammatical knowledge // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1995. Vol. 21. № 4. P. 899–912.
3. Reber A.S. Transfer of syntactic structure in synthetic languages // Journal of Experimental Psychology. 1969. № 81. P. 115–119.

СВОБОДА ВЫБОРА КОМПЕТЕНЦИАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ДЕЛОВОЙ ИГРЕ

Кузьмина Е.И., Холмогоров В.А. (Москва)

FREEDOM OF CHOICE COMPETENCIAL ABILITIES IN THE GAME

Kuzmina E.I., Kholmogorov V.A.

Определение компетенциальных способностей работников – важная задача специалистов организационной психологии и психологии труда, министерских работников, руководителей трудовых и учебных коллективов. Зачастую списки компетенций спускаются сверху и принимаются как руководство к исполнению (тестированию и формированию качеств). В нашем исследовании референтности группы и ядра коллектива [1; 2; 3] список значимых компетенциальных способностей составляется самими сотрудниками спецподразделений. Свобода выбора осуществляется в ходе рефлексии на противоречие, возникающее в ситуации принятия решения, когда из двух (и более) альтернатив человек сознательно и ответственно выбирает ту, которая способствует достижению ситуативной цели и самоактуализации [4, 225].

В условиях деловой игры, выполняя задание составить индивидуальный и групповой список компетенциальных способностей, члены группы принимают решение, исходя из индивидуальных предпочтений

и ценностных ориентаций группы, с учетом внешних требований организационной культуры. В процессе совместной работы находит своё конкретное воплощение основная идея субъектно-деятельностной теории С.Л. Рубинштейна: «...внешние причины всегда действуют через внутренние условия, так, что конечный эффект любого внешнего воздействия всегда зависит не только от внешнего воздействия на тело или явление, но и от внутренних его свойств, применительно к человеку неизбежно приобретает и этический смысл – соотношения определения и самоопределения, свободы и необходимости в человеческом поведении» [5, 350].

Деловая игра проходит в два этапа.

I. Определяются индивидуальный ряд и общегрупповой эталонный ряд профессиональных способностей. Для этого обсуждается проблемный вопрос: «Какие требования Вы предъявляете к Вашим товарищам, т. е. какими индивидуальными особенностями личности и качествами ума должен обладать каждый член Вашей группы, чтобы она работала эффективно?». Каждый называет по одному качеству; экспериментатор записывает 20 качеств на доске, предлагает всем выписать в свои блокноты десять, проранжировать их в порядке убывания значимости. На основании индивидуальных рядов составляется общегрупповой эталонный ряд из 10-ти качеств, который далее используется для исследования самооценки по методике З.В. Кузьминой и Е.И. Кузьминой [3; 4], сконструированной на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. В результате ранжирования членами группы 10-ти качеств составляются четыре ряда и по формуле Ч. Спирмена определяются показатели самооценки, оценки окружающих и ожидаемой оценки. На основании экспертной оценки, кластеризации и факторизации выделены когнитивный, коммуникативный и перцептивный факторы референтности [6].

II. В рефлексивно-коммуникативном тренинге члены группы выбирают три способности из десяти; выбор актуализирует ценностную основу совместной профессиональной деятельности, позволяет выявить ядро коллектива.

Итак, десять качеств, которые выбрала группа и с ними продолжила работу на последующих этапах – это и индивидуальные особенности личности и качества ума, они же – групповые предпочтения, профессионально-значимые качества (совпали с КОТД – критериями оценки трудовой деятельности сотрудников спецназа), ценностные ориентации, профессионально-личностный потенциал развития.

Список литературы

1. Кузьмина Е.И., Кузьмина З.В., Холмогоров В.А. Ядро коллектива и методы его изучения /Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 4. С.297-396.
2. Кузьмина З.В. Ядро коллектива //Психология развивающейся личности. М., 1987. С. 134-138.
3. Кузьмина Е.И., Холмогоров В.А. Референтность группы. Учебное пособие. М.: ООО «Угрешская типография. 2011. 194 с.
4. Кузьмина Е. И. Психология свободы: теория и практика. СПб., 2007. 336 с.
5. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. 508 с.
6. Холмогоров В. А. Референтность группы как фактор эффективности деятельности подразделений специального назначения ФСО России: автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 2011. 24 с.

ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА КАК УСЛОВИЕ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ

Лопухова О.Г.

В современных условиях быстро происходящих процессов трансформации гендерной семантики с одной стороны, открывается гораздо больше возможностей самореализации, с другой стороны, множество гендерных моделей усложняют самоопределение, способствуя возникновению внутриличностных гендерных конфликтов: ролевых, мотивационных, экзистенциальных [4]. В данном контексте возникает вопрос: какие факторы и механизмы развития гендерных образований личности в условиях трансформации гендерной семантики обуславливают ее гармоничность и целостность, а какие приводят к внутренне конфликтным вариантам?

Наши исследования показывают, что внутриличностные конфликты определяются тем, что гендерные образы включаются в самосознание как интроекты (не осознанные, некритично воспринятые, не соотносящиеся с истинной сущностью личности) [2, 3, 7]. Напротив, субъективное отношение к гендерным моделям, их творческая переработка и наполнение индивидуальным смыслом интегрируют систему личности.

С позиций субъектно-бытийного подхода [5, 6], сила и полнота реализации субъектности, генеративные и трансформационные функции рефлексии [1], определяют социально-психологическую адаптацию личности в ситуациях рассогласования внешних и внутренних составляющих ее бытия. В наших исследованиях внутриличностных гендерных конфликтов концептуальные положения субъектно-бытийного подхода находят свое подтверждение.

Согласно нашим данным, внутриличностный гендерный ролевой конфликт (ВГРК), связанный с ориентацией личности на нормативно заданные гендерные ролевые образы, при недостаточной их осознанности и индивидуальной трансформации, соотносится с негармоничными стилями воспитания у отцов и матерей, непоследовательностью воспитания, воспитательной неуверенностью родителей, с более низким уровнем психологического благополучия и с более выраженными показателями ургентной аддикции у женщин-руководителей. При исследованиях гендерных аспектов образа успешности установлено, что у 30% женщин образ успешной личности в Я-концепции наделен маскулинными чертами, и относится к «мужскому» семантическому пространству, что не позволяет им оценить себя с позиций успешности, ориентироваться на успешность в жизненном самоопределении. При этом выявлено, что у женщин с высоким уровнем психической адаптированности содержание субъективного образа успешной личности вариативно, они не разделяют успешность «мужскую» и «женскую» с позиций андроцентризма, и имеют во всех вариантах эмоционально-позитивное, принимающее отношение к образу «женской успешности» [3]. Также установлено, что маскулинный образ успешной личности, с которым девушка или женщина не могут соотнести образ Я, просто может быть исключен из системы идеальных образов Я-концепции. Девушка при этом не воспринимает «успешность» как свой ценностно-смысловой жизненный ориентир, заменяя его на другой образ, например, «счастливой женщины», противопоставленный маскулинной семантике успешности. У одной трети женщин семантика субъективного образа успешной личности трансформирована так, что этот образ перестает быть «чуждым», не соответствующим образу себя: он включен в «женское» семантическое пространство, наделен феминными чертами и непротиворечиво соотносится с образом Я. Реализация субъектности в таких случаях проявляется в индивидуальной трансформации гендерных особенностей образа успешной личности, как идеального образа Я-концепции, что связано с внутренней целостностью и удовлетворенностью жизнью, внутренней силой и свободой.

Список литературы

1. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал – 2003. – Т. 24. – №5. – С. 45-57.
2. Лопухова О.Г. Внутриличностный гендерный ролевой конфликт: системный подход к проблеме // Современные исследования социальных проблем – 2010. – № 4 (04), – С.113-119.

3. Лопухова О.Г., Беглова Э.И. Субъектность в содержании образов «успешный мужчина» и «успешная женщина» как фактор психической адаптированности вынужденно безработных женщин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, №6 (26), 2013. Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6201341/pdf_273
4. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия – М: Эксмо, 2006. – 926 с.
5. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности / Л.Н. Ожигова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 290 с.
6. Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. – 371 с.
7. Шакирова Г.Ф. Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества. Автореф. дисс. ... к. психол. наук. Казань, 2011.

СООТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Маничев С.А. (Санкт-Петербург)

RELATION OF WORKERS AND PERSONAL RESOURCES OF ACTIVITIES

Manichev S.A.

Один из ключевых принципов селекции, отбора персонала – соответствие характеристик работника требованиям должностной. Оценка соответствия кандидата на вакансию требованиям к квалификации и профессиональным компетенциям, знаниям, навыкам, способностям и личностным свойствам позволяет в определенной мере предсказывать его техническое мастерство в решении задач. Однако уровень усилий и старания работников при одном и том же мастерстве может быть разным и приводить к разному уровню эффективности работы. Предположительно, такие различия в уровне эффективности могут определяться личностными особенностями работников. Однако, личностные свойства относительно стабильны, а эффективность одного и того же работника меняется в различные периоды времени. Например, в исследовании стабильности показателей эффективности работы обнаружено уменьшение корреляций между еженедельными критериями качества работы у операторов швейных машин ($N = 82$) от $r = .92$ с недельной временной задержкой до $r = .55$ и $r = .25$ с 26- и 51-недельными временными

задержками, соответственно (Deadrick, Madigan, 1990). Следовательно, кроме характеристик самого работника необходимо учитывать и ситуативные колебания эффективности работы. При постоянстве рабочей роли и функций ситуативные влияния связаны с изменением ситуации и контекста деятельности и состояния работника. Однако попытки напрямую соотнести рабочий контекст и эффективность деятельности дают достаточно скромные результаты (Bass A., 1974). Однако, показывают исследования, соответствие характеристик работника дизайну работы, приводит к возникновению вовлеченности в работу и сверх-ролевого поведению. (O'Reilly, C.A., Chatman, J., Caldwell, D.F., 1991; McCulloch, M.C., Turban, D.B., 2007; Ahmad, K.Z., 2008). Высокий уровень вовлеченности, в свою очередь, выражается в высоких показателях эффективности труда работников: повышении производительности труда и удовлетворенности потребителя, снижении уровня брака, снижении уровня абсентеизма (Crawford, LePine, Rich, 2010). Кроме дизайна работы, предиктором вовлеченности является «психологический капитал» как личностный ресурс, определяемый как положительное психологическое состояние развития работника, характеризуемого самооэффективностью, оптимизмом, надеждой и жизнестойкостью (Luthans, F., Avolio, B.J., Youseff, C., 2007). В проведенном исследовании (N=325) использовались адаптированные опросники «Психологический капитал» [Bakker A., in press] и опросник рабочего контекста – WCP «Workspace Characteristics Profile» [Prien E.P., Goodstein L.D., Goodstein J., Gamble L.G., 2009]. Построенное по полученным данным уравнение линейной множественной регрессии психологического капитала ($R^2 = 0.24$) вошли такие характеристики организационного контекста как определенность задач и открытость коммуникации. Получены также данные о том, что отдельные измерения «психологического капитала» коррелируют с различными характеристиками дизайна работы. Таким образом, предикторы вовлеченности дизайн работы как рабочий ресурс и психологический капитал как личностный ресурс образуют структурное единство.

Список литературы

1. Prien E.P., Goodstein L.D., Goodstein J., Gamble L.G. Jr. A Practical Guide to Job Analysis. San Francisco: Pfeiffer, 2009. 288 p.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ДВИГАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Марченко Н.В. (Томск)

**PSYCHOLOGICAL RECONSTRUCTION OF THE SPACE-TIME
ORGANIZATION OF MOTION ACTIVITY**

Marchenko N.V. (Tomsk)

Изучение живого движения и в особенности психологических аспектов его построения является одной из перспективных тем для психологии сегодня, когда технические возможности позволяют это делать на более высоком уровне. В исследовании этого сегмента мы опираемся на труды Н.А. Бернштейна и его теорию уровней построения движения, включающую принцип сенсорных коррекций. У истоков исследований в данном направлении в отечественной психологии находятся ученики и последователи Л.С. Выготского А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев в рамках проблемы действия [3]. Благодаря этим исследованиям сегодня можно говорить о действии и движении не как о рефлекторном и механическом процессе, а как о процессе многоуровневом связанном с афферентной регуляцией и мышлением. Анализом построения движений занималась Н.Д. Гордеева [2], которая проводя анализ понятия «моторное программирование», констатировала, что ведущую роль в формировании движения и осуществлении действия принадлежит образу предстоящего действия. Значимость исследований в данном направлении имеет множество обоснований. В различном виде движение выступает видимой частью любого психологического процесса и обладает высоким информационно-диагностическим потенциалом. А умение осуществлять определенные движения является неотъемлемой частью большого спектра (если не всех) видов деятельности человека. Опираясь на теорию Н.А. Бернштейна, нам становится доступна не просто физиология, кинетика и кинематика движения, а изучение психологических механизмов, влияющих на его построение. Сегодня технические возможности позволяют проводить фиксацию движений, захватывая большее количество кадров, что позволяет обнаруживать ранее не «видимые» паттерны движений, а также предлагают более широкий спектр анализа и обобщения полученных данных. В данном исследовании планируется осуществлять сбор данных о двигательной активности с помощью электромагнитных систем захвата движения. Также мы ставим своей целью дальнейшее использование результатов исследования для разработки аппаратурных

средств диагностики и развития двигательной активности человека. Изучив результаты эффективности применения методов мониторинга двигательной активности человека в спорте [1], можно увидеть, что основным недостатком существующих ныне подобных систем сводится к использованию принципа механического повторения траектории движения, которая задавалась более квалифицированным спортсменом. Такой подход не учитывает актуальные на сегодня знания о природе построения движения, в частности – принцип сенсорной коррекции. В нашем исследовании для захвата движения мы применяем электромагнитные трекеры. Для обработки данных применяем факторный анализ, преобразования Фурье, которые необходимы для обработки сигналов и преобразования данных о движении, полученных с трекеров от временного пространства в частотное пространство. В дальнейшем благодаря обобщению моделей построения движения и последующей автоматизации данного процесса мы планируем решение задач, направленных на создание аппаратных методик обучения человека навыкам построения движений и кинестетической чувствительности и повышения возможностей специального профессионального образования.

Список литературы

1. Баланев Д. Ю. и др. Перспективы применения методов мониторинга двигательной активности человека в спорте //Теория и практика физической активности. – 2015. – №. 1. – С. 58-60.
2. Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. – М. : Тривола, 1995.
3. Зинченко В. П. От классической к органической психологии //Вопросы психологии. – 1996. – №. 5. – С. 7-20.

РАЗРАБОТКА ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТ

*Мирошниченко А.В., Дмитриев Ю.Ю.,
Головань С.А. (Ростов-на-Дону)*

CREATING THE COMPLEX DIAGNOSTIC TOOLS FOR THE RESEARCH OF THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INTERNET

Miroshnichenko A.V., Dmitriev U.U., Golovan S.A. (Rostov-on-Don)

Актуальность исследования обусловлена тем, что сеть Интернет как средство массовой информации является сильным компонентом цен-

ностно-смысловой трансляции [1], но позволяет не только транслировать и получать информацию, а также является инструментом по измерению у пользователей психологических особенностей, в том числе уровня напряженности, агрессивности, враждебности. В связи с этим данное исследование было направлено на выявление особенностей пользователей Интернет в зависимости от представляемого информационного контента. На основе данного исследования создаётся «экспресс-диагностика», которая может позволить дать оценку в режиме реального времени таких характеристик, как агрессивность и враждебность пользователей сети Интернет, их отношение к представляемому материалу. Материалы исследования представляют практическую ценность для разработок профессиональных методик измерения на больших группах [2], для создания рекомендаций по предоставлению информации о происшествиях и событиях [4], имеющих высокий эмоциональный отклик (в том числе, информирование населения в режиме ЧС и о последствиях террористических актов).

Предметом исследования были представлены уровень агрессивности, враждебности и иные психологические качества пользователей Интернет и реакция (особенности отбора информации) пользователей новостных сайтов в сети Интернет.

Исследование состояло из несколько этапов: первичный диагностический, собственно экспериментально-диагностический и контрольный (после обработки первичных данных и определения промежуточных выводов). Согласно гендерной принадлежности, участники исследования были разделены на две группы: девушки и юноши. По авторской анкете мы разграничили по времени нахождения в сети Интернет и регулярности ее использования. За экспериментальную группу мы взяли лиц с более выраженной компьютерной приобщенностью (вплоть до зависимости) – активными пользователями сети Интернет (более 2 часов в день ежедневно). За контрольную взяли тех лиц, у которых нет явных признаков компьютерной зависимости. Объем выборок для первичной комплексной диагностики составил 62 человека.

Анализ результатов исследования показал, что среди опрошенных женщин выявлена большая склонность Интернет зависимости, чем у мужчин. Исследование уровня фрустрации испытуемых с учетом выбора типа новостного контента показало, что респонденты, выбирающие положительно (позитивно) окрашенные новости более социально удовлетворены.

Список литературы

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета; под ред. И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова. – Москва : Кредо, 2013. – 352 с

2. Абакумова И.В., Гримсолтанова Р.Э. Мирошниченко А.В. Психологические особенности мифологических страхов в период юности у представителей ислама // Российский психологический журнал. -2014. -Т. 11. -№ 4. -С. 16-26

3. Абакумова И.В., Мирошниченко А.В., Дмитриев Ю.Ю. Экспресс-диагностика социальной напряженности, агрессивности, враждебности пользователей интернет в контексте предупреждения и противодействия терроризма. Казанский педагогический журнал. Издательство: Институт педагогики, психологии и социальных проблем (г. Казань), Том 3., 2015.

4. Мирошниченко А.В. Программа тренинга развития основ межкультурной коммуникации и межкультурной толерантности. Методические рекомендации / Москва. Кредо, 2010

5. Мирошниченко А.В. Психологические исследования информационной культуры и особенности ценностно-смысловой сферы у студентов, работающих с информационными технологиями // Северо-Кавказский психологический вестник. – Москва. – 2009. – № 7-3. – С. 34.

6. Мирошниченко А.В. Психологические исследования информационной культуры и особенности ценностно-смысловой сферы у студентов, работающих с информационными технологиями. Северо-Кавказский психологический вестник. Москва, 2009. № 7-3. С. 34.

7. Абакумова И.В., Мирошниченко А.В., Дмитриев Ю.Ю. Экспресс-диагностика социальной напряженности, агрессивности, враждебности пользователей интернет в контексте предупреждения и противодействия терроризма // Казанский педагогический журнал. 2015. Т.3, №6-3 С.167-170.

ПСИХОТЕХНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ПСИХОЛОГИИ

Невструева Т.Х. (Хабаровск)

PSYCHOTECHNICAL RESEARCH: A PROBLEM OF INTERACTION OF THEORY AND PRACTICE IN PSYCHOLOGY

Nevstrueva T.H.

Проблема создания теорий для психологической практики получила обсуждение в рамках психотехнической парадигмы. Одним из критериев дифференциации теорий может выступать тип исследования и метод, определяющий его основные параметры. В теориях, которые мы условно выделяем как действующие психотехнические теории реализуется тип психотехнического исследования (Ф.Е. Василюк, А.А. Пузырей), когда метод воздействия составляет единство с методом, что определяет позицию активного вмешательства исследователя в изучаемое явление.

В этом типе, исследование включено непосредственно в психопрактический процесс и в исследовании “участвует” реальная, жизненная проблем. Дилемма, как добиться исследовательских и лечебных результатов решается со времен З. Фрейда, так как научная деятельность непосредственно в процессе психологической практики имеет свой круг ограничений. Эти исследования характеризует: а) значительная концентрация на изучение моделей психики, отражающих субъективный жизненный мир и опыт; б) тесный контакт с психической реальностью; в) ориентация на методы, позволяющие этот контакт осуществить в естественном процессе взаимодействия. При обсуждении исследовательской модели, включенной в практику следует также включить концепции рефлексивной практики. Ее методологические основания создавались отечественной школой мыслителей и продолжают развиваться (В.Лефевр, Г.П.Щедровицкий, И.С. Ладенко., И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов и др.). В зарубежных работах используют концепцию рефлексивной практики Дональда А. Шона, интегрирующей результаты различных исследований в теорию ориентированной на практику рефлексии. Психотехническая парадигма достаточно органично “вписывает” в себя этот тип исследовательского отношения к профессиональным действиям и психической реальности. В современных концепциях исследований в психопрактике все чаще используется модель супервизии, которую рассматривают как генерализованный метод рефлексии (Л. Рейтер, Э. Штейнер). Материалом обсуждения в супервизии становится профессиональный процесс самостоятельного развития теоретических. знаний и практических приемов (Б.Д. Карвасарский). Обсуждение становления интегративной психотехнической парадигмы должны находится в русле рефлексивной психологии, ее основного категориального ряда (рефлексия, рефлексивная способность, рефлексивная психопластика, рефлексивные игры, рефлексивный синтез и т.д.) и инструментария рефлепрактики (позициональная дискуссия, рефлексивная инверсия, рефлексивное интервью, рефлексивные техники творчества т.д.). Выделим еще два типа исследования, включенного непосредственно в психопрактический процесс: а) специально-организованное исследование с применением комплекса методов (диагностического характера, формирующих воздействий, качественных описаний и количественных измерений) в реальном психо-практическом процессе (активно проводятся в педагогических психопрактиках, в анализе психологических аспектов управленческих задач). б) анализ и оценка эффективности психотехнических систем в контролируемых условиях. которые могут реализоваться как метаанализ. Проблема критериев эффективности может рассматриваться, как психо-техническая

исследовательская программа и должна быть включена в качестве одного из наиболее важных направлений научной дисциплинарности психологической практики.

**ОПОСРЕДОВАНИЕ И ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ Л. С. ВЫГОТСКОГО И ТЕОРИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА**

Нечаев Н.Н.

**MEDIATION AND MEDIATION: TO THE PROBLEM
OF INTEGRATING THE CULTURAL AND HISTORICAL
PSYCHOLOGY OF L.S.VYGOTSKY AND THE THEORY
OF THE ACTIVITY OF A.N. LEONT'EV**

Nechaev N.N.

От исследователя творчества Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева не может ускользнуть тот факт, что Выготский и Леонтьев, описывая процесс становления так называемых «высших психических функций» (ВПФ), по-разному используют термины «опосредование» и «опосредствование». Выготский практически всегда использует термин «опосредование». Например, в работе «Орудие и знак в развитии ребенка», термин «опосредованный» используется им 37 раз, тогда как термин «опосредствованный» он употребляет всего лишь один (!) раз [1. Т. 6. С. 63].

В противоположность этому Леонтьев практически, даже при характеристике концепции Выготского, использует термин «опосредствование». Так, в докладе, раскрывающем историю возникновения деятельностного подхода, он отмечает: «Орудийность, опосредствованность поведения орудием – вот первое положение, которое легло в основание дальнейшего развития направления исследований Выготского и его соратников и учеников. Иначе говоря, возникло то направление, которое короткое время именовалось «инструментальная» психология, еще до термина «культурно-историческая» [2. С. 109].

Однако тексты Выготского, в которых представлена его критика авторов, рассматривавших знаки как «психологические орудия», свидетельствуют, что Выготский не разделял подобного «орудийного» взгляда на знаки как на средство развития ВПФ. «...Совершенно незаконмерно психологизируются явления, имеющие свою психологическую сторону, но по существу не принадлежащие всецело к психологии, такие, как техника. В основе подобного отождествления лежит игнорирование суще-

ства одной и другой формы деятельности и различия их исторической роли, и природы» [1. Т. 2. С. 87-88]. Для Выготского «...существеннейшим отличием знака от орудия и основой реального расхождения обеих линий является различная направленность того или другого. Орудие служит проводником воздействий человека на объект его деятельности, оно направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы. Знак ничего не изменяет в объекте психологической операции, он есть средство психологического воздействия на поведение – чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь. Обе деятельности столь различны, что и природа применяемых средств не может быть одной и той же в обоих случаях. [1. Т. 2. С. 90].

Леонтьев же полагал, «...что сама идея **опосредствованности** (подчеркнуто мной – Н.Н.) высших психических функций возникла из анализа и по аналогии со строением опосредствованного труда. Орудие, трансформируемое в знак, сохраняет целенаправленность процесса» [3. С. 250]. «Что такое речь? – пишет Леонтьев, – это коммуникация; это, грубо говоря, общение, одна из форм общения – общение посредством значений, знаков. Это тоже не прямое, это тоже **орудийное общение** (подчеркнуто мной – Н.Н.)» [2. С. 111].

По нашему мнению, в этом различии используемой терминологии выражаются разные исследовательские парадигмы, из которых исходили эти ученые: в основе культурно-исторической психологии Выготского лежала парадигма общения; основные постулаты деятельностного подхода Леонтьева определяла парадигма орудийной деятельности. Однако с нашей точки зрения для системного понимания закономерностей происхождения и развития ВПФ важно учитывать и орудийную природу совместной деятельности общественного индивида (Леонтьев), и ее знаковую составляющую (Выготский), выявляя особую роль каждого из этих несводимых друг к другу, но определяющих друг друга компонентов совместной деятельности.

Само выделение этих компонентов – историческая заслуга этих психологов по отношению к ключевой проблеме – развитию ВПФ, и одновременно методологическая основа интеграции их концепций.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Собр.соч. В 6-ти тт. М: Педагогика.1982-1984.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы деятельности в истории советской психологии// Вопросы психологии. 1986. № 4. – С. 109–120.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности // Философия психологии. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1994. – С. 247–258.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ВЕДУЩИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ОДАРЕННОСТИ

Низовцова А.Н. (Москва)

PERSONAL VALUES AS THE MAIN DETERMINANTS OF MATHEMATICAL GIFTEDNESS

Nizovtsova A.N. (Moscow)

В данной работе сопоставляются данные, полученные по методу «Креативное поле» на математическом материале, с результатами контент-анализа интервью в группе математиков ($n = 70$) в возрасте от 18 до 34 лет ($M = 23.352$, $\sigma = 2.822$).

Цель исследования – выявление ведущих детерминант одаренности на примере математической.

Гипотеза – математическая одаренность определяется доминированием в структуре личности духовных ценностей.

Метод «Креативное поле» [1] позволяет выделить три уровня работы: успешное овладение предлагаемой деятельностью – стимульно-продуктивный уровень; способность к развитию деятельности по собственной инициативе, что позволяет открывать новые закономерности – эвристический уровень; доказательство выявленных закономерностей – креативный уровень. Высокие показатели на первом уровне говорят лишь о высоте интеллекта. Последние два уровня идентифицируют одаренность и творческие способности.

Результаты исследования

По результатам методики «Система координат» было получено следующее распределение по уровням ИА: стимульно-продуктивный – 49 человек, эвристический – 19, креативный – 2. Для статистической обработки испытуемые креативного и эвристического уровней были объединены в связи с малочисленностью первых.

В ответах на вопрос, какими качествами обладает истинный математик, с помощью контент-анализа выделено 17 основных категорий: увлеченность математикой, склад ума, математическая культура, целеустремленность, открытость новому, креативность, трудолюбие, отрешенность от реальности, природная склонность к математике, критическое мышление, готовность к неудачам и небоязнь ошибаться, скорость, память, сосредоточенность, интуиция, нравственные качества, талант к преподаванию [2]. Согласно критерию Манна-Уитни ответы испытуемых двух групп различаются в частоте использования только двух категорий «нравственные качества» ($U = 403.5$, $Z = -2.275$, $p = .023$) и «увлечен-

ность математикой» ($U = 353$, $Z = -2.081$, $p = .037$), испытуемые эвристического уровня значимо чаще используют их.

В ответах на вопрос, в чем может проявляться творчество в математике, выделено 9 категорий: открытие нового, нешаблонное мышление, интуиция, математическая красота, связь между областями, радость познания, лаконичность, прикладное значение, воображение. Согласно критерию Манна-Уитни различия были обнаружены в частотах употребления категорий «радость познания» ($U = 384.5$, $Z = -.648$, $p = .031$), «математическая красота» ($U = 374$, $Z = -2.099$, $p = .036$) и «лаконичность» ($U = 379.5$, $Z = -2.029$, $p = .043$) – испытуемые эвристического уровня значимо чаще их используют.

Все выделенные нами с помощью контент-анализа качества являются необходимыми для освоения и занятия математикой на высоком уровне. Однако особого внимания заслуживают акценты и расстановка приоритетов, которые делают участники исследования при ответах. Испытуемые стимульно-продуктивного уровня говорят в первую очередь о том, что «нужно и поможет» в работе. Представители эвристического и креативного уровней на первое место ставят увлеченность и интерес, остальные же качества при таком отношении становятся лишь инструментами. То, что они связывают качества истинного математика не с узкоспециализированными особенностями профессии, и даже не с умственными способностями в широком смысле, а с личностными качествами человека, представляется чрезвычайно важным. Успешность в математике, таким образом, определяют радость познания и красота мысли. Доминирование духовных ценностей в структуре личности определяют творческие способности человека, его одаренность.

Список литературы

1. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: Монография. ИД «Федоров». – 2009. 416 с.
2. Низовцова А.Н. Математическая одаренность: качественный анализ // Психолого-педагогический поиск. 2017. №1. С. 143-153

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛИЦ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Никитина Е.А. (Москва)

FACES IN WESTERN AND EASTERN LITERATURE

Nikitina E.A. (Moscow)

В настоящее время имеются данные о значимых различиях в восприятии зрительных образов и сцен между представителями западной и восточной культур. Показано, что европейцам больше свойственны аналитические перцептивные процессы и рассмотрение объектов вне включающего их контекста, в то время как восприятие объектов представителями восточной культуры в большей степени холистично, они обращают большее внимание на связи объекта с контекстом [1]. Различные условия ранней социализации накладывают отпечаток как на чувствительность к восприятию эмоций по лицам, так и на те черты, на которые при этом опираются респонденты [2,3]. Для выявления культурной специфики восприятия лиц мы решили воспользоваться не новым, хотя и редко используемым при решении психологических задач приемом – выбрать в качестве объекта исследования описания героев из произведений западной и восточной литературы.

Для анализа были выбраны по 2 произведения классической прозы Европы (Англии, Германии и Франции), США и Азии (Китая и Японии) второй половины XIX – XX веков, а также произведения шести крупнейших русских писателей этого же периода. Все иностранные тексты были взяты в литературных опубликованных переводах на русский язык. В результате изучения полученного материала было выделено 14 категорий для контент-анализа.

Проведенное нами исследование продемонстрировало специфику описания лиц писателями, принадлежащими к восточной культуре. Только у них при изображении внешности героев присутствует наложение двух планов – описания лица и описания окружающей действительности: «...вечерний пейзаж бежит не на заднем плане, а прямо по лицу девушки». Аналогий в работах западных авторов, в том числе и российских не обнаружено.

Несколько чаще используют японские и китайские писатели и ассоциации при описании лиц. Однако сопоставление данных не выявило значимых различий для представителей западной, восточной и российской литературы ни по использованию этой категории, ни по какой другой.

Различий в том внимании, которое уделяется различным чертам лица, при сравнении в целом по стимульному материалу между авторами, принадлежащими к разным культурам также не выявлено. Это может быть связано как с недостаточным объемом стимульного материала, так и с существенными индивидуальными различиями стиля писателей.

Так сравнение содержания описания внешности героев русскими авторами продемонстрировало существенные различия используемых ими характеристик. Так, например, Л.Н. Толстой значимо чаще других писателей использует оценочные характеристики и упоминает улыбку своих героев, но реже говорит о взгляде.

Поэтому необходимо отметить ограничения данного исследования, связанные прежде всего с относительной произвольностью выбора литературы для анализа. Ранее планировавшийся способ отбора по величине тиража оказался недоступным, т.к. по итогам обзора состояния книжного рынка России, выполненного Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям РФ [4], ни одно из произведений классической литературы не попало в таблицы, отражающие высокие тиражи.

Следует также указать на то, что использованные для работы переводы текстов, были выполнены литераторами, для которых родной является русская культура, что могло отразиться на некоторой специфике литературного перевода. В качестве перспективного направления работы следует обратить внимание на увеличение количества авторов, относящегося к восточной традиции, в том числе и за счет представителей других стран.

Список литературы

1. Nisbett R.E., Miyamoto Y. The influence of culture: holistic versus analytic perception // *Trends in cognitive sciences*. 2005. Vol. 9. No. 10. P. 467–473. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tics.2005.08.004>.
2. Yuki M., Maddux W/W., Masuda T. Are the windows to the soul the same in the East and West? Cultural differences in using the eyes and mouth as cues to recognize emotions in Japan and the United States // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 43. Is. 2. P. 303-311. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.jesp.2006.02.004>.
3. Ishii K., Miyamoto Y., Niedenthal P.M., Mayama K. When Your Smile Fades Away: Cultural Differences in Sensitivity to the Disappearance of Smiles // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. Vol. 2. P. 516-522. DOI: 10.1177/1948550611399153.
4. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Москва, 2014.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭФФЕКТА ASMR

Никуличева Е.О., Хавыло А.В. (Обнинск)

PECULIARITIES OF MANIFESTATION OF THE EFFECT OF ASMR

Nikulicheva E.O., Khavylo A.V.

АСМР (англ. Autonomous sensory meridian response, ASMR) – феномен восприятия, характеризующийся приятным ощущением покалывания в затылке, распространяющегося в виде мурашек по коже шеи и спине к конечностям. Раздражителями могут являться звуковые, зрительные, тактильные или когнитивные стимулы.

С каждым годом эффект ASMR становится все более известным и его практическое использование набирает популярность среди населения. Многие современные исследователи заинтересованы природой появления этого эффекта. Однако, большинство проведенных исследований затрагивает лишь физиологические проявления эффекта ASMR. Сама природа возникновения остаётся недостаточно изученной.

В работе рассмотрены психологические и физиологические особенности проявления реакций эффект ASMR на различные триггеры.

Выборку исследования составили 99 человек, состоящие в группах социальных сетей, посвященных эффекту ASMR и 91 человек, которые еще не знакомы с этим эффектом.

В работе был использован метод анкетирования. Опрос проводился в формате on-line, с использованием сервисов Google.

Был проведен кластерный анализ на основании ареала локализации ощущений от исследуемого эффекта. Из выборки, состоящей из респондентов тематических ASMR групп были выделены три кластера: 1) А (26 % – локализация в верхней и нижней части тела), В (40% – локализация в голове), 3) С (34% – локализация только в верхней части тела).

Представители кластера А имеют свои специфические области реагирования, как в верхней, так и в нижней части тела. Вошедшие в кластер В имеют выраженные ощущения только в области головы. Респонденты, отнесенные к кластеру С испытывают эффект ASMR в области спины и головы.

Было показано, что уровень синестезии значимо ниже в кластере В (критерий Краскела-Уоллиса, $p \leq 0,01$). Это может указывать на то, у людей с развитой соматической чувствительностью при восприятии внешних стимулов может происходить подмена ощущений и из-за этого падает их способность дифференциации воздействий разного рода.

Выявлена связь уровня выраженности синестезии и силы реакции на ASMR триггеры: $R_s=0,312$; $p\leq 0,03$. Это может свидетельствовать о том, что респонденты, склонные к синестезии имеют более выраженные реакции на ASMR триггеры.

Таким образом, в результате исследования были выделены группы испытуемых, которые отличались по локализации ощущений, испытуемых под воздействием ASMR триггеров, показана связь уровня синестезии и силы реакции на ASMR триггеры.

Список литературы

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 448 с.
2. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2010. 410 с.
3. ASMRUniversity The Art & Science of Autonomous Sensory Meridian Response [Электронный ресурс]. URL: <https://asmruniversity.com> (дата обращения: 01.06.17).
4. Barratt E.L., Davis N.J. Autonomous Sensory Meridian Response (ASMR): a flow-like mental state // PeerJ [Электронный ресурс]. URL: <https://peerj.com/articles/851/> (дата обращения: 01.06.17).
5. Expósito A.N. Neuropsychological and neurophysiological characterization of a phenomenon called Autonomous Sensory Meridian Response (ASMR), 2014. 24 с.
6. Weebly Tinglehead [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tinglehead.com/> (дата обращения: 01.06.17).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Нуркова В.В. (Москва)

AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY: THE CIVILIZATIONAL INVENTION IN FUNCTIONAL-HISTORICAL PERSPECTIVE

Nourkova Veronika (Moscow)

Историю памяти в антропогенезе продуктивно рассматривать, выделяя две достаточно автономные линии её развития. Одна из них – линия культурного совершенствования общих для человека и других обладающих психикой живых существ мнемических модулей [1]. Во-первых, речь идет о семантической памяти как способности формировать устойчивую когнитивную карту среды обитания, представляющую собой сеть индикаторов конфигурации значимых для выживания объектов. Во-вторых, о более филогенетически поздней эпизодической памяти, т.е. способности

к буферному удержанию репрезентаций конкретных локализованных во времени эпизодов для возможности ориентации не только на основе схематизированной стабильной модели мира отраженной в семантической памяти, но и учета уникальной ситуации недавнего прошлого без необходимости трансформации всей системы знаний. Преобразование натуральных форм семантической и эпизодической памяти за счет их знакового опосредствования и координации в рамках сопряженных психологических систем, безусловно, не только позволило осуществлять качественно новые формы деятельности, но явилось основанием для становления уникально человеческой субъективной феноменологии сознания и мощнейшего физиологического аппарата её обеспечения.

Другая линия развития памяти – это линия «цивилизационного изобретения» принципиально иного мнемического модуля, не имеющего аналогов среди натуральных психических функций [2]. Новый мнемический модуль должен был ответить на потребность культуры в эмансипации самостоятельной личности с индивидуальной Я-концепцией и внутренними критериями самооценки, которая справлялась бы с задачей стратегического планирования своей деятельности на временных интервалах масштаба человеческой жизни вопреки ограничениям ситуативной детерминации. Психологической инновацией адекватного вызову культуры функционала стала автобиографическая память, которую можно определить как способность интегрировать разновременные аспекты своей личности в единого транспективного субъекта, переживающего и осознающего себя в качестве протагониста истории жизни [3]. Необходимой субъективной составляющей реализации данной способности является специфическое «автоноэтическое состояние сознания» (autonoetic consciousness) [4], которое включает в себя иллюзию мысленного «путешествия во времени» при генерации атрибутируемых личному прошлому субъективно достоверных воспоминаний. Ядерная функциональная нагрузка данной психологической системы (при крайней вариативности конкретных воплощений) состоит в создании мотивирующего реальную деятельность проекта будущего в опоре на индивидуальную историю прошлого и поэтому может быть обозначена как «проектная» или «проспективная» [5]. В поддержку такой трактовки говорят данные о том, что при воспоминании конкретных эпизодов личного прошлого и воображении антиципируемых событий будущего активность регистрируется в значительно перекрывающихся областях мозга, в частности в областях 26, 27, 28, 30, 31, 33, 34 и 35 по Бродману [6]. Именно осуществление проектной функции автобиографической памяти во многом задает горизонт развития современного человека как уникальной личности, ха-

рактизирующей индивидуальной системой ответственного отношения к прошлому и активного планирования будущего.

Отметим в заключение, что автобиографическая память как новейшее событие антропогенеза представляет собой становящееся, бурно развивающееся поле психической реальности, так что новые аутоэмоциональные практики и технологии способны расширить её функциональный потенциал и, возможно, открыть новые перспективы самосознания человека.

Список литературы

1. Нуркова В.В. Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти // Мир психологии. 2015. Т. 81. № 2. С. 35–49.
2. Нуркова В. В. Позитивная конструктивность автобиографической памяти: эволюционная перспектива // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов (г.Светлогорск, 20-24 июня 2016 г.). Москва: Институт психологии РАН, 2016. С. 461–462.
3. Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2009. 614 с.
4. Quoidbach J., Hansenne M., Mottet C. Personality and mental time travel: A differential approach to autoegetic consciousness // Consciousness and Cognition. 2008. №17. P. 1082-1092.
5. Нуркова В. В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. № 4. С. 22–30.
6. Addis D.R., Wong A.T., Schacter D.L. Remembering the past and imagining the future: common and distinct neural substrates during event construction and elaboration // Neuropsychologia. 2007. Vol.45. №7. P. 1363-77.

ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ

Орлова Г.В. (Воронеж)

INTEGRITY AS ONE OF THE COMPONENTS OF THE I-CONCEPT OF PERSONALITY

Orlova G.V.

В психологической научной литературе под Я-концепцией понимается сложная, переживаемая, многокомпонентная и динамическая система отражения отношений личности к себе и внешнему миру, природой которой является оценивающая деятельность сознания.

Введённое Р. Бернсом определение Я-концепции как особой установочной системы, состоящей из трёх элементов – когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого, внесло порядок в термино-

логию и стало базовым для разработки проблематики Я-концепции личности.

При определяющей роли Я-концепции осуществляется специфическое видение, оценка, регуляция, успешность, эффективность деятельности, самопознание, самовыражение, развитие и самосовершенствование человека. Это требует целостного изучения содержания, структуры, функций, характеристик Я-концепции личности в контексте жизненного пути личности.

Следует подчеркнуть, что свойственное человеку стремление к «самодостраиванию», преобразованию самого себя и своего жизненного мира до образа первоначального совершенства, коренится в глубинах человеческой психики. Можно сказать, что самодостаточность, т. е. завершенность, является одной из характеристик, определяющих гармоничность личности и его целостную Я-концепцию. Именно в способности к осуществлению своей жизнедеятельностью полноты и совершенства заключена сущность человека.

Понятие целостности все еще не совсем ясно по своему содержанию: с точки зрения философии, целостность есть свойство объектов как совокупности составляющих их элементов, организованных в соответствии с определенными принципами. С точки зрения психологии, целостность относится к числу таких понятий, роль которых в научном познании никогда не может быть исчерпана.

Целостность человека постоянно пребывает в состоянии становления. Реализуя себя в мире, человек непрерывно, в каждый конкретный момент своей жизни обретает собственную целостность.

Разными, относительно обособленными сторонами своей становящейся целостности человек реализуется в трех мирах, которые раскрываются человеку как три качественно различные сферы его существования: природная, социальная и духовная.

Судить о человеческой личности как о системном образовании весьма сложно. Тем не менее, вряд ли стоит сомневаться в том, что, будучи подсистемой человеческой целостности, личность выступает как системно организованный комплекс социальных ролей, овладеваемых человеком и воспроизводимых им на протяжении всей его жизни. Соответственно каждая роль применительно к человеческой целостности оказывается одним из ее элементов.

В связи с тем, что Я-концепция человека в процессе жизнедеятельности претерпевает изменения и уточнения ее целостность может быть нарушена. В зависимости от событий жизненного пути человеку могут быть свойственны такие типы Я-концепции как: интегративно-дифференцированная, дифференцированная, полная, неполная, конфликтная и

очень малый процент людей, который имеет интегративную, в которой все составляющие ее компоненты развиты целостно.

Таким образом, Я-концепция играет важную роль в формировании целостной личности (представления человека о самом себе должны быть согласованными, не противоречащими друг другу, иначе произойдет фрагментация личности) и одновременно целостность (развития всех компонентов) является одной из составляющих Я-концепции личности в процессе жизнедеятельности.

ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ В ЛИЧНОСТНОМ ПРОФИЛЕ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Павлова Е.М., Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. (Москва)

RISK READINESS WITHIN PERSONAL PROFILE OF STUDENTS OF MEDICINE UNIVERSITY

Pavlova E.M., Krasavtseva Y.V., Kornilova T. V.

Совладание с неопределенностью и готовность к риску выступают ключевыми свойствами в личностной регуляции принятия решений [1]. Особую роль эти свойства играют в деятельности врача, которая включает постановку диагноза, прогноз и принятие решений при неоднозначности и недостаточности информации. Личностное становление медицинских работников идет наряду с усвоением знаний. Выявление особенностей связей готовности к риску с другими составляющими психологическом профиля студентов медицинского института служит представлению путей их профессионализации. Известны исследования связей личностной готовности к риску с другими свойствами интеллектуально-личностного потенциала человека [1], [2], [3], [4] у представителей разных профессий, однако нами впервые поднят вопрос связи индивидуальных стилей принятия решений у студентов-медиков, как копингов при принятии решений с самооценками и свойствами Темной триады, как характеризующих «нестабильность личностного ядра» [5].

Участники: 157 человек в возрасте от 17 до 29 лет ($M = 19.48$, $SD = 1.647$), 29 муж. и 128 жен.: 81 студентов факультета психологии МГУ (8 муж. и 73 жен.) и 76 студентов Первого МГМУ им. Сеченова (21 муж. и 55 жен.).

Методики: 1) Опросник Личностные факторы принятия решений (ЛФР): шкалы риск и рациональность [1]. 2) Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР): шкалы сверх-бдительность, избегание, прокрастинация и бдительность [6]. 3) Прямая самооценка по шкалам: са-

мооценка интеллекта – СОИ [7], самооценка личности – СОЛ (актуальная и потенциальная). 4) Опросник Темная дюжина, диагностирующий свойства Темной триады: макиавеллизм, субклинические психопатия, нарциссизм [8].

Согласно схеме исследования сопоставлялись связи измеренных личностных свойств в группах студентов-психологов и студентов-медиков. Отличий в высоте переменных не выявлено (за исключением более высоких баллов по сверх-бдительности у медиков). Однако обнаружены отличия в связях между личностными свойствами. Общие связи в обеих студенческих выборках: установлены положительная связь рациональности с бдительностью и отрицательная – с готовностью к риску. У студентов-медиков готовности к риску сопутствуют снижения показателей непродуктивных копингов (избегания и сверх-бдительности), как и у студентов-психологов (где добавляется отрицательная связь с прокрастинацией). Отличия в связях: в группе медиков наблюдаются положительные связи самооенок личности с риском и бдительностью и отрицательная бдительности с нарциссизмом. Т.е. будущие врачи связывают оценку себя как хорошего человека с готовностью к риску и бдительностью. У них также положительно связаны СОЛ и СОИ, что свидетельствует об их интегрированности в самосознании личности. У студентов-психологов нет связей актуальной СОЛ с остальными переменными; у студентов-медиков СОЛ положительно связана с готовностью к риску. В группе студентов-психологов самооенки не связаны между собой и с показателями продуктивного копинга бдительности и готовностью к риску. Но у них оценка себя как «хорошей личности» связана с макиавеллизмом. Последнее свойство положительно связано с нарциссизмом и с психопатией; это свидетельствует об интегрированности свойств Темной триады (и повторяет результаты предыдущих исследований [4]), что не характеризует у студентов-медиков.

Таким образом, студенты-психологи характеризуются большей интеграцией свойств Темной триады, чего не наблюдается на выборке студентов-медиков, но будущие врачи отличаются большей интегративностью показателей самосознания личности.

Исследование поддержано РФФИ, проект номер 17-06-00130

Список литературы

1. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016, 334 с.
2. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 3–13.
3. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Толерантность к неопределенности и креативность у преподавателей и студентов // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 117–126.

4. Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Толмач М. С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника Темная Дюжина // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 99-112.

5. Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of research in personality. 2002. V. 36, № 6. P. 556–563.

6. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования [электронный ресурс]. 2013. URL: <http://psystudy.ru/num/2013v6n31/883-kornilova31.html> (дата обращения: 14.05.2017).

7. Корнилова Т. В., Новикова М. А. Самооценка интеллекта в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 25–35.

8. Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Толмач М. С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника Темная Дюжина // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 99-112.

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ В ХОДЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прохоров А.О., Чернов А.В. (Казань)

THE ROLE OF PERSONALITY VALUES IN THE EMERGENCE OF COGNITIVE MENTAL STATES OF STUDENTS IN THE COURSE OF EDUCATIONAL ACTIVITIES

Prokhorov A.O., Chernov A.V. (Kazan)

В ходе предыдущих исследований познавательных психических состояний было установлено, что их функции связаны с актуализацией познавательной активности, развитием познавательной сферы, метакогнитивной регуляцией, а также с изменением отношений субъекта к предметной деятельности и социуму, в целом. Проявления этих функций в психическом целом и жизнедеятельности субъекта, по-видимому, определяется ментальной регуляцией познавательных состояний, а именно, влиянием смысловых структур сознания, таких как личностный смысл, смысловые установки, инструментальные и терминальные ценности и др. [2,3]. Решению задачи выявления роли ценностных ориентаций в ментальной регуляции познавательных состояний студентов посвящена настоящая работа.

В данном исследовании приняли участие 47 студентов-психологов обоего пола в возрасте 18-20 лет. Диагностировались иерархия ценно-

стей при помощи методики «Ценностные ориентации» М. Рокича [1], содержащей инструментальные и терминальные ценности личности, а также переживание студентами различных познавательных состояний в ходе учебной деятельности с использованием перечня познавательных состояний [4], включающих в себя 24 наименования.

В результате исследований было установлено, что наиболее значимыми инструментальными ценностями для студентов-психологов выступают «честность», «независимость», «широта взглядов», «жизнерадостность», «воспитанность» и «чуткость». Среди терминальных ценностей необходимо выделить преобладание таких ценностей как: «здоровье», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «развитие» и «материально обеспеченная жизнь». Выделим наиболее распространённые познавательные состояния для каждой из доминирующих ценностей в ходе учебной деятельности.

Студентам с преобладанием инструментальной ценности «честность» наиболее характерны такие познавательные состояния как «скука», «тупость» и «заинтересованность». Высокая ценность независимости сочетается с частым переживанием размышления и вдумчивости, тогда как широта взглядов сопровождается еще и состоянием задумчивости. Студенты, наиболее ценящие жизнерадостность чаще других испытывают любознательность, заинтересованность и озадаченность. Высокий ранг ценности «воспитанность» сопровождается более частым переживанием состояний заинтересованности и невосприимчивости, в то время как «чуткость» характерна для студентов, переживающих мечтательность и умственное напряжение.

Обратимся к терминальным ценностям. Студентам с ведущей ценностью «здоровье» и «любовь» наиболее характерны состояния скуки и сосредоточенности и размышления. Высоко ценящим материально обеспеченную жизнь свойственно переживать любознательность и мечтательность. Следует отметить, что студенты, выбравшие в качестве ведущей ценность «развития» чаще всего испытывают состояния размышления, сосредоточенности и умственного напряжения, тогда как выбравшие ценность «счастливая семейная жизнь» чаще пребывают в состоянии мечтательности, невосприимчивости и рассеянности.

Таким образом, установлено, что переживаемые в ходе учебной деятельности познавательные состояния в немалой степени зависят от ценностных ориентаций студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.

Список литературы

1. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с., С. 26–28.
2. Прохоров А.О., Юсупов М.Г., Чернов А.В. Структурно-функциональная организация интеллектуальных состояний // Учёные записки Казанского университета. – Серия Гуманитарные науки. – 2011. – №5. – С. 51–62.
3. Прохоров А.О. Познавательные психические состояния: концептуальные основания, феноменология и структурно-функциональная организация // Образование и саморазвитие. – 2014. – № 3 (41). – С.54–59.
4. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Когнитивные состояния студентов в процессе выполнения интеллектуальных тестов // Психология психических состояний: сборник материалов по итогам 9 Международной зимней школы по психологии состояний, 26-27 февраля. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – Вып. 5. – С. 126–131.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Прохоров А.О. (Казань)

MENTAL REGULATION OF COGNITIVE STATES

Prokhorov A.O. (Kazan)

Изучение психологии состояний привело Н.Д. Левитова к заключению о необходимости выделения состояний, связанных с процессом познания и познавательной сферы субъекта (cognitive states), в целом – познавательных состояний. Вопрос о содержании познавательных состояний, их структуре, функциях, динамике, связях с другими психическими явлениями (процессами и свойствами), в том числе и состояниями других классов, является открытым. Как следствие, состояния, характерные для познания, например, заинтересованность, удивление, раздумье и др., отождествляют с мотивационными, эмоциональными или волевыми состояниями, либо само существование познавательных состояний ставится под сомнение.

При изучении структурно-функциональной организации познавательных состояний нами было установлено, что состояния проявляются как функциональные структуры, включающие подсистемы метакогнитивного регулирования, эмоциональной активации познавательной деятельности, интрапсихической активности и эмоционально-личностной регуляции мыслительных процессов. Получены весомые данные, позволяющие считать, что функции познавательных состояний связаны с актуализацией познавательной активности, развитием познавательной

сферы, метакогнитивной регуляцией, а также с изменением отношений субъекта к предметной деятельности и социуму, в целом.

Проявления этих функций в психическом целом и жизнедеятельности субъекта, на наш взгляд, определяется ментальной регуляцией познавательных состояний: влиянием смысловых структур сознания (личностного смысла, ценностей, конструктов, смысловых установок и ориентаций и др.), мотивацией, рефлексией, направленностью, переживаниями субъекта, категориальными структурами сознания, ментальными репрезентациями, входящими в структуру знаний, а также субъективным (ментальным) ментальным опытом человека, репродукция которого в проблемных ситуациях жизнедеятельности проявляется в актуализации познавательного состояния определенного качества. Можно полагать, что центральной образующей целостной регуляторной системы ментальной регуляции, влияющей на актуализацию, интенсивность, длительность и др. характеристики познавательных состояний является система Я субъекта, диспозиции которой определяют «пристрастность» и познавательную активность в жизнедеятельности человека.

Познавательные состояния актуализируются в проблемной ситуации при взаимодействии субъекта и объекта познания, стимулируя интрапсихическую (когнитивную) активность, активируя под действием ментальных структур интегрированные в функциональной структуре состояний широкий спектр интеллектуальных проявлений. Тем самым достигается адекватная цели деятельности включенность субъекта в решение проблемы или проблемной ситуации.

Системообразующим фактором актуализации состояний является субъективно значимая цель (либо полезный результат), формирующаяся под влиянием функционального комплекса составляющих ментальных структур: мотивов деятельности и смысловых структур сознания, рефлексии, переживаний, категориальных структур, репрезентаций, субъективного (ментального) опыта и системы Я субъекта. Последняя обуславливает включенность ментальных структур в актуализацию состояний и их проявления.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а

ОБУЧЕНИЕ НАВЫКАМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ

Пыркова К.В., Рябова Т.В. (Казань)

TEACHING TO DECISION-MAKING SKILLS IN AMBIGUOUS SITUATION AMONG STUDENTS

K. V. Pyrkova

Система современного непрерывного медицинского профессионального образования претерпевает модернизацию в соответствии со стратегией развития здравоохранения на период до 2030 года. Сегодня медицинским работникам необходимо понимание альтернатив выхода из сложных, неопределенных, ситуаций; развития умения делать выбор; применять многообразие подходов, в том числе творческих, к принятию решений.

В российской литературе проблемы принятия решения в условиях неопределенности отражены в работах Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски [2], Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой, С.А. Корнилова, М.А. Новиковой [4], М.Н. Юртаевой, Н.С. Глуханюк [6]. С.Д. Смирнова [5] описывает прогностическую направленность образа мира как основу динамического контроля неопределенности. Т.В. Корнилова [3] размышляет о психологии выбора как мыслительном и личностном опосредовании преодоления неопределенности.

В настоящее время активно исследуются стратегии, техники, процедуры, которые помогают быстрому принятию решения, формулировке суждений, ограничивают число выборов возможных решений. Учеными О. Wegwarth [8], Д. Группеном [1], N. Li, K.V. Pyrkova, T.V. Ryabova [7] созданы теории, разработаны методы обучения принятию решения для врачей, медицинских сестер, социальных работников. Однако в отечественной науке практически неизученной осталась область психологии принятия решения в условиях неопределенности при подготовке к профессиональной деятельности будущих работников здравоохранения.

В процессе нашего исследования были использованы теоретические и эмпирические методы: анализ психологических источников; наблюдение, беседы, анкетирование студентов, психолого – педагогический эксперимент. Опытнo-экспериментальная работа осуществлялась в ФГБОУ ВО Казанском Государственном Медицинском университете (КГМУ). На первом этапе исследования (2014–2015 гг.) проводилось изучение научной литературы по проблеме, подбирались эмпирический материал. На втором этапе (2015 –2016 гг.) осуществлялось теоретическое обоснова-

ние моделирования и реализации комплексной креативно – развивающей программы – тренинга «Принятие решения в условиях неопределенности в профессиональной деятельности», состоящая из взаимосвязанных тематических блоков, проводился психолого – педагогический эксперимент. На третьем этапе (2016-2017гг.) проводилась интерпретация экспериментальных результатов исследования, обобщение экспериментальных данных и оформлялись результаты исследования. В исследовании приняли участие 120 студентов первого курса педиатрического факультета КГМУ в возрасте от 18 до 23 лет (18 юношей и 102 девушки). В экспериментальной группе в течение семестра внедрялась комплексная программа тренинга, ориентированная на формирование положительной психологической установки на принятие решения и действия в ситуации неопределенности; креативного мышления, способности к выдвижению гипотез, прогнозированию, антиципации; проявления воли к преодолению внешних и внутренних преград; умения работать в команде. Была разработана модель в которой содержатся блок целеполагания, формы, методы, средства, подходы, принципы и этапы психологического сопровождения процесса формирования у студентов психологической готовности принимать решения в ситуации неопределенности.

В целом результаты экспериментального исследования показывают, что привлеченный потенциал разработанной модели, алгоритма и технологии совершенствует организационные, содержательные, технологические основы образовательного процесса, способствуют повышению готовности к принятию решения в ситуации неопределенности, а также качества получаемых знаний в рамках компетентностного подхода.

Литература

1. Группэн Дж. Как думают доктора? Почему врачи ошибаются, и как пациент может спасти себя, задавая им правильные вопросы / Дж. Группэн. – М.: Эксмо, 2008. – 320 с.
2. Канеман Д. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Пер с англ. / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков.: Издательство прикладной психологии «Гуманитарный центр», 2005. – 632 с.
3. Корнилова Т.В. Психология выбора как мыслительное и личностное опосредование преодоление неопределенности / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2016. – Т.37. №3. – С. 113 -124.
4. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов, М.А. Новикова. – М.: Смысл, 2010. – 336с.
5. Смирнов С.Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности / С.Д. Смирнов // Психологический журнал. – 2016. – Т.37. №5. – С. 5-13.

6. Юртаева М.Н., Глуханюк Н.С. Психологические характеристики толерантности человека к неопределенности / М.Н. Юртаева, Н.С. Глуханюк // Психологический журнал. – 2012. – Т.37. №6. – С. 50-59.

7. Li N. Teaching communication skills and decision-making to university students / N. Li, K.V. Pyrkova, T.V. Ryabova // EURASIA Journal of Mathematics Science and Technology Education. – 2017. – 13 (8). – 4715-4723. DOI: <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00950a>

8. Wegwarth O. Smart strategies for doctors and doctors-in-training: heuristics in medicine / O. Wegwarth // Medical Education. – 2009, pp. 721–728.

ВЛИЯНИЕ ОТНОШЕНИЯ К СОБЛЮДЕНИЮ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ НА ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Резазадех З. (Казань)

EFFECT OF RELATION TO OBSERVANCE OF THE MORAL NORMS OF BEHAVIOR

Rezazadeh Z. (Kazan)

Принцип системности в оценке психики человека позволяет нам ставить задачу исследования связи и влияния свойств личности, когнитивных процессов, сознания и состояний [1], [7], [4] и др. Вопрос о детерминации психических состояний и о связи состояний с другими элементами психики ставится и решается в психологии многими исследователями [9], [5], [6] и др. При всем многообразии исследований мало изучен факт влияния культурных предикторов на психические состояния, в частности то, как представления человека, его отношение к ценностям, нормам определяют характер переживаемых им состояний. При этом явно то, что человек является носителем культурных норм, регулирующих его поведение [2], [3], [8] и др.

В нашем исследовании мы выявили влияние отношения к соблюдению моральных норм на психические состояния поведения. Использовали в качестве диагностического инструментария адаптированную методику на исследование нравственных представлений, разработанная А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко и методику «Рельеф психических состояний» А.О. Прохорова.

В качестве факторов, влияющих на психические состояния, мы рассматривали «Терпимость», «Принципиальность», «Справедливость», «Правдивость», «Ответственность» и обнаружили следующие результаты влияния на психические состояния поведения:

Результаты:

«Терпимость»: «Непоследовательность – Последовательность» (0,004; при $p=0,01$); «Импульсивность-Размеренность» (0,006; при

p=0,01); «Необдуманность-Продуманность» (0,001; при p=0,01); «Неуправляемость-Управляемость» (0,029; при p=0,05); «Неадекватность-Адекватность» (0,007; при p=0,01); «Неустойчивость-Устойчивость» (0,001; при p=0,01); «Неуверенность(сомнение)-Уверенность» (0,028; при p=0,05).

«Принципиальность»: «Непоследовательность - Последовательность» (0,030; при p=0,05); «Импульсивность-Размеренность» (0,003; при p=0,01); «Необдуманность-Продуманность» (0,011; при p=0,05); «Неуправляемость-Управляемость» (0,033; при p=0,05); «Неадекватность-Адекватность» (0,006; при p=0,01); «Неустойчивость-Устойчивость» (0,001; при p=0,01); «Неуверенность(сомнение)-Уверенность» (0,001; при p=0,01); «Закрытость-Открытость» (0,039; при p=0,05).

«Справедливость»: «Импульсивность-Размеренность» (0,002; при p=0,01); «Необдуманность-Продуманность» (0,044 ;при p=0,05); «Неуправляемость-Управляемость» (0,041 ;при p=0,05); «Неадекватность-Адекватность» (0,015; при p=0,01); «Неустойчивость-Устойчивость» (0,030; при p=0,05); «Неуверенность(сомнение)-Уверенность» (0,002; при p=0,01).

«Правдивость»: «Импульсивность-Размеренность»(0,001; при p=0,01); «Необдуманность-Продуманность» (0,015; при p=0,05); «Неадекватность-Адекватность» (0,040; при p=0,05); «Неустойчивость-Устойчивость» (0,003; при p=0,01); «Неуверенность(сомнение)-Уверенность» (0,001; при p=0,01).

«Ответственность»: «Пассивность-Активность» (0,036;при p=0,05); «Непоследовательность-Последовательность»(0,019; при p=0,05); «Импульсивность-Размеренность» (0,001; при p=0,01); «Необдуманность-Продуманность» (0,005; при p=0,01); «Неуправляемость-Управляемость» (0,003; при p=0,05); «Неадекватность-Адекватность» (0,017 при p=0,05); «Расслабленность-Напряженность Поведение» (0,021; при p=0,05); «Неустойчивость-Устойчивость» (0,001; при p=0,01) «Неуверенность(сомнение)-Уверенность» (0,007; при p=0,01); «Закрытость-Открытость» (0,004; при p=0,01).

Результаты эмпирического исследования влияния представлений о моральных нормах, связанных с такими этическими инстанциями как справедливость, ответственность, правдивость, принципиальность и терпимость, оказывают влияние на психические состояния человека в его поведении. Вероятность такого влияния статистически достаточно высокая.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания -СПб.: Питер, 2001. 288 с.

2. Баянова Л.Ф. К постановке проблемы субъекта культуры в психологии // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 3 (29). – С. 294–299.
3. Веракса Н.Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход // «Перемены», 2000, № 1. С.81–107.
4. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. – Л.: ЛГУ, 1984.
5. Куликова Л. В. Психические состояния: Хрестоматия / Сост. и общая редакция Л. В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. 512 с.
6. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. 200 с.
7. Ломов Б.Ф. О системной детерминации психических явлений и поведения // Принцип системности в психологических исследованиях. – М.: Наука, 1990.
8. Пашенко А.К. Развитие нормативного поведения младших школьников: Структурно-диалектический подход Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 196 с.
9. Прохоров. А.О. Психология состояний: Учебное пособие / Под ред. А.О. Прохорова. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. 624 с.

МОЗГ И ПСИХИКА

Решетников М.М. (Санкт-Петербург)

BRAIN AND MIND

Reshetnikov Mikhail M.

Проблема взаимоотношений и взаимосвязи головного мозга и психики на протяжении двух тысячелетий является одной из основных, наиболее загадочных и, в целом – нерешенных. Еще до Гиппократы была сформулирована (не вызывающая возражений) идея о том, что психические явления тесно связаны с работой мозга, но затем Гиппократ модифицирует эту идею, и на все последующие века постулирует, что вместилищем всех психических процессов является головной мозг. Несмотря на огромный прогресс исследований в этой сфере, гипотеза Гиппократы на протяжении двух тысячелетий остается основной и главенствующей, как в физиологии, так и в психиатрии и психологии. Исключение составляют разве что некоторые модальности психотерапии, где психика рассматривается как эпифеномен. Прежде чем перейти к последнему тезису (об эпифеномене) напомним некоторые ключевые этапы в формировании современных научных представлений. На стыке психологии и физиологии, благодаря теориям И.М. Сеченова и И.П. Павлова, сформировались две новые области знания: физиология высшей нервной деятельности (ВНД) и психофизиология. Нужно отметить, что эти две сферы знания после почти вековых попыток объяснения всей пси-

хической деятельности на основе реакций возбуждения и торможения, рефлекторной деятельности и биохимических реакций ограничили область своих интересов изучением мозговых структур, на основе которых реализуется психическая деятельность. Подчеркнем еще раз – структур, на основе которых реализуется психическая деятельность. Однако в психиатрии и – частично – в психологии все подходы к психопатологии до настоящего времени базируются на ортодоксальной теории ВНД, которая, по-прежнему, во многом идентифицирует психику и мозговые механизмы, напрямую апеллируя к анатомическому строению нервной системы, локализации функций в коре головного мозга, проводящим путям и биохимическим реакциям, связанным с нейромедиаторами. В 2008 году автором была выдвинута гипотеза о мозге, как биологическом интерфейсе. В рамках этой гипотезы проводится аналогия между мозгом и компьютером, который обычно характеризуется как аппаратная часть или «железо» («Hardware»), и между психикой и программным обеспечением, обычно именуемым как «софт» («Software»), а процесс воспитания и обучения рассматривается как вариант программирования. Психическая деятельность в данном случае рассматривается как вариант информационного обмена и взаимодействия, а физические и психофизиологические феномены – как телесные симптомы душевной жизни, не несущие никакой прагматической информации о мыслях, идеях и переживаниях, и о психических содержаниях в целом. Дополнительно нужно отметить, что информация современной наукой общепризнанно характеризуется как нематериальный фактор, материальны только ее носители (биологические, бумажные, электронные и т.д.). Само по себе наличие информации на каком-либо носителе (вне субъекта или при отсутствии субъекта) – фактически не существует. Приведем еще один дополнительный фактор, свидетельствующий в пользу изложенной гипотезы. Изучение ферральных детей (более известных как «Маугли») показывает, что при отсутствии раннего погружения в социальную среду (или, как уже отмечалось – при отсутствии языкового программирования мозга ребенка социальным окружением) нормальная человеческая психика не формируется, впрочем, как и прямохождение. Это позволяет сделать еще один вывод, что наличие здорового мозга является необходимым, но недостаточным условием формирования и адекватного функционирования человеческой психики.

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ

Рябикина З.И. (Краснодар)

SUBJECT-EXISTENTIAL APPROACH TO THE STUDY OF CONTEMPORARY PROBLEMS OF PERSONALITY

Ryabikina Z.

Состояние научного мировоззрения сегодня зачастую сравнивают с состоянием человека, который «заходит за угол». Это – ожидание труднопредсказуемых изменений, оформление нового взгляда на мир, на место и роль человека. В фокусе внимания – сложнейший синтетичный феномен – «бытие человека», представляющее собой организованную иерархию различных способов человеческого существования (С.Л.Рубинштейн, В.В.Знаков и др.). Психология человеческого бытия и рассмотрение личности как субъекта бытия обретают особое значение. В субъектно-бытийном подходе личность и ее бытие рассматриваются как взаимообуславливающие друг друга стороны тотальности (З.И.Рябикина и др.). Развивая субъектно-бытийный подход, ученые создали структурно-динамическую теорию гендерной идентичности [1], концепцию личности как субъекта бытия в экстремальных условиях [2], теоретико-феноменологическую модель со-бытия личности в браке [3], модель субъектной активности личности в контексте ее обусловленности ориентацией на поддержку своей личностной идентичности [4]. В последнее время подход распространен на анализ феноменологии, закономерностей формирования и функционирования личностной идентичности в различающихся этнокультурных пространствах бытия [5]. Показано, что в условиях большого титульного этноса, малого интегрированного этноса, диаспоры различаются особенности процесса самоидентификации и его результат – определенное представление личности о себе. В различающихся условиях бытия личности приходится преодолевать различающиеся противоречия, содержательно изменяются специфические составляющие ее идентичности. В условиях большого титульного этноса личность осуществляет поиск ценностных оснований своего бытия в сопряженных пространствах: этническом, цивилизационном и гражданском. В малом интегрированном этносе личность стремится обрести и сохранить соответствие этнокультурному идеалу, обретая в этом свою бытийность. В условиях диаспоры личность ориентирована на синтез бытийных ценностей этнокультуры исторической родины и культуры принимающей стороны. Субъектно-бытийный подход также послужил

теоретико-методологическим основанием для рассмотрения и анализа протестной активности, концептуализированной как процесс, характеризующийся различиями в направленности субъектной активности личности [6]. Создана типология конструктивных и деструктивных форм протестной активности и осуществлен их анализ, как модусов бытия личности, которые сложились в определенных социально-исторических условиях в результате субъектной активности личности, ориентированной на определенный вариант экзистенциального самоопределения. Выполненные в рамках субъектно-бытийного подхода исследования и оцениваемые перспективы демонстрируют возросшую роль методологического принципа единства личности и ее бытия. Субъектно-бытийный подход ориентирован на конструктивистское понимание личности и ее бытия; на исследование последствий того, что пространства бытия личности все более виртуализируются (А.Е.Войскунский, Ю.П.Зинченко и др.), теряя, при этом, естественную пространственно-временную развертку и прихотливо «сворачиваясь-разворачиваясь» по законам ментального процесса; на анализ эффектов «хаотизации» (С.Манн, И.Пригожин и др.), нарастающих проблем с прогнозом в изменениях бытия, из-за возрастающего количества акторов с различающимися векторами субъектной активности.

Список литературы

1. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации. Автореф. дисс. ... докт. псих. наук. Краснодар, 2006. 46 с.
2. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2006. 48 с.
3. Тиводар А.Р. Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2008. 46 с.
4. Танасов Г.Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2012. 48 с.
5. Тучина О.Р. Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности в разных условиях бытия: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2016. 60 с.
6. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2017. 60 с.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Салихова А.Б. (Москва)

CHARACTERISTICS OF TOPOGRAPHIC AUTOBIOGRAPHICAL MEMORIES AS PREDICTORS OF ENVIRONMENTAL ATTITUDES

Salikhova A.B. (Moscow)

На фоне роста угроз экологическому благополучию все большую важность приобретают исследования индивидуального экологического самосознания. В современной психологии широко представлены исследования, описывающие взаимосвязи экологических установок с социально-демографическими характеристиками и личностными свойствами [6], [4]. Однако вопреки пониманию того, что содержание самосознания базируется на личном опыте, отраженном в системе автобиографической памяти личности [1], [5], отсутствуют работы, направленные на прояснение взаимосвязей между экологически релевантным личным опытом и экологическими установками. В связи с этим задачей настоящего исследования стал поиск предикторов различных аспектов экологического самосознания в содержательно конгруэнтных экологической тематике топографических автобиографических воспоминаниях, т.е. образах памяти о лично значимых, важных для идентичности человека местах.

Испытуемых (83 человека, ср. возраст = 20 лет) просили описать воспоминания о местах, которые в их представлении в наибольшей степени связаны с их персональной идентичностью (значимы лично для них) и с национальной идентичностью (россиянин). Испытуемые оценивали яркость, частоту актуализации, детальность, эмоциональную интенсивность, позитивность, частоту обсуждения с другими, психологическую дистанцию [2] и ностальгичность воспоминаний по 5-балльной шкале. Экологическое самосознание оценивалось 5 шкалами опросника Environmental Attitudes Inventory [3]: знания об экологии, участие в деятельности экологического движения, наслаждение природой, личное природоохранное поведение, озабоченность состоянием природы.

Из 83-х топографических автобиографических воспоминаний, связанных с персональной идентичностью, 50 представляли природные ландшафты или включали природные объекты в качестве своих важных компонентов (50% – дача или дом в деревне с прилегающей к ним территорией, 20% – фрагменты городских природных ландшафтов, 14% – берега водоемов). Из 79-ти воспоминаний, связанных с нацио-

нальной идентичностью, природными были 27: типично русские леса (41%) и поля (15%), природные достопримечательности (19%) и музей-усадьбы (11%).

Испытуемые, не включавшие природные объекты в описание топографических автобиографических воспоминаний, значимых для представлений о своей личности (вспоминавшие, например, городскую квартиру), показали значимо меньше экологических знаний ($U=610$, $Z=-2.01$, $p=.05$, $r=.22$), беспокойства о состоянии природы ($U=616$, $Z=-1.94$, $p=.052$, $r=.21$), наслаждения от нахождения на природе ($U=465$, $Z=-3.35$, $p=.001$, $r=.37$) и меньшую склонность участвовать в экологических движениях ($U=576$, $Z=-2.32$, $p=.02$, $r=.25$).

Выявлено, что ряд феноменологических характеристик топографических автобиографических воспоминаний являются предикторами аспектов экологического самосознания. Яркость воспоминания, оцениваемого как значимое для построения персональной идентичности, предсказывает 29,4% дисперсии степени наслаждения природой ($F=19,2$, $p=0,000$), а уровень его эмоциональной насыщенности – 20% дисперсии установки на участие в активных природозащитных мероприятиях. Степень позитивности и эмоциональная интенсивность образов памяти о природном месте, в котором испытуемые выразили свою национальную идентичность, объясняет 51,5% дисперсии обеспокоенности состоянием экологии ($F=12,7$, $p=0,000$), а ностальгичность такого воспоминания – 30% дисперсии знаний об экологии ($F=10,7$, $p=0,003$).

Таким образом, было показано, что характеристики топографических автобиографических воспоминаний имеют предсказательную силу в отношении аспектов экологического самосознания.

Список литературы

1. Conway M.A. Memory and the self // Journal of memory and language. 2005. Т. 53. № 4. С. 594-628.
2. Luchetti M., Sutin A. R. Measuring the phenomenology of autobiographical memory: A short form of the Memory Experiences Questionnaire // Memory. 2016. Т. 24. № 5. С. 592-602.
3. Milfont T.L., Duckitt J. The environmental attitudes inventory: A valid and reliable measure to assess the structure of environmental attitudes // Journal of environmental psychology. 2010. Т. 30. № 1. С. 80-94.
4. Wiseman M., Bogner F.X. A higher-order model of ecological values and its relationship to personality // Personality and Individual differences. 2003. Т. 34. № 5. С. 783-794.
5. Нуркова В.В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. № 4. С. 22-30.
6. Экопсихологические исследования-3 / Под ред. В.И. Панова. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО; СПб.: Нестор-История, 2013. 364 с.

**СООТНОШЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ
ЖИЗНЕОСМЫСЛЕНИЯ И СПОСОБОВ АДАПТАЦИИ
В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ**

Салихова Н.Р., Исмаилова Н.И., Семенова-Полях Г.Г. (Казань)

**THE CORRELATION OF THE LIFE-MEANING'S SOURCES
AND ADAPTATION IN A DIFFICULT LIFE SITUATION**

Salikhova N.R., Ismailova N.I., Semenova-Polyah G.G. (Kazan)

Вопрос о взаимосвязях и взаимовлиянии глубинных ценностно-смысловых структур личности и ее более поверхностных, инструментальных слоев является одним из наиболее фундаментальных в психологии личности. При этом его решение важно с прикладной точки зрения для решения как задач оказания помощи человеку в трудной жизненной ситуации, так и для прогнозирования его поведения. В психологии инструментальный уровень описывается через типичные способы поведения, способы эмоционального реагирования, личностные черты, т. е. образующие структуры характера, способностей и пр.

Целью эмпирического исследования было выявить соотношение ценностно-смысловых структур личности, вариантов адаптации и способов совладания человека с трудной жизненной ситуацией, вызванной потерей здоровья. Теоретическим основанием стали представления о смысле жизни как ресурсе совладания в ситуации потери здоровья и взаимном влиянии копинг-стратегий, психологических защит, способов компенсаторного поведения и уровня осмысленности жизни.

Исследование проведено на выборке 439 инвалидов (18-73 лет), которые были разделены по степени утраты здоровья (1-я, 2-я и 3-я степень инвалидности) и преобладающей сфере нарушений функционирования в жизни (общение, самообслуживание, передвижение, деятельность).

Выявлено, что различия между группами по уровню осмысленности жизни, параметрам жизненного стиля, копинг-стратегиям и формам компенсаторного поведения определяются сферой нарушений в большей степени, нежели степенью утраты здоровья.

Определены формы психологических защит и копинг-стратегий, которые зависят от ориентации человека в осмыслении жизни на прошлое, настоящее или будущее, а также от представлений о контролируемости жизни и своей способности к такому контролю. Людям со смысло-жизненной ориентацией на будущее в ситуации утраты здоровья присущи такие «паллиативные» копинги как избегание трудностей, самоконтроль и компенсация через переоценку происходящего. Те, кто ориентиро-

ван на настоящее предпочитают копинги, связанные с активными действиями, например, конфронтация или поиск поддержки окружающих, а также направлены на эмоциональное отреагирование жизненных трудностей через их переосмысление. Смысловая ориентация человека на прошлое в ситуации утраты здоровья создает тенденцию к сопротивлению трудностям через эмоциональную разрядку.

Обнаружены как общие для всех индивидов с различными степенями утраты здоровья, так и особенные для каждой группы взаимосвязи копинг-поведения, защитных механизмов и осмысленности жизни.

Полученные результаты расширяют и эмпирически конкретизируют теоретические представления о роли жизнеосмысления в процессе функционирования моделей совладания и адаптации личности к трудной жизненной ситуации и могут быть использованы в практике психологического сопровождения людей с ограниченными возможностями здоровья.

ПСИХОМУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, СТРУКТУРА

Сулейманов Р.Ф. (Казань)

PSYCHOMUSICAL SPACE: PHENOMENOLOGY, STRUCTURE

Suleymanov R.F. (Kazan)

С позиции онтологического подхода музыка изначально (в виде звуков) несет информацию, часто мало осознаваемую человеком [1]. Можно говорить о том, что музыка управляет человеком. При этом человек не осознает этого влияния. Музыка становится частью его, как речь, язык. Она не только влияет на психику, она является основой психического, детерминируя поведение, сознание человека.

Психомузыкальное пространство мы понимаем как сложную систему, состоящая из двух сфер: внешней (физической и социальной) и внутренней (психической), взаимосвязанной между собой, иерархически организованной и направленной на обеспечение жизнедеятельности человека.

Первая сфера – это внешнее пространство. Состоит из физического и социального пространств. Физическое пространство состоит из акустического пространства. Акустическое пространство это не только передающая среда, но и место обитания, «ложе» звучащей музыки. Внешнее пространство подразделяется на интимное, персональное, социальное, публичное.

Применительно к психомузыкальному пространству интимное пространство связано с микроуровнем. Это слушание в уединении, возможно в семье, в отдельном изолированном помещении, где ничто не отвлекает слушателя от восприятия музыки. Здесь доминирует психологическая близость.

Персональное пространство – это более широкое пространство: звучание камерной музыки в небольшом уютном помещении. Персональная дистанция обеспечивает возможность видеть участников ансамбля вблизи. Эффект от воспроизводимой музыки усиливается. Пространственная близость между слушателем и исполнителями создает более тесный контакт.

Социальное пространство охватывает еще большую территорию. В качестве музыки здесь доминирует звучание симфонии, концерта. Чувство личной причастности уступает место отстраненному созерцанию или наблюдению. Здесь доминирует социальная дистанция. От нее ожидают воплощения идеи, темы, крупномасштабности замысла и композиции. Монументальные произведения исполняются в больших концертных залах, оперных театрах. Это связано с развитием чувства национального самосознания.

Публичное пространство – это пространство, слитое с повседневным окружением. При этом, это эстетическое пространство, своего рода празднество под открытым небом. Например, музыкальные фестивали проводящиеся в пригороде, на природе с импровизированной концертной площадкой, концерты на площади, звон колоколов, игра духового оркестра и др. Характерно для публичного пространства массивное звучание, воспринимаемое на больших расстояниях. По сути все, что звучит вокруг: «звучание» природы во всем ее многообразии.

Вторая сфера – внутренняя среда – это психическое пространство. Здесь важную роль играют индивидуальные особенности человека, его психологические свойства, опыт. Применительно к музыке это пространство можно назвать тоновым пространством. Это пространство тонов, но это еще не пространство музыкальных звуков, музыки. Для того, чтобы тона превратились в музыку необходима индивидуальная работа человека.

Обусловленность различными аспектами психомузыкального пространства выражается в уникальности, разнообразии поведения и деятельности человека. К ним относятся информационная составляющая, энергетическая, временная, динамическая, процессуальная, регулирующая, развивающая, обучающая и познавательная.

Резюмируя вышеизложенное отметим, что психомузыкальное пространство подчинено структурным закономерностям, играет важную

роль в жизнедеятельности человека, являясь условием его личностного развития.

Список литературы

1. Фомина З.В. Онтология музыки. Саратов: Изд-во Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, 2005. 88 с.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Фахрутдинова Л.Р. (Казань)

«PEREZHVIVANIE» (EXPERIENCING'S) OF THE IMPRESSION AS THE BASIS OF THE PSYCHOLOGICAL MECHANISM OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN CONSCIOUSNESS

Fahrutdinova L.R. (Kazan)

Возникновение и развитие сознание являлось всегда ключевым вопросом в осознании человечеством своего места и предназначения в мире. Нами разработана теория переживания, в которой мы рассмотрели психологический механизм развития сознания через переживание впечатления.

Для раскрытия данного была применена стратегия диалектического преобразования противоположностей, прекрасно изложенного в трудах Л.С. Выготского, а именно: стратегия обращения [1]. Она заключается в рассмотрении объекта как противоположного самому себе. В основе существования противоположностей лежит диалектический закон единства и борьбы противоположностей. В нашем исследовании диалектические свойства противоположностей проявили психологические феномены переживания и рефлексии. Сознание представляет собой контекст взаимодействия переживания и рефлексии: это целое более высокого порядка, развивающееся в результате развития взаимодействия диалектической пары переживания и рефлексии, где на первых этапах взаимодействия доминирует переживание, а на последних этапах доминирующие позиции занимает рефлексия, переживание высыхивается, структурируется, осознается и трансформируется в процессе рефлексии в прегнан-переживания (по Гуссерлю Э, 1994) и субстанциональность сознания освобождается для новых переживаний [2].

Взаимодействие разнокачественных по своей природе, но единых в своем взаимодействии переживания и рефлексии, позволило рассмо-

треть их в контексте «системного комплекса», что отражает природу сложных межсистемных взаимодействий [3]. При этом рефлексия выражает отражательный компонент психики, который активно преобразует отражаемую реальность, преломляясь через уровни когнитивной иерархии, и выявляется нами как диалектическая противоположность переживанию, составляющую с ней единство в контексте сознания. Переживание, согласно нашим исследованиям, аутентичное явление сознания, интегрирующее бытийность и субстанциональность субъективного мира человека, проявляющееся в виде когнитивных, эмоциональных процессов и телесных самоощущений субъекта [4]. Какова же функция системного комплекса Переживание-Рефлексия?

Опираясь на наши многолетние теоретико-экспериментальные исследования можно утверждать – «переработка» впечатления в структуры сознания, личности, субъекта. Согласно нашей концепции переживания впечатление включено в структуру переживания как его неотъемлемый элемент, пусковой механизм, материал для переживания. Выявлена следующая цепочка взаимодействия переживания в психическом целом, которая представляет основную функцию переживания: развивающую. Пусковым механизмом является впечатление, оставляющее «след», «оттиск» на «теле», субстанциональности переживания, затем включаются рефлексивные процессы, которые в единстве с переживанием перерабатывают впечатление и далее происходит качественное изменение сознания человека, его субъективного мира, происходит процесс освобождения субстанциональности переживания от впечатления и готовности к получению новых впечатлений. Имеет значение аккомодационный потенциал впечатления: изменения могут быть в степени от незначительных структурных перестроек некоторых частей субъективного мира до полного преобразования самого строя субъекта Эго-защитные механизмы влияют на процесс переработки впечатления в целом в направлении качественного ухудшения: взаимодействие переживания и рефлексии [4].

Список литературы

1. Выготский Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М.: Апрель пресс: Эксмо-Пресс, 2000. – 1008 с.
2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания време-ни. Перевод с нем. и предисловие В. И. Молчанова. М.: Издательство «Гнозис», РИГ «ЛОГОС», 1994. – 177 с.
3. Голиков Ю. Я. Проблема методологических оснований анализа межсистемных взаимодействий / Ю. Я. Голиков, А. Н. Костин // Психологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 11–25.
4. Фахрутдинова Л.Р. Дисс на соиск уч.степ. докт.психол.наук «Структурно-динамическая организация переживания субъекта». Казань, 2012. – 535 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ И МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ

Халфиева А.Р. (Казань)

STUDY OF COGNITIVE STATES AND STUDENTS' PERSONALITY MOTIVATIONAL STRUCTURE ON THE LESSONS

Khalfieva A.R. (Kazan)

На сегодняшний день место и роль познавательных состояний, в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов практически не учитываются, поэтому актуальными являются исследования познавательных состояний в «студенческом возрасте» [2]. Мотивация является главной движущей силой в поведении и деятельности человека, в том числе, и в процессе формирования будущего профессионала. Поэтому особенно важным становится вопрос о мотивах учебно-профессиональной деятельности студентов.

А.О.Прохоровым и М.Г.Юсуповым в ходе исследований психических состояний был выявлен ряд познавательных состояний, наиболее часто переживаемых студентами в процессе учебы [3]. В список познавательных состояний, выделенных исследователями, были внесены не только психические состояния, способствующие усвоению знаний, но и препятствующие этому процессу. Данный список, состоящий из 20 познавательных состояний, был также использован и в этом исследовании.

Целью исследования было проведение сравнительного анализа мотивационных структур и выраженности познавательных состояний студентов второго и четвертого курсов гуманитарных специальностей в процессе учебного занятия (в начале, в середине и в конце).

Исследование проводилось на практических занятиях студентов, сопровождающихся высокой познавательной активностью. Всего в исследовании приняли участие студенты второго и четвертого курсов гуманитарных специальностей Казанского федерального университета в возрасте 19-22 лет, всего 72 человека.

Для решения задач исследования использовались следующие методики. С целью диагностики мотивационной направленности личности студентов была применена методика Т.Элерса «Мотивация к успеху и избеганию неудач» [4]. Для диагностики учебной мотивации студентов использовалась методика А.А.Реана и В.А.Якунина в модификации Н.Ц.Бадмаевой, в ходе которой были получены результаты по 7 шкалам: коммуникативные мотивы, мотивы избегания, мотивы престижа, про-

фессиональные мотивы, мотивы творческой самореализации, учебно-познавательные мотивы и социальные мотивы [1]. Для выделения преобладающих познавательных состояний в учебном процессе был применен список познавательных состояний, выделенный А.О.Прохоровым и М.Г. Юсуповым [3]. Испытуемым предлагалось оценить свое познавательное состояние в начале, в середине и в конце учебного занятия по десятибалльной шкале.

Анализ результатов исследования динамики познавательных состояний в ходе учебных занятий показал, что наиболее выраженными у студентов, как второго, так и четвертого курсов являются состояние размышления (раздумья) и задумчивости. Было выявлено, что у студентов четвертого курса состояние размышления возникает в начале учебного занятия, в то время как у студентов второго – в середине. Состояние задумчивости в обеих выборках более всего выражено в начале учебного занятия.

Что касается мотивационной структуры личности студентов, то результаты сравнительного анализа выборок студентов второго и четвертого курсов показали, что на четвертом курсе мотивация достижения успеха и избегания неудачи выше, чем на втором. По результатам исследования мотивации к учебной деятельности можно сказать, что на втором курсе преобладают коммуникативный и социальный мотивы, а на четвертом коммуникативный и профессиональный мотивы. Это показывает, что в обеих выборках самым значимым мотивом учебной деятельности является коммуникативный, который предполагает расширение круга общения посредством повышения своего интеллектуального уровня и новых знакомств. На четвертом курсе к этому мотиву добавляется профессиональный мотив, который способствует расширению возможностей устроиться на перспективную и интересную работу, в то время как на втором курсе большее значение для студентов имеет социальный мотив, а именно ориентация на определенное положение в обществе.

Таким образом, подводя итог сравнительному анализу познавательных состояний и мотивационных структур студентов второго и четвертого курсов, можно сделать вывод, что в ходе учебного занятия студенты испытывают одинаковые познавательные состояния размышления и задумчивости, в то время как данные мотивации достижения и избегания неудачи у студентов четвертого курса выше, чем у второго. Также выявлено, что основным мотивом учения студентов в обеих выборках является коммуникативный мотив, что, возможно, связано со спецификой гуманитарных специальностей. Предположительно, познавательные состояния связаны с мотивацией, а именно мотивами достижения успеха и

профессиональными мотивами, выяснение чего и является целью следующего этапа исследования.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00057а

Список литературы

1. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. – Улан-Удэ, 2004. С.151-154.

2. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Познавательные состояния в контексте интеллектуальной активности студентов // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2014. – №6. С.189-198.

3. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Феноменологические особенности познавательных состояний студентов различных курсов обучения // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 3 (45). – С.39-46.

4. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп Текст. / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. – 496 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕФЛЕКСИИ И ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Чернов А.В. (Казань)

INTERRELATION OF REFLECTION AND EVALUATIVE CHARACTERISTICS OF MENTAL STATES' REPRESENTATIONS

Chernov A.V. (Kazan)

Необходимость изменения психического состояния осознается субъектом благодаря рефлексии [1]. Рефлексия активизирует смысловые структуры сознания, детерминируя их включенность в регуляцию психических состояний. Вовлеченность рефлексивных уровней дает возможность субъекту переходить от операциональных к ментальным аспектам регуляции состояний и обратно [2].

В.П. Зинченко [3] выделяет бытийный и рефлексивный слои сознания, которые находятся в тесной взаимосвязи. Каждый из них несет на себе печать другого, что и позволяет им взаимодействовать. С.Л. Рубинштейн отмечает, что «возникновение сознания связано с выделением из жизни и непосредственного переживания рефлексии на окружающий мир и на самого себя» [4, с.260].

Т. Пыщински и Дж. Гринберга [5] вводят понятие «сфокусированного на «Я» внимания», которое является фактором развития, поддержания

и усиления депрессии. В работе Ю. Куля [6] показано, что более ориентированные на действие индивиды реализуют большую часть своих намерений по сравнению с теми, кто ориентирован на состояние.

В данном исследовании ментальная репрезентация понимается как результат отображения. Так, М.А. Холодная определяет её как «... актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т.е. субъективная форма «видения» происходящего)» [7, с.245]. Некоторые результаты исследований отражены в более ранней работе [8].

В исследовании приняли участие 45 человек обоего пола в возрасте 20-22 лет. Диагностировались уровень рефлексии и ментальные репрезентации состояний печали, радости, гнева и заинтересованности. Для изучения рефлексии использовалась методика А.В. Карпова [9], а для изучения ментальных репрезентаций модификация методики семантического дифференциала В.Ф. Петренко.

В результате исследования установлено, что рефлексия (деятельности и общения) в большей степени связана с такими характеристиками состояний, как уверенный-неуверенный, пассивный-активный, приятный-неприятный, печальный-весёлый, сильный-слабый, унылый-жизнерадостный, и сонливый-бодрый. Рефлексия более тесно связана с позитивными состояниями заинтересованности (6) и радости (19), нежели негативными состояниями печали (3) и гнева (5) (указано количество значимых связей), что свидетельствует о том, что сам процесс рефлексии чаще актуализируется в случае переживания студентами позитивных состояний.

Установлено, что рефлексия взаимодействия связана с такими характеристиками состояния печали как невосприимчивость и неуверенность, понижая их общий уровень. При высокой рефлексии гнев описывается как пассивный, приятный, сонливый, а также длительный и уверенный, то есть, с ростом уровня рефлексии нивелируются негативные характеристики состояния.

В отличие от негативных, рефлексия значимо связана с большим числом характеристик позитивных состояний. Так, при высокой рефлексии состояние радости описывается как сильное, светлое, изменчивое, а также легкое, веселое и хорошее. Отметим, что показатели рефлексии действуют на ментальные репрезентации состояний разнонаправленно. В репрезентации заинтересованности с ростом уровня рефлексии деятельности увеличиваются показатели «жизнерадостный» и «неуравновешенный», тогда как при высокой рефлексии общения, наоборот, увеличиваются показатели «сонливый», «слабый» и «невосприимчивый». Вероятно, это связано с направленностью рефлексии.

Итак, рефлексия значимо связана с ментальными репрезентациями различных по интенсивности и знаку психических состояний.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884а

Список литературы

1. Прохоров А.О., Чернов А.В. Рефлективная регуляция психических состояний в учебной деятельности студентов // Образование и саморазвитие. 2013. №4 (38). С. 11–16
2. Прохоров А.О., Чернов А.В. Рефлексия и психические состояния при разных формах учебной деятельности студентов // Психологический журнал. 2016. № 6. С. 47–56
3. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания. // Вопросы психологии. 1991. №2. С. 15–36.
4. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 189 с.
5. Pyszczynski T., Greenberg J. The Role of Self-Focused Attention in the Development, Maintenance, and Exacerbation of Depression. K. Yardley, T. Honess (Eds.). Self and Identity: Psychosocial Perspectives. Chichester, England: Wiley, 1987.
6. Kuhl J. Action Control: the maintenance of motivational states. F. Halisch, J. Kuhl (Eds.). Motivation, Intention, and Volition. Berlin; Heidelberg: Springer-Verl., 1987. 279–291.
7. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума: учебное пособие. М.: ПЭР СЭ, 2002. 304с.
8. Прохоров А.О., Чернов А.В. Репрезентация психического состояния: ситуация и феноменология образного уровня // Сборник материалов юбилейной конференции, посвященной 130-летию организации психологического общества при Московском университете «От истоков к современности»: в 5 томах: Том. 3. М.: Когито-Центр, 2015. С. 152–154.
9. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005, 352 с.

О СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ ПОРОЖДАТЬ СЛОВА

Шадриков В.Д., Бачурина А.О. (Москва)

ABOUT CHILDREN'S ABILITY TO GENERATE WORDS

Shadrikov V.D., Bachurina A.O.

Ключевыми моментами в изучении процесса развития человека является появление слова как выражения предметной мысли человека.

Проблема взаимосвязи мышления и слова достаточно широко и глубоко изучено в возрастной психологии [1], [2], [3], [4] и др. Но следует отметить, что основное внимание направлено на решение задачи, как и когда ребёнок овладевает словом в общении со взрослыми. При этом как

в отечественной, так и зарубежной психологии практически не уделяется внимание такому аспекту, как ребёнок порождает слово. Взгляды учёных в данном вопросе можно разделить на две позиции. Одни исследователи полностью отрицают возможность ребёнка порождать слово, другие исследователи обходят молчанием проблему порождения слова. Предметом нашего исследования и стал процесс порождения слова ребёнком [5].

На основе предварительных наблюдений мы сформировали гипотезу о возможности порождения ребёнком слова.

В исследовании приняло участие 200 студентов факультетов экономики и социальных наук. Студентам предлагалось расспросить своих родных (мам, пап, бабушек, дедушек) о том, помнят ли они необычные слова, которые произносили студенты в раннем детстве. При этом оговаривалось, что слова не должны быть имитацией или модификацией каких-либо слов взрослых, а должны являться самостоятельным словотворчеством ребёнка.

В результате было получено 70 таких слов.

Эти данные убедительно показывают, что дети обладают способностью к словотворчеству.

Опираясь на полученные данные, было высказано предположение, что на базе выделенных слов можно строить предложения. Для проверки данной гипотезы была собрана выборка из 20 человек (70 % женщин, 30 % мужчин в возрасте) от 18 до 21 года.

В исследовании участников просили составить из полученных слов, как можно больше предложений.

После выполнения задания испытуемых просили рассказать, какие трудности у них возникали при выполнении задания.

Испытуемые успешно справились с заданием, при этом наблюдались большие индивидуальные различия: количество составленных предложений находилось в пределах от 5 до 27. В двух случаях наблюдались выскакивающие результаты: 43 и 85 предложений.

Рассматривая трудности, возникающие при составлении предложений, мы особое внимание обратили на трудности, связанные с малым количеством глаголов (из 70 слов – 4 глагола). Отсутствие глаголов в тезаурусе можно объяснить тем, что глаголы для детей – это действия, ещё не перешедшие в мышление. На это обращал внимание С.Л. Рубинштейн, когда писал, что «действие – это первичная форма существования мышления» [4].

В развитии гипотезы в возможности составлять предложения из детских слов испытуемым было предложено составить диалог из слов словника. Данное задание было также с успехом выполнено.

В третьей части для того, чтобы показать, что дети способны создать свой язык, мы попросили перевести составленные испытуемыми предложения на детский язык. После перевода на детский язык многие испытуемые выучивали и понимали слова детского тезауруса и могли говорить на этом языке. Данный факт подтверждает предположение о том, что дети могут создавать свой язык.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что дети обладают способностью к словотворчеству. Это, в определённой мере, помогает понять, как появилось слово в процессе культурно-исторического развития человека.

Список литературы

1. Болотова А.К., Молчанова О.Н. Психология развития и возрастная психологи.: учебное пособие. М.: Высшая школа экономики (ВШЭ), 2012. С. 69-114.
2. Выготский Л.С. Психологическое развитие ребёнка. М.: Смысл, Эксмо, 2003. 512 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. СПб.: Союз, 1997. 254 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
5. Шадриков В.Д. Мысль и ее порождение // Вопросы психологии. 2014. 5. С. 118-127.

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛУХОВОГО ОБРАЗА В ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ

Шпагонова Н.Г., Садов В.А., Петрович Д.Л. (Москва)

THE CHARACTERISTIC OF AN ACOUSTICAL IMAGE IN LONG-TERM MEMORY

Shpagonova N.G., Sadov V.A., Petrovich D.L.

Процесс решения мнемических задач сенсорно-перцептивного уровня зависит от личностных особенностей, прошлого опыта, индивидуальных приемов деятельности испытуемых. Показано, что для испытуемых с высоким уровнем нейротизма характерна меньшая устойчивость воспроизведения звуковых эталонов по сравнению с испытуемыми с низким уровнем нейротизма. Экстраверты и эмоционально стабильные испытуемые более устойчиво воспроизводили эталон красного цвета, а интроверты и эмоционально нестабильные – эталон синего цвета [1]. Показана взаимосвязь тревожности и памяти: тревожность вызывает ненужные мысли или ассоциируется с ними, а эти мысли интерферируют с воспроизведением, вызывая отказ памяти [2]. Получено, что стиль «полезависимость/полenezависимость» связан с эффективностью работы памяти и внимания [3].

Целью данной работы является выявление связи показателей личностных и когнитивно-стилевых особенностей (экстраверсия-интроверсия, нейротизм, ситуативная и личностная тревожность, полезависимость-полнезависимость) с характеристиками воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) в процессе его хранения в долговременной памяти. В качестве эталона был выбран звуковой фрагмент – пение птиц в лесу (2449мс) [4]. Были использованы следующие методы исследования: личностный тест ЕРІ Г. Айзенка, методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, методика АКТ-70 для диагностики когнитивного стиля «полезависимость/полнезависимость» и метод воспроизведения длительности. Исследование проводилось индивидуально и состояло из пяти серий, время задержки составило от 20 минут до 28 дней. В первой серии испытуемому предъявлялся эталон для запоминания его длительности. Через 20 минут испытуемый воспроизводил длительность эталона нажатием на клавишу. Во всех последующих сериях испытуемый должен был вспомнить эталон и воспроизвести его длительность. Результаты исследования показали наличие связи ситуативной тревожности и стандартного отклонения воспроизведения длительности эталона. С увеличением ситуативной тревожности по всем сериям происходит увеличение стандартного отклонения, уменьшалась точность воспроизведения длительности эталона. Ситуативная тревожность испытуемых изменялась в процессе хранения эталона в долговременной памяти. Они становятся менее тревожными на 14 день хранения, с последующим увеличением тревожности до 28 дня. С повышением нейротизма и тревожности уменьшалась длительность воспроизведения эталона. С увеличением продуктивности (полнезависимости) увеличивалась точность воспроизведения длительности эталона. Этот эффект усиливался со временем хранения образа. Полученные результаты свидетельствуют о связи показателей личностных и когнитивно-стилевых особенностей с характеристиками воспроизведения длительности эталона в процессе его хранения в долговременной памяти.

Исследование поддержано грантом РГНФ № 150610438а

Список литературы

1. Корж Н.Н., Лупенко Е.В., Сафуанова О.В. Сенсорно-мнемические задачи и индивидуально-личностные особенности // Психологический журнал. Т. 11. № 5. 1990. С. 27-31.
2. Holmes T.H. Development and application of a quantitative measure of life change magnitude. In J. E. Barrett (Ed.), Stressful life events: their nature and effects. New York: Wiley, 1979.
3. Nosal Ch. S. Psychologiczne modele umyslu. – Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990.

4. Садов В.А., Шпагонова Н.Г. Роль семантики в воспроизведении длительностью звуковых фрагментов // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 34-43.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ

Юсупов М.Г., Румянцева С.С., (Казань)

CONTENT ANALYSIS OF THE COGNITIVE STATES OF STUDENTS

Rumyantseva S.S., Yusupov M.G. (Kazan)

Исследование сознания как составляющей психического состояния, представленного в системе значений, позволит выявить специфику и проявления сознания в состояниях, выделить основные структуры сознания, обеспечивающие категоризацию его качественных характеристик [1]. Существенной характеристикой познавательных состояний является доступность определенных его компонент (переживания, знаний, смыслов и др.) для осознания, благодаря чему открывается возможность для их саморегуляции.

Цель данного исследования – выделить наиболее общие категории, при помощи которых студенты осознают и описывают свои познавательные состояния в процессе обучения. Для этого использовался метод реконструкции субъективных семантических пространств. Правила группировки отдельных дескрипторов определялись на основании общих представлений о структурной организации психических состояний. Основными методами исследования были качественный анализ продуктов деятельности (сочинений в свободной форме) и контент-анализ (с помощью программы QDA Miner 4.0). В исследовании участвовало 38 студентов гуманитарных специальностей различных курсов обучения.

По результатам исследования установлено, что наиболее часто в ходе обучения студенты переживают состояния сосредоточенности, вдохновения и заинтересованности. При описании данных состояний студенты использовали лексические единицы, относящиеся к когнитивным (61,3%), эмоциональным (19,4%), мотивационно-волевым (12,9%) и физиологическим характеристикам (6,5%).

Для распознавания и осознания состояния сосредоточенности ведущей категорией выступает активность (прежде всего, внимания и мышления), далее по значимости идут категории отношения (переживания погруженности в себя, сосредоточенности на объекте познания) и силы

(интенсивность проявления соматических процессов). В состоянии вдохновения выделились две основные категории – активность когнитивных процессов (мышление, внимание, память, речь) и отношение (переживания воодушевления, подъема). Для состояния заинтересованности – активность когнитивных процессов, динамичность (мотивация) и отношение (переживание вовлеченности).

Таким образом, в осознании познавательных состояний доминирующее положение занимает категория «активность» (когнитивных процессов), в меньшей степени использовались эмоциональные и волевые характеристики и практически не упоминались физиологические. Наибольшее разнообразие семантических оперант, относящихся к категории «активность», характерно для состояния вдохновения.

Использованный в исследовании методический прием позволяет выделять ядро в проявлениях изучаемого состояния, тем самым обоснованно относить его к той или иной классификационной группе. В частности, показано, что состояние сосредоточенности имеет ярко выраженный когнитивный компонент. В то же время, такие состояния как заинтересованность и вдохновение содержат весомую долю мотивационных и эмоциональных характеристик.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а

Список литературы

1. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. – Дубна: Феникс+, 2002 – 280 с.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Юсупов М.Г. (Казань)

COGNITIVE STATES: STATEMENT OF THE PROBLEM

Yusupov Mark Gennadjevich (Kazan)

Исходные теоретические предпосылки для выделения класса познавательных состояний появились в результате изучения мыслительной деятельности человека. «Интеллектуальные чувства», возникающие в ходе мыслительного процесса, соотносились с отдельными фазами логического мышления и противопоставлялись обычным эмоциям, связанным с соматическими процессами. Поскольку когнитивные процессы структурно и функционально образуют относительно автономную сферу

субъекта (наряду с эмоциональной и регулятивной), её активность выступает на передний план при анализе возникающих «сопутствующих» психических состояний. В дальнейшем эти состояния рассматривались с точки зрения активности познавательных процессов субъекта [1].

Несмотря на то, что познавательные состояния типичны для учебной, научно-исследовательской, творческой и др. видов деятельности, на сегодняшний день отсутствует номенклатура познавательных состояний, не изучена их структура и функции, не проанализированы факторы их вызывающие, нет данных об их динамике в процессе деятельности, не разработаны критерии для выделения и систематизации познавательных состояний и др. Это связано с тем, что проблема классификации психических состояний не решена и вопрос дифференциации отдельных групп состояний (волевых, эмоциональных и др.), по-прежнему, остается открытым. Как следствие, состояния, характерные для познания (заинтересованность, удивление, раздумье и др.), отождествляют с мотивационными, эмоциональными или волевыми состояниями (наряду со страхом, тревогой и пр.), либо само существование познавательных состояний ставится под сомнение [2].

Поэтому актуальной является разработка и описание класса познавательных состояний субъекта, раскрытие их специфических характеристик (состава, структуры, функций, динамики), выделения номенклатуры и анализа параметров состояний (интенсивности, длительности, полярности и пр.), принципов классификации, исследования ситуативно-событийных факторов актуализации, связи с субъектно-личностными особенностями и др.

В общепсихологическом плане знание феноменологии познавательных состояний, их актуализации, длительности и интенсивности в ходе основной деятельности субъекта позволит углубить научное понимание активности человека как фундаментальной характеристики его бытия. Особую актуальность исследование познавательных состояний приобретает для разработки категории «психическое состояние», в целом, поскольку включает решение проблемных вопросов состава, классификации, структуры, функции, динамики, механизмов детерминации, диагностики и связи с другими категориями психических явлений. Следует отметить, что описания познавательных состояний в отечественной психологии делались, как правило, умозрительно. Широкие экспериментальные исследования, посвященные изучению познавательных состояний, не проводились. Как следствие, отсутствуют четкие теоретические представления о познавательных состояниях и их роли в жизнедеятельности субъекта.

Типичные познавательные состояния выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и, прежде всего, мыслительных процессов. Выяснение функций различных познавательных состояний в ходе основной деятельности человека, а также разработка методов их актуализации, является важнейшей практической задачей в области психологии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан, проект № 17-16-16012

Список литературы

1. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344с.
2. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 448 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ-МАРКЕРОВ ПОЛЯРНЫХ СТРАТЕГИЙ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Абакумова И.В., Годунов М.В. (Ростов-на-Дону)

DETERMINATION OF INDICATORS-MARKERS OF POLAR STRATEGIES OF MEANING-MAKING

Abakumova I.V., Godunov M.V. (Rostov-on-Don)

Стратегии смыслообразования входят в ядро ценностно-смысловой и мотивационной сфер личности, детерминирующих её жизнедеятельность. Несмотря на то, что в современной теории смысла описаны механизмы смыслообразования, проблема актуализации полярных смысловых оценок в смысловой реальности описана фрагментарно.

Предлагается при изучении смысловой сферы рассматривать две полярные стратегии смыслообразования [1]: приспособительная стратегия смыслообразования – основанный на формальной и стереотипной предзаданности целей способ организации смысловой сферы, направленный на необходимость компенсации недостатков развития индивида путем подстройки и однообразного движения в слое уже обретенных личностных смыслов под воздействием внешней среды, воспринимаемой как доминирующей и детерминирующей его жизнедеятельность; развивающая стратегия смыслообразования – ориентированный на осознание мотивов и порождение актуальных целей способ трансформации смысловой сферы, направленный на формирование перспективных смыслов и своевременную трансформацию их содержания для осуществления возможности личностного роста под влиянием внешних факторов, оцениваемых как преодолимые условия жизни при самодетерминации индивидом своей деятельности.

В силу изоморфного соотношения между смыслами и свойствами личности возможно выявление связей между этими двумя концептосферами посредством частных семантических дифференциалов по типу полярных шкал личностных свойств [2]. Личные смыслы, как жизненные ценности, активируют соответствующие стратегии взаимодействий личности, ценностно-смысловой потенциал которой реализуется в трех основных сферах: мировоззренческой, поведенческой, когнитивной.

Каждая из этих сфер описана на языке личностных свойств посредством биполярных семантических шкал. Для эмпирического исследо-

вания стратегий смыслообразования дополнительно к разработанному частному семантическому дифференциалу был так подобран набор тестов, чтобы они охватывали исследуемую область смысловой реальности и дополняли друг друга: тест СЖО Д.А. Леонтьева, тест Куна «Кто Я?», фрустрационный тест Розенцвейга, тест множественного интеллекта Гарднера, анкета личностной рефлексии И.А. Стеценко.

Эмпирическое исследование полярного оценивания при различных стратегиях смыслообразования проводилось на выборке 145 человек среди студентов и учителей средних школ Ростовской области. Были определены описательные статистики по всем тестам батареи. Далее вычислены коэффициенты линейной корреляции Пирсона среди показателей тестов с выделением статистически значимых величин – установлены показатели-маркеры стратегий смыслообразования. Стабильное наличие положительных статистически значимых корреляционных связей ($p \leq 0,05$) у девяти шкал частного семантического дифференциала и уровня саморефлексии по анкете И.А. Стеценко обнаружено только в тесте СЖО с показателем «ОЖ» – «осмысленность жизни», который будем считать основным показателем-маркером для выявления актуальной стратегии смыслообразования. Если у респондента величина показателя-маркера больше средней величины по выборке, то он относится к страте с развивающей стратегией. Если у респондента величина показателя-маркера меньше средней величины по выборке, то он относится к страте с приспособительной стратегией.

Исходя из эмпирически установленных различий на основании показателя-маркера «осмысленность жизни» возможно построение личностных профилей по шкалам частного семантического дифференциала личностных свойств, что будет отражать особенности изучаемых полярных стратегий смыслообразования.

Список литературы

1. Абакумова И.В., Годунов М.В., Енин А.Л., Генердукаева З.Ш. Стратегии смыслообразования: современные представления в работах отечественных исследователей: учебное пособие. – М.: КРЕДО, 2016. – 38 с.
2. Годунов М.В. Ансамбль свойств личности: интерпретация и диагностика bipolarных семантических шкал. Книга 1. – М.: КРЕДО, 2016. – 365 с.

КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ: ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ

Аванесян М.О. (Санкт-Петербург)

CULTURAL METAPHORS OF TIME: AN INDIVIDUAL ASPECT

Avanesyan M.O.

Понимание и переживание времени, разговор о нем осуществляются человеком с опорой на средства, предоставляемые культурой. Для описания своей жизни человек может выбрать разнообразные метафоры: жизнь – это путь, театр, борьба, шахматная игра, а возможно, и что-то другое. Любая из этих метафор освещает определенные характеристики жизни.

Однако, исследуя тему метафор жизни на культурно-историческом макроуровне, мы упускаем психологическую составляющую метафорического осмысления жизни. В данном контексте мы не будем фокусироваться на метафоричности как базовом способе постижения реальности, укорененном в телесном опыте (*embodied cognition*) (Лакофф, Джонсон, 2004; Лакофф, 2011). Нашей целью было выявление индивидуальных особенностей ментальных репрезентаций, связанных с метафорами, посвященными времени жизни. В исследовании на добровольном начале участвовало 24 человека в возрасте 17–26 лет, студенты факультета психологии СПбГУ. В качестве стимульного материала мы выбрали две общеизвестные метафоры времени: «время – это стрела» и «годы – это багаж». Каждого респондента мы просили отразить свое понимание основного смысла метафоры в двух формах: изобразительной и словесной. Мы использовали метод пиктограмм, поскольку их создание представляет собой целостный акт, в котором объективируются как «эмоциональные», так и «содержательные» компоненты мыслительного процесса (Лонгинова, 1998). Был проведен сравнительный качественный анализ ответов. Со всеми респондентами после выполнения заданий было проведено интервью с целью уточнения параметров рисунков.

В целом, словесные формулировки сути метафор совпадали у наших респондентов и соответствовали их общепринятому значению. Однако пиктограммы позволили отразить те особенности образных репрезентаций, которые не проявились в словесных формулировках.

Суть метафоры «годы – это багаж» большая часть респондентов сформулировала как то, что с возрастом накапливается опыт. Для этой метафоры были выявлены три типа изображений: 1) изображение бага-

жа, которое содержало мало деталей, внутреннее содержание багажа не прорисовывалось или изображалось в виде одинаковых элементов (квадратиков, кружков) (25%); 2) изображение человека, который несет тяжелый мешок/рюкзак/сумку (20,8%); 3) несколько этапов прироста багажа, его накопления в течение жизни (серия изображений «растущих» людей или все более увеличивающееся количество элементов багажа) (41,6%).

Образная репрезентация смысла метафоры «время – это стрела», в отличие от первой метафоры, была представлена стереотипным изображением – стрелой, летящей слева направо. Стрела, таким образом, не имела ни начального источника движения, ни конечной цели. Почти все респонденты отметили, что «время летит с высокой скоростью»; «время нельзя остановить и повернуть назад». Исключением стали рисунки и ответы двух респондентов, которые рассматривали стрелу времени в контексте человеческой жизни (напр., на траектории полета стрелы отмечена точка начала полета – «зачатие»). Только в одном случае фрейм «стрелы» расширил понимание времени: «время убивает; время – что-то абстрактное, запущенное кем-то или чем-то (богом, судьбой)».

Таким образом, несмотря на то, что метафоры являются культурно заданными формами осмысления опыта («универсальными ключами»), конструирование их смысла осуществляется с помощью индивидуальных ментальных репрезентаций. Кроме того, респонденты различались в том, насколько для конструирования смысла метафоры они использовали уже готовые знаковые средства – как словесные, так и образные.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 15-36-01357 «Метафоры времени и пространства в жизненных сценариях и Я-нарративах людей различных поколений».

Список литературы

1. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. 2011.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
3. Лонгинова С. В. Исследование мышления больших шизофренией методом пиктограмм // Патофизиология: Хрестоматия / Сост. Белопольская Н. Л. М., 1998.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО В ЮНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Алишев Б.С. (Казань)

THE EMOTIONAL PERCEPTION OF THE PAST AND FUTURE IN YOUTH AND THE SATISFACTION OF LIFE

Alishev B.S. (Kazan)

В исследованиях субъективного благополучия часто используется понятие «гедонический (аффективный) баланс, под которым понимается соотношение позитивных и негативных эмоций, типичных для личности в течение некоторого времени [2; 3]. Продолжительность этого времени колеблется в разных методиках (например в PANAS [1] речь идет о неделе), но в любом случае подразумевается прошлое. Между тем, переживания человека связаны не только с теми событиями, которые уже произошли, но и с теми, которые ожидаются.

Поэтому есть смысл отдельно рассматривать «гедонический баланс», относящийся к прошлому и к будущему. Вполне возможно, что роль двух его аспектов является разной в разные возрастные периоды жизни человека. В частности, логично предположить, что в юности роль эмоционально окрашенных ожиданий, обращенных к будущему, будет большей, чем в старших возрастных группах. Соответственно, можно ожидать, что у молодых людей удовлетворенность жизнью сильнее связана с эмоциональным восприятием своего будущего.

Для изучения взаимосвязей между двумя аспектами «гедонического баланса и некоторыми другими психологическими параметрами, было проведено исследование на студентах-первокурсниках. Выборка состояла из 153 человек обоего пола. Использовались шкала удовлетворенности жизнью Э. Диенера (русскоязычная версия Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина); шкала диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера (русскоязычная версия Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина). Для измерения «гедонического (аффективного) баланса была использована авторская методика. В ней каждому испытуемому предлагалось, используя 9-ти балльную шкалу, оценить, насколько для него типичны 20 эмоций, разделенных на два перечня (один из них относился к прошлому, другой – к будущему). В каждом перечне половина эмоций были положительными, а половина – отрицательными. В каждом перечне подсчитывалась сумма баллов отдельно по позитивным и негативным эмоциям, затем вычислялся общий «гедонический баланс».

Исследование показало, что для студентов характерен практически одинаковый уровень позитивных переживаний, как для прошлого, так и для будущего (соответствующие индексы равны 32,9 и 33,3 по 45-ти балльной шкале). При этом «сумма» позитивных переживаний значительно превышает «сумму» негативных переживаний (соответственно 22,3 и 19,9). Как можно видеть, «гедонический баланс» у студентов-первокурсников заметно смещен в положительную сторону и при оценке прошлого, и при оценке будущего, но во втором случае смещение является особенно очевидным.

Однако более важными являются результаты корреляционного анализа. Они показывают, что все измеренные параметры «гедонического баланса» коррелируют с удовлетворенностью жизнью и с диспозиционным оптимизмом. В то же время, выявлено, что «гедонический баланс», относящийся к будущему, имеет более высокие значения коэффициента корреляции с удовлетворенностью жизнью, чем «гедонический баланс», относящийся к прошлому (соответственно 0,450 и 0,385). Еще большие различия имеются между коэффициентами корреляции двух разновидностей «гедонического баланса» с индексом диспозиционного оптимизма (соответственно 0,579 и 0,418).

Таким образом, общая модальность эмоциональных ожиданий, обращенных к будущему, являются важным психологическим фактором, тесно связанным с удовлетворенностью жизнью и оптимизмом в молодых возрастных группах.

Список литературы

1. Crawford, J. R., & Henry, J. D. The positive and negative affect schedule (PANAS): construct validity, measurement properties and normative data in a large non-clinical sample // *British Journal of Clinical Psychology*, 2004. Vol. 43, P. 245-265.
2. Schimmack U., Radhakrishnan P., Oishi Sh., Dzokoto V., Ahadi S. Culture, Personality, and Subjective Well-Being: Integrating Process Models of Life Satisfaction // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. (4). P. 582-593.
3. Steel P., Schmidt J., Shultz J. Refining the relationship between personality and Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134 (1). P. 138–161.

НЕЛИНЕЙНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ПАРАМЕТРОВ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ОТ УБЕЖДЕННОСТИ В БЛАГОСКЛОННОСТИ МИРА

Басимов М.М., Николаева И.А. (Москва)

NONLINEAR DEPENDENCE OF PARAMETERS OF COMMUNICATIVE TOLERANCE ON THE BELIEF IN BENEVOLENCE OF WORLD

Basimov M.M., Nikolaeva I.A.

Проблема оценки себя и других имеет теоретическое и практическое значение в современной психологии. В исследовании И.А. Николаевой [1,2] также предпринята попытка структурирования отношений «Я-другие» в системе личностных ценностей. Наряду с уровнями отношений (смысложизненным, личностным, социально-ролевым) эмпирически были выделены компоненты ценностной стратификации «других»: «идеалы», «другие выше среднего», «другие выше (лучше) Я», «равноценные Я», «другие ниже (хуже) Я»; «антиидеалы». При обработке данных использовался авторский подход М.М. Басимова [3].

Анализ зависимости 10 параметров методики В.В. Бойко (Y) от параметра «Благосклонность мира» (X) («Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман) показал как сильные, представляющие исследовательский интерес, четыре нелинейные связи, которые классифицируются как «зависимости с минимумом». «Благосклонность мира» выражена у человека, когда для него в этом мире гораздо чаще происходит что-то хорошее, нежели плохое; в мире больше добра, чем зла. Опишем подробно одну зависимость.

Зависимость параметра «Категоричность или консерватизм в оценках других людей» (Y) от параметра «Благосклонность мира» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +1730); X-2 (Y= -28); X-3 (Y= -4477); X-4 (Y= +1591)

Коэффициент силы связи = 1.07 (зависимость X от Y: 0.33)

Коэффициент корреляции = 0.04

Минимальные значения (сравнительная весомость= -4477) по шкале «Категоричность или консерватизм в оценках других» имеется для 3 кварты по шкале «Благосклонность мира». При этом для 1 и 4 кварт параметра «Благосклонность мира», значения зависимого параметра примерно равны (+1730 и +1591), т.е. это зависимость с минимумом, близкая к симметричной.

Итак, максимальная категоричность в отношениях к другим (сравнительные весомости +1730 и +1591) проявляется как при оценке мира как

«враждебного» (1 кварта), так и максимально «благосклонного» (4 кварта). Категоричность исчезает (до -4477), когда ощущение, что мир добр, достаточно выражено, но не максимально (3 кварта).

Основываясь на данном типе связи, можно выдвигать гипотезы по формированию гибкости в отношениях. Так, можно предполагать, что коррекция восприятия «враждебных» клиентов в оценке мира как «благосклонного» от 1-й до 3-й кварталы значений, повлияет на снижение их категоричности в межличностных отношениях с другими. Однако требуется коррекция и чрезмерная идеализация «благосклонного» мира.

Коэффициент линейной корреляции для рассмотренной зависимости явно не представляет интереса. Хотя как простейшая нелинейная связь с минимумом она объективно существует.

Аналогичные зависимости от параметра «Благосклонность мира» имеются для параметров: «Общая коммуникативная толерантность», «Неприятие или непонимание индивидуальности другого» и «Использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других людей».

Таким образом, исходя из формы полученных зависимостей (с минимумом), просто говорить о полезности восприятия благосклонности мира как причины для формирования толерантности нельзя. Низкие и ниже среднего значения «благосклонности мира» мало влияют на толерантность, а идеализация «благосклонности мира» приводит к максимальной интолерантности.

Изучение простейших нелинейных связей апробировалось в многочисленных психологических исследованиях ученых Курганского государственного университета [4-6] и Российского государственного социального университета [7-10], представляющих различные области психологической науки. Нелинейная психология – это неизбежный путь изучения психологических систем.

Список литературы

1. Николаева И.А. Универсальные критерии ценностного и нравственного оценивания и сопутствующие психологические феномены / Психология нравственности / Отв.ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: ИП РАН 2010. С. 67-94.
2. Николаева И.А. Ценностная оценка себя и других: психологический анализ нелинейных связей // Вестник Курганского государственного университета. Серия «Физиология, психология и медицина». Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. Вып.4. С. 91-98.
3. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 666.

4. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 403.
5. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear effects in interaction “child-parent” // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 261.
6. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear influence of severity on the lifemean orientations of the child // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Volume 47, Supplement 1, 2012. P. 261.
7. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 851.
8. M.Basimov Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.
9. P.Basimova, M.Basimov Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 903.
10. P.Basimova, M.Basimov Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. P. 789.

**СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
УСПЕХЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА В СВЯЗИ
С ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТИРОВАННОСТЬЮ**

Белова Е.В. (Ростов-на-Дону)

**THE CONTENT OF STUDENTS' REPRESENTATIONS OF
PROFESSIONAL SUCCESS IN RELATION
TO THEIR PROFESSIONAL ADAPTATION**

Belova E.V. (Rostov on Don)

Изучение представлений студентов о профессиональном успехе представляется актуальным в силу того, что любое развивающееся общество заинтересовано, чтобы вложения в образование молодежи приумножались высокопрофессиональными кадрами, создающими надежную основу процветания будущих поколений. Сформированные представления о собственном профессиональном успехе у студенчества усиливают мотивацию на освоение профессии, задают ориентиры для развития в ней. Вместе с тем, содержание представлений о профессиональном успехе остается уникально своеобразным, сопряженным с ценностями субъекта и позволяющим гибко выстраивать индивидуальную траекторию профессионального развития.

Успех изучался в разных психологических направлениях – психоанализе, транзактном анализе, гуманистической психологии [1; 2]. В отечественных исследованиях проблематика успеха прочно связывается с феноменологией смысла и субъектности [3; 4]. Традиция разведения созвучных понятий «успех» и «успешность» надежно закрепила за первым объективность конкретных достижений, соответствующих и превосходящих запланированное, за вторым – субъективность переживания успеха, условий и возможностей его достижения, а также характеристику самой реализующей цели личности. «Личность может быть нацелена на успех, как на конкретный результат, и на развитие успешности как особого качества, реализующего значимый смысл в процессе достижения успеха» [5, с. 101].

Целью изучения выступило изучение содержания представлений о профессиональном успехе в связи с профессиональной адаптированностью студентов. К исследованию были привлечены 90 студентов 3-4 курсов Южного федерального университета, Донского государственного технического университета и Ростовского государственного университета путей сообщения. Содержание представлений студентов о профессиональном успехе изучалось при помощи контент-анализа текстов эссе. Посредством методики изучения синдрома адаптированности личности к профессии Дембо-Рубинштейн в модификации С.Т.Джанерьян выявлялись показатели адаптированности студентов к процессу обучения, а у работающих студентов – и к осуществляемой ими профессиональной деятельности.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что профессиональный успех означает финансовое благополучие как для студентов, которым легко дается обучение в вузе, так и для работающих студентов, которые оценили профессиональную деятельность как не требующую существенных вложений физических, эмоциональных и прочих ресурсов.

Студенты, неудовлетворенные процессом обучения в вузе и ниже других оценивших успешность своего обучения, профессиональный успех ассоциируют с достижением компетентности и профессионализма. Видимо, представление о профессиональном успехе в данном случае выполняет функцию идеала, содержательно компенсирующего не оправдавшиеся в обучении ожидания.

Работающие студенты, удовлетворенные профессиональной деятельностью, связывают профессиональный успех с достижением самореализации и гармонии между разными сферами своей жизни, благополучие каждой из которых может обеспечиваться финансовыми и нематериальными ресурсами, получаемыми в сфере профессиональной.

Для неудовлетворенных своей работой студентов профессиональный успех означает особые, сопряженные с профессией состояния и эмоции – радость, вдохновение, счастье. Для работающих студентов, наиболее высоко оценивших успешность своей деятельности, профессиональный успех содержательно раскрывается через служение другим людям.

Полученные результаты значимы для практики профориентации и консультирования по вопросам развития карьеры личности.

Список литературы

1. Балецкая Л.Н. Атрибуты профессионального успеха // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 338-341.
2. Нефедова Н.И. Социальные представления об успехе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 141-147.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991. 215 с.
4. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: Переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 25-29.
5. Белова Е.В., Зинченко Е.В. Личностные особенности специалистов Call-центра в связи с объективными и субъективными показателями успешности их профессиональной деятельности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 12 (68). С. 94-113.

ТОПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРА

Большунова Н.Я. (Новосибирск)

THE TOPOLOGY OF THE NATURE

Bolshunova N.Y. (Novosibirsk)

Появление в 19–20 вв. топологии как простого и фундаментального описания многомерной и непрерывно изменяющейся, но остающейся самой собой реальности актуализировало применение топологического языка для понимания процессов, происходящих в социуме и человеке: «топологическая аналитика современных культурных процессов» [1], «топологическая рефлексия» [2], «топология мира человека» [3], «психологическое пространство личности» [4], и др. Применение топологической методологии в психологии человека оправдано, поскольку мир личности действительно топологичен: многомерный, непрерывно трансформирующийся и в этих трансформациях гомеоморфный.

Возможно, наиболее применим топологический подход к пониманию такой составляющей личности и индивидуальности как характер. Положения о характере А.Ф. Лазурского, С.Л. Рубинштейна, В.Н. Мя-

сищева, Б.Г. Ананьева и др. подчеркивают его топологический смысл: положение о характере как устойчивом свойстве личности, в котором представлено единство отношений человека к миру и поступка, предполагает многомерность как системы отношений, так и их связей с поведением; многомерность проявляет себя в понимании характера через соизмерение его с направленностью (системой ценностей, на которые человек ориентируется); с биологической основой, в том числе природным (генетическим) началом человека; с социальными требованиями и нормами, свойственными данному обществу, историческому этапу, этносу, религии; этике; многомерность характера представлена в положении [5], что он выражается и в целях деятельности, и в выборе средств или способов осуществления цели, т.е. включает в себя и содержание, и формы поведения;

Как многомерное образование характер складывается в процессе жизненного пути, топология которого определяется активностью субъекта, его выборами в различных жизненных ситуациях, их переживанием, соотносительностью выборов как с требованиями реальности, так и с пониманием и чувствованием себя, способностью откликаться на требования своей индивидуальности, а также способностью соизмерять свои выборы со значимой системой ценностей. Каждая устойчивая черта характера является результатом взаимодействия многообразных факторов, и каждый поступок, актуализируемый соответствующей чертой или их отношением, также многомерен и представляет собой типичный для данной личности поведенческий топос. В характере, пишет С.Л. Рубинштейн, «заключена внутренняя логика, взаимосвязь определяющих его свойств и установок» [5, с.672]. Эта внутренняя логика и определяет как инвариант (топос) характера, так и гомеоморфность вариантов поведения данного человека в различных жизненных ситуациях. Идея единства устойчивости и изменчивости, открытости и закрытости личности как системы, также может быть понята с позиций гомеоморфности пространства ее проявлений и ее развития. Характер с точки зрения топологического подхода можно рассматривать как уникальный, устойчивый и в некотором смысле непреодолимый тип и способ постановки и решения жизненных задач.

Топологический подход позволяет разрешить противоречия в понимании проблемы национального характера, проявляющиеся, с одной стороны, в попытке отказа от этой категории, а с другой – в поиске замены ее понятиями национальный менталитет, базовая личность, модальная личность и пр. Национальный характер мы понимаем как способ бытия, народа в истории; это устойчивая конфигурация способа постановки и решения социокультурных, исторических и геополитических задач, сло-

жившаяся в данной культуре, которая может иметь многочисленные варианты, сохраняя, тем не менее, свой топологический инвариант.

Список литературы

1. Еникеев А. А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века// Культурная жизнь Юга России. 2014. №3 (54), С. 34–36.
2. Савчук В.В. Введение в топологическую рефлексию (Курс лекций). СПб., Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2004. 187 с.
3. Тынянова О. Н. Миры человека: попытка топологии//Пространство и Время. 2013. № 2 (12). С. 9 – 10.
4. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности: Монография. М.: Прометей, 2005. – 312 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с. 704 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ СТУДЕНЧЕСТВА

Бубновская О.В. (Владивосток)

CORRELATION OF MOTIVATIONAL AND PERSONAL SPHERE'S FEATURES AND EDUCATIONAL RESULTS OF STUDENTS

Bubnovskaya O.V. (Vladivostok)

Проблема мотивации студенчества является ключевой в образовании, а ее решение требует междисциплинарного подхода [1, 2].

Наши исследования, подтверждающие факт влияния мотивации на успешность обучения студенчества, эмпирически показывают:

- 1) преобладание внешней мотивации над внутренней;
- 2) повышенный уровень личностной конфликтности на первом и выпускном курсах, рост уровня рассогласования мотивационно-личностной сферы студенчества в процессе обучения;
- 3) слабую выраженность у молодежи потребности в познании, низкая его значимость, а ведь когнитивное развитие взаимосвязано с ощущением психологической безопасности личности [3];
- 4) снижение тесноты связи успешности обучения в школе и вузе от первого курса к выпуску;
- 5) пересмотр значимости/доступности жизненно важных сфер при наличии несогласованности профессиональных планов и жизненных целей молодежи, противоречивость и внепрофессиональную направленность ее мотивации и др.

В целом, отмечается дезинтеграция в мотивационно-личностной сфере, которая «сопровождается чувством конфликтности собственного «Я», фрустрированностью ведущих потребностей, недовольством настоящей ситуацией, что связано с различными показателями психического неблагополучия» [6].

Студенчество характеризуется заданным поведением с преобладанием внешней и амотивирующей мотивационных субсистем с типом каузальной ориентации, характеризующейся отфильтровыванием неприемлемых для личности стимулов, неосознаваемыми мотивами, отходом от потребностей, внутренней конфликтностью, автоматическими действиями, постоянными стрессами, негибкостью, самообманом.

«Лишь единицам (и только на старших курсах) свойственен уровень идентифицированной регуляции, способствующий функционированию внутренней мотивации, если позволяет ситуация, связанный с мотивацией, направленной на овладение мастерством, с воспринимаемой когнитивной компетентностью и самооценностью» [6].

При этом следует учитывать, что именно гармоничная структура мотивационно-личностной сферы существенно обуславливает высокую успешность в различных областях деятельности, способствует максимальному раскрытию индивидуальности, переживанию комфорта, полноты жизни и удовлетворенности ею.

В связи с этим отметим три тезиса:

1. Необходимо учитывать не отдельные мотивы, а содержание всей мотивационно-смысловой сферы личности, включая мотивационно-смысловые образования [4], ценностные, смысложизненные и карьерные ориентации обучающихся, а также относительную независимость от среды этих стержневых характеристик личности.

2. Важно изучать не только содержание и особенности мотивационно-смысловой сферы студенчества, но и ее динамику, выстраивая целостную картину образовательных результатов, «компетентный профиль» выпускника (например, опыт Школы гуманитарных наук ДВФУ)

Подобная лонгитюдность повышает прогностичность исследований мотивации студенчества и надежность оценки ее влияния на успешность обучения с учетом индивидуальных особенностей обучающихся.

3. Еще один ключевой фактор, влияющий на становление и развитие мотивационно-личностной сферы, – это осознанность [5] и рефлексия, которые слабо развиваются в современной системе образования. «Клиповость» снижает способность к анализу, не позволяет углубиться в подробное изучение, задержать информацию в сознании, что влияет на обучаемость и усвоение материала, на способность к самообразованию в целом.

Список литературы

1. Ажимов Ф.Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. №11. С. 70-77.
2. Бубновская О.В. «Взаимодействуй или умри»: выход за пределы дисциплины // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 72-76.
3. Зинченко Ю.П. Контекстуальные факторы психологической безопасности в образовательном пространстве // Современное образовательное пространство: психологическое благополучие и культура безопасности сборник докладов межрегиональной конференции с международным участием. Москва – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 21-22.
4. Сосновский Б.А. Мотив и смысл (психолого-педагогическое исследование). – М.: Прометей, 1993. 199 с.
5. Уильямс М., Пенман Д. Осознанность: как обрести гармонию в нашем безумном мире; пер. с англ. Ю. Цыбышевой; науч. ред. Н. Никольская. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 288 с.
6. Bubnovskaya O.V. Gender features of motivational and personality sphere of the youth // World Applied Sciences Journal. 2013. Т. 27. № 13 А. С. 48-52.

ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ

Валеева Р.А., Устин П.Н., Попов Л.М. (Казань)

THE PSYCHOLOGY OF INTERPRETATION OF ETHICAL SITUATIONS

Valeeva R.A., Ustin P.N., Popov L.M. (Kazan)

К ведущим факторам этической регуляции взаимодействия личности с другими людьми относятся механизмы восприятия и понимания людей и контекста ситуации, в которой происходит это взаимодействие. Одним из таких механизмов выступает интерпретация – когнитивный процесс, который согласно словарным источникам обычно трактуется через такие синонимичные понятия, как: толкование, истолкование, разъяснение, объяснение, перевод на более понятный язык.

К настоящему времени в психологических исследованиях понятие «интерпретация» не имеет широкого хождения и, как правило, выступает в качестве «фоновой характеристики» при изучении когнитивных процессов, в частности при рассмотрении категории «понимание». Аспекты понятия интерпретации встречаются в ряде работ, в частности в исследова-

дованиях В.В. Н.В. Брянник, Г.В. Залевского, В.В. Знакова, Т.М. Дридзе, А.Н. Славской, Е.Д. Хирша и других авторов.

В исследовании интерпретация рассматривается нами как механизм, включенный в состав когнитивного (пространственно-временного) комплекса психологической организации человека как субъекта развития и саморазвития. Роль данного механизма заключается в сопровождении интеллектуальной активности субъекта, как при мыслительных, так и творческих процессах.

Психология интерпретации этических ситуаций, сформулированная в качестве исследовательской проблемы, предполагает практическую реализацию рассматриваемого механизма через создание психологических технологий развития личности. В частности нами была разработана и апробирована технология «Open quest study». Данная технология построена на идее перехода от репродуктивного процесса познавательной активности личности к продуктивному и направлена на стимуляцию творческого начала студентов.

Продолжением идеи стала разработка технологии проблемных интерпретаций. Ее назначение – развитие этических компетенций студентов-психологов в образовательном пространстве через активизацию механизмов интерпретации разнообразных проблемных ситуаций этического содержания. Данная технология построена на идеях конструктивизма и понимания учащегося как субъекта учебного процесса. Освоение материала в рамках технологии осуществляется через следующие процессы. 1. Активизация (стимулирование) когнитивной активности учащихся. 2. Постановка учебной задачи перед учащимися. 3. Репрезентация учащимися смысловых образов в рамках поставленной учебной задачи в единое образовательное поле, формируемое в процессе обсуждения. 4. Конструирование собственного понимания материала учащимися в рамках поставленной учебной задачи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Предмет и методы нравственно-этической психологии личности» № 16-06-00566а.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФЕНОМЕНЕ ПРОЩЕНИЯ
ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
СФЕРОЙ ЧЕЛОВЕКА**

Васильева О.С., Блинова Н.Н. (Ростов-на-Дону)

**THE CONCEPTION OF THE PHENOMENON
OF FORGIVENESS IN INTERRELATION
WITH THE EMOTIONAL SPHERE OF THE PERSON**

Vasilyeva O.S., Blinova N.N. (Rostov-on-Don)

Актуальность изучения феномена прощения и готовности к прощению обусловлена, в первую очередь, следующим: прощение, будучи широко распространённым явлением в обыденной жизни человека, относится к числу недостаточно изученных в современной психологии.

Нами было предпринято исследование, целью которого выступило изучение представлений о прощении как самостоятельном психологическом феномене и готовности к прощению во взаимосвязи с субъективной оценкой благополучия и уровнем эмоционального интеллекта.

Проведённое исследование выявило достоверные корреляционные связи уровня готовности к прощению с показателями таких шкал субъективного благополучия как «Самооценка здоровья» и «Степень удовлетворенности повседневной жизнью». На основании анализа эмпирических данных были сделаны выводы, показывающие, что уровень готовности к прощению имеет значимую корреляцию с интегративным показателем эмоционального интеллекта. Полученные результаты позволяют говорить о том, что субъекты с высокой готовностью к прощению способны к эффективной регуляции своей эмоциональной сферы. Исследуя феномен прощения, был выделен ассоциативный ряд прощения: «обида», «внутренняя боль», «страдание», «понимание», «осознание», «принятие», «раскаяние», «облегчение», «исцеление», «гармония», «мир» и др. В некоторых анкетах прощение ассоциируют с развитием и внутренней работой. И это действительно очень сложная работа в стремлении восстановить и сохранить свое эмоциональное состояние несмотря на травмирующие ситуации. В числе качеств, присущих человеку, умеющему прощать, респонденты чаще всего отмечают: «добродушие», «понимание», «великодушие», «мудрость», «сострадание», «сочувствие», «искренность». В целом же, человеку, склонному прощать, чаще приписываются моральные качества, характеризующие высокую когнитивную, эмоциональную и поведенческую компетентность. В числе качеств, присущих человеку, не умеющему прощать, респонденты

отмечают: «гордыню», «злость», «эгоизм», «злопамятство», «завистливость», «обидчивость», «самолюбие», «черствость», «ограниченность». Большинство респондентов (62%) четко ставят границу между тем, что «можно простить» и что «нельзя простить». К поступкам, вызывающим наибольшее психологическое сопротивление в плане реализации прощения, относятся: предательство, преднамеренное убийство. 99% опрошенных ответили утвердительно, что нужно учиться прощать, при этом 3% респондентов определяют для себя направление обучения как освоение религиозного сознания, в частности изучение Библии.

Осознавая актуальность способности прощать для психического здоровья каждого человека, нам показалось важным разработать и апробировать разные виды программ[1]. Так, например:

1. тренинг прощения, в котором каждый участник имеет возможность проговорить и обсудить в группе свой наиболее яркий опыт прощения и непощения с дальнейшим групповым обсуждением значения данной ситуации в жизни человека;

2. организационно-деятельностная игра, которая влияет на расширение представлений о возможности прощения, помогает участникам корректировать свои представления, способствуют более глубокому пониманию социально-психологических аспектов прощения.

Таким образом, тема прощения становится нравственным стержнем оздоровления человека, особенно в период душевных и физических страданий, одним из важнейших аспектов психотерапевтической практики.

Список литературы

1. Васильева О., Шинкаренко О., Блинова Н. О прощении. // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 1/2005 (6). С.114-125.

ПРИНЯТИЕ АГРЕССИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Воробьева Е.В., Ермаков П.Н., Перков М.А. (Ростов-на-Дону)

ADOPTION OF AGGRESSION AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

Vorobyeva E.V., Ermakov P.N., Perkov M.A.

Изучение природы агрессии и агрессивного поведения методами психогенетики показало, что в основе данного феномена лежат как наследственные, так и средовые факторы [2]. В гуманистической психологии отмечается, что постоянное вытеснение, подавление агрессив-

ных импульсов не способствует психологическому здоровью личности. В рамках теории самоактуализации Э. Шостром разработал Personal Orientation Inventory (POI), при этом использовалось понимание самоактуализации как многомерного феномена, включая способность к принятию агрессии (т.е. к свободному проявлению эмоций гнева, выражению недовольства или негодования) [6]. Другой предмет психологического исследования, который также позволяет прогнозировать способность человека к пониманию и управлению собственными и чужими эмоциями, описывается как эмоциональный интеллект [3; 4; 5]. Целью нашей работы выступало проведение анализа влияния способности к принятию агрессии на особенности эмоционального интеллекта у лиц, чья профессиональная деятельность связана с общением и взаимодействием с людьми.

Методика. Использовался Опросник эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, самоактуализационный тест САТ (адаптация опросника личностных ориентаций Э. Шострома, выполненная Ю.Е. Алешинной и др.) [4; 1]. Для измерения эффективности управленческой деятельности в сфере продаж был выбран показатель среднего выполнения планов по продажам двух ключевых товаров за первый квартал 2015 года. Применялась Statistica 10 Enterprise. Выборка. 53 человека в возрасте от 21 до 37 лет, из них 16 мужчин, 37 женщин, проживающих на Юге России (Ростовна-Дону), работающих в сфере управления продажами. Результаты. Среднее значение выполнения плана продаж на выборке менеджеров по продажам составило 88% (стандартное отклонение 25,1 %). Выполнение плана продаж менеджерами по продажам положительно взаимосвязано с такой составляющей эмоционального интеллекта, как понимание эмоций (в частности, понимание чужих эмоций), а также с познавательными потребностями, как составляющей самоактуализации. Однофакторный дисперсионный анализ (зависимая переменная – «среднее выполнение планов продаж») показал, что на зависимую переменную значимое влияние оказывают такие составляющие эмоционального интеллекта, как «Понимание чужих эмоций (МП)» ($F = 3,49, p < 0,050^*$) и «Понимание своих эмоций (ВП)» ($F = 3,68, p < 0,050^*$). Корреляционный анализ между оценкой по шкале уровня принятия агрессии по опроснику самоактуализации (САТ) и значениями показателей эмоционального интеллекта позволил установить, что существует положительная взаимосвязь между оценкой по шкале уровня принятия агрессии по опроснику САТ и значениями по шкале «Межличностный эмоциональный интеллект» (МЭИ) ($R=0,47, p < 0,05$). Выводы. Способность к принятию агрессии, проявляющаяся как признание за собой или за другим человеком права на выражения несогласия, недовольства или выражения отрицательных

эмоций является важной составляющей способности личности к самоактуализации, поскольку не дает «заставаться» и накапливаться негативным эмоциям. Выявлено, что такие составляющие эмоционального интеллекта как «межличностное понимание» и «внутриличностное понимание» положительно влияют на эффективность управленческой деятельности. Таким образом, способность распознать, идентифицировать, понять причины своих эмоций, понять эмоциональное состояние других людей, проявить чуткость к этим состояниям повышает эффективность деятельности руководителя.

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 213.01-03/2016-4 (соглашение № 16-18-10222).

Список литературы

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Спецпрактикум по социальной психологии. М.: МГУ, 1987. 120 с.
2. Воробьева Е.В., Крючкова А.С., Ковш Е.М., Абакумова И.В., Ермаков П.Н. Психогенетика агрессивного и враждебного поведения. Ростов-на-Дону, 2016. 102 с.
3. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн//Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3-22.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29 –36.
5. Lekavichene, R., Antinene, D. The test of emotional intellect EI-DARL / Voprosy Psikhologii. Issue 1, 2015, Pages 133-146.
6. Shostrom, E., Knapp, R., Knapp, L. Validation of personal orientation dimensions – inventory for dimensions of actualizing / Educational and psychological measurement. 1976. I. 36. V. 2. P. 491-494.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ ЖЕНЩИН-МЕНЕДЖЕРОВ

Габдреева Г.Ш., Халфиева А.Р.(Казань)

PERSONAL FACTORS OF WOMEN MANAGERS' PROFESSIONAL SUCCESS

Gabdreeva G.Sh., Khalfieva A.R.(Kazan)

В психологии сложились различные концепции, объясняющие феномен профессиональной успешности (А.В.Карпов [1], В.Д.Шадриков [2] и др.), разработаны психологические модели прогнозирования успешности профессиональной деятельности (с описанием факторов успешно-

сти) для множества различных профессий (менеджеры, программисты, врачи, спортсмены, работники конвейерного труда и т.д.). Анализ результатов исследований позволил выделить в качестве наиболее значимых (базовых) личностных факторов успешности деятельности менеджеров следующие характеристики: устойчивость к стрессам, личностную конкурентоспособность, коммуникативные и организаторские способности, мотивацию успеха, уверенность в себе, способность идти на риск и жизнестойкость.

Несмотря на изученность черт эффективного руководителя как мужского, так и женского пола, не была выяснена структура личностных особенностей успешных женщин-менеджеров, находящихся на разных уровнях управленческой иерархии, что потребовало специального исследования выраженности и особенностей структуры базовых черт личности женщин-менеджеров каждого уровня управления и ее структурообразующих показателей.

Для выявления значимых характеристик обоих полов и изучения личностных особенностей женщин-менеджеров на разных уровнях управленческой иерархии, было проведено исследование, в котором приняли участие 152 человека (менеджеры низшего, среднего и высшего уровней управления). На первом этапе исследования, целью которого было выявление наиболее значимых личностных характеристик и их структуры у менеджеров обоего пола, проведение их сравнительного анализа соответственно половой принадлежности управленца, а также выделение особенностей, присущих женщинам-менеджерам, было задействовано 52 человека, занимающих должности менеджера среднего и высшего уровней управления (24 мужчины и 28 женщин). В результате были выявлены наиболее существенные – базовые личностные характеристики, используемые в качестве «мишеней» на дальнейшем этапе исследования: деловая и коллективистская направленности личности, мотивация успеха, общая психологическая устойчивость личности к стрессу и отдельным стрессорам (ситуациям неопределенности, дефициту времени, информационным перегрузкам, повседневным стрессорам, длительности и повторяемости стрессора), а также коммуникативные и организаторские склонности, интернальный локус контроля и жизнестойкость. Совокупность перечисленных личностных факторов обеспечивает рост показателей психологического благополучия.

На втором этапе исследования в качестве испытуемых выступало 100 женщин-менеджеров, не принимавших участие на первом этапе диагностики (из них 33 человека – низшего, 35 человек – среднего и 32 человека – высшего уровней управления). Сравнимые выборки в целом однородны по возрасту – средний возраст испытуемых около 39 лет.

В качестве методов статистической обработки результатов использовались: сравнение степени выраженности показателей по средней арифметической величине с применением t-критерия Стьюдента.

Обнаружен ряд различий в базовых чертах личности женщин-менеджеров разных уровней управления. Менеджерам низшего уровня управления свойственны вовлеченность в деятельность и принятие риска. Им, больше чем другим, присущи характеристики феминности. Особенности представителей среднего уровня управления являются пониженные ответственность и готовность к риску, устойчивость к негативной социальной оценке и низкая деловая направленность. Женщин-менеджеров высшего уровня управления отличают деловая направленность личности, стрессоустойчивость, развитые коммуникативные и организаторские склонности, андрогинность, стремление к личностному росту, выраженная интернальность и высокая жизнестойкость. У них также самые высокие показатели психологического благополучия.

Достижение психологического благополучия женщин-менеджеров высшего уровня обеспечивается совокупностью всех учитываемых в исследовании личностных факторов карьерного роста.

Список литературы

1. Карпов А.В. Психология труда / А.В.Карпов. – М.: ВЛАДОС-Пресс, 2004. – 352 с.
2. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека / В.Д. Шадриков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 464 с.

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА ЖИЗНИ ЖЕНЩИН С РАЗНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В ПЕРВЫЙ ГОД ИХ МАТЕРИНСТВА

Габдулина Л.И. (Ростов-на-Дону)

SUBJECTIVE PICTURE OF LIFE IN WOMEN WITH DIFFERENT GENDER IDENTITY IN THEIR FIRST YEAR OF MOTHERHOOD

Gabdulina L.I.

Субъективная картина жизненного пути, как известно, отражает историю становления личности человека, его настоящие переживания и проблемы, планы на будущее и складывается под влиянием ряда факторов [3]. В их числе – половая принадлежность человека и жизненные ориентиры и цели, которые прежде всего связаны с его профессиональной и семейной сферой и которые в большей или меньшей степени могут

быть полоспецифичными. Женщинам чаще, чем мужчинам, приходится в современных условиях решать противоречия, возникающие между их типично женским предназначением, реализуемым в семье, и стремлением к достижениям и самореализации за её пределами [2,4]. С другой стороны, субъективная картина жизни женщин не может не зависеть и от их гендерной идентичности.

Цель данного исследования: изучение связи между гендерной идентичностью и субъективной картиной жизни женщин в первый год их материнства. Анализ этой связи осуществлялся посредством выявления особенностей восприятия и переживания собственной жизни женщинами с разной гендерной идентичностью в первый год их материнства.

В исследовании приняли участие 80 женщин. Из них 40 женщин первого года материнства (основная группа) и 40 женщин с большим «стажем» материнства (контрольная группа). Возраст участниц исследования – от 21 года до 40 лет. Для получения первичных данных использовались: Опросник ориентации личности на гендерные роли С. Бем (в адаптации М.В. Бураковой) [1], биографическая процедура «Оценивание пяти-летних интервалов» (А.А. Кроник и Е.И. Головаха) [3]; для обработки данных использовались описательная статистика, корреляционный анализ.

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

Женщины «раннего» периода материнства ощущают себя моложе и менее реализованными, чем их ровесницы из контрольной группы. Однако большая ожидаемая продолжительность жизни говорит о наличии у них значимых жизненных ожиданий, реализация которых, видимо «отложена» в связи с рождением ребенка.

Среди респонденток нашей выборки, впервые ставших матерями, преобладают женщины с андрогинным типом гендерной идентичности и отсутствуют женщины маскулинного типа. Женщины с андрогинным типом гендерной идентичности ассоциируют себя как с ярко выраженными фемининными характеристиками личности, так и с ярко выраженными маскулинными характеристиками личности. Участницы исследования фемининного типа имеют экстремально выраженную фемининность.

Фемининные женщины в первый год их материнства ощущают себя психологически моложе своего возраста; коэффициент взрослости у них ниже, чем у андрогинных женщин; они чувствуют себя менее реализованными. При этом чем более ярко у женщины выражены фемининные черты характера, тем менее насыщенным событиями она видит свое будущее.

Андрогинные женщины в первый год их материнства психологически соответствуют своим годам; у них выше, чем у фемининных, коэффициент зрелости; они чувствуют себя более реализованными; событийная насыщенность периодов их жизни более или менее уравновешена.

Чем больше у женщин выражена маскулинная ориентация, тем более насыщенным событиями оценивают они своё прошлое, то есть они чувствуют себя более реализованными.

Таким образом, восприятие и переживание женщинами собственной жизни в первый год их материнства тесно связано с их гендерной идентичностью.

Список литературы

1. Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности – фемининности / Практикум по гендерной психологии // Под ред. И.С.Клециной. СПб., 2003. – С. 277-280.
2. Гендерные исследования в гуманитарных науках: Материалы VII научно-практической Интернет-конференции с международным участием. – Йошкар-Ола, 2011.
3. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия. Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М., 2003.
4. Ожигова Л.Н. Проблема субъективности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины / Субъект, личность и психология человеческого бытия/ Под ред. В.В.Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Ид-во «Институт психологии РАН», 2005, с. 258-278.

ДИСПОЗИЦИОННЫЙ ОПТИМИЗМ И ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ АТТРИБУТИВНЫЙ СТИЛЬ: СПЕЦИФИКА СВЯЗЕЙ С БЛАГОПОЛУЧИЕМ И УСПЕШНОСТЬЮ

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Бобров В.В. (Москва)

DISPOSITIONAL OPTIMISM AND OPTIMISTIC ATTRIBUTIONAL STYLE: SPECIFICITY OF RELATIONSHIPS WITH WELL-BEING AND ACHIEVEMENT

Gordeeva T.O., Sychev O.A., Bobrov V.V. (Moscow)

Современные исследования оптимизма осуществляются главным образом в рамках двух психологических подходов – концепции диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера и теории атрибутивного стиля, предложенной в работах М. Селигмана, К. Петерсона и Л. Абрамсон. Диспозиционный оптимизм представляет собой обобщенные по-

зитивные/ негативные ожидания относительно будущего [2]. Оптимизм как атрибутивный стиль характеризует субъективную интерпретацию причин прошлых жизненных событий: успехов и неудач [1]. При оптимистическом атрибутивном стиле неудачи воспринимаются как временные, затрагивающие лишь небольшую часть жизни и подверженные изменению, а успехи, наоборот, как стабильные и глобальные. Исследования связей атрибутивного стиля и диспозиционного оптимизма с академическими достижениями показывают противоречивые результаты, свидетельствующие о сложном характере таких отношений [5–8].

Несмотря на множество исследований, в которых эти конструкты изучаются самостоятельно, отсутствуют работы, в которых рассматривается совместный вклад диспозиционного оптимизма и оптимистического атрибутивного стиля в психологическое благополучие и успешность деятельности. Кроме того, недостаточно изученными остаются механизмы влияния оптимизма на благополучие и успешность, которые могут включать опосредствующие звенья (медиаторы). Мы предположили, что оптимистический атрибутивный стиль будет позитивно связан с академическими достижениями, и показатели самоорганизации деятельности выступят медиатором этой связи, в то время как диспозиционный оптимизм не обнаружит значимых связей с академической успешностью.

Выборку составили студенты одного из естественнонаучных факультетов МГУ (N=141), возраст: M = 17.72; SD = 0.98, 54% юношей. Для диагностики оптимистического атрибутивного стиля использовалась сокращенная версия опросника СТОУН [1], диспозиционный оптимизм измерялся с помощью теста диспозиционного оптимизма [2]. Для диагностики особенностей саморегуляции использовался суммарный показатель по четырем шкалам опросника самоорганизации деятельности [3]. Для оценки психологического благополучия использовалась шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [4]. Для оценки успеваемости был вычислен средний балл экзаменационных отметок со второй по шестую сессию.

В ходе проверки гипотезы построена путевая модель, в которой вклад оптимистического атрибутивного стиля (ОАС) успехов и ОАС неудач в успеваемость и благополучие был опосредован особенностями саморегуляции, а диспозиционный оптимизм (ДО) вносил непосредственный вклад в благополучие (при этом ДО коррелировал как с ОАС успехов, так и с ОАС неудач). Анализ этой модели в про-грамме Mplus 7.4 свидетельствует о её хорошем соответствии данным: $\chi^2 = 9,315$; $df = 7$; $p = 0,23$; CFI = 0,975; NNFI = 0,957; RMSEA = 0,048.

Таким образом, наряду с подтверждением содержательной близости разных типов оптимизма была также установлена специфика, про-

являющаяся в особенностях их связей с успешностью деятельности. Показано, что влияние оптимистического атрибутивного стиля на академические достижения и удовлетворенность жизнью опосредовано навыками саморегуляции и самоорганизации, включающими целеполагание, планирование, склонность доводить дело до конца и настойчивость. В то же время, ценность диспозиционного оптимизма состоит в его способности обеспечивать психологические благополучие, однако, он не выступает фактором, способствующим достижению успешности в деятельности, поскольку не запускает продуктивные механизмы мотивации и саморегуляции.

Список литературы

1. Гордеева Т.О., Осин Е.О., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: опросник СТОУН. Москва: Смысл, 2009. 152 с.
2. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
3. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
4. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. Москва: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.
5. Gordeeva T.O., Osin E.N. Optimistic Attributional Style as a Predictor of Well-Being and Performance in Different Academic Settings // *The Human Pursuit of Well-Being* / ed. I. Brdar. Springer Netherlands, 2011. P. 159–174.
6. Houston D.M. Revisiting the relationship between attributional style and academic performance // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. V. 46. № 3. P. 192–200.
7. Peterson C., Barrett L.C. Explanatory style and academic performance among university freshman // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 53. № 3. P. 603–607.
8. Richardson M., Abraham C., Bond R. Psychological correlates of university students' academic performance: A systematic review and meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2012. V. 138. № 2. P. 353–387.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Григорьева М.В. (Саратов)

THE PROBLEM OF ADAPTIVE PERSONALITY READINESS

Grigoryeva M.V.

Условия жизни и деятельности современного человека, связанные с инновациями и реформами, динамичны и часто неопределенны. Психологическая адаптация к социальной, образовательной, профессиональной среде в современных условиях имеет постоянный и напряженный характер, что связано с возрастанием темпа и требованием оптимизации учебных, профессиональных или социальных действий, информационной насыщенностью и вариативностью процесса жизни и труда. Это требует от личности адаптационной готовности быстро и с минимальными внутренними и временными затратами выявить несоответствие требований среды и внутренних возможностей, преобразовать отношения в системе «личность – среда», провести рефлекссию и сформировать адаптационную готовность на будущее. От того, каким образом пройдет этот процесс, зависит учебная, профессиональная или социальная успешность личности. Подчас быстрая психологическая адаптация влияет не только на успешность и субъективное благополучие личности, но и на сохранение ее индивидуальности, достижений, благополучие в будущем, а, нередко и на сохранение минимального уровня качества жизни и самой жизни. В этом смысле, проблема формирования адаптационной готовности личности в условиях неопределенности имеет чрезвычайно важное социальное значение.

Проблема адаптационной готовности личности многоаспектна. Психологическое содержание этой проблемы связано со структурой и психологическими механизмами оптимального функционирования адаптационной готовности [1]. Социально-психологическое содержание проблемы определяется процессами социализации, межличностных взаимодействий и взаимоприспособлений личности и социального окружения. Психолого-педагогическое содержание проблемы акцентирует внимание на условиях, способствующих формированию адаптационной готовности у развивающейся личности. Социально-педагогические аспекты проблемы связаны с выявлением роли адаптационной готовности в нормативной социализации детей и подростков и оказанием им помощи в инициации адаптационных способностей в трудных жизненных ситуациях.

Адаптационная готовность личности понимается нами как предрасположенность личность к восприятию и принятию динамики окружа-

ющей среды, осуществлению в динамичной субъективно новой ситуации определенных действий, направленных на установление равновесия между требованиями (возможностями) среды и возможностями (требованиями) личности, сформированная с учетом прошлого опыта адапционных взаимодействий личности со средой, настоящей специфики ситуации, индивидуальных особенностей личности и представлений личности, связанных с антиципацией возможных вариантов развития адаптационной ситуации.

Структура адаптационной готовности включает многоуровневую готовность психофизиологических (состояние и предрасположенность нервной системы к определенным действиям, эмоциональные состояния, способствующие или не способствующие определенным действиям), психологических (когнитивные, мотивационные, волевые явления) и социально-психологических (социально-перцептивные, коммуникативные и интерактивные явления) уровней психической активности [2].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Адаптационная готовность личности в современных условиях развития общества» (грант № 15-06-10624а)

Список литературы

1. Григорьева М.В. Понятийный аппарат психологии адаптации личности // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т.3. Вып 3. С. 259-263.
2. Там же.

АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Даниленко О.И., Горбунов И.А., Юревич О.И. (Санкт-Петербург)

ANTICIPATORY CONSISTENCY OF STUDENTS: THE EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

Danilenko O.I., Gorbunov I.A., Iurevich O.I. (St. Petersburg)

Последние два десятилетия получила развитие концепция антиципационной состоятельности (далее – АС), предложенная В.Д.Менделевичем. АС (прогностическую компетентность) он определяет как способность предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственных реакций на них, а также действовать с временно-пространственным упреждением.

Созданный В.Д. Менделевичем тест позволяет диагностировать уровень личностно-ситуативной, пространственной, временной и общей АС. Первоначально проблема АС рассматривалась в рамках клинической психологии. В дальнейшем эта проблема была выведена за рамки клинической психологии и стала рассматриваться применительно к здоровой личности.

Исходя из приведенного выше понимания АС можно предполагать, что она является фактором, способствующими, эффективному совладанию с трудностями и вследствие этого успешности деятельности и субъективному благополучию (СБ) человека. Между тем этот аспект проявления АС в контексте конкретной деятельности личности практически не исследован.

Предметом нашего научного интереса стала связь АС студента вуза с успешностью в учебной деятельности и переживанием СБ. В ходе учебного процесса студенту приходится встречаться с немалым числом трудных ситуаций. Можно предполагать, что их заблаговременное предвосхищение позволяет предпринимать действия по предотвращению и совладанию с ними, а это позитивно сказывается на результатах деятельности.

Для проверки гипотезы о связи АС с успешностью учебной деятельности и СБ студента было проведено исследование, в котором приняли участие 44 старшекурсника петербургского вуза. Для определения уровня АС использован «Тест антиципационной состоятельности» В.Д.Менделевича. Успешность учебной деятельности отражали три показателя, о которых сообщали сами студенты: средний балл, практика пересдач экзаменов и их количество. Для диагностики СБ были использованы две методики: «Шкала субъективного благополучия» Ferrudel-Badoux в адаптации М.В.Соколовой и «Шкала удовлетворенности жизнью» E. Diener в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина.

Однако гипотеза не подтвердилась: мы не обнаружили значимых взаимосвязей между показателями АС, успешности учебной деятельности и СБ, кроме одной значимой корреляции пространственной АС с показателем опыта пересдач ($R=0,35$, $P=0,007$). Объяснение этого факта требует дополнительных исследований.

Полученный результат может быть объяснен тем, что в данном опроснике не учитывается специфика учебной деятельности.

Для выявления АС у студентов ВУЗа был создан авторский опросник, учитывающий специфику их учебной деятельности. Предварительный опрос студентов позволил выявить перечень основных трудностей в учебной деятельности.

На основании полученных данных о трудных ситуациях в учебной деятельности был создан опросник, условно названный «АС-ВУЗ». С помощью этого опросника было проведено исследование, в котором приняли участие 253 студента разных факультетов. Полученные данные были обработаны посредством факторного анализа (Метод главных компонент), программа Statistica 8.0. В качестве оптимальной по принципу качественной интерпретации факторов была выбрана 6 факторная модель. Факторы получили условное название: стратегическая антиципация, ресурсы совладания, тактическая антиципация, психосоматическая саморегуляция, самооценка успешности (в результате хорошей антиципации и совладания), организованность.

Были получены значимые корреляции между факторами АС, показателями успешности и СБ студентов.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №16-06-00477А.

Список литературы

1. Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза Казань: Медицина, 2011 288 с.
2. Юревич О.И. Связь Антиципационной состоятельности и проактивных копинг-стратегий личности //в сб. Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие. Кострома 22-24 сентября 2016, Кострома, 2016 с. 88-90.

ВЗАИМОСВЯЗИ КРЕАТИВНОСТИ И ПСИХОТИЗМА С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ИСКУССТВА

Дикая Л.А., Дикий И.С. (Ростов-на-Дону)

THE RELATIONSHIP OF CREATIVITY AND PSYCHOTICISM WITH THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS IN SPECIALISTS OF ART SPHERE

Dikaya L.A., Dikiy I.S. (Rostov-on-Don)

Вопрос о связи между творчеством и психопатологией уже более полутора столетий широко дискутируется на страницах научных изданий. Исследователи пришли к значительно различающимся выводам: от признания ее полного отсутствия до констатации существования слабой и даже сильной связи, что позволяет отнести эту тему к наиболее спорным и обсуждаемым проблемам в области креативности [1], [2], [3], [4], [5].

Среди схожих личностных черт творческих людей и психически больных исследователями часто выделяется психотизм [6], [7], [8], [9].

Цель исследования – изучение взаимосвязи креативности и психотизма с психологическими характеристиками специалистов сферы искусства.

В исследовании приняли участие 56 специалистов сферы искусства (музыканты, художники, актеры) в возрасте от 19 до 22 лет.

Гипотеза исследования – у специалистов сферы искусства с различными уровнями психотизма его взаимосвязь с креативностью может быть опосредована разными психологическими характеристиками.

Методики исследования: тест креативности Торранса; личностный опросник EPQ (Eysenck Personality Questionnaire); опросник Мини-Мульт; тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект»; опросник стилей юмора Р. Мартина. Для статистической обработки данных применялся сравнительный (t-критерий Стьюдента) и корреляционный (по Пирсону) анализ.

Результаты исследования.

На основе результатов тестирования участники исследования были дифференцированы на две группы по уровню психотизма – с высоким и со средним уровнями, а также по уровню креативности – с высоким и со средним уровнями.

Выявлена положительная взаимосвязь уровней психотизма и креативности (в группе с более высокими баллами по психотизму уровень креативности достоверно выше, $p \leq 0,05$). Эта взаимосвязь может определяться сходными особенностями селекции информации. Высокий уровень как креативности, так и психотизма характеризуются ослаблением процессов торможения irrelevantной информации, что повышает вероятность возникновения новых отдаленных ассоциаций и позволяет генерировать далекие от «нормы» способы решения задач.

Также обнаружены достоверные различия по показателям нейротизма у специалистов сферы искусства с разным уровнем креативности ($p \leq 0,05$). Так, высокий нейротизм соответствует высокому уровню креативности. Однако, стоит заметить, что высокий нейротизм на фоне хронического нервного напряжения будет способствовать развитию психического или соматического патологического состояния, а не повышению творческой продуктивности. Вероятно, для продуктивной творческой активности необходим уровень нейротизма несколько выше средних значений.

Показана положительная корреляция между уровнями психотизма и креативности, а также такими личностными чертами как истерия и психопатия ($p \leq 0,05$). Также специфичны оказались отрицательные корре-

ляции психотизма с депрессией и самоподдерживающим стилем юмора ($p \leq 0,05$).

Можно заключить, что творческая продуктивность у специалиста с высоким уровнем психотизма определяется выраженностью комплекса личностных черт, например, таких, как психопатия и истерия. Величина психотизма как черта индивидуальности, которая выражается в холодном, неотзывчивом, агрессивном и импульсивном поведении, оказалась взаимосвязана с различными проявлениями креативности, особенно с беглостью и оригинальностью. Если специалисты сферы искусства со средним уровнем психотизма отличаются конформностью и консервативностью, то с высоким – импульсивностью, агрессивностью или враждебностью, а также неконформностью, что может объяснить взаимосвязь креативности и психотизма.

Список литературы

1. Дикая Л.А., Дикий И.С. Психофизиологические корреляты творчества в норме и при психопатологии: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 204 с.
2. Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. М.: «Когито-Центр». 2009. 215 с.
3. Сироткина И.Е. Гений и безумие: из истории идеи // Психологический журнал. 2000. Том 21. № 1. С. 116-124.
4. Andreasen N.C. Creativity and mental illness: prevalence rates in writers and their first-degree relatives // *Am. J. Psychiatry*. 1987. 144 1288–1292.
5. Barrantes-Vidal N. “Creativity and the spectrum of affective and schizophrenic psychoses” / *Creativity and mental illness* // ed J. C. Kaufman (Cambridge: Cambridge University Press), – 2014. 169–204.
6. Abraham A., Windmann S., Daum I., Güntürkün O. Conceptual expansion and creative imagery as a function of psychoticism // *Consciousness and cognition*. 2005. Т. 14. №. 3. С. 520-534.
7. Acar S., Runco M.A. Psychoticism and creativity: a meta-analytic review // *Psychol. Aesthet. Crea. Arts*. 2012. 6. 341–350.
8. Eysenck H.J. “Creativity as a product of intelligence and personality” / *International Handbook of Personality and Intelligence* // eds. D. H. Saklofske and M. Zeidner (New York; London: Plenum Press). 1995. 231–247.
9. Fink A., Benedek M., Unterrainer H.-F., Papousek I., Weiss E.M. Creativity and psychopathology: are there similar mental processes involved in creativity and in psychosis-proneness? // *Front. Psychol*. 2014. 5. 1211.

ВРЕМЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Дьячук А.А. (Красноярск)

TEMPORAL ABILITIES OF THE PERSONALITY

Diachuk A.A. (Krasnoyarsk)

В рамках исследования проблемы организации времени деятельности был поставлен вопрос о психологических образованиях, обеспечивающих ее индивидуальную организацию во времени, – временных способностях. Данные способности обсуждалась в концепции личностной регуляции времени К.А. Абульхановой [1], где они рассматривались как проявление жизненной способности – организации времени жизни. Мы сосредоточились на изучении способностей как свойства личности, необходимых для осуществления деятельности во времени.

Опираясь на представленное С.Л.Рубинштейном понимание способностей как закрепленной системы психических процессов, регулирующих деятельность [2], будем рассматривать временные способности как способности конструировать процессы, цикличность, динамические характеристики деятельности.

Для выявления возможных способностей мы обратились к психосемантическому анализу характеристик, с помощью которых описывается время [3]. В результате многомерного статистического было выделено три группы свойств, за которыми мы полагаем стоят различные механизмы «работы» сознания со временем.

В первую группу свойств вошли характеристики, связанные с переживанием растяжимости и субъективной скорости, ощущением напряженности, что может быть связано с общей активностью, темпораментальными особенностями личности, темпом проявления своей активности, чередованием состояний, а также временными возможностями, позволяющие ускорять или замедлять темп при осуществлении действий. Вторая группа свойств характеризует возможности построения последовательности, различных связей, структурированности, что связано с процессами планирования, антиципации, построение временной перспективы, различных вариантов достижения задуманного. Третья группа включает субъективные оценки ситуации и необходимости ее преобразования, своего опыта попадания в определенные сроки, временные требования, соотношений со временем, своевременность, и скорее всего, связана с самоэффективностью, субъектностью, переживанием себя как автора действия.

Выделенные способности были соотнесены с особенностями организации деятельности. В результате было обнаружено, что установленные

группы способностей обеспечивают определенные компоненты деятельности. Несформированность способностей, обеспечивающих конструирование в когнитивном плане последовательности, анализа последовательности и одновременности действий приводит к затруднениям в построении внутреннего плана действия как ориентировочной основы задачи, условий, различных действий и вариантов их выполнения в конкретной ситуации. Следует отметить, что большинство техник тайм-менеджмента построены для развития данных способностей, однако их недостаточно для временной организации деятельности, хотя они и позволяют компенсировать дефицит других при определенных условиях. Низкий уровень временных способностей, связанных с ощущением напряженности, динамичности, приводит к утомлению, понижению работоспособности в связи с тем, что не учитываются психодинамические свойства, общая активность личности, не вырабатывается оптимальный индивидуальный стиль деятельности. Развитие способностей, связанных с оценкой, рефлексией собственных ритмов и заданных извне сроков, их согласование (совпадения) приводит к инициативе и готовности реализовывать необходимые для достижения результата действия, с учетом своих возможностей, что предполагает определенное отношение личности к жизни.

Список литературы

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время жизни и время личности. СПб.: Алетей, 2001. 304 с.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
3. Дьячук А.А. Организация профессиональной деятельности и временные способности руководителя // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии: сборник статей / Под ред. Л.Г.Дикой, А.Л.Журавлева, А.Н.Занковского. М.: Институт Психологии РАН, 2015. С.471–478.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ГЕНЕТИКА ПОВЕДЕНИЯ: АЛЬЯНС ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОГЕНЕТИКИ

Егорова М.С. (Москва)

EVOLUTIONARY BEHAVIORAL GENETICS: THE INTERSECTION OF EVOLUTIONARY PSYCHOLOGY AND BEHAVIORAL GENETICS

Egorova M.S.

Эволюционная психология, исследующая видоспецифические психологические особенности человека, а также формирующиеся на их ос-

нове индивидуальные различия [1], является наиболее бурно развивающейся областью психологии. В последние годы ежегодно публикуется в 10 раз больше результатов исследований, чем 15-20 лет назад, причем большинство из них проведено на огромных по психологическим критериям выборках. Но дело даже не в количестве исследований и их масштабе, а в стремительном внедрении эволюционной психологии в традиционную психологическую проблематику и создании симметричного контура психологических дисциплин – эволюционная когнитивная психология, эволюционная социальная психология, эволюционная психология развития, эволюционная психология личности, эволюционная психология аномальности и т.д.

Не касаясь правомерности такой экспансии, отметим, что связи эволюционной психологии с психогенетикой выглядят более обоснованными, чем с другими дисциплинами. С одной стороны, вывод психогенетических исследований о том, что вариативность всех психологических черт испытывает в той или иной мере влияние генотипа, является фактическим обоснованием самой возможности эволюционной интерпретации психологической эмпирики, поскольку факторы эволюции связаны с изменением частоты аллелей в популяции (и включают, например, мутации, дрейф генов, рекомбинации). С другой стороны, интерпретационные схемы эволюционной психологии, основанные, например, на теории жизненной истории или теории индивидуальных различий в К-стратегиях, создают дополнительный ракурс анализа для психогенетических исследований.

Эмпирика двух смежных дисциплин используется для дополнительной валидизации данных. Результаты родственных сравнений, позволяющие оценить генетические корреляции и генетический кросс-половые корреляции между психологическими чертами, дополняет результаты эволюционных исследований полового отбора и определения «хороших черт» (т.е. черт, не являющихся предметом мутации) [2], [3], [4], [5]. Психогенетические данные используются для различения эффектов генотипа и семейной среды в эволюционных исследованиях [2]. Инбридинг позволяет оценить эффекты направленной доминантности.

Определения эволюционных источников индивидуальных различий по психологическим чертам, относительно чего были радужные ожидания после расшифровки генома, пока не дали однозначных результатов. Показано, например, что низкие показатели интеллекта связаны с мутациями и последующим отбором, однако интеллект среднего и высокого уровня предметом отбора по всей очевидности не является [6]. Полногеномные исследования черт личности определяют небольшую часть вариативности и плохо воспроизводятся при мета-анализе [7], [8]. Есть не-

которые данные о связи диспозиционных черт личности с количеством детей (т.е. с репродуктивным успехом) [9], [10], причем данные соответствуют не стабилизирующему, а балансирующему отбору.

Таким образом, геномные исследования предоставляют довольно скромные свидетельства в пользу эволюционных источников индивидуальных различий, что предполагает определенную осторожность при использовании эволюционных интерпретаций результатов психологических исследований.

Список литературы

1. Buss, D. M. Evolutionary psychology: A new paradigm for psychological science // *Psychological Inquiry*. 1995. Vol. 6, № 1. P. 1-30.
2. Zietsch B.P., de Candia T.R., Keller M.C. Evolutionary behavioral genetics // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2015. № 2. P. 73–80.
3. Fuller R.C, Houle D, Travis J. Sensory bias as an explanation for the evolution of mate preferences // *The American Naturalist*. 2005. Vol. 166. P. 437-446.
4. Lee A.J., Mitchem D.G., Wright M.J., Martin N.G., Keller M.C., Zietsch B.P. Genetic factors that increase male facial masculinity decrease facial attractiveness of female relatives // *Psychological Science*. 2014. № 325. P. 476-484.
5. Kyaga S., Lichtenstein P., Boman M., Hultman C., Långström N., Landén M. Creativity and mental disorder: family study of 300 000 people with severe mental disorder // *The British Journal of Psychiatry*. 2011. Vol. 199. № 5. P. 373-379.
6. Penke , L., Jokela M. The evolutionary genetics of personality revisited // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol.7, № 2. P. 104–109.
7. Munafò M.R., Flint J.: Dissecting the genetic architecture of human personality // *Trends in Cognitive Science*. 2011. Vol. 15. P. 395-400.
8. Genetics of Personality Consortium: Meta-analysis of genome-wide association studies for neuroticism, and the polygenic association with major depressive disorder // *JAMA Psychiatry* 2015.
9. Jokela M, Alvergne A, Pollet TV, Lummaa V: Reproductive behavior and personality traits of the Five Factor Model // *European Journal of Personality*. 2011. Vol.25. P. 487-500.
10. Jokela M: Birth-cohort effects in the association between personality and fertility // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23. P. 835-841.

ТЕМНАЯ ТРИАДА (МАКИАВЕЛЛИЗМ, НЕКЛИНИЧЕСКИЙ НАРЦИССИЗМ И НЕКЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТИЯ) В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

*Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А.,
Черткова Ю.Д. (Москва)*

THE DARK TRIAD (MACHIAVELLIANISM, SUB-CLINICAL NARCISSISM AND SUB-CLINICAL PSYCHOPATHY) IN THE STRUCTURE OF PERSONALITY TRAITS

Egorova M.S., Parshikova O.V., Sitnikova M.A., Chertkova Y.D.

В исследованиях, выполняемых в психологии личности и дифференциальной психологии в последние два десятилетия, отчетливо просматривается возрастающий интерес к феноменологии негативных черт личности и причинам их вариативности [1]. К числу особенностей личности, оказавшихся в центре внимания исследователей, относится Темная триада – комплексная характеристика, объединяющая макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническую психопатию [2], [3]. Три особенности личности, образующие Темную триаду, являясь относительно независимыми, имеют целый ряд общих проявлений – цинизм и чувство собственного превосходства, пренебрежительное отношение к окружающим и беззастенчивое их использование для достижения своих целей, эмоциональная холодность и эгоизм. Деструктивность свойств Темной триады определяет направление их связей с чертами личности и поведением в самых разных ситуациях [4], [5], [6], [7].

В цикле исследований Темной триады, проведенном при поддержке РФФИ (проекты 14-06-00400-а, 17-06-00436), анализировались проблемы, возникающие при диагностике Темной триады; рассматривалось соотношение Темной триады с диспозиционными и частными чертами личности и различия, связанные с полом [8], возрастом [9] и социально-демографическими характеристиками; исследовались связи Темной триады с социальными установками и представлениями. Суммарная выборка исследования составляет более 2000 респондентов (возраст от подросткового до преклонного).

При разработке опросников Темной триады показано, что способ заполнения опросника (онлайн или в бумажном варианте) не влияет на внутреннюю согласованность пунктов опросника: например, альфа Кронбаха для компонентов Темной триады, диагностированных при онлайн заполнении Короткого опросника Темной триады (SD3), находится в диапазоне 0,71 – 0,79; при заполнении того же самого опросника в бу-

мажном варианте – 0,71 – 0,83). Способ заполнения опросника не влияет и на факторную структуру опросника, полученную с помощью эксплораторного факторного анализа. Однако при конфирматорном факторном анализе структура онлайн опросника лучше соответствует теоретической ($\chi^2 = 937,24$; $p = .000$, CFI = 0,762, RMSEA = 0,063).

При сопоставлении диспозиционных черт личности (Большой пятерки и 6-факторной структуры личности HEXACO) с Темной триадой выявленные связи, сохраняющиеся от юношеского к пожилому возрасту. Так, во всех возрастных группах два фактора HEXACO (Честность/Скромность и Доброжелательность) отрицательно коррелируют со всеми показателями Темной триады.

Показано, что Темная триада не образует единого синдрома с чертами личности, свидетельствующими об асоциальности или низкой адаптации, хотя некоторые связи есть, например, с патологическим перфекционизмом, зависимостью от общения, некоторым дефицитом саморегуляции (неадекватным оцениванием результатов). Вместе с тем, обнаруживаются связи Темной триады с особенностями, которые традиционно положительно оцениваются, например, с толерантностью к неопределенности, с общей активностью. Анализ светлых сторон Темной триады и атрибуция «темных» черт личности является наиболее интригующей частью исследования и демонстрирует тенденцию приписывать «темные» черты положительным героям и близким людям [10].

Список литературы

1. Zeigler-Hill V., Marcus D.K. The dark side of personality : science and practice in social, personality, and clinical psychology. Washington, DC: APA, 2016. 389 pp.
2. Paulhus D. L., Williams K. M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36. P. 556–563.
3. McLarnon M.J.W., Tarraf R.C. The Dark Triad: Specific or general sources of variance? A bifactor exploratory structural equation modeling approach // Personality and Individual Differences. 2017. Vol.112, № 1. P. 67-73.
4. O’Boyle E.H., Forsyth D., Banks G.C., Story P.A., A meta-analytic review of the Dark Triad–intelligence connection // Journal of Research in Personality. 2013. Vol. 47, № 6. P. 789-794.
5. Furnham A., Richards S., Paulhus D. The Dark Triad: A 10 year review // Social and Personality Psychology Compass. 2013. Vol. 7, № 3. P. 199–215.
6. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
7. Kibeom Lee, Michael C. Ashton, The Dark Triad, the Big Five, and the HEXACO model // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 67, № 9. P. 2-5.

8. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А. Половые различия по показателям Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2017).

9. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д. Меняются ли показатели Темной триады с возрастом? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2017).

10. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д. «Темные» черты личности в оценках положительных и отрицательных персонажей фильмов // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2017).

НОВЫЕ ГРАНИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Егорова О.И., Ефимова О.И. (Ульяновск)

NEW FACETS IN THE STUDY OF THE PROBLEM OF SUICIDAL BEHAVIOR

Egorova O.I., Efimova O.I.

Последние статистические данные свидетельствуют об уменьшении уровня самоубийств в 2016 г. на 7% по сравнению с 2015 г [2]. Вместе с тем проблема суицидального поведения продолжает оставаться одной из центральных проблем как в современном социуме, так и во многих областях гуманитарного знания.

Главная особенность суицидального поведения здоровых в физическом и психическом плане люди заключается в том, что их поступок бывает, в основном, осознанным и продиктованным не только своеобразием личности суицидента, но и социальной ситуацией, сложившейся вокруг него, что должны учитывать суицидологи в своей научно-практической деятельности.

Многообразие способов разрешения сложной жизненной ситуации определяется уровнем жизнестойкости личности и выбором той или иной стратегии действия в кризисной ситуации, например, совладающего поведения. Исходя из подхода Д.А. Леонтьева и Е.А. Рассказовой [1], в контексте которого жизнестойкость рассматривается как личностная черта, логично предположить, что жизнестойкость проявляется не только в преодолении стрессовых ситуаций, но и в обыденной жизни. В нашем понимании жизнестойкость – черта личности, участвующая в развитии способности субъекта адекватно и заинтересованно реагировать на происходящие события, а в нужных ситуациях умело справляться со

стрессорами, т.е. жизнестойкая личность – это целостная система, способная гармонично взаимодействовать с миром.

Совладающее поведение мы рассматриваем с позиции копинга и с позиции защиты, поскольку считаем, что в совладании с ситуацией (отношение к проблеме и выбор способов ее разрешения), играет роль не только поведенческий аспект, но и глубинные, внутренние особенности личности.

Результаты проведенного нами пилотажного исследования свидетельствуют, что показатели жизнестойкости значительно ниже у суицидентов, чем у людей, не совершивших суицидальную попытку. При этом наиболее значимые различия касаются такого ее компонента как контроль: люди, совершившие суицидальную попытку, чаще оценивают ситуацию как не поддающуюся воздействию извне, что, вполне вероятно оказывает влияние на выбор неконструктивного способа решения проблемы.

Конструкты «жизнестойкость» и «совладающее поведение» являются значимыми компонентами «антисуицидального потенциала личности» наряду с другими компонентами, что требует эмпирического подтверждения.

Выявление компонентов антисуицидального потенциала (или другими словами, индикаторов успешности адаптации человека к сложным реалиям современной жизни) может быть использовано в организации различных форм действенной психологической помощи с целью «совладания» со сложными жизненными ситуациями, а также в целях профилактики суицидальных тенденций. Знание особенностей личности и стилей ее реагирования может позволить (с некоторой долей вероятности) спрогнозировать возможные варианты действий человека в кризисной ситуации, а, следовательно, появится возможность избежать негативных последствий выбора личностью неадаптивных форм поведения.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 17-06-00814а.

Список литературы

1. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости [Текст] / Д. А. Леонтьев, Е. И. Расказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
АДАПТАЦИИ У ЛИЦ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ**

Ермолова Е.О. (Новосибирск)

**FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF PERSON WITH DIFFERENT TYPES
OF PSYCHOLOGICAL BOUNDARIES**

Ermolova E.O. (Novosibirsk)

Проблема социально-психологической адаптации остается актуальной в постсовременном мире и достаточно широко рассматривается в психологической литературе. Адаптация существует в двух системах «организм-среда» и «личность-социум». Авторами разграничиваются понятия адаптация как процесс, адаптированность как результат адаптации и адаптивные способности как способность к адаптации. Главная задача социально-психологической адаптации – включение личности в деятельность социальной среды, оптимизация взаимоотношений личности и социальной группы. Это процесс эффективного взаимодействия с социальной средой и гармоничное существование в ней, вследствие которого изменяется социальная среда и сам человек.

Становление понятия «психологические границы личности» происходит в рамках психоаналитической парадигмы, гештальтпсихологии, психологии телесности и психологии среды. В современной российской психологии проблематике психологических границ личности посвящены работы Т.С. Леви, Д.А. Бесковой, В.А. Подороги, Ш.А. Тхостова, С.К. Нартовой-Бочавер, О.А. Шамшиковой, Е.О. Шамшиковой, И. Вачко и др. Зарубежная психология исследования психологических границ представлена следующими авторами: П. Федерн, Э. Хартман, Н. Браун, К. Левин, Г. Аммон, М. Малер, Д. Анзье и др. Многие авторы сходятся во мнении, что психологическая граница личности разделяет внешний и внутренний мир [1], другими авторами жизненный путь рассматривается как процесс формирования человеком собственной психологической границы [2]. В своем исследовании мы придерживаемся следующего понятия: границы «Я», образуя психологическое пространство личности и являясь функциями «Я», направлены на отграничение «своего собственного» (того, что принадлежит «Я» и может им контролироваться) от «иного» (того, что не подлежит контролю и «Я» не принадлежит), акцентируя идентичное и защищая его от неидентичного [3, 4].

В данной работе мы ставим целью разрешения проблемы, связанной с недостаточностью эмпирических данных, проведение эмпирического

исследования, направленного на выявление особенностей социально-психологической адаптации у лиц с разными типами психологических границ на примере выборки курсантов ФБОУ ВПО НГАВТ СП СПО Новосибирского командного речного училища имени С.И. Дежнева. Объем выборки – 95 испытуемых в возрасте от 15 до 17 лет. Банк диагностических методик составил: 1) Методика «Психологические границы личности» Э. Хартманна, в адаптации О.А. Шамшиковой, В.И. Волоховой, 2013 г. [5]; 2) Методика «Границы Я» Н. Браун, в адаптации Е.О. Шамшиковой, 2010 г. [6]; 3) Методика диагностики психологической границы личности Т.С. Леви, 2013 г. [7]; 4) «Я-структурный тест» Г. Аммона, адаптированный НИПНИ им. Бехтерева, 1997 г. [8]; 5) Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда, в адаптации А.К. Осницкого, 2004 г. [9]; Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» разработан А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным, 1993 г. [10]. Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием корреляционного анализа, критерия rs-Спирмена, сравнительного анализа – Н-Краскала-Уоллеса и U-Манна-Уитни программы SPSS. В результате проведенного исследования было обнаружено, что 1) существует тесная взаимосвязь между особенностями социально-психологической адаптации и типами психологических границ личности; 2) у лиц с разными типами психологических границ наблюдаются различные проявления особенности социально-психологической адаптации.

Список литературы

1. Шамшикова О.А., Шамшикова Е.О. О феномене «психологические границы Я» // Социокультурные проблемы современной молодёжи материалы Международной научно-практической конференции / под научной редакцией Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. Новосибирский государственный педагогический университет, Факультет психологии, 2006. С. 287-301.
2. Шамшикова Е.О., Волохова В.И. Теоретический анализ модели границ в психике Эрнста Хартманна // Социокультурные проблемы современного человека Материалы IV Международной научно-практической конференции, 2010. С. 521-534.
3. Шамшикова О.А., Шамшикова Е.О. Нарциссические проявления личности как образующие континуума переходных форм существования «границ Я» // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7-2. С. 265-270.
4. Шамшикова Е.О. Нарциссические корреляты психологического пространства личности: дисс. ... канд. психол. наук / Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2010.
5. Шамшикова О.А., Волохова В.И. Психометрический анализ и стандартизация зарубежной методики «Психологические границы личности» Э. Хартманна // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С.244-248.

6. Шамшикова Е.О. Адаптация зарубежной методики «границы я» н. Браун (N. Brown) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4. С. 167-173.

7. Леви Т.С. Методика диагностики психологической границы личности // Вопросы психологии. 2013. №1. С.131-146.

8. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / под. Ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. 438с.

9. Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. №1. 43-56с.

10. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. / Ред. и сост. Райгородский Д.Я. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006. С. 549-672.

МЕДИАПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

Зиннатова М.В. (Екатеринбург)

MEDIA-SPACE OF THE PERSONALITY

Zinnatova M.V.

Информационный характер современного российского общества, формирование глобального медиапространства, увеличение скорости коммуникационных процессов, постоянный рост объема информации, способствуют тому, что медиа стали не средством, а образом жизни современных людей. Медиапространство – это переданное, репрезентированное посредством медиа пространство, выражающееся в медиаобразах и медиатекстах, содержащих приписанные значения и смыслы, побуждающее личность воспринимать события, факты, явления особым заданным образом.

При этом медиасредства трансформируют объективную реальность, формируя в сознании индивидов искаженную и иррациональную картину мира – медиареальность [1]. По сути, медиареальность создает субъективную картину мира в сознании индивида, отражающую наиболее существенные и важные, с точки зрения познающего субъекта, аспекты, события, связи, которая впоследствии, объективировавшись, предстает индивиду как объективная реальность, подлинный мир, что, в конечном счете, формирует его мировоззрение, ценности и смыслы. Таким образом, с одной стороны медиапространство представляет собой процесс и результат коллективной познавательной деятельности продуцентов медиа, транслируемые в массы по каналам коммуникации. С другой стороны, под влиянием медиа в сознании индивида формируется искаженная модель действительности.

Сконструированная в медийном пространстве картина реальности, в отличие от научной или обыденной картины мира, оперирует сиюминутными представлениями о реальности, определяющимися политикой медиа, и приводит к изменениям в мировоззрении человека, нарушению естественного процесса познания мира, замещению личностного опыта медийными нарративами, научное знание вытесняется, мышление приобретает фрагментарный, «клиповый» характер, теряется идентичность личности – все это разрушает целостный процесс самоопределения личности, является преградой для познания объективной реальности (Е.В. Армер, А.А. Гаврилов, А.Н. Фортунатов).

Реальность, формируемая в медиапространстве, в зависимости от уровня медиакомпетентности индивида, может быть либо критически осмыслена и подвергнута сомнению, либо принята в качестве реальной, действительной и единственно правильной. В случае низкой медиакомпетентности, недостаточной информационной безопасности личности процесс самоопределения искажается и может стать потенциальным источником опасности для индивида (деструктивное самоопределение), общества (иррациональный характер коллективного сознания и бессознательного), экономики (снижение кадрового потенциала России, снижение конкурентоспособности страны в мировой экономике, уменьшение возможностей использования инновационного потенциала личности) и государства (в виде терроризма, экстремизма, фанатизма, ксенофобии).

При этом медиапространство играет и конструктивную роль в становлении личности: способствует популяризации образов и смыслов, формирует нравственные и профессионально-нравственные, ценностные ориентиры поведения личности.

Для обеспечения реализации конструктивной функции медиапространства и противодействия социокультурным угрозам, необходимы спланированные усилия со стороны органов государственной власти, педагогического и психологического сообществ, социальных институтов в области регулирования медиапространства, обеспечения информационной безопасности и формирования медиакомпетентности у населения Российской Федерации.

Список литературы

1. Кириллова Н.Б. Медиалогия. М.: Академический Проект, 2015. 424 с.

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЛЕНОВ УЧАСТКОВЫХ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ И ИХ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ**

Зинченко Е.В. (Ростов-на-Дону)

**SOCIO-DEMOGRAPHIC AND PERSONAL CHARACTERISTICS
OF MEMBERS OF PRECINCT ELECTION COMMISSIONS
AND THEIR COPING STRATEGIES**

Zinchenko E.V. (Rostov on Don)

Актуальность изучения данной темы обусловлена значимостью выборов как института политической демократии в современной России, выступающего действенной системой средств, созданных и активно используемых государством для формирования органов власти. Избирательный процесс требует объективного участия нескольких сторон, в число которых входят специалисты, занимающиеся организацией и проведением выборов, сопровождающие проведение голосования и осуществляющие подсчет поданных голосов. Исследователями преимущественно изучают психологические характеристики электората или же баллотирующихся кандидатов [1]. В то же время изучению психологических особенностей членов участковых избирательных комиссий (УИК) не уделяется достаточного внимания, хотя осуществление их отбора на 5-летний срок работы может производиться по психологическим критериям, в число которых входят определенные личностные особенности, связанные с умениями осуществлять эффективную коммуникацию, в частности, в конфликтных ситуациях [2]. Наш 5-летний опыт обучения членов избирательных комиссий на курсах повышения квалификации и предварительно проведенные исследования представлений членов УИК о профессионально-важных качествах указали на значимость развития у них коммуникативных, морально-нравственных качеств и профессиональной компетентности в области избирательного права [3].

Целью настоящего исследования было изучение социально-демографических и личностных характеристик членов УИК и их копинг-поведения. Эмпирическим объектом стали 157 членов городских и сельских участковых избирательных комиссий в возрасте от 18 до 65 лет, проживающие в г. Ростове-на-Дону и Ростовской области.

В качестве методического инструментария использовались авторская анкета и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана, методика «Коммуникативные и организаторские склонности» В.В. Синявского и В.А. Федорошина. Математическая обработка

данных проводилась с помощью компьютерной программы Statistica 6.0 (непараметрический критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ Спирмена).

Эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Семейное положение, пол, образование членов УИК, среда их проживания, стаж работы в данной сфере и наличие опыта работы в качестве председателя могут определять их степень владения различными копинг-стратегиями.

2. К личностным характеристикам члена УИК можно отнести среднюю степень владения коммуникативными и организационными навыками;

3. На развитие организационных умений члена УИК оказывает позитивное влияние опыт работы наблюдателем.

4. Лица, имеющие опыт председательства, характеризуется высокой развитостью коммуникативных и организационных навыков и гибкостью копинг-поведения.

5. «Социально-демографический портрет» работника УИК выглядит следующим образом: работающая женщина, 42 лет, имеющая средне-специальное образование, замужем, имеет опыт работы в избирательной системе.

6. Чаще всего членами участковых избирательных комиссий используются такие копинг-стратегии как самоконтроль и планирование решений проблем, реже всего применяются копинг-стратегии принятия ответственности, конфронтации и дистанцирования.

7. Члены УИК старшего возраста чаще используют копинг-стратегию самоконтроля, чем молодые.

Перспективой разработки данного направления психологических исследований является дальнейшее изучение психологических особенностей организаторов выборов и разработка диагностического инструментария для осуществления профотбора членов УИК.

Список литературы

1. Зазыкин В.Г. Психологические аспекты избирательного процесса/ В.Г. Зазыкин. – М., РЦОИТ, 2002. – 128 с.

2. Зинченко Е.В., Зинченко С.С., Дроздова И.И. К вопросу об управлении конфликтами в деятельности организаторов выборов // Инженерный вестник Дона. [Электронный ресурс]. 2016. №4: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/p4y2016/3962> (дата обращения 10.06.2017)

3. Зинченко Е.В., Дроздова И.И. Психологические аспекты подготовки организаторов выборов в системе дополнительного образования // Современные тенденции в дополнительном образовании взрослых. Матер. III Междунар. науч.-метод. конференции., Минск, 21 октября 2016 г.; В 2х ч. – Минск, 2016. – Ч.1. – С. 85-89.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ «ВЫГОРАЮЩЕЙ» ЛИЧНОСТИ

Каримова А.Р. (Казань)

PROFESSIONAL DEFORMATION OF “BURNOUT” PERSONALITY

Karimova A.R. (Kazan)

Известно, что в процессе профессиональной деятельности свойства личности, сформировавшиеся в рамках выполнения ею профессионально-функциональной роли, могут стать чертами характера и проявляться во всех других сферах жизнедеятельности. Среди таких изменений личности особый интерес представляют деструктивные изменения – «профессиональные деформации», в числе которых – синдром «психического выгорания» [1, 4].

Традиционно, в качестве причин выгорания выделяют внешние, связанные с особенностями профессиональной деятельности и внутренние (индивидуальные) факторы – личностные особенности субъектов выгорания [2, 5]. При этом мало внимания уделяется обратному процессу, в котором синдром психического выгорания, выступающий в качестве признака деформации личности, сам, в свою очередь, может являться фактором деструктивных личностных изменений. В связи с таким подходом, интерес представляет анализ взаимосвязей личностных качеств, определяющих структуру «выгорающей» личности, фиксируемую на разных этапах развития выгорания.

Одной из первых в ряду профессий, причисляемых к «группе риска» по профессиональному выгоранию, стоит профессия учителя [2-5]. По данным многих авторов наиболее полному раскрытию педагогического потенциала учителя способствуют именно те коммуникативные качества личности, которые подвергаются деформации в результате выгорания: человечность, социально-психологическая толерантность, эмпатийность, отсутствие агрессивности. Мы предположили, что у учителей с возрастом развитие признаков выгорания должно сопровождаться изменениями в структуре этих личностных качеств, взаимосвязанных с показателями выгорания, а именно – интегрированием структуры и усилением ее внутренних связей.

В настоящей работе представлены результаты анализа взаимосвязей показателей выгорания и коммуникативных качеств личности с учетом временной динамики этих явлений. Было обследовано 143 человека, из них 99 – представители широкого возрастного периода зрелости

(47 мужчин и 52 женщины) и 44 составили группу лиц пожилого возраста – 15 мужчин и 29 женщин (бывших учителей, ныне – пенсионеров). Обработке подверглось 38 показателей, включая возраст испытуемых и стаж работы по специальности. Из общей массы испытуемых были выделены две исследуемые группы: лица с относительно низкими и высокими показателями выгорания (по 29 человек). Рассматривался характер динамики симптомов выгорания и их взаимосвязи с показателями свойств «коммуникативного блока» личности. Для этого, по прошествии 4-х лет с момента первого диагностического среза, повторному обследованию были подвергнуты 58 человек (28 мужчин и 31 женщина).

Данные второго диагностического среза показали, что, как и средние значения исследуемых показателей, так и их структуры, изменились более заметно в группе испытуемых, характеризующихся высоким уровнем выгорания. Возросло и до этого высокое общее количество взаимосвязей (с 69 до 75 при их плотности на уровне $p \leq 0,05 - 0,001$). Жесткость структуры увеличилась также за счет усиления взаимосвязей и между самими показателями эмоционального выгорания и между показателями выгорания и коммуникативных свойств личности.

Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что выгорание должно рассматриваться не только как характеристика психического состояния, как это принято в современной психологии, но и как особенность личности, что дает основание говорить о «выгорающей» личности. Тесная взаимосвязь показателей синдрома выгорания и коммуникативных качеств личности позволяет рассматривать степень сформированности этих качеств как прогностический критерий развития выгорания. Кроме того, сравнение корреляционных структур, составленных исследуемыми показателями разных возрастных выборок респондентов, так же, как и сравнительный анализ количественных характеристик, выявляет особенности «переноса» профессиональной деформации личности учителей из зрелого возраста в пожилой. При этом наблюдается специфика этого переноса, связанная с половой принадлежностью субъектов: выяснилось, что проблемы, связанные с профессиональной деформацией личности, в большей степени касаются пожилых мужчин, нежели женщин.

Список литературы

1. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. – СПб: «Речь», 2004. – 272 с.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб: «Питер», 2005. – 336 с.
3. Каримова А.Р. Эмоциональное выгорание как фактор профессиональной деформации личности. – Казань: Изд. «Фэн» Академии наук РТ, 2012. – 104 с.

4. Науменко М.В. К вопросу о профессиональной деформации педагога-психолога / М.В. Науменко, М.Ю.Могилевская // Психология психических состояний: сб. материалов по итогам VIII Международной зимней школы по психологии состояний, 28 февраля-1 марта 2014 года. – Казань: «Отечество», 2014. – Вып. 4. – С. 90-92.

5. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. – М: «Институт психологии РАН», 2005. – 330 с.

РОЛЬ ТРЕВОГИ В ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Ким К.В., Прокопьева Н.Ю. (Якутск)

THE ROLE OF ANXIETY IN MENTAL ADAPTATION IN THE CONDITIONS OF THE FAR NORTH

Kim K.V., Prokop'eva N.Y. (Yakutsk)

В новом тысячелетии, с его современными тенденциями, перед человечеством встали новые проблемы и задачи. Окружающая среда и внутренняя среда человека тесно взаимосвязаны и переплетены, усложнение внешней среды не может не приводить к изменениям внутренним. Современная цивилизационная жизнь каждого человека становится все технологичнее, «умнее» и удобнее. Все эти преимущества цивилизованной жизни держат человека в постоянном нервно-психическом напряжении. В условиях Крайнего Севера ситуация усугубляется экстремальными погодными условиями, к которым можно отнести продолжительный световой день в летние месяцы и долгую полярную ночь, существование длительных периодов высокого атмосферного давления с критическим снижением кислорода, особенно в зимний период, продолжительность зимнего периода. [1, 142]. Эти факторы способствуют снижению физиологической активности в зимний период, в период продолжительного светового дня физиологическая активность возрастает, что является показателями физиологической адаптации человека к экстремальным условиям. И в этой связи возникает вопрос, какова роль психической адаптации в установлении равновесных отношений между организмом и средой? Ф.Б. Березин под психической адаптацией понимает процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности и реализовывать связанные с ними значимые цели, обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека, его поведения требованиям среды [1].

Проведённое пилотажное исследование в зимний период, показало явное преобладание сниженного настроения вплоть до депрессивного. Исследование проводилось в разных районах Республики Саха (Якутии), респондентами выступили 209 подростков-старшеклассников. В результате у 54% наших респондентов мы констатировали высокий уровень тревожности, что говорит о внутреннем неблагополучии. Высокий уровень личностной тревожности отрицательно влияет на развитие личности и лежит в основе предрасположенности к дезадаптации в социальной среде и невротизации к развитию психосоматической патологии [2].

Нами было выдвинуто предположение о том, что различная степень выраженности личностной тревожности провоцирует определённые формы девиантного поведения. Для проверки данной гипотезы респонденты были разделены на три группы по уровню личностной тревожности: подростки с низким уровнем тревожности, подростки со средним уровнем тревожности, подростки с высоким уровнем тревожности. В результате проведённого дисперсионного анализа были получены статистически значимые различия по: склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению ($p=0,012$), контроль эмоциональных реакций ($p=0,000$), склонности к делинквентному поведению ($p=0,001$). В Якутии отмечается высокий уровень самоповреждающего поведения среди подростков, что свидетельствует о нарушении сбалансированности системы человек-среда, о недостатке психических и физических ресурсов для эффективной жизнедеятельности. Такие подростки испытывают постоянное ощущение беспокойства, угрозы, страхи, ожидание чего-то, часто негативного. Так же отмечаются агрессивные тенденции как по отношению к окружающему миру, так и по отношению к самому себе, выбор насилия как способ решения проблем, стремление нарушать установленные нормы и правила, отрицать ценности и образцы поведения, в том числе и в рамках правового поля, слабость волевого контроля эмоциональной сферы, нежелание или неспособность контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций.

Список литературы

1. Петрова П.Г. Экология, адаптация и здоровье. Москва-Якутск. 1996,
2. Хабирова Е. Р. Тревожность и ее последствия // Ананьевские чтения-2003. СПб., 2003. С. 301–302 31, 36

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
В ПРАКТИКЕ ПСИХОТЕРАПИИ (НА ПРИМЕРЕ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗА А. ЛЭНГЛИ)**

Климочкина А.Ю. (Москва)

**ETHNOCULTURAL PERSONALITY TRAITS
IN THE PRACTICE OF PSYCHOTHERAPY
(ON THE EXAMPLE OF EXISTENTIAL ANALYSIS BY A. LÄNGLE)**

Klimochkina A. Yu. (Moscow)

По данным переписи населения 2010 года, в России проживает 180 народов, крупнейшие из которых: русские, татары, украинцы, башкиры, чувашаи, чеченцы и армяне. В столь мультикультурном обществе российские психотерапевты вынуждены адаптировать свои методы работы в зависимости от этнокультурной принадлежности клиента, опираясь при этом чаще на собственный профессиональный опыт работы с представителями этих народов. Реже – на предусмотренные в концепции терапевтические представления об этнокультурных особенностях личности: как клиент воспринимает себя и мир; каких ценностей, общественных и религиозных норм придерживается, в чем видит свое предназначение.

Большинство психотерапевтических концепций созданы в Европе и США и имплицитно содержат этноцентрические западные ценности. Так, терапевты безоговорочно признают ценность автономии [1], под которой понимается способность к самодетерминации и укреплению опоры в себе (в противовес опоре в мире) (К. Юнг, З. Фрейд, Э. Фромм, В. Франкл, К. Роджерс и др.). В основном автономия представляется как высшая ступень развития психики, а в психоаналитической традиции даже считается критерием психологического здоровья взрослого человека. Однако для восточных культур эта личностная характеристика не считается ведущей в жизни взрослого. К примеру, тюркские народы ставят выше ценности служения роду и согласования решений с группой, чем автономии.

Насколько по-разному могут восприниматься одни и те же метафорические образы остроумно продемонстрировано автором книги «Транзактный анализ – восточная версия» [2], на примере сказки Морозко, показанной американцам. По данным ряда исследований [3,4], в системе самоидентификации личности у мусульман преобладают социальные (групповые) категории. Наше пилотажное исследование экзистенциальных мотиваций личности подтверждает и обогащает эти данные. В исследовании принимали участие этнические татары и результаты пока-

зали, что фундаментальная мотивация в жизни и религии убежденного последователя ислама строится на двух смыслообразующих компонентах: включенность в социальные взаимосвязи и соотнесенность с большим жизненным контекстом.

Учитывая это, представляется проблемным следующее противоречие. При всех различиях в менталитете этносов и религий, по всему миру с успехом применяются основные психотерапевтические подходы и показывают примерно одинаковую эффективность лечения [5]. Объясняя указанное противоречие, можно предположить две гипотезы. Первая: теоретический фундамент этих подходов основывается на понимании фундаментальной структуры личности, универсальной для любой культуры. Альтернативной гипотезой будет необходимость внесения этнокультурных корректировок в любую психотерапевтическую практику и повышения культуральной компетентности терапевтов [6].

В упомянутом исследовании эффективности психотерапии не анализировались новые на момент 1993 года направления – логотерапия, транзактный анализ, экзистенциальная психотерапия и многие другие. Мы не ставим своей целью обосновать эффективность какого-либо подхода на кросс-культурном уровне, однако подвергаем анализу теоретические основания одного из подходов – экзистенциализма А. Лэнгли [7]. Мы обращаем внимание на внекультурные основания этого подхода, делающие возможным столь широкое применение этого метода психотерапии в разных странах. И в то же время отмечаем зависимость его результатов от этнокультурного контекста и необходимость адаптации принятых в экзистенциализме норм развития фундаментальных мотиваций. Эта задача признается актуальной в ракурсе развития экзистенциальной психологии как науки [8,9].

Список литературы

1. Дергачева О. Е. Личностная автономия как предмет психологического исследования: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005. 162 с.
2. Макаров В.В., Макарова Г.А. Транзактный анализ – восточная версия / Под ред. В.В. Макарова. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. 399 с.
3. Соколовская И.Э. Социальная психология религиозной идентичности современной российской молодежи: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2015. 370 с.
4. Ефремова М.В. Взаимосвязь гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2010. 176 с.
5. Лаутербак В. Эффективность психотерапии: критерии и результаты оценки // Материалы I съезда Российской Психотерапевтической Ассоциации «Психотерапия: От теории к практике» (г. Санкт-Петербург). СПб.: изд. Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1995. С. 28-41.

6. Николаев Е.Л. Психотерапия и этнокультуральные аспекты ее эффективности (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал. 2005. № 5. С. 62-67.

7. Längle A. Existential fundamental motivation // Paper read at 18th World Congress of Psychotherapy in Trondheim, Norway, August 16, 2002 (International Federation of Psychotherapy).

8. Гришина Н.В. Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.06.2017).

9. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3-27.

СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Корытова А.И. (Томск)

PSYCHOLOGY OF LITERARY CREATION IN MODERN RUSSIA

Korytova A.I. (Tomsk)

Психология литературного творчества как самостоятельное направление в отечественной науке зародилась в конце XIX в. Это был период становления научных основ психологии и одновременно – важнейший этап в истории русского литературоведения. Особое положение и расцвет русской классической литературы способствовали тому, что именно она стала первым видом искусства, который оказался в центре внимания представителей новой науки и подвергся всестороннему психологическому исследованию. На рубеже XIX и XX вв. пристальное внимание к психологическим основаниям литературного творчества было проявлено как со стороны приверженцев научной психологии (А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский и др.), так и представителей смежных областей. В ряду таковых можно назвать активных сторонников психоанализа в послереволюционной России (И.Д. Ермаков, Н.Е. Осипов, Т.К. Розенталь, А.Н. Бернштейн, М.В. Вульф), известных врачей-психиатров (И.А. Сикорский, М.О. Шайкевич, Г.В. Сегалин) [1].

Переосмысление психологических концепций с позиций марксистской науки, поиск новых методов изучения личности и ее творчества, в том числе литературного, приводят Л.С. Выготского к пониманию ограниченности возможностей психоанализа в изучении психологии творчества писателя, обозначенному в его работе «Психология искусства» (1925). Среди значительных исследований того периода времени, рассматривающих психологические аспекты литературного творчества,

наиболее известны книга Б.А. Грифцова («Психология писателя») и статьи М.М. Бахтина, представленные в сборнике его трудов «Эстетика словесного творчества».

Исторические события середины XX в. в СССР затормозили развитие психологии литературного творчества. Я.А. Пономарев в 1976 г. писал: «Большой и разносторонний интерес к этой области знания характерен для первых дней после Октября. Он сохранился до середины 30-х годов, однако затем пошел на спад и почти исчез. В настоящее время кривая этого интереса вновь резко поднялась» [2, с. 7]. Всплеск заинтересованности и научного внимания к психологии творчества во второй половине XX в. обозначил новый этап в истории изучения психологии литературного творчества.

Знаковым для советской психологии стало опубликование в 1960 г. А.Г. Ковалевым монографии «Психология литературного творчества», представившей научные взгляды ее автора на проблемные вопросы психологии творчества и личности писателя. К числу аналитических исследований последней трети XX в., посвященных изучению психологии писателя и писательского труда, могут быть отнесены работы литературоведов А.Г. Цейтлина («Вопросы психологии литературного творчества и писательского труда»), Г.М. Ленобля («Писатель и его работа»), а также системное исследование по психологии творчества и интуиции, выполненное в 1970-х годах в классической традиции отечественной психологической науки Я.А. Пономаревым [2]. В 2008 г. Е.Л. Бобылевым была защищена одна из первых в стране кандидатских диссертаций, посвященная историческим аспектам психологии литературного творчества [3]. Анализируя современное состояние психологии литературного творчества можно констатировать, что его природа по-прежнему остается практически неисследованной, а научная разработка психологических основ требует дальнейшего вдумчивого продолжения. Данная проблемная область современной отечественной психологической науки находится в ожидании новых заинтересованных в ее дальнейшем развитии исследователей.

Список литературы

1. Корятова А.И., Корятова Г.С. Психология литературного творчества как научное направление: этап становления (последняя треть XIX – первая половина XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 11 (176). С. 162–169.
2. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 303 с.
3. Бобылев Е.Л. Психологический анализ литературного творчества в работах отечественных психологов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 233 с.

ВОЗМОЖНЫЕ Я И ИХ СВЯЗЬ С КОНСТРУКТИВНОЙ И НЕКОНСТРУКТИВНОЙ РЕФЛЕКСИЕЙ ЛИЧНОСТИ

Костенко В.Ю., Гришутина М.М. (Москва)

POSSIBLE SELVES AND THEIR RELATIONS TO CONSTRUCTIVE AND NON-CONSTRUCTIVE PERSONALITY SELF-REFLECTION

Kostenko V.Yu., Grishutina M.M.

Возможное Я – компонент Я-концепции, включающий в себя когнитивное отражение ожиданий, целей, страхов, желаний субъекта, направленных в сферу будущего и возможного. Термин, введенный Х. Маркус [1], охватывает не только осознание цели или возможного будущего, но и переживание изнутри некоторой потенциальной возможности действовать (например, «Каково мне будет, когда я стану руководителем»). В таком качестве Возможные Я могут выступать важными мотивационными регуляторами, а также отражать достигнутые личностью результаты самопознания и саморегуляции. В этой связи предпринята попытка эмпирически исследовать разнообразие Возможных Я и их взаимоотношения с различными вариантами рефлексивной и мотивационной регуляции. В качестве методов исследования выступили: (1) Модификация опросника Возможных Я К. Хукер [2], предлагающего респонденту перечислить желаемые и избегаемые Возможные Я и оценить по меньшей мере одно из них с точки зрения воспринимаемой способности воплотить это Возможное Я в жизнь, вероятности его воплощения, частоты обращений к данному Возможному Я и степени его субъективной значимости; (2) Дифференциальный тест рефлексии [3], измеряющий одну конструктивную (Системная рефлексия) и две неконструктивных (Квазирефлексия и Интроспекция) формы личностной рефлексии; (3) Русскоязычный опросник каузальных ориентаций [4], измеряющий склонность к Автономной, Внешней и Безличной каузальной ориентации; (4) Русскоязычная адаптация Шкалы позитивного и негативного аффекта [5]. Данные продемонстрировали эмпирические индикаторы существования особой формы Возможных Я, статистически значимо связанной с Внешней каузальной ориентацией личности, склонностью к руминации (шкала Интроспекции методики ДТР) и шкалой Негативного аффекта. Эта группа Возможных Я обнаружила, кроме того, значимую положительную связь с частотой обращений к избегаемым Возможным Я. Для группы респондентов с высоким уровнем развития конструктивной рефлексии (шкала Системной рефлексии методики ДТР) и Автономной каузальной ориентации характерна высокая оценка субъективной способности воплотить

желаемое Возможное Я в жизнь и высокая субъективная значимость желаемых Возможных Я, что не наблюдалось в группе с высокими значениями параметра Внешней каузальной ориентации. Конвенциональный контент-анализ дополняет данные о качественных особенностях Возможных Я в обеих группах. Возможные Я подтверждают свою роль в качестве посредника мотивационной регуляции и оказываются важным эмпирическим индикатором как конструктивной, так и неконструктивной личностной рефлексии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-01009.

Список литературы

1. Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Т. 41. № 9. С. 954–969.
2. Hooker K. Possible Selves and Perceived Health in Older Adults and College Students // *Journal of Gerontology*. 1992. Т. 2. № 47. С. 85–95.
3. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: От объяснительной модели к дифференциальной диагностике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
4. Дергачева О.Е., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2008. № 3. С. 91–106.
5. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: Разработка русскоязычного аналога методики PANAS // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.

ДИНАМИЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПРОЦЕССЫ САМОИЗМЕНЕНИЯ

Костромина С.Н., Гришина Н.В. (Санкт-Петербург)

DYNAMIC PERSONALITY: SELF-CHANGE PROCESSES

Kostromina S.N., Grishina N.V.

Традиционное понимание личности, сохраняющее свой статус и в современной психологии, базируется на устойчивых представлениях об определенной системе признаков: свойств, черт, качеств, которые в разном соотношении описывают ее структуру и набор ключевых характеристик. Современные подходы к психологии личности связывают уникальность личности не только с особенностями ее личностных характеристик и их конфигурацией, но и с индивидуальной моделью ответов на ситуации повседневной жизни [1]. Слабая реплицируемость результатов исследований одних и тех же личностных черт на разных выборках и при-

нительно к разным ситуациям [2] поставила под сомнения приписываемую личностным характеристикам транситуационную стабильность их проявления; в то же время ответ на этот вопрос – необходимое условие рассмотрение этих качеств как структурных элементов личности. Признание ситуационной нестабильности личностных проявлений, усиливающейся под влиянием контекстуальных факторов, привело к смещению внимания исследователей к теме существования личности в меняющейся реальности и появлению концепта «динамичная личность». Понятие динамичной личности частично захватывает описание структур личности, но опирается на изучение траектории и интенсивности ее изменений в зависимости от происходящих событий. В описании динамичной личности используются концепты жизненных планов, жизненных целей, жизненных стратегий, жизненного опыта и др. Фактически это область проявлений личности, характеризующая ее повседневную активность, эффективность которой обеспечивается необходимым согласованием ресурсов личности с текущей реальностью, с ее вызовами сложности и неопределенности. Принципиальный интерес представляет переход от структурных элементов личности к гибкому поведению личности в ситуационном контексте. В современных подходах к психологии личности сохраняется представление об ее уровневой структуре, в соответствии с которым нами развито понимание предметного поля психологии личности, в описание которого включены так называемые «переходные зоны», обеспечивающие «движение» личности к более сложным формам активности. «Переходная зона» включает процессы и механизмы самодетерминации, проявляющейся во всем спектре так называемых «самопроцессов» личности – самосовершенствования, самопознания, самопрезентации, самооценивания, самопонимания и т.д. Именно они обеспечивают необходимую изменчивость когнитивных, аффективных и поведенческих установок личности, позволяющих перестраивать поведение и осуществлять активность в контексте повседневности. Содержание и объем репертуара самопроцессов в развитии личности могут быть обозначены понятием потенциала самоизменения, позволяющим интегрировать структурные характеристики личности и ее динамичные образования. В вертикальной иерархии описания личности именно «потенциал самоизменения» обеспечивает ее дальнейшее «движение» от контекста повседневности в бытийный, ценностно-смысловой контекст, к существованию личности в экзистенциальном пространстве.

Список литературы

1. Fleeson, W., Jayawickreme, E., Whole Trait Theory. *Journal of Research in Personality*. June 2015. Volume 56. Pp.82-92.

2. Vazire, S., Lucas, R. Personality psychology in the post-replicability world. Abstract Book of 18th European Conference on Personality. July, 2016. P.114. URL: http://ecp18.psihologietm.ro/assets/program_-_abstracts_book_320_pages_july_20th_2016.pdf (дата обращения: 13.05.2017).

СИНХРОНИЗАЦИЯ И ДЕСИНХРОНИЗАЦИЯ ВОЗРАСТНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

Леонова Е.В. (Калуга)

SYNCHRONIZATION AND DESYNCHRONIZATION OF AGE AND EDUCATIONAL CRISES

Leonova E.V. (Kaluga)

Среди множества антропологических кризисов особое место занимают нормативные кризисы перехода – возрастные и образовательные, обусловленные этапностью возрастного развития человека и уровневой организацией образования (В.И. Слободчиков [1]). С позиций культурно-исторической теории возрастные кризисы являются следствием изменения социальной ситуации развития по причине становления нового психологического облика ребёнка. Так, Л.И. Божович отмечает, что кризисный характер перехода к следующему этапу формирования личности обусловлен тем, что потребности и стремления, возникающие в связи с образованием новых психологических структур, встречаются препятствия на пути своего удовлетворения и оказываются нереализованными [2].

В идеальной системе образования «внешние» условия развития должны изменяться в соответствии с «внутренними» потребностями. Но в современной школе и вузе изменение социальной ситуации развития всё чаще обуславливается не внутренне, а внешне. Это привело, с одной стороны, к изменению психологического содержания возрастных кризисов (внешние условия заданы до того, как в них появилась внутренняя потребность), а с другой стороны – к деструктивному течению кризисов образовательных (требования новой образовательной ступени определены до возникновения «потребности и стремления»).

Рассмотрение периодизации развития ребёнка с позиций становления субъектности позволило нам поставить проблему синхронизации и десинхронизации нормативных возрастных и образовательных кризисов.

Каждая ступень развития, по В.И. Слободчикову, есть относительно завершённый цикл, состоящий из периодов становления и реализации, каждый из которых включает критическую и стабильную стадии. Период становления начинается с возрастного «кризиса рождения», вызыва-

емого потребностью в принципиально новой роли в социуме, а период реализации – с возрастного «кризиса развития», вызываемого потребностью реализации своей самости в этой роли.

Результаты наших исследований [3] показали принципиальную важность синхронизации возрастных «кризисов рождения» (кризис 7 лет и юношеский кризис) с соответствующими образовательными кризисами (начало обучения в школе и в вузе). При прохождении «кризиса рождения» условия новой ступени образования являются адекватной формой разрешения возрастного кризиса, когда растущий человек оказывается в новых объективно заданных условиях, своего рода «плацдарме» для выработки новых способов эффективной деятельности, «применения на деле» нового уровня субъектности.

Синхронизация же подросткового «кризиса развития» с кризисами перехода в среднее звено и к профильному обучению приводит к неблагоприятному течению этих образовательных кризисов, что может привести к экзистенциальным индивидуально-личностным кризисам. В подростковом кризисе происходит становление личностного аспекта субъектности, и формальное образование оказывается слишком узким пространством для решения этой возрастной задачи развития. Для продуктивного разрешения подросткового кризиса с наращиванием субъектности необходима его сепарация от образовательных кризисов и расширение культурно-образовательной среды взросления, адекватной новому уровню самосознания подростка.

Нормативные образовательные кризисы являются своеобразными точками бифуркации становления субъектности, их нормальное прохождение способствует наращиванию субъектных качеств. Ключевым фактором нормального прохождения образовательных кризисов является своевременное решение задач развития, иначе образовательный кризис может перейти в «хроническую стадию» с негативными последствиями для обучения и развития ребёнка.

Список литературы

1. Слободчиков В.И. Антропологический смысл кризисов перехода в развитии и образовании // Психология обучения. 2008. N 1. С. 4-25.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Л., 1968. С. 354
3. Леонова Е.В. Становление субъектности в нормативных возрастных и образовательных кризисах: автореферат дисс. ... докт. психол. наук. М., 2016. 48 с.

КАЧЕСТВО МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЕЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Леонтьев Д.А., Солдатников К.Г. (Москва)

THE QUALITY OF MOTIVATION OF LEARNING AND ACCOMPANYING EXPERIENCES

Leontiev D., Soldatnikov K. (Moscow)

Качество мотивации – это характеристика природы побуждения, обусловленная смысловыми связями мотива конкретной актуальной деятельности с более общими фундаментальными мотивациями. В частности, оно выражается в различении внутренней и внешней мотивации и континуума переходов между ними (Э. Деси, Р. Райан и др.) Целью исследования выступает выявление связей между качеством мотивации учебной деятельности и сопровождающими ее переживаниями. Переживания мы рассматриваем в свете трехмерной модели оптимальности [1]; [2], развивающей теорию потока М. Чиксентмихайи [3] и задающей три критерия успешности текущей деятельности, оценка в соответствии с которыми выражается в переживаниях удовольствия, смысла и усилия (контроля).

Мы предположили, что качество мотивации конкретной деятельности будет отражаться на переживаниях в данной деятельности, но не в иной деятельности; на переживаниях в деятельности также не будут прямо сказываться более общие фундаментальные мотивации. Для проверки этого мы провели корреляционное исследование на выборке студентов 1 курса МГУ и НИУ ВШЭ; данные суммировались за несколько лет, $n = 369$. Использовались методика воспринимаемого локуса каузальности (К. Шелдон, Е.Н. Осин и др.) применительно к мотивации учебной деятельности, методика диагностики переживаний в деятельности (Д.А. Леонтьев), оценивающая переживания удовольствия, смысла, усилия и пустоты в учебной и досуговой деятельности, опросник удовлетворенности базовых потребностей (Э. Деси и др.) и опросник фундаментальных мотиваций (А. Лэнгле и др.).

Обнаружились сильные связи между параметрами мотивации и переживаниями, относящимися к одной и той же (учебной) деятельности и слабые или незначимые связи между переживаниями и параметрами мотивации в разных деятельности или вне привязки к деятельности. В учебной деятельности переживания удовольствия и смысла связаны положительно между собой и отрицательно с переживанием пустоты; переживание усилия не связано с другими переживаниями. Обнаружи-

ваются умеренно значимые связи между переживаниями смысла, усилия и пустоты в учебной и досуговой деятельности, а также между удовольствием в досуге и смыслом, а также пустотой в учебе (в последнем случае отрицательная), пустотой в досуге и смыслом в учебе (отрицательная).

По мере движения по континууму качественных форм мотивации от амотивации и внешне регулируемой мотивации к интегрированной и внутренней мотивации обнаруживается монотонное возрастание корреляций с ними переживаний удовольствия и смысла в учебной деятельности; переживание пустоты обнаруживает противоположную динамику, а переживание усилия возрастание корреляций до середины континуума, а затем их снижение, что соответствует переходу от непроизвольной к произвольной, а затем к постпроизвольной регуляции. Переживания в досуговой деятельности практически не связаны с мотивацией учебной деятельности.

Практически не обнаруживается значимых связей переживаний в обоих видах деятельности и мотивации учебной деятельности с фундаментальными экзистенциальными мотивациями по А. Лэнгле и базовыми потребностями по Э. Деси и Р. Райану, за исключением базовой потребности в отношениях, с которой многие переживания обнаруживают значимые связи. Полученные результаты согласуются с трехуровневой моделью структуры мотивации [4], подтверждают валидность использованных методических инструментов и открывают новые перспективы изучения мотивационной и эмоциональной регуляции деятельности в их взаимообусловленности.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 16-18-10439 «Системно-динамический анализ регуляции деятельности»).

Список литературы

1. Леонтьев Д.А. Переживания, сопровождающие деятельность, и их диагностика // В кн.: Современная психодиагностика России: Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике: в 2 т. / Отв. ред.: Н. Батулин. Т. 1. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 175-179.
2. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал, 2016, № 4(62), с. 18-37.
3. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. – М.: Смысл; Альпина Нон-Фикшн, 2011.
4. Леонтьев Д.А. Общее представление о мотивации человека // Психология в вузе. 2004. № 1. С. 51–65.

ИЗМЕНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕМЕНИ ПРОЖИВАНИЯ В НЕМ

Литвина С.А., Муравьева О.И., Богомаз С.А. (Томск)

CHANGES OF URBAN-RELATED IDENTITY DEPENDING ON THE TIME OF RESIDENCE

Litvina S.A., Muraviova O.I., Bogomaz S.A. (Tomsk)

Изучение феномена идентичности в контексте взаимодействия человека с городской средой приобретают все большую актуальность [1], [2]. Основной вопрос, который ставился в нашем исследовании, – вопрос о взаимосвязи идентичности с городом и времени проживания в нем. В исследовании, выполненном при поддержке РГНФ, проект 15-06-10803, приняли участие 1762 респондента (от 17 до 34 лет), проживающие в российских городах: Барнаул, Владивосток, Екатеринбург, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Томск. Исследование. Использовался опросник Шкала идентификации с городом M. Lalli [3]. При статистической обработке был применен дисперсионный анализ (ANOVA) по критерию Фишера (Statistica 8.0).

Для проверки отличий в значениях шкал методики M. Lalli в зависимости от длительности проживания для всей выборки была создана номинальная шкала интервалов длительности проживания: от 3 мес. до 1 года; 2-5 лет; 6-10; 11-20; более 20 лет. Сравнение проводилось и по средним, и по медианам.

По шкале «Внешняя ценность» статистически достоверно более низкие значения оказались в интервале длительности проживания более 20 лет (F-критерий=9,6; $p=0,000001$), для остальных интервалов по данной шкале различий не наблюдается. По шкалам Общая привязанность (F-критерий=32,5; $p=0,00001$), Связь с прошлым (F-критерий=45,4; $p=0,00001$) и Восприятие близости (F-критерий=6,4; $p=0,00004$) наблюдается такая картина – рост значений в зависимости от времени проживания, при этом после 20 лет рост значений прекращается.

Наиболее важными и интересными результатами нам показались те, которые касаются временной динамики показателей шкалы Целеполагание. В первые годы проживания значения несколько возрастают, достигая максимума в периоде 2-5 лет, а потом, с увеличением времени проживания до 20 и более лет, эти значения существенно уменьшаются (F-критерий=3,3; $p=0,009$). То есть можно утверждать, что респонденты, живущие в городе более 10 лет, все меньше и меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь,

и меньше убеждены, что хотели бы остаться в этом городе и связывать с ним свои планы на будущее.

Зафиксируем еще одну особенность: в «серединном» интервале проживания – 6-10 лет – наблюдается самый большой разброс значений по всем шкалам. Видимо, в этот период происходит кризис идентификации с городом, переоценка своего отношения к нему, своего места в нем, принимается решение о том, оставаться ли жить в этом городе. Можно предположить, что во многом это связано с окончанием обучения в вузе, началом профессиональной карьеры и нормативным кризисом профессионального становления: трудностью удовлетворения потребности в профессиональном росте и самоутверждении, критикой своих прежних выборов, стремлением «начать все сначала».

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 15-06-10803.

Список литературы

1. Valera S., Guardia J. Urban social identity and sustainability. Barcelona's olympic village [Электронный ресурс] // Environment and behavior. – 2002. – Vol. 34. – P. 81–96. URL: <http://10.1177/0013916502034001004> (дата обращения: 08.05.2017).

2. Bernardo F., Palma-Oliveira J-M. Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity [Электронный ресурс] // Journal of Environmental Psychology. – 2016. – Vol. 45. – P. 239–251. URL: <http://10.1016/j.jenvp.2016.01.010> (дата обращения: 10.05.2017).

3. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings [Электронный ресурс] // Journal of Environmental Psychology. – 1992. – Vol. 12 (4). – P. 285–303. URL: [http://10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://10.1016/S0272-4944(05)80078-7) (дата обращения: 11.09.2015).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА

Литвинова О.Ю. (Майкон)

PSYCHOLOGICAL READINESS TO EXTREME CONDITIONS FROM THE STANDPOINT OF PSYCHOLOGY SUBJECT

Litvinov O. Yu.

Психологическая готовность к тому или иному виду труда традиционно рассматривалась в научной литературе как развитая система убеждений, взглядов, отношений, мотивов, волевых и интеллектуальных качеств, знаний, навыков, умений, установок, настроенности личности на определенное действие, то есть как результат профессиональной подготовки. Проблема же психологической готовности военнослужащих

к экстремальным условиям службы чаще всего анализировалась с точки зрения их физической и морально-психологической подготовки, тем самым выдвигая на передний план операциональную сторону готовности. Именно поэтому традиционный подход, на наш взгляд, не способен дать ответ на вопрос: “Чем определяется успешность деятельности специалиста в экстремальных условиях службы?”. Решение этого вопроса, по нашему мнению, необходимо искать в источниках активности самой личности, в понимании того, как именно активность порождается и регулируется человеком, насколько он ответствен за результаты собственной активности, и является ли он субъектом собственной деятельности и жизни в целом, его представлением о себе, своей профессиональной “миссии” и т.д.

Мы предлагаем по-новому взглянуть на проблему психологической готовности к экстремальным условиям, интерпретируя ее с позиций субъектно-бытийного подхода, в котором личность рассматривается на высшем уровне своей активности, системности, целостности, автономности (А.В. Брушлинский), где психологическая готовность понимается не только как необходимое условие успешности, надежности и эффективности выполняемой деятельности, но и как условие, обеспечивающее развитие личности и, предоставляющее наибольшие возможности для проявления творческого потенциала с целью социального признания [1], что субъективно воспринимается и оценивается самим человеком, как то, что он состоялся не только как профессионал, но и как личность.

Субъектный подход акцентирует внимание на поиске причин активности в самом человеке, на изначально активной роли индивида (А.В. Брушлинский), а также на взаимной обусловленности бытия и человека (С.Л. Рубинштейн). В связи с этим становится актуальным вопрос о предпочитаемом личностью способе существования и личностной ресурсности, обеспечивающей не простое выживание в этих условиях, а полноценное аутентичное бытие (предельный модус бытия по Г.Ю. Фоменко), тем самым обеспечивая выход за собственные пределы – трансценденцию, т.е. способность выступать профессионалом своего дела, занимая позицию активного субъекта, “автора своей жизни” (многокачественность бытия по С.Л. Рубинштейну).

Поскольку модус бытия личности определяется особенностями субъектной позиции и спецификой личностного самоопределения, то соответственно могут быть выделены различные типы профиля психологической готовности к предполагаемой службе. В результате проведенного исследования, нами были выделены четыре типа профиля психологической готовности: высокий уровень – интенционально-независимый тип – профессиональная деятельность, как следование объективному

содержанию деятельности (деятельность, как миссия); низкий уровень – интенционально-зависимый – профессиональная деятельность, как возможность удовлетворения своих субъективных целей (интенций); утилитарный – профессиональная деятельность, как возможность извлечения максимальной для себя выгоды из сложившихся условий (узкий практицизм); аморфный – выбор профессиональной деятельности на основе неопределённости, с пренебрежением к собственным потребностям и интересам (несформированность мотивации).

Список литературы

1. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Макаревская Ю.Э., Нерсисян Э.А. (Сочи)

SYMBOLICAL MODELING SIGNS OF PERSONAL IDENTITY

Makarevskaya Yu.E., Nersesyan E.A.

Основываясь на существующей в психологии проблеме низкой операционализации признаков идентичности, мы обращаемся к возможности разработки и применения модели, которая включает в себе внутренний подход к анализу личностной идентичности. [2] Методом составления такой модели является Символическое Моделирование (СИМ). [3]

В сравнении с другими методами исследования моделирование обладает рядом преимуществ в отношении труднодоступных объектов, каким является идентичность личности. Цель моделирования – получение новых знаний об объекте путем вывода по аналогии. Описание объекта с точки зрения метафор и символов – суть метода символического моделирования Дж. Лоули и П. Томпкинса.

Выявив категориальную сетку самоидентификационных признаков личности [1], считаем, что классическая схема СИМ в применении к исследованию личностной идентичности выглядит следующим образом: метафора признака идентичности, само моделирование и «чистый язык», включающий фиксацию осознания организации собственных метафор и символов, касающихся заданного феномена.

Используя свои точные метафоры в качестве сырого материала для процесса моделирования, субъект строит живой, метафорический ланд-

шафт идентичности, в котором может быть представлен и динамический аспект данного явления. Мы предлагаем субъекту отразить переживания на когнитивной карте, являющейся наглядной основой моделирования. Так получается диагностический инструментарий – карта Символической Модели личностной идентичности – это некие семантические сети, структуры отношений метафор признаков личностной идентичности между собой.

Опыт применения символического моделирования в терапии и консультировании показал, что чистый язык вопросов порождает ответы клиента, отличающиеся глубокой интроспекцией и самораскрытием. То есть главное предназначение карты Символической Модели личностной идентичности – «посетить» карту мира респондента. Карта задает вопросы, которые ведут к источникам информации, оставаясь четко в рамках метафоры. Центрированность на информации означает включение сюда всей информации: семантика, соматика, пространственная, временная, а также биографическая, родовая и культурная информация о личностной идентичности респондента.

Поскольку каждая метафора нуждается в интерпретации, СИМ использует анализ значения символа, который означает, что его буквальный смысл одновременно подразумевает и косвенный, который может быть понят только через первый. А интерпретация – это работа мышления по расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом и в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении. В процессе интерпретации объяснение – есть предпосылка понимания, а понимание порождает новые объяснительные гипотезы, реконструирующие смысл исследуемого целого. Таким образом раскрывается идентичность как системная организация личности [4]

В структуре предлагаемой Символической Модели следующие уровни (с соответствующей формулировкой вопросов в стиле «чистого языка»):

- Восприятие себя самого (граница с «собой» и «другими», «нулевая» граница – граница границы между «собой» и «собой»);
- Свое место в Мире;
- Опорные смысловые точки в жизненном пространстве и времени;
- Видение себя в будущем (желания, планы, мечты, цели);
- Привычный стиль поведения;
- Отношение к Миру;
- Роль другого, восприятие другого в своем жизненном пространстве.

Актуализация, проявление признаков личностной идентичности по предложенной структуре происходит в процессе заполнения респондентом Карты СИМ.

Список литературы

1. Макаревская Ю.Э. Личностная идентичность: диагностика и классификация признаков // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] / под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, Ю.Э. Макаревской, А.А. Смирновой. Электрон. текст. дан. (1 файл 2,8 Мб) – Вып. 2. – Киров: МЦНИП, 2013. – 417 с. – ISBN 978-5-906223-23-4. с.165-171.
2. Макаревская Ю.Э. Научность психологических методов исследования личностной идентичности Дружининские чтения: Материалы 6-й Всерос. науч.-практ. конф. Под ред. И.Б. Шуванова, С.Н. Тесля, О.А. Михайленко, С.В. Киктева, А.В. Шашкова. – Сочи: СГУТиКД, 2007. Т.1. с.74-76.
3. Макаревская Ю.Э., Тесля С.Н., Нерсисян Э.А. Символы и метафоры опасности как элементы моделирования профессионального пути (на примере студентов вуза) – Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Книга вторая: Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта. (Ч.3, Ч.4), РИЦ СГУ, 2012г.
4. Рябикина З.И. Личностная идентичность в ситуации изменения системы идентификаций (социо-психологические эффекты украинского разлома) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т.3. вып. 3. С.203-291.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Манукян В.Р., Трубицина А.А. (Санкт-Петербург)

EMOTIONAL WELL-BEING OF STUDENTS WITH DIFFERENT DEGREE OF PROFESSIONAL IDENTITY FORMATION

Manukyan V.R., Trubitsyna A.A.

Эмоциональное благополучие личности – один из аспектов субъективного благополучия, включающий доминирующий эмоциональный тон и эмоциональное отношение к различным сторонам жизни (в отличие от когнитивного аспекта – удовлетворенности) (Р.М. Шамионов, Л.В. Куликов). Субъективное благополучие в целом и эмоциональное в частности, ассоциируются с гедонистическим подходом; психологическое благополучие в большей степени связывается с переживанием осмысленности жизни, личностным ростом и самоактуализацией. Ряд исследований указывают на их взаимосвязь, отражающую общий уровень благополучия (С. Ryff, А. Созонтов и др.). В данном исследовании проверялась гипотеза о взаимосвязи эмоционального благополучия сту-

дентов с характеристиками формирования профессиональной идентичности, что является важной задачей ранней взрослости.

Для изучения эмоционального благополучия использовались методика ДС-8 Л.В. Куликова и шкала счастья Фордис; для изучения профессиональной идентичности – МИПИ Л.Б. Шнейдер, анкета оценки профессионального выбора и учебно-профессиональной реализации.

Выборка включила 151 студента вузов Санкт-Петербурга (3-5 курс; 87 мужчин, 64 женщины, средний возраст 20,9 лет) социально-гуманитарного (психологи, менеджеры, политологи, юристы) и технического (программисты, инженеры) профилей.

При изучении взаимосвязей показателей эмоционального благополучия у студентов было обнаружено разделение эвдемонистического и гедонистического аспектов. Высокий уровень счастья связан с высокой активностью и более низкими показателями бодрости, тонуса, раскованности, спокойствия, устойчивости. При этом время переживания состояний несчастья и нейтральности, напротив, связано с меньшей активностью и более высокими показателями по вышеуказанным шкалам. Таким образом, уровень счастья студентов возрастает с повышением активности в отношении к жизненным ситуациям, готовности к преодолению препятствий (эвдемонистический аспект), но при этом сопровождается снижением комфортности эмоциональных состояний (гедонистический аспект).

Профессиональная идентичность студентов тесно связана с их эмоциональным благополучием. Различные индикаторы эффективно формирующейся профессиональной идентичности (статус «достигнутая позитивная идентичность», привлекательность образа профессионала, серьезность профессионального выбора, уверенность в правильности выбора) взаимосвязаны с повышением уровня счастья и времени переживания состояния счастья, но и вместе с тем, – с повышением тревоги и напряженности, со снижением бодрости и тонуса.

Противоположные по своему содержанию связи образуют индикаторы неэффективно формирующейся идентичности: статус «преждевременная идентичность», внешняя мотивация профессионального выбора, перемена места учебы. Они отрицательно связаны с активностью, уровнем счастья и временем переживания счастья, и положительно – с бодростью, спокойствием, раскованностью, эмоциональной устойчивостью и удовлетворенностью.

Таким образом, эффективно формирующаяся профессиональная идентичность в большей степени взаимосвязана с эвдемонистическими аспектами эмоционального благополучия, в то время как трудности формирования профессиональной идентичности студентов сочетаются с его

гедонистическими аспектами. Очевидно, что формирование идентичности, сопряженное с принятием самостоятельных решений и преодолением взаимосвязанных с ними трудностей и ответственностью может способствовать некоторой напряженности, усталости, тревоге, которые реже возникают при отказе от самостоятельных решений и избегающем поведении.

Исследование поддержано грантом РГНФ №16-06-00307a.

О РОЛИ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ

Морозов А.В. (Москва)

ON THE ROLE OF PSYCHOLOGY IN THE MODERN SYSTEM OF TRAINING ATHLETES

Morozov A.V. (Moscow)

Исход спортивных соревнований в значительной степени определяется психологическими факторами, что обусловлено современной ситуацией в спорте: тактическая, физическая и техническая подготовленность спортсменов находится примерно на одном уровне. Чем выше класс спортсмена, уровень его спортивной готовности (тактической, физической, технической), тем важнее становится психологический блок подготовки: на уровне равных, высоких возможностей побеждает тот, у кого выше психологический потенциал, кто психически более вынослив, более устойчив [1].

Серьёзной проблемой современного отечественного спорта является то обстоятельство, что российские тренеры достаточно хорошо освоили все виды подготовки, за исключением психологической. Отсутствие у них знаний психологической подготовки и игнорирование её значения приводят к психологическим ошибкам и срывам спортсменов, особенно в процессе ответственных соревнований.

Реалии сегодняшнего спорта таковы, что на одной технике, с применением пусть даже самых высококлассных разработок и технологий последнего поколения сегодня уже «далеко не уедешь». Необходима особая психологическая атмосфера и особый настрой. И здесь – огромное поле для деятельности профессиональных психологов, причём – не только спортивных.

В настоящее время интегральная подготовка квалифицированных спортсменов представляет собой сложный многоэтапный и многолетний

процесс спортивного совершенствования, в котором необходимо учитывать и общие закономерности адаптации спортсмена к тренировочным и соревновательным нагрузкам, и частные особенности формирования спортивного мастерства в зависимости от структуры и динамики физических и психических качеств, морфофункционального и психического статуса спортсмена, наличия своеобразного сочетания специальных способностей. Всё более очевидным становится тот факт, что только при тренировочной нагрузке, адекватной психотипу спортсмена, повышается реактивность центральной нервной системы и совершенствуются механизмы обеспечения эффективной спортивной деятельности в экстремальных условиях, которые, по существу, сопровождают любое крупное соревнование [2].

Спортсмен отличается от обычного человека не только функционально, но и психологически. Современный спортсмен высшей квалификации – это человек с особым мышлением, особым образом жизни. Это жизнь, принципиально отличающаяся от обычной, повседневной жизни любого человека: постоянные разъезды – сборы, тренировки, соревнования. Он не может себе позволить то, что может себе позволить любой нормальный человек. Такой экстремальный способ существования требует специальной психологической поддержки.

На сегодняшний день приходится констатировать, что в нашей стране отсутствует как система психологической поддержки, сопровождения физической подготовки спортсменов, так и система психологического обеспечения психологической подготовки спортсменов и тренеров [3].

Представляется вполне очевидным тот факт, что пока приоритетной в сознании спортсменов и тренеров будет оценка, в первую очередь, личной выгоды: какая разница в том, как именно называется страна и команда, за которую ты выступаешь (или которую ты тренируешь), главное, чтобы гонорары были выше – психологическая составляющая будет откровенно «пробуксовывать», не имея реальной опоры на высокоразвитый личностный духовный потенциал, скрупулёзно сформированную в процессе социализации выраженную гражданскую идентичность [4].

Список литературы

1. Горбунов Г.Д., Гогунев Е.Н. Психология физической культуры и спорта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2014. 272 с.
2. Григорьянц И.А. Основы системной подготовки спортсменов высшей квалификации // Спортивный психолог. 2010. № 3 (21). С. 16-21.
3. Морозов А.В. Психология отношений и отношение к психологии в современном спорте высших достижений // В книге: ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ //

Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Владимир, 2016. С. 179-182.

4. Морозов А.В. Формирование гражданской идентичности российской молодёжи в процессе её социализации // В сборнике: Формирование гражданской идентичности молодёжи в условиях социально-экономических реалий российского общества // Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2017. С. 165.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Моспан А.Н., Леонтьев Д.А. (Москва)

PERSONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS STUDYING EXISTENTIAL ANALYSIS PROGRAMS

Mospan A.N., Leontiev D.A. (Moscow)

Личность психотерапевта играет важную роль в процессе взаимодействия с клиентом и является одним из ключевых факторов успешности психотерапии/консультирования. Ранее делались попытки изучить личные особенности экзистенциальных психологов на выборах участников всероссийских и международных конференций по этой теме. В первом исследовании [1] обнаружилось, что экзистенциальные психологи характеризуются более высоким уровнем толерантности к неопределённости, более глубоким переживанием осмысленности жизни, более сложным и диалектическим взглядом на мир. Во втором исследовании [2]. Экзистенциальные психологи показали более высокие результаты по сравнению с психологами других ориентаций и непсихологами по характеристикам свободы, ответственности и самотрансценденции (Шкала экзистенции А. Лэнгле), более высокие показатели самодетерминации, толерантности к неопределённости, более высокий уровень удовлетворенности жизнью и позитивной формы рефлексии (системной рефлексии), а также значимо более низкие значения дисфункциональных форм рефлексии (интроспекции и квазирефлексии). Это подтверждало предположение о том, что психологи, обучающиеся и работающие в экзистенциальном направлении, отличаются от специалистов других направлений по своим личностным характеристикам.

В рамках данной работы была поставлена задача сравнить между собой особенности различающихся по особенностям и степени профессионального обучения групп экзистенциальных психологов, в том числе студенты 1, 2 курса и выпускники магистратуры по экзистенци-

альному анализу НИУ ВШЭ, выпускники программ экзистенциально-го анализа Института экзистенциально-гуманистической психотерапии НЕРІ (Бирштонас, Литва), участники Всероссийских конференций по экзистенциальной психологии, выпускники программ НЕРІ и НИУ ВШЭ того же уровня, но другой направленности, всего 175 чел. Предметом диагностики выступали особенности осмысленности жизни (тест СЖО Д.А. Леонтьева и опросник имплицитных концепций осмысленной жизни Е.Н. Осина), удовлетворенности жизнью (ШУДЖ Э. Динера), толерантности к неопределенности (MSTAT), рефлексии (ДТР Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина), экзистенциальные ориентации (Шкала экзистенции А. Лэнгле и др.). Методом однофакторного дисперсионного анализа последовательно проверялись различия по каждой из переменных во всех группах.

Полученные результаты далеки от однозначности, тем не менее представляют интерес. По количественным и качественным особенностям смысла, удовлетворенности жизнью и толерантности к неопределенности значимые различия между группами отсутствовали. По обоим дисфункциональным формам рефлексии наиболее высокие значения показали выпускники программы человеко-центрированной психотерапии ВШЭ, а наиболее низкие – выпускники программы ЭА НЕРІ (различия значимы). По большинству параметров Шкалы экзистенции значимо более высокие результаты по сравнению с остальными наблюдаются у участников конференций по экзистенциальному анализу в русле того направления, в котором создана эта методика.. Это может быть связано с тем, что участники этих конференций продолжают не только практическую, но и научную деятельность в экзистенциальной психологии, то есть тренируют этот особый подход к жизни. Особенности обучающихся в магистратуре менее выражены по сравнению с особенностями психологов с опытом практической работы. В целом можно сказать, что особенности личности экзистенциальных психологов обнаруживают точечные отличия от психологов других направлений, которые проявляются по мере накопления опыта работы.

Список литературы

1. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. – №1 (10). – С. 121 – 130.
2. Леонтьев Д.А., Миюзова А.Е., Моспан А.Н., Осин Е.Н. Личностные особенности экзистенциальных психологов // Шестая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, А.Х. Фам. – М.: Смысл, 2016. – С. 69-74.

МОДЕЛЬ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Никифорова Д.М., Бойко А.Д. (Екатеринбург)

THE MODEL OF PROTECTIVE AND COPING BEHAVIOR OF THE PERSONALITY IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Nikiforova D.M., Boyko A.D.

В современном мире человек постоянно сталкивается с угрозами, исходящими от окружающей среды, субъектов взаимодействия и от самого себя. Для того, чтобы снизить вероятность опасности, а при ее возникновении справиться с ней, или противостоять угрозе, человек реализует безопасное поведение.

Мы понимаем безопасное поведение как поведение, при котором человек чувствует себя защищенным от разнообразных угроз, готовым противостоять трудным жизненным ситуациям, а также способным к активности, которая не содержит угроз для себя и других людей. Защитное и совладающее поведение позволяет человеку справляться с трудностями и преодолевать угрозы современной жизни. Не смотря на то, что и защиты и совладание призваны помогать человеку справляться со стрессовыми, а также трудными жизненными ситуациями, защитное и совладающее поведение не всегда в своих проявлениях безопасно как для педагога, так и для учащегося [1]. Безопасное поведение снижает реальную опасность, но в относительно безопасных ситуациях, его потенциальные затраты могут перевесить выгоды [2]. Неадекватное защитное поведение человека в стрессовых или экстремальных ситуациях может повлечь за собой серьезные последствия, поэтому обращение к проблеме безопасности как внешней (для окружающих), так и внутренней (для самого субъекта) носит не только научный, но и практический характер в отношении оптимального функционирования образовательной среды.

Для того чтобы изучить, является ли защитное и совладающее поведение безопасным, было проведено исследование, в котором приняли участие студенты и педагоги колледжей и вузов города Екатеринбурга (n=388). Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 19.В результате было выделено восемь основных фактора, которые описывают восемь типов защитного и совладающего поведения: адаптивное, альтруистично-пассивное, невротичное, виктимно-невротичное, негативно-доминирующее, виктимное, просоциальное виктимно-активное и социально-ответственное.

Выделенные типы защитного и совладающего поведения были разделены по двум основаниям: безопасное/небезопасное, направленное на себя/на других людей. В результате была выстроена модель безопасного защитного и совладающего поведения личности в образовательной среде. К безопасному защитному и совладающему поведению как для себя, так и для других людей отнесены типы поведения адаптивное и альтруистично-пассивное; к небезопасному поведению для самого человека и других – типы виктимно-невротичное, негативно-доминирующее, виктимное; к типу поведения небезопасному в большей степени для себя отнесен тип невротичного поведения; просоциальное виктимно-активное и социально-ответственное типы поведения являются безопасными для других людей и могут быть небезопасны для самого человека. Для проверки и уточнения спроектированной модели необходимы дальнейшие эмпирические исследования.

Полученные в ходе работы типы защитного и совладающего поведения можно использовать в практической работе психолога и педагога в образовательной среде, выстраивая на основе диагностических данных индивидуальные или групповые программы коррекции защитного и совладающего поведения педагогов и учащихся, тем самым, снижая вероятность конфликтных ситуаций, профессиональных деформаций педагогов, улучшая качество межличностных отношений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Внешние и внутренние факторы безопасности защитного и совладающего поведения личности в образовательной среде», проект № 16-36-01057.

Список литературы

1. Лактионова Е.Б. Образовательная среда как условие развития личности и ее субъектов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. №128. С. 40-54.
2. Engelhard I.M., van Uijen S.L., van Seters N., Velu N. The Effects of Safety Behavior Directed Towards a Safety Cue on Perceptions of Threat // Behavior Therapy. 2015. №5. С. 604-610.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ

Николенко О.Ф., Ломова Н.В. (Ростов-на Дону)

VALUE AND LIFE ORIENTATIONS OF PERSONALITY

Nikolenko O.F., Lomova N.V.

На современном этапе развития общества и психологической мысли, актуальными являются вопросы ценностных и смысложизненных ориентаций молодежи. Достижение ими зрелости личности. Становление личности происходит путем процесса социализации, институты социализации играют огромную роль в выборе ценностных и смысложизненных ориентаций. У молодежи эта роль будет отводиться учебным учреждениям, которые должны направлять, давать правильные ориентиры для становления зрелой личности, которая имеет свободу выбора, возможность осознания своей идентичности[1].

Отечественные психологи, изучающие ценностно-смысловые ориентиры: Л.С. Выготский, С.Я. Рубинштейн, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, И.В. Абакумова, А.А.Бодалев, В.Э. Чудновский и др. сходятся в том, что ценностные ориентации выступают как личностная категория, они определяют поведение индивида и входят в структуру личности человека. Ценностные ориентации выступают как тактические основы поведения человека, которые указывают жизненное направление человеку и определяют значительные факторы его поведения. Если ценности принимаются личностью, то человек рассматривает их как часть своей личной системы ценностей, если человек не согласен с ценностями, сложившимися в данном сообществе, то он признает их чуждыми и отказывается от них.

Смысл в качестве жизненного ориентира личности, как основная жизненная ценность, рассматривается у А.А. Бодалёва. Он говорит о том, что смысл жизни это и есть самая большая и значимая ценность в жизни человека. Поиск смысла жизни неразрывно связан с творческим отношением к действительности, наиболее полной реализацией потенциальных возможностей человека, в чем молодому человеку должно помогать учебное учреждение. Только когда появляются какие-нибудь трудности, обязанности, когда нужно преодолевать себя, свою лень, люди начинают использовать максимально свой личностный потенциал «высшего» Я. Становление смысла жизни – один из механизмов перехода от «будничного Я» к «высшему» [15 с. 29-33].

В.Э. Чудновский, говорит о важности профессиональной деятельности, которая является существенным компонентом структуры смысло-

жизненных ориентаций и значимый фактор становления оптимального смысла жизни. А школа и вуз мало готовят человека к выбору «главной линии» своей жизни» [68 с.16-17].

Д.А Леонтьев указывает на то, что смысложизненные ориентации являясь сложными образованиями, возникают благодаря реальным жизненным взаимоотношениям и взаимодействиям субъекта и окружающего мира, она задают направление и определяют границы самореализации личности, ее самоактуализации, путем структурной организации ценностей в жизненные цели [47].

Итак, ценностно-смысложизненные ориентиры – это результат осознания ценностей, целей и смысла собственной жизни. Сформированность ценностно-смысловой сферы будет зависеть от воздействия внешних факторов: социальные обстоятельства, индивидуальные и возрастные различия, субъективная активность, институты социализации. Особенно важно учитывать роль учебных заведений в становлении ценностно-смысловой сферы, которые могут направить, ориентировать личность в нужном ключе развития. Сформированность ценностно-смысловой сферы будет оказывать влияние на самоопределение, активность жизненной позиции, целеустремленность, способность к планированию и прогнозированию жизнедеятельности, и на общую удовлетворенность жизнью.

Список литературы

1. Rashupkina Ju., Николенко О.Ф. и др. SPECIFIC FEATURES OF STUDENTS' PERSONAL MATURITY AND PERSONAL IMMATURITY DEPENDING ON THEIR SOCIAL STATUS/ В сб. INTED 2017. 11th International Technology, Education and Development Conference Conference proceedings. Edited by L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres; IATED Academy. 2017. С. 6300-6303
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком [Текст] / А.А. Бодалев. М.: Изд-во МГУ, 1982. 200 с.
3. Чудновский В.Э. Проблема оптимального смысла жизни. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска [Текст]: в 2-х чч. / В.Э. Чудновский / Под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э. Чудновского. М.: Изд-во «Смысл», 2004. Ч. 1. 328 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999

**СУБЪЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ
У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ**

Перикова Е.И., Бызова В.М. (Санкт-Петербург)

**SUBJECTIVE SELF-REGULATION STRATEGIES
FOR INDIVIDUALS WITH DIFFERENT LEVELS
OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING**

Perikova E.I, Bysova V.M.

В современной психологии активно рассматриваются вопросы субъективного представления о счастье [1, 2, 3]. Однако слабо представлены исследования, рассматривающие обратную сторону этого феномена и стратегий саморегуляции в достижении психологического благополучия.

Цель исследования: описание субъективных стратегий саморегуляции у лиц с разным уровнем психологического благополучия. Задачи: оценить уровень психологического благополучия; провести кластерный анализ группы; описать субъективные стратегии саморегуляции состояния неблагополучия.

Методики: Шкала психологического благополучия Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко [4], авторская анкета, направленная на выявление стратегий саморегуляции состояния неблагополучия, клинико-психологическая беседа.

В исследовании приняли участие 70 студентов Санкт-Петербургского государственного университета факультета биологии в возрасте 18-20 лет.

Кластерный анализ показателей позволил выделить три группы респондентов: со средними (42 человека), высокими (12 человека) и низкими (16 человек) показателями психологического благополучия.

Группа со средними показателями психологического благополучия характеризовалась значениями, близкими к норме по всем шкалам теста К. Рифф. Респонденты с высокими показателями отличались более выраженными значениями по шкалам: управление окружением ($62,66 \pm 6,35$); цель в жизни ($66,58 \pm 7,55$); самопринятие ($65,75 \pm 9,65$); осмысленность жизни ($104,16 \pm 11,11$); общая шкала благополучия ($389,0 \pm 31,76$). Данная выборка характеризуется чувством осмысленности своей жизни, целеустремленностью и позитивным отношением к себе, что способствует самодетерминации и личностному росту. Респонденты с низкими показателями характеризовались более низкими значениями по большинству шкал: положительные отношения с другими ($51,87 \pm 13,47$); управление

окружением ($51,81 \pm 17,68$); личностный рост ($56,68 \pm 10,70$); цель в жизни ($53,37 \pm 9,29$); самопринятие ($44,43 \pm 14,36$); осмысленность жизни ($83,37 \pm 25,93$); человек как открытая система ($59,0 \pm 9,81$); общая шкала психологического благополучия ($303,62 \pm 35,14$). Данная группа характеризуется высокими значениями по шкале баланс аффекта ($106,62 \pm 30,13$). Респонденты характеризуются низкой самооценкой, недовольством собой, ощущением невозможности изменить свою жизнь, переживанием скуки и изолированностью.

Анкетирование позволило выделить четыре типа стратегий саморегуляции: когнитивные, эмоциональные, социокультурные и поведенческие стратегии.

Среди респондентов со средними и высокими показателями психологического благополучия чаще всего встречались когнитивные стратегии (36% и 50% соответственно), на втором месте по популярности были эмоциональные стратегии (31% и 27% соответственно). Значительно отличались стратегии, описываемые респондентами с низкими показателями психологического благополучия, среди которых были нередки случаи игнорирования в анкете данных вопросов. 50% ответов отражали прежде всего поведенческие указания к действиям, 30% ответов содержали когнитивные стратегии. Обращает внимание, насколько слабо представлены у респондентов данной группы эмоциональные стратегии (15%).

Выполненное исследование позволило выделить специфику использования субъективных стратегий саморегуляции у лиц с низкими показателями психологического благополучия, в отличие от выборок со средним и высоким уровнем. В целях повышения эффективности психической саморегуляции студентам необходимо осваивать разнообразные приемы самовоздействий и расширять индивидуальный репертуар регулятивных техник, направленных на самосознание и самопонимание.

Список литературы

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 271с.
2. Бонивелл И. Ключи к благополучию: Что может позитивная психология. М.: Время, 2009. 192с.
3. Леонтьев Д.А. Позитивная психология-повестка для нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 36–58.
4. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. с. 95–130.

СПЕЦИФИКА СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ С НЕЗАВЕРШЕННЫМ СУИЦИДОМ

Петросьян С.Н., Макаревская И.Г. (Сочи)

THE SPECIFIC FEATURES OF COPING BEHAVIOUR OF INDIVIDUALS AFTER UNACCOMPLISHED SUICIDE

Petrosyan S.N., Makarevskaya I.G. (Sochi)

По данным ВОЗ по состоянию на март 2017 года самоубийства являются второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15-29 лет, при этом еще более острой является проблема незавершенных суицидальных попыток, при этом, в стрессовых ситуациях многие повторяют суицидальные попытки в течение жизни неоднократно.

Можно предположить, что суицидальная попытка сама по себе для человека может являться сознательным способом адаптации к проблемной ситуации, совладания с ней, или бессознательной попыткой с помощью суицида справиться с жизненными проблемами и неудовлетворенностью своей личностью.

В исследовании мы работали с группой лиц, которые в какой-то период своей жизни совершали парасуицид. В исследовании приняло участие 40 человек в возрасте от 18 до 43 лет (экспериментальная группа) и 40 человек в возрасте от 18 до 45 лет, не имеющих эпизодов парасуицида (контрольная группа). У испытуемых мы диагностировали преобладающие защитные механизмы личности с помощью методики «Индекс жизненного стиля» и ведущие копинг-стратегии с помощью методики «Опросник способов совладания» (адаптация методики WCQ Р.Лазаруса и С.Фолкман).

В результате статистической обработки данных по методике «Индекс жизненного стиля» (использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок) у нас получилось, что два из восьми защитных механизмов статистически отличаются у двух наших групп: «замещение» (при $p=0,003$) и «интеллектуализация» (при $p=0,01$), также можно говорить о том, что наблюдается тенденция к значимости различий по защитному механизму «регрессия».

Таким образом, в нашем исследовании у лиц с парасуицидом одним из преобладающих защитных механизмов оказался механизм «замещения», при этом практически не используется в группе парасуицидентов такой защитный механизм как «интеллектуализация» (который в то же время наиболее характерен для испытуемых контрольной группы).

Значимых статистических отличий между парасуицидентами и контрольной группой по копинг-стратегиям обнаружено не было. Единственная копинг-стратегия, высокий уровень которой оказался более характерным для парасуицидентов, – это «поиск социальной поддержки», но результаты значимы лишь на уровне статистической тенденции и нуждаются в дальнейшей проверке.

На основании проведенного нами исследования мы можем сделать несколько выводов:

Парасуициденты в фрустрирующих ситуациях могут неосознанно переносить действия с недоступного объекта на доступный, например, в нашем случае на свое собственное тело, что является одной из форм аутоагрессии.

Парасуициденты практически не склонны подсознательно аргументировать свои мотивы, использовать логические установки, не стараются отказываться от своих импульсов.

Парасуициденты часто в сложных ситуациях поступают привычным, стереотипным, уже известным способом, это может быть основанием для такого феномена, как многократные суицидальные попытки.

Парасуициденты могут осознанно при возникновении внутреннего конфликта просить о помощи, просить совета других людей, например перед совершением попытки могут обратиться к телефону доверия.

Наши результаты можно рассматривать как предварительные, как попытку продолжить лишь одно из многочисленных направлений изучения суицидального поведения в практическом плане.

Список литературы

1. Петросьян С.Н. Суицидальное поведение личности как следствие переживания ситуации невозможности // Сборник материалов Всероссийского научного семинара «Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков» (г. Сочи, 9-10 сентября 2016 года) г. Сочи: ФГБОУ ВО «СГУ», 2016. С. 90-96

СВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕШЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ С УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Пляскина А.С. (Москва)

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FEATURES OF SOLVING MORAL DILEMMAS AND THE LEVEL OF EMOTIONAL INTELLIGENCE: PROBLEM STATEMENT

Plyaskina A.S. (Moscow)

Моральные дилеммы различного масштаба сопровождают человека на протяжении всей его жизни, при этом особый класс дилемм составляют те, в которых человек вынужден выбирать между благополучием своих близких и интересами других людей, за которых он несет или готов принять ответственность, – альтер-альтруистические дилеммы [1]. Они существенно отличаются от тех, где субъект выступает в роли относительно нейтрального третейского судьи, личные интересы которого даже при самом напряженном выборе не затронуты непосредственно («Трамвай» Ф. Фута, «Азиатская болезнь» Канемана-Тверски и др.). В дилеммах, где на весах выбора находится благополучие близких, напряженнейшее взаимодействие мышления и эмоций имеет свою специфику. Возникает вопрос: что помогает и что мешает личности в таких ситуациях осуществить выбор и принять решение? Как в эти моменты взаимодействуют эмоции и мышление человека, и как это влияет на саму личность, ее конечное решение и последующие переживания в связи с ним?

Важную роль в этом процессе, на наш взгляд, играет эмоциональный интеллект личности (ЭИ), введение которого в концептуальный аппарат психологии в начале 90-х гг. XX века стало одним из решений проблемы соотношения интеллекта и аффекта, мышления и эмоций личности, изучавшейся в психологической науке на протяжении всего прошлого столетия. В своей концепции эмоционального интеллекта [7] Дж. Майер и П. Саловей делают акцент на когнитивной составляющей, связанной с переработкой информации об эмоциях и использовании ее в мышлении и деятельности (гибкое планирование, творческое мышление, переключение внимания, мотивация). Это возможно благодаря одному из компонентов ЭИ – пониманию эмоций. Он отвечает за установление причинно-следственных отношений между различными отражаемыми в данное мгновение эмоциями, а также между эмоциями и стоящими за ними мотивационно-смысловыми образованиями: потребностями, интересами, смыслами, ценностями, принципами и т.д., в том числе моральными

принципами и ценностями. Одна из главных особенностей ЭИ: с повышением уровня эмоционального интеллекта повышаются адаптивные функции личности, то есть человек с высоким уровнем эмоционального интеллекта способен в целом успешнее справляться с состояниями эмоциональной нестабильности [5] и использовать эффективные стратегий преодоления трудностей, решения проблем, что снижает переживаемый в таких ситуациях стресс [6]. Человек, оказавшийся в ситуации моральной дилеммы, также подвержен стрессу и состояниям эмоциональной нестабильности, и ему также необходимо понимание того, какое решение будет эффективным, а какое – неэффективным в сложившейся ситуации. Неумение воспринять, понять свои эмоции и эмоции других людей, а также мотивационно-смысловые образования, которые за ними стоят, и использовать полученную информацию об эмоциях в мышлении и деятельности может приводить к выбору неудачных решений, а иногда и к фатальным ошибкам.

В целом, анализ литературы по решению моральных дилемм показывает следующее. Ведущая роль в развитии морального сознания личности в когнитивном подходе отводится усвоению человеком общественных правил и норм [2] и опыту рационального анализа моральных проблем с различных позиций [4], а эмоциональная сфера личности, скорее, игнорируется. В концепциях «моральных эмоций» ведущая роль в моральном выборе личности принадлежит, соответственно, эмоциям [3]. Работ, в которых изучались бы связи особенностей решения моральных дилемм с уровнем эмоционального интеллекта человека, решающего эту дилемму, нам обнаружить не удалось. Мы ставим цель исследовать эти связи.

Список литературы

1. Подъяков А.Н. Альтер-альтруизм // Психология. Журнал ВШЭ. 2007. № 3. С. 98–107.
2. Colby A., Kohlberg L. (1987). The measurement of moral judgment: V. 1. Theoretical foundations and research validation. Cambridge, England: Cambridge University Press.
3. Greene J.D., Haidt J. (2002). How (and where) does moral judgment work? // TRENDS in Cognitive Sciences, Vol. 6(12). P 517-523.
4. Kahneman D. (2003). A perspective on judgment and choice: mapping bounded rationality // American Psychologist, Vol. 58. P. 697-720.
5. Brackett, M. A., Rivers, S. E., Shiffman, S., Lerner, N., & Salovey, P. (2006). Relating emotional abilities to social functioning: A comparison of self-report and performance measures of emotional intelligence. Journal of Personality and Social Psychology, №91, 780–795.
6. Burns, J.M. (1978). Leadership. New York. Harper & Row.
7. Mayer J.D, Salovey P., Caruso D.R. (2008). Emotional Intelligence – New Ability or Eclectic Traits? // American Psychologist, № 6. P. 503-517.

ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Попов Л.М., Устин П.Н. (Казань)

THE PROBLEM OF EXPERIMENTAL AND DIAGNOSTIC METHODS OF MORAL AND ETHICAL PSYCHOLOGY OF THE PERSONALITY

Popov L.M., Ustin P.N.

Одной из приоритетных и стратегических задач развития современного российского общества выступает формирование нравственного сознания его граждан. Среди условий эффективности решения данной задачи выделяется необходимость привлечения широкого круга специалистов в области гуманитарных наук. В этой связи проблематика нравственного начала личности относится к одному из наиболее востребованных и актуальных направлений в современной психологии (К.А. Абульханова, Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, А.А. Гостев, А.Л. Журавлев, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, А.Б. Купрейченко, В.А. Пономаренко, Л.М. Попов, В.И. Слободчиков, В.Д. Шадриков и др.).

В работе нравственность понимается как детерминанта, которая определяет особенности регуляции поведенческой активности личности и влияет на специфику ее адаптации в социально-психологическом пространстве.

Проблема второго этапа реализации проекта РФФИ «Предмет и методы нравственно-этической психологии личности» заключается в степени проработанности экспериментально-диагностического аппарата при изучении нравственной составляющей личности. Анализ разнообразных источников показал, что авторы исследований нравственно-этических проблем личности преимущественно прибегают к описательным методам и ограничиваются созерцательно-объяснительной позицией (анализ источников, наблюдения). Значительно реже исследователями предлагаются более действенные методы экспериментального получения данных (в частности, анкеты и тесты) и методы, направленные на развитие или коррекцию нравственно-этических характеристик личности (как правило, это тренинги или беседы).

Цель реализации второго этапа проекта – исследовать и разработать экспериментально-диагностические основания нравственно-этической психологии личности. Для достижения цели будут решены следующие задачи:

1. Анализ методов и методик, которые могут выступать в качестве экспериментально-диагностической базы нравственно-этической психологии личности. Критериями отбора методов и методик будут частота их использования в диагностических и экспериментальных исследованиях по нравственно-этической тематике и теоретические основания нравственно-этической психологии личности (о предмете и содержательных границах нравственно-этической психологии личности).

2. Апробация выделенных методов и методик через организацию экспериментальных исследований нравственно-этического содержания.

3. Оформление экспериментально-диагностической базы нравственно-этической психологии личности.

Таким образом, впервые будут проанализированы и систематизированы имеющиеся методы и методики диагностико – экспериментального плана для последующего оформления нравственно-этического направления в отдельную отрасль знания в рамках психологии личности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Предмет и методы нравственно-этической психологии личности» № 16-06-00566а.

К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

Проскурякова Е.А. (Санкт-Петербург)

CONCERNING PERSONAL LIFE SPACE

Proskuryakova E.A. (Saint Petersburg)

Важность изучения жизненного пространства сложно переоценить: удовлетворенность последним влияет на самоощущение, качество жизни, субъективное благополучие человека. Личность в системе ее отношений с миром в качестве интегрального понятия в этой проблеме занимает центральное место. Жизненное пространство личности – это все, что нас окружает. Это “человек и психологическая среда, как она существует для него” [2, с. 77] по определению К. Левина – одного из ключевых исследователей жизненного пространства, а также автора теории поля, показывающей взаимоотношения человека с окружающей его средой и акцентирующей внимание именно на моменте взаимодействия: важности изучения человека, включенного в ситуацию, а не отдельно от нее. Именно поэтому личность в контексте своего бытия стала объектом нашего исследования, а жизненное пространство личности его предметом.

В рамках аспирантского исследования мы провели пилотный эксперимент, в котором участвовали 16 человек – жителей Санкт-Петербурга

в возрасте от 22 до 40 лет, средний возраст – 27,5 лет. Он позволил нам соприкоснуться с жизненным миром испытуемых, а также привнести новые элементы в уже известную модель структуры жизненного пространства личности Н.А. Кондратовой.

В данной работе [1] изучаемое явление представлено в виде двухуровневой модели: одним уровнем выступил территориально-пространственный, другой – уровень идеальных объектов. Вышеописанная модель была разработана Кондратовой в результате обработки эссе на тему “мое жизненное пространство” учащимися в лицее (12-14 лет) и студентами (18-20 лет).

В ходе обработки пилотного эксперимента модель структуры жизненного пространства была трансформирована в трехмерную, в которой уровень идеальных объектов предстает как смысловой, а также добавлен личностный. Последнее изменение было необходимо, поскольку в процессе анализа было выявлено множество категорий, относящихся к данному уровню. В том числе в работе Кондратовой придается особое значение личному общению, социальному окружению, которое не только входит в жизненное пространство, но и занимает в нем основное место.

Среди результатов обработки сообщений респондентов стоит выделить следующие. В первую очередь представляется интересным факт увеличения количества единиц анализа с возрастом испытуемых, подтвержденный также в исследовании Кондратовой. Данное обстоятельство указывает на факт усложнения жизненного мира человека по мере взросления и социализации. Кроме того, в работах каждого человека были представлены все 3 уровня из предлагаемой нами структуры, но преобладающее большинство единиц анализа было сконцентрировано только на одном из них. Здесь же стоит отметить, что по частоте выражения выделился личностный уровень, что подтверждает важность добавления данного уровня в разработанную модель. Наконец, большинство опрошенных транслируют большую степень удовлетворенности своим жизненным пространством, но также показывают готовность это пространство корректировать, что говорит о понимании респондентами свойства изменчивости жизненного пространства, а также о возможности использования нашей модели для отражения и антиципации изменений жизненного пространства личности.

Проведенный эксперимент подтверждает мысль о динамическом, изменчивом характере такого свойства личности как ее жизненное пространство, а его результаты показывают повышение уровня рефлексии, количества абстрактных категорий и усложнение жизненного мира личности с увеличением возраста, что помогает продвинуться в вопросе исследования изучаемой проблемы.

Список литературы

1. Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук под рук. Д.А. Леонтьева, М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – 246 с.
2. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Сенсор, 2000. – 368 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРОЖИВАНИЯ В ЗОНЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Рядинская Е.Н. (Ростов-на-Дону)

SPECIFIC FEATURES OF INDIVIDUAL PERSONAL REACTIONS UNDER THE CONDITIONS OF LIVING IN THE ARMED CONFLICT ZONE

Ryadinskaya Y.N.

Современное состояние общества характеризуется тенденциями к возникновению вооруженных конфликтов и террористических угроз в тех регионах, где происходит разрыв между интересами отдельного человека и обществом в целом [1]. С 2014–2017 гг. проходят боевые действия в Украине, которые привели к остановке производства, разрушению инфраструктуры и более десяти тысяч жертв среди мирного населения, а также оказали огромное психологическое воздействие на жителей Юго-Восточного региона Украины [2].

В исследовании приняло участие 723 человека в возрасте от 17 до 70 лет. Эмпирическое исследование проводилось в восьми городах Донецкой Народной Республики, в которых с разной интенсивностью на протяжении трех лет идут боевые действия.

Для изучения влияния неблагоприятных стресс-факторов на психоэмоциональное состояние человека нами был разработан опросник «Определение субъективного восприятия личностью значимости стресс-факторов в условиях проживания в зоне вооруженного конфликта». Опросник включал 60 стресс-факторов, которые были разбиты на 6 групп. Респондентам было предложено проранжировать данные стресс-факторы, которые наиболее сильно повлияли на их психическое состояние в условиях проживания в зоне вооруженного конфликта.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что структура выборов стресс-факторов зависит от места проживания человека. Так, в районах, где идут интенсивные боевые действия, в структуре детерминант

первое место занимают стресс-факторы, связанные с угрозой собственной жизни и здоровью, а также жизни и здоровью близких (г. Ясиноватая, Горловка, Докучаевск, Дебальцево, Иловайск), а в городах, в которых боевые действия менее интенсивны (г. Макеевка, Донецк, Енакиево), эту группу стрессовых факторов, испытуемые поставили на третье место.

В то же время население последних городов поставило на первое место такие группы факторов, как социально-экономические: материальная и финансовая нестабильность, невозможность в полном объеме получить качественные медицинские, образовательные, социальные услуги, а на второе – психологические: утрата свободы передвижения, отсутствие смысла жизни, конфликты по причине разных политических взглядов и т.д.

Наблюдение в динамике показало, что наиболее важные изменения у респондентов отмечены в их психическом состоянии. Так, 68% женщин и 52% мужчин отмечали, что, ощутив на себе действие стрессовых факторов, они чувствовали «страх и ужас от испытанного», 62% женщин и 41% мужчин указывали на чувство растерянности, беспомощности, одиночества. В 21% случаев собственное состояние характеризовалось как предобморочное, 74% женщин и 40,5% мужчин в последующие дни после обстрелов жаловались на нарушение сна (трудности засыпания, сонливость днем и бессонницу ночью, сон, сопровождающийся кошмарными сновидениями), повышенную раздражительность и подавленное настроение. Больше половины респондентов (63%) констатировали, что в течение нескольких суток после многочасовых обстрелов они испытывали выраженную тревогу и бессилие что-либо делать.

Таким образом, исследование индивидуальных реакций личности в условиях проживания в зоне вооруженного конфликта, позволяет сделать вывод о том, что реакции на стрессовую ситуацию не являются однотипными, зависят от условий проживания. Дальнейшие исследования по проблеме будут направлены на изучение психологических особенностей трансформации смысложизненных стратегий личности в условиях вооруженного конфликта.

Исследование выполнено в рамках Инициативного научного проекта фундаментального характера в рамках реализации внутреннего гранта ЮФУ (ВнГр – 07/2017-01).

Список литературы

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.
2. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict / The Tenth

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА-ПРАКТИКА

Саломэ Е.А. (Санкт-Петербург)

EXISTENTIAL ASPECTS OF ACTIVITY THROUGH THE EYES OF A PRACTICE PSYCHOLOGIST

Salome E.A.

Практический психолог помогает человеку наладить диалог между условно сохранным «Я» и неким обществом, которое расщепляется на людей, институции, задачи и другие элементы реального или умозрительного свойства. Что есть общество на современном этапе, и как это отражается на работе психологов? Процессы глобализации уже не первый год являются реальностью для подавляющего большинства жителей планеты[1], и общество из стабильного и категоричного превратилось в непредсказуемое и полемичное[6].

Это привело к двойному кризису. С одной стороны, личность, сформированная одними законами функционирования общества, вынуждена ожидать от себя эффективности в обществе, реализующем себя уже совсем по другим законам. Таким образом, сохранность «Я», и критерии оценки этой сохранности, перестают быть однозначными.

С другой стороны, методы психологической помощи направлены на повышения уровня соответствия человека обществу. Но в «новом» обществе существует много версий правильного. Потерялась однозначность «социального успеха».

Эти изменения сильно повлияли на сферу профессиональной самореализации. Человек, как субъект деятельности, нуждается в том, чтобы вести эффективный диалог с обществом, так как от него зависит финансовый успех, влияющий на остальные стороны жизни. От психологов требуется предложить стратегию помощи. Первоочередная задача, по нашему мнению, – исключить социальный контекст. Это важно для того, чтобы сузить круг элементов для анализа и обратиться к ресурсам, лежащим вне поля проблемного взаимодействия. На наш взгляд, основные принципы формирования деятельности константны, и общество накладывает отпечаток лишь на «рельеф» деятельности (знания, умения, навыки). Близкие взгляды постулируются авторами классических отече-

ственных теорий деятельности [2,3,4,5]. Этот подход позволит сделать интересный «маневр». Опершись на логику формирования деятельности на ранних этапах, есть возможность по иному взглянуть на индивида, его перспективы развития и перегруппировки опыта. Вместо, обучения и анализа социального поля нам видится логичным перейти к вопросу о направленности. Вопрос «Кто я в деятельности?» формирует возможности определять жизнь с опорой на себя, размышлять о своей эффективности и одновременно о «созвучности» своего опыта, субъективному ощущению своей предрасположенности.

Исследуя специфику своей личности и психических процессов, человек вынужден признать в эту реальность экзистенциальной данностью. «Я субъекта деятельности» существует, многие его элементы нельзя существенно скорректировать, с ними необходимо смириться, ими обязательно воспользоваться, и постараться превозмочь.

Вторая задача стратегии психологической помощи – необходимость формирования вектора «Я» в контексте внешней жизни. Множественность запроса изменяющегося общества вновь является сложностью. Нам представляется, что этого можно достичь, если пренебречь всеми подробностями социальных задач, и перейти к попыткам соотнести индивидуальное «Я» с фундаментальными законами человеческого бытия. «Во главе угла» оказывается обсуждение таких аспектов как конечность жизни, потребность в другом и ответственность за себя [6]. В этом случае перемещается внимание с социальных запросов на собственные потребности, и укрепляются сквозные структуры личности.

Для человека изучение эффективности своей реализации в деятельности превращается в процесс знакомства с двумя группами данностей: реальностью своего психического и реальностью внешнего мира, как со сферами возможностей и ограничений одновременно.

Список литературы

1. Marshall McLuhan. The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man. Routledge & Kegan Paul, 1962, – 293 p.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 340 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000, – 712 с.
5. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. Под редакцией В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, Москва «Педагогика», 1989, – 560 с.

6. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге 2002. – 280 с.

7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. Перевод Т.С. Драбкиной, М.: «Класс», 1999, – 576 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕПРИВИРОВАННЫХ ПОДРОСТКОВ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Самохвалова А.Г. (Кострома)

COMMUNICATIVE DIFFICULTIES OF SOCIALLY-DEPRIVED ADOLESCENTS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Samokhvalova A.G.

Депривационные условия онтогенеза являются причиной психологических проблем в развитии детей, формируют специфические черты личности, характера, поведения. Дефицит социально-значимых отношений, доверительного общения в детстве затрудняет развитие ребенка как субъекта общения.

В исследовании изучались коммуникативные трудности подростков и способы их преодоления в условиях социальной депривации. Выборка включала три группы подростков ($n=74$, $M=13,8$ лет): отбывающие наказание в мужской воспитательной колонии для несовершеннолетних ($n=36$); социальные сироты, оставшихся без попечения родителей в возрасте 12-13 лет, воспитывающиеся в условиях интернатных учреждений ($n=20$); подростки, проходящие длительную (более двух месяцев) послеоперационную реабилитацию в госпитале ($n=18$). Диагностический комплекс включал методику диагностики межличностных отношений Т. Лири, используемую как метод экспертной оценки коммуникативного поведения подростка; контент-анализ сочинений «Мои трудности в общении и как я с ними справляюсь».

Установлено, что подростки в условиях пенитенциарной депривации актуализируют «полярные» стили межличностных отношений: авторитарный и подчиняемый ($p \leq 0,002$). Авторитарные подростки испытывают в общении трудности эмпатии, сотрудничества, влияния, самоконтроля, пытаются преодолеть их с помощью агрессивных действий – «хамлю», «унижаю», «дерусь» ($p \leq 0,01$). Подчиняемые подростки чрезмерно зависят от партнера, испытывают трудности самовыражения, выбора средств общения, склонны к имитации («делаю, как другие», «прогибаюсь»), ре-

грессу (уход в глупость «включаю дурака» или болезнь «притворяюсь, что заболел») ($p \leq 0,03$). Попадая в стрессогенные условия социальной изоляции, подростки вынуждены «примыкать» к какой-либо сложившейся неформальной группе, принимая «правила игры», что, с одной стороны, затрудняет общения, а с другой – позволяет минимизировать страх отвержения, интегрироваться в новую субкультуру.

Социальные сироты склонны к агрессивному и эгоистическому типам межличностных отношений ($p \leq 0,003$). Им свойственны враждебность, подозрительность, недоверие, неготовность признавать свои ошибки. Агрессивные подростки прибегают к моббингу («бойкотирую», «высмеиваю», «издеваюсь»). Они резки, не отзывчивы на чужую боль, не готовы уступать. Эгоистический тип связан с манипулятивными копинг-стратегиями ($p = 0,023$) («обманываю», «скрываю чувства», «действую через авторитетов»). Стремление самоутвердиться в новом социуме связано с демонстративным, эпатажным поведением социальных сирот ($p = 0,013$), что создает иллюзию свободы самовыражения, однако часто приводит к коммуникативной неадекватности.

В условиях госпитальной депривации подростки проявляют подозрительный и зависимый ($p \leq 0,003$) типы межличностных отношений, что сопровождается снижением контактности, эмпатийности, отзывчивости. Подростки склонны к сознательному уходу от травмирующих переживаний («ухожу в себя», «закрываюсь», «перестаю слышать»); поиску социальной поддержки от близких людей и фантазиям («звоню маме», «пишу подруге», «мечтаю») ($p \leq 0,02$), что позволяет совладать с чувствами незащищенности, тревожности, депрессивности.

Социальная депривация является фактором возникновения специфических коммуникативных трудностей у подростков. Способы их преодоления неконструктивны – агрессия, моббинг, конформизм, макиавеллизм, уход от решения проблем. Требуется адресная психологическая помощь социально-депривированным подросткам в осознании и конструктивном преодолении коммуникативных трудностей.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-06-00607а).

**“ЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ” СУБЪЕКТА:
ПРЕДЕЛЬНЫЕ ОНТОЛОГЕМЫ АВТОБИОГРАФИРОВАНИЯ**

Сапогова Е.Е. (Москва)

**“PERSONAL PHILOSOPHY” OF A SUBJECT:
ULTIMATE ONTOLOGIES OF AUTOBIOGRAPHY**

Sapogova E.E.

Онтологема есть теоретическая идея (идеологема), заданная индивидуальному мышлению в социализации и лежащая в основе устоявшегося в культуре комплекса социальных практик. Комплекс онтологем определяет «личную философию» субъекта. Исходными нарративными модальностями и одновременно «рамочными» (пределными) онтологемами, задающими общую стратегию автобиографирования, могут быть «судьба», «случайность» и «свободная воля». Конструируя автобиографию, человек обычно уже находится в рамках некоей логики, заданной внутренним предпочтением одной из них. Это определяет разные типы жизненных событий, составляющих личные истории [1]: поступки, свершения, происшествия.

Поступки есть результат проявления собственной воли, спонтанности человека. Они осуществляются путем выбора, обдуманного решения, опирающегося на рефлексию имеющихся психологических ресурсов. Свободная воля есть «способность строить свои действия сообразно цели (в противоположность “причине”)» [2, с. 69].

Свершения есть результат разворачивания определенной закономерности, с какой предшествующие выборы ведут к predetermined им последующим происшествиям в жизни. В них как бы завершается некое действие, начатое человеком по собственной воле, но затем вышедшее из-под его ведома и контроля [1]. Случаи представляют собой любые комбинации исходов некоторого опыта, имеющие определенную вероятность наступления [3, с. 21]. Речь идет о происшествиях, в которых человек является не субъектом, но вероятностно-возможностным объектом некоей непознаваемой им воли, начало и последствия действий которой непредсказуемы. «Свершения отличаются от поступков и происшествий тем, что как бы содержат в себе собственное начало и конец и обнаруживают действие судьбы на всем его протяжении. Поступки и происшествия – это тоже по глубинной сути своей свершения, только с затерянными началами и концами. Поступок – свершение с неясным концом, а происшествие – с неясным началом» [1, с. 70].

В зависимости от выбранной онтологемы строятся автобиографи-

ческие повествования. При опоре на онтологему свободной воли центральную линию автобиографии образует череда поступков, действий рассказчика в ответ на определенные ситуации или обстоятельства. Она строится как совокупность эпизодов жизни, упорядоченная в соответствии с понятным ему целенаправленным движением к некоей осознаваемой цели. Такие тексты обычно когнитивны и фактологичны, в них отражен результат активной работы мышления.

Если лейтмотивом автобиографического повествования становится онтологема судьбы, то в нем разными способами подчеркивается имманентность связи человека и мира, императивность, неизбежность наступления неких жизненных событий, даже вопреки проявлениям свободной воли субъекта. В этом случае можно говорить о главенстве веры в некое семантическое единство мироздания, не принуждающей человека активно действовать, но требующей от него созерцания, погружения, растворения в универсуме, осознанного переживания своей общности с чем-то большим, чем есть он сам.

Если личность исходит из онтологемы случая, то в центре автобиографии оказывается некое происшествие или череда происшествий, содержащих использованную или упущенную возможность, вне собственных побудительных действий человека повлиявших на его жизнь и/или личность. Рассказчик больше апеллирует к интуиции, к некоему на миг открывшемуся ему надличностному знанию, усмотренному и «схваченному» или пропущенному, не понятому.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (Отделения по гуманитарным и общественным наукам), проект № 15-06-10028.

Список литературы

1. Эпштейн М.Н. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 65–77.
2. Ильенков Э.В. Свобода воли // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 69–75.
3. Чайковский Ю.В. О природе случайности. М.: Центр системных исследований – Институт истории естествознания и техники РАН, 2004. 280 с.

СТРУКТУРА ИНТЕРНЕТ ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ В СВЯЗИ СО СТАТУСАМИ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ

Скурыгин М.А. (Пермь)

THE STRUCTURE OF THE INTERNET DEPENDENT BEHAVIOR IN CONNECTION WITH THE STATUS OF YOUTH IDENTITY

Skurygin M.A. (Permian)

Гипотеза интернет зависимое поведение предполагает менее благоприятную структуру идентичности (в частности, в ней доминирующим является статус диффузной идентичности)

Целью нашего исследования является изучение интернет зависимости в связи со статусами идентичности в общей выборке студентов.

Был предпринят факторный анализ с последующем *varimax* вращением показателей статусов идентичности (диффузная идентичность, принятая идентичность, мораторий, достигнутая идентичность), а также двух надшкальных показателей интернет зависимости (ключевые симптомы интернет зависимости – IA-SYM – и проблемы, связанные с интернет зависимостью – IA-RP) указанных методик. В результате проведённого факторного анализа выделилась двухфакторная структура. Первый фактор 30,7% ДОД не смешанный, не представил для нас интереса. Во второй фактор 28,4% ДОД со значимыми весами вошли оба интегральных показателя шкалы С.-Х. Чена: IA-RP (0,883), ядро фактора, предполагающий внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем, а также проблемы с управлением временем и IA-SYM (0,845), которому соответствуют компульсивные симптомы, симптомы отмены, симптомы толерантности). Также в фактор со значимым факторным весом (0,383) вошел один из статусов идентичности диффузная идентичность, который характеризует состояние идентичности индивида, не испытывающего потребности в исследовании альтернатив и не сформировавшего свои ценности. Таким образом, чем больше представлены проблемы, связанные с интернет зависимостью и соответствующая симптоматика, тем больше выражены спутанность и рассеивание, присущие диффузной идентичности.

Данный фактор мы обозначили как «Проблемы, связанные с интернет зависимостью и соответствующая ей симптоматика, предполагающие диффузную идентичность».

Более информативными, на наш взгляд, оказались результаты факторного анализа до вращения. В первый однополюсный фактор 34,3% ДОД со значимыми весами вошли: мораторий идентичности (-0,650),

ядро фактора принятая идентичность (-0,610), диффузная идентичность (-0,621). Фактор показывает, что мораторий идентичности как переходное состояние сочетается не только со статусом достигнутой идентичности, но также с диффузией идентичности и принятой идентичностью, при которой происходит некритичное заимствование ценности семьи, группы, любых значимых лиц. В факторе оказались значимо представлены оба надшкальных показателя интернет зависимость поведения IA-RP (-0,565) и IA-SYM (-0,550). Данный фактор можно условно обозначить как «неблагоприятный мораторий», обременённый с одной стороны диффузной и принятой идентичностью, а с другой – основными проявлениями интернет зависимости.

Во второй двухполюсный фактор 24,9 % ДОД со значимыми весами вошли на одном полюсе достигнутая идентичность (0,554), ядро фактора, мораторий идентичности (0,526), а на другом полюсе – IA-RP проблемы связанные с интернет зависимостью (-0,679), IA-SYM – симптомы интернет зависимости (-0,643). Фактор свидетельствует о том, что со снижением симптоматики интернет зависимости растет уровень выраженности обоих вошедших в него благоприятных статусов идентичности. Фактор может быть назван как «Альтернатива благоприятных статусов идентичности и интернет зависимости».

Список литературы

1. Гаврилова Т.А., Глушак Е.В. Психометрическое исследование шкалы интерперсональной идентичности//Психологическая диагностика. 2011. № 3. С. 3-16.
2. Малыгин В.А., Феклисов К.А. Интернет зависимое поведение. Критерии и методы диагностики»: Москва: МГМСУ, 2011. – 32 с.
3. Эриксон Э. Восемь возрастов человека / Э. Эриксон / Детство и общество. – Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Пер. Алексеева А.А. – СПб.: Речь, 2008. – 416 с.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ
КАК СУБЪЕКТИВНОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ
СОСТОЯНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ**

Смирнова Т.Л., Субботина Л.Ю. (Ярославль)

**THE STUDY OF PERSONAL TRAITS AS A SUBJECTIVE
DETERMINANT OF THE SAFETY STATE**

Smirnova T.L., Subbotina L.Yu.

Исследование состояния безопасности является актуальным и значимым в связи с важностью данного состояния для успешного существования и развития, адаптивного поведения личности. Подобных исследований насчитывается немного, несмотря на их теоретическую и практическую значимость. Цель данной работы – исследование личностных качеств-детерминант состояния безопасности.

Методы исследования:

1. Авторская методика диагностики субъективного предпочтения состояния безопасности (предварительно прошедшая психометрическую проверку);

2. Личностный опросник Р.Кеттелла 16 PF (форма А).

Методы обработки результатов: сравнительный и структурный анализ; корреляционный анализ по Спирмену и Пирсону; экспресс-метод хи-квадрат.

Характеристика выборки:

– На этапе исследования взаимосвязей между личностными качествами и склонностью к переживанию состояния безопасности: 114 испытуемых (53 мужчины, 61 женщина, 17-25 лет);

– На этапе структурного анализа: в группе с низким уровнем субъективного предпочтения состояния безопасности – 15 испытуемых (5 мужчин, 10 женщин, 17-24 года); в группе со средним уровнем – 81 испытуемый (37 мужчин, 44 женщины, 17-25 лет; в группе с высоким уровнем – 18 испытуемых (11 мужчин, 7 женщин, 18-23 года).

Результаты.

Склонность к переживанию состояния безопасности положительно связана с факторами: «сила «Я», доминантность, импульсивность, смелость, мятежность; и отрицательно: с фактором «групповой конформности», эмоциональной сензитивностью, пронизательностью, склонностью к чувству вины, «свободно плавающей» тревожностью.

Структуры личностных качеств на разных уровнях склонности к переживанию состояния безопасности различны, качественно гетерогенны

(использование экспресс-метода хи-квадрат).

Расчет индексов когерентности, дивергентности и общей организованности структур показал, что значения ИОС на разных уровнях предпочтения состояния безопасности невелики и различаются незначительно (хотя и наблюдается тенденция их повышения от низкого – к высокому – к среднему уровням). Это говорит об отсутствии целостной структуры личностных качеств на каждом уровне субъективного предпочтения состояния безопасности. Можно предположить, что в различных ситуациях при оценке их как субъективно опасных или безопасных человек базируется на разных личностных основаниях. Выбор личностных оснований зависит от ситуации. Таким образом, в основе переживания состояния безопасности лежат личностные компоненты, но не тип структурной организации.

Личностные качества-детерминанты состояния безопасности отличны на разных уровнях субъективного предпочтения состояния безопасности. Наиболее значимые качества – базовые и ведущие. Базовые качества для группы с низким уровнем субъективного предпочтения состояния безопасности: импульсивность, способность сдерживать тревожность, «свободно плавающая» тревожность; со средним уровнем: смелость, теплота, «свободно плавающая» тревожность; с высоким уровнем: теплота, склонность к чувству вины. Ведущие качества для группы с низким уровнем предпочтения состояния безопасности: «сила «Я», склонность к чувству вины; со средним уровнем: «сила «Я», склонность к чувству вины, «свободно плавающая» тревожность; с высоким уровнем: эмоциональная сензитивность.

Таким образом, склонность к переживанию состояния безопасности зависит от обладания определенными личностными качествами. Изучение их структуры и влияния на состояние безопасности может использоваться в консультационной работе; в целях профотбора и профориентации; для осуществления психологической помощи лицам в состоянии стресса.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В НОРМАТИВНОМ КРИЗИСЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Солдатова Е.Л., Бенко Е.В. (Челябинск)

REGULARITIES OF CHANGES IN SUBJECTIVE WELL-BEING IN THE DYNAMICS OF THE NORMATIVE CRISIS OF PERSONAL DEVELOPMENT

Soldatova E.L., Benko E.V.

Актуальность исследования субъективного благополучия в процессе проживания нормативных кризисов обусловлена тем, что кризисы, как нормативные, так и ситуативные, являются неотъемлемой частью жизни взрослого человека. Данное исследование позволяет раскрыть механизмы, условия и закономерности изменений субъективного благополучия в нормативных кризисах и экстраполировать их на ситуационные кризисы.

Диагностика различных компонентов субъективного благополучия (СБ) осуществлялась при помощи батареи методик: Шкала субъективного благополучия в адаптации М.В. Соколовой [4] (аффективный компонент); Шкала удовлетворенности жизнью в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [3] и методика диагностики структуры субъективного благополучия Е.В. Бенко [1] (когнитивный компонент); опросник «Удовлетворенность жизнью» Н.Н. Мельниковой [2] (эвдемоническое благополучие). Для определения фаз нормативного кризиса был использован «Тест статусов и структуры эго-идентичности» (СЭИ-тест), разработанный Е.Л. Солдатовой [5].

Эмпирическая база исследования составила 408 человек в возрасте от 16 до 72 лет, в том числе 211 женщин и 197 мужчин. На основании результатов СЭИ-теста выборка была разделена на три группы: 114 человек в предкритической фазе, 133 – в собственно критической, и 161 – в фазе выхода из кризиса.

По результатам исследования выявлено, что предкритическая фаза характеризуется разбросом показателей СБ от крайне низких до крайне высоких. Критическую фазу характеризует резкое снижение всех показателей, – в данной фазе отмечаются более низкие показатели СБ по сравнению с другими фазами ($p \leq 0,001$). В фазе выхода из кризиса наблюдаются наиболее устойчивые высокие показатели всех компонентов СБ.

В ходе исследования были выявлены гендерные особенности переживания СБ в кризисах. В предкритической и собственно критической

фазах у мужчин наблюдаются статистически значимо более высокие показатели аффективного компонента, эвдемонического благополучия и удовлетворенности жизненными сферами ($p \leq 0,01$). Возможно, данные различия обусловлены склонностью мужчин завышать уровень своего благополучия, либо наличием у мужчин больших по сравнению с женщинами психологических ресурсов для совладания с критическими ситуациями. В фазе выхода из кризиса в обеих выборках показатели СБ на удовлетворительном и высоком уровне, значимых различий нет. Это свидетельствует о том, что вне кризиса мужчины и женщины не отличаются по уровню СБ.

Изменения СБ в нормативных кризисах развития имеют возрастную специфику. В юношеском возрасте (16-23) в предкритической фазе отмечаются довольно низкие показатели эвдемонического благополучия, которые снижаются еще больше в собственно критической фазе и резко возрастают в фазе выхода из кризиса, которая сопровождается также резким увеличением показателей эмоционального компонента. Особенности изменений переживания СБ в молодости (24-33) характеризуются более сглаженной амплитудой: в собственно критической фазе показатели эвдемонического и эмоционального компонентов не достигают таких низких значений, как в других возрастах. Возраст зрелости (46-60) характеризуется более низкими показателями физического благополучия, вследствие чего в собственно критической фазе отсутствует значимое психосоматическое снижение данного показателя, отмеченное в других возрастных группах.

Проведенное эмпирическое исследование особенностей СБ в разных фазах нормативных кризисов дополняет имеющиеся представления о проживании различных фаз нормативных кризисов развития, что позволяет выстраивать консультационную работу с людьми, находящимися в кризисах.

Список литературы

1. Бенко, Е.В. Психодиагностика структуры субъективного благополучия // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 4 <http://mir-nauki.com/PDF/03PSMN416.pdf>
2. Мельникова, Н. Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие / Н. Н. Мельникова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 57 с.
3. Осин, Е. Н. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс] / Е. Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Материалы III Всероссийского социологического конгресса, 2008. Режим доступа: <http://publications.hse.ru/chapters/78753840>

4. Соколова, М. В. Шкала субъективного благополучия / М.В. Соколова. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. 11 с.

5. Солдатова, Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития / Е. Л. Солдатова // Вопросы психологии. 2006. №5. С.75–84.

МОДЕЛЬ ЭГО-ИНТЕГРАЦИИ КАК ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Солдатова Е.Л., Завьялова И.Ю. (Челябинск)

THE MODEL OF EGO-INTEGRATION AS A PERSONAL MATURITY

Soldatova E.L., Zavyalova I.Yu.

Характерный для современного общества экзистенциальный вакуум и многочисленные средства манипуляции и навязывания идентичности личности приводят к осознанию необходимости более зрелого, целостного и автономного самоопределения личности, актуализируя научные исследования глубинных, сущностных идентификаций человека, стержневых показателей его самоидентификации [4]. Одной из таких психологических категорий является эго-интеграция, теоретический анализ позволил предположить что эго-интеграция представляет собой особый уровень личностной зрелости [3], критерием достижения которого является автономная эго-идентичность и определенная структура личностных особенностей, соответствующих культурально-возрастным ожиданиям в отношении поздней зрелости.

Для уточнения структуры эго-интеграции использовалось моделирование структурными уравнениями. Выборка исследования составила 306 человек (118 мужчин и 188 женщин, в возрасте от 55 для женщин и 60 для мужчин). Для выявления статусов эго-идентичности использовалась авторская модификация теста структуры эго-идентичности Е.Л. Солдатовой [1], для выявления личностных особенностей испытуемых была использована методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса – Р. Даймонд в адаптации А.К. Осницкого [2].

В модели подтверждены значимые связи между эго-интеграцией и самопринятием ($r=0,19$; $p\leq 0,001$), эго-интеграцией и принятием других ($r=0,24$; $p\leq 0,001$), эго-интеграцией и эмоциональным благополучием ($r=0,2$; $p\leq 0,001$), эго-интеграцией и интернальностью ($r=0,19$; $p\leq 0,001$), эго-интеграцией и автономным статусом эго-идентичности ($r=0,92$;

$p \leq 0,001$). Включение в модель других компонентов (уровня рефлексии, эскапизма, стремления к доминированию) значительно снижает её согласованность, при этом указанные элементы получают минимальные нагрузки, что позволяет исключить их из модели.

Проверка согласованности модели осуществляется с использованием многочисленных индексов соответствия, которые оценивают величину расхождения между исходными данными и предсказываемыми моделью. Наибольшее значение имеют: критерий правдоподобия χ^2 , сравнительный индекс согласия CFI и ошибка аппроксимации RMSEA. Для нашей модели: $\chi^2 = 9,260$ ($p < 0,026$); GFI = 0,986; AGFI = 0,930; RMSEA = 0,08 (90-процентный доверительный интервал от 0,025 до 0,146); PCLOSE = 0,145. Уровень значимости 0,026 для критерия правдоподобия χ^2 больше 0,01, что говорит о достаточном согласии данных с моделью. CFI и AGFI > 0,9, что также указывает на хорошее согласие. RMSEA < 0,08, что указывает на приемлемое согласие модели. Следовательно, исходя из полученных индексов, мы можем сделать вывод об удовлетворительном согласии исходных данных с предложенной моделью.

Таким образом, выявлена структура эго-интеграции, где автономная эго-идентичность является базовым компонентом, другие составляющие: самопринятие, принятие других, эмоциональная комфортность, интернальность являются личностными ценностями и соответствуют культуральному образу периода поздней взрослости, включающему возрастные экспектации или задачи развития.

Список литературы

1. Завьялова, И.Ю. Модификация методики диагностики статусов эго– идентичности личности для пожилых людей / И.Ю. Завьялова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 6. С. 98–105.
2. Осницкий, А.К. Определение характеристик социальной адаптации / А.К. Осницкий // Журнал практического психолога. – 1998. – №1. – С.54–64
3. Солдатова, Е.Л. Связь эго-идентичности и личностной зрелости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2015. – №1(8). С. 29–33.
4. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития / Е.Л. Солдатова // Вопросы психологии. – 2006. – №5. – С. 75–84.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ КАК ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ

Тучина О.Р. (Краснодар)

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF SELF AS INNER DIALOGUE

Tuchina O.R.

Концепт «исторический опыт» рассматривается как непосредственное переживание человеком самого исторического события и одновременно исторической дистанции между прошлым и нынешним временем [1]. В качестве механизма функционирования исторического опыта личности, по нашему мнению, можно рассматривать внутренний диалог, т.е. «взаимодействие выраженных в речи смысловых позиций», где «взаимодействующие смысловые позиции развиваются одним говорящим» [2, с. 19]. Специфика внутреннего диалога связана с тем, что иная, отличная от исходной, смысловая позиция не просто известна человеку, а воспроизводится им как самостоятельный смыслопорождающий центр. «Происходит не цитирование иной смысловой позиции, а взаимодействие с иным смыслопорождающим центром, реагирующим самостоятельным ответным словом» [2, с. 65].

Как отмечает ряд исследователей, чтобы занять устойчивую, ответственную и обоснованную позицию вне себя самого, позволяющую отнестись каким-то образом к прежнему ценностному миру, необходима «опора на безусловные, глубинные ценности, устойчивые, абсолютные, которые и могут послужить ценностно-смысловыми ориентирами»; в сложном многоголосии душевной жизни выделяются два основных голоса, которые и образуют внутренний диалог: голос эмпирического быденного «Я» и голос высшего «Я», т. е. голос совести человека [3, с.106].

В качестве такого высшего «Я» можно рассматривать и голос Прошлого, каким человек его себе представляет. Представление о событиях прошлого, его героях и жертвах могут стать для личности тем ценностно-смысловым ориентиром, по которому он сверяет свои поступки, мысли и свою жизнь в целом. Проведенное исследование исторического опыта Великой Отечественной войны молодежи Кубани выявило два разнонаправленных вектора исторического опыта. Первый представляет собой рассмотрение событий истории как объективной данности, в данном аспекте опыт теряет свою уникальность, привязку к конкретному времени, истории данного народа или страны, превращается в «урок истории». Другой аспект исторического опыта, наоборот, сосредоточен

на конкретном и уникальном содержании прошлого. Образы конкретных людей в определенных ситуациях прошлого и становятся для наших респондентов тем «другим Я», к которому обращаются во внутреннем диалоге. «Что сказал бы мой прадед», «Как бы к этому отнесся защитник Сталинграда», «Что бы об этом подумал солдат Великой Отечественной» – вот те смысловые позиции, с которыми происходит внутренний диалог. Как показали результаты нашего исследования, подобный диалог является значимым фактором личностного и национального самоопределения, связанного с переживанием сопричастности истории своей Родины и чувством ответственности за её дальнейшую судьбу.

Таким образом, исторический опыт, в котором происходит эмоциональное переживание связи настоящего с прошлым в неразрывной связи с дистанцией между ними, делает человека не только звеном в цепи традиции, но способствует обретению возможности в соавторстве с другими людьми, осмыслить и связать воедино прошлое и настоящее перед лицом непредсказуемого будущего [4].

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-26-20003 а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)»

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007
2. Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. Минск, 1988.
3. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. М. «Владос», 1991
4. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Исторический опыт и личностно-смысловые особенности самопонимания российской идентичности (на материале исследования представлений молодежи Кубани о Великой Отечественной войне) // Научные труды КубГТУ. 2015. № 11. (Электронный научный журнал) <http://ntk.kubstu.ru/file/693>

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВ

Устин П.Н., Попов Л.М., Насибуллов К.И. (Казань)

THE PROBLEM OF THE PSYCHOLOGY OF CONSTRUCTING AND AUTO-CONSTRUCTING OF LIFEWORLD OF MODERN COMMUNITIES

Ustin P.N., Popov L.M., Nasibullov K.I. (Kazan)

Согласно работам представителей социальных наук (Р Барт, Ж. Баттай, З. Бауман М. Бланшо, Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, Ф. Гваттари, К. Гер-

ген, Ж. Делёз, Ф. Джеймисон, Ж. Деррида, П. Клоссовски, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти, М. Фуко, У. Эко и др.) современный этап развития общества обозначается как «эпоха постмодерна».

Специфика постмодернизма предполагает критическую обработку категорий, концепций и методов, которые были характерны для «эпохи модерна». В рамках психологической науки серьезная критика сложившихся теоретических положений (в частности бихевиоризм, гуманизм, когнитивизм) осуществлялась в рамках социального конструкционизма. Социальный конструкционизм – это новое направление, которое отражает идею постмодернизма в научном знании. Согласно А.М. Улановскому социальный конструкционизм признает первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира и собственного «я», позиционирует необходимость отказа от представления о всеобщих абсолютных истинах, эталонах поведения, психологических процессах и рассматривает последние в привязке к культуре и истории конкретных сообществ.

Характерной особенностью общества постмодерна выступает его разобщенность или «фрагментированность», следствием чего является появление разнообразных сообществ (например, социальные сети, геймеры, паркур, неоязычество и др.). Данные сообщества формируют (конструируют) собственные жизненные миры, которые подрывают единую (универсальную) систему понятий и знаков, характерную для общества модерна. Выбор современных сообществ и его представителей в качестве предметной области психологических исследований открывает широкие возможности развития (эволюции) методологического аппарата психологии и его интеграции в условиях нового времени.

Научная проблема исследования, предполагаемого в рамках проекта РФФИ («Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ») состоит в том, что в современной российской психологии теоретико-экспериментальный инструментарий психологических и социально-психологических явлений, выступая продуктом, прежде всего периода модерна, в недостаточной степени отражает тенденции общества постмодерна. Это выражается в недостатке категориально-понятийного аппарата и недостатке исследовательских технологий (теоретических и экспериментальных), позволяющих изучать психологические и социально-психологические явления, которые происходят в современном обществе.

В качестве результата реализации проекта видится разработка технологии исследования современных сообществ на основе разработанного инструментария, способов интерпретации эмпирических фактов и спо-

собов обобщения результатов с учетом ключевых положений социально-конструкционистского направления.

Прикладная значимость решения проблемы заключается в том, что результаты исследования открывают перспективы глубокого понимания механизмов функционирования и развития современных неформальных сообществ и раскрывают возможности проработки технологий преобразования их вероятного социально-негативного поведения в конструктивное русло. Понимание психологических детерминант жизненного мира современных сообществ необходимо для реализации эффективной общественно-государственной политики в современных условиях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ» № 17-06-00664а.

ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СООБЩЕСТВА «ЧАЙЛДФРИ»

Шляпникова Ю.В., Устин П.Н. (Казань)

PSYCHOLOGY OF THE LIFEWORLD OF REPRESENTATIVES OF THE “CHILDFREE” COMMUNITY

Shlyapnikova Yu.V., Ustin P.N. (Kazan)

Признаком современного общественного устройства является наличие разнообразных сообществ, отражающих идеологию эпохи «пост-модерна». Одним из таких сообществ выступает движение «чайлдфри», которое характеризуется сознательным желанием не иметь детей. Актуальность исследования представителей данного сообщества определяется вопросами демографии – проблемы, решение которой относится к приоритетным направлениям развития российского общества.

Цель исследования – выделить психологические особенности жизненного мира представителей сообщества «чайлдфри» через анализ ведущих мотивов их поведения.

Впервые термин «чайлдфри» был предложен двумя феминистками Ширли Радл и Элен Пек в США в начале 70-х годов прошлого столетия. 20 декабря 2004 г. в России заявило о себе виртуальное сообщество «чайлдфри», объединившее в своих рядах почти 500 человек. На сегодняшний день в социальных сетях существуют десятки форумов и более 40 разнообразных групп, объединяющих приверженцев движения «чайлдфри».

Исследования данной группы также начались в 80е годы 20 века. Так, Дж.Э. Виверс в 1980 году посвятила изучению бездетности целую книгу, в которой выявила две группы среди движения «чайлдфри»: «ред-жекторы» (те, кто испытывает отвращение к деторождению и детям) и «аффлексонадо» (те, кого привлекают прелести бездетного образа жизни). И если первоначально проявлялась связь с атеистическим мировоззрением и более высоким уровнем дохода и образования участников движения, то по данным более поздних исследований таких различий уже не наблюдается [9].

В России начало исследованиям темы положил В.В. Бойко [1]. Он выделил в качестве причин сокращения количества детей в семье следующие: стремление сочетать работу с домашними делами, сглаживание конфликта ролей, эмансипация женщин, повышение уровня образования и культуры, влияние изменяющихся экономических условий, стремление уберечь планету от перенаселения.

На сегодняшний день отмечаются следующие тенденции.

В зарубежных исследованиях в основном встречаются работы по теме стигматизации добровольно бездетных и отношению к ним в обществе (Ashburn-Nardo L. [5]; Bays, A. [6]). Гораздо реже можно встретить исследования причин принятия решения стать добровольно бездетными (Lee, K.-H., Zvonkovic, A.M. [7]) и моделей материнства, используемых такими женщинами (Shaw, R.L. [8]).

В российских исследованиях можно встретить выявление причин бездетности, которые в основном связываются с внешними условиями (Ф.Н. Ильясов [2]). Зачастую все сводится к инфантилизации общества (Камзина и Самыкина [3]). Другие авторы утверждают, что в России преобладают социальные причины бездетности (Орлова и Петровская [4]).

Таким образом, большинство авторов обращается к внешним причинам бездетности, рассматривая социальную ситуацию в качестве основной детерминанты поведения представителей сообщества «чайлдфри». Однако принятие решения об отсутствии детей, безусловно, также зависит от внутренней позиции участников данного движения. Выделенное противоречие обусловило проблему психологических особенностей жизненного мира представителей сообщества «чайлдфри», решение которой будет осуществляться в рамках последующих исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ» № 17-06-00664а.

Список литературы

1. Бойко В.В. Репродуктивное поведение семьи и личности: автореф. дисс. докт. психол. наук. Ленинград, 1981. 34 с.

2. Ильясов Ф.Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перспективы. 2013. №1 (113). С. 168-177.

3. Камзина О.А., Самыкина Н.Ю. Исследование жизненных сценариев у представителей сообщества «CHILDFREE» // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 213 – 223.

4. Орлова А.А., Петровская О.А. Движения чайлдфри как явление современного общества [Электронный ресурс]. Кубань: Кубанский Государственный Технологический Университет, 2014. // Материалы VI Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум 2014» (15 февраля – 31 марта 2014 года). URL: <https://www.scienceforum.ru/2014/523/1287> (дата обращения: 29.04.2017).

5. Ashburn-Nardo L. Parenthood as a Moral Imperative? Moral Outrage and the Stigmatization of Voluntarily Childfree Women and Men // Sex Roles. 2017. Vol. 76. P. 393-401.

6. Bays A. Perceptions, Emotions, and Behaviors toward Women Based on Parental Status // Sex Roles. 2017. Vol. 76. Pages 138-155.

7. Lee, K.-H., Zvonkovic, A.M. Journeys to remain childless: A grounded theory examination of decision-making processes among voluntarily childless couples // Journal of Social and Personal Relationships. 2014. Vol. 31. P. 535-553.

8. Shaw, R.L. Women's experiential journey toward voluntary childlessness: An interpretative phenomenological analysis // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2011. Vol. 21. P. 151-163.

9. Veevers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworths, 1980.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В САМОРАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Шукина М.А. (Санкт-Петербург)

THE ROLE OF SOCIAL SUPPORT IN THE SELF-DEVELOPMENT

Schukina M.A.

В последние два десятилетия фокус психологического познания сместился от социодетерминации к самодетерминации, от исследования «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (А.Г. Асмолов) психология перешла к изучению «личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» (Д.А. Леонтьев). В этой связи вырос интерес исследователей к феномену саморазвития – особой форме развития личности как субъекта жизненного пути, в которой способность личности к управляемому, произвольному и самодетерминированному изменению достигает полноты реализации.

Ценность саморазвития состоит в том, что человек может аккумулировать свои возможности для самостоятельной организации целенаправленной и сознательной работы по преобразованию себя. Однако саморазвитие не следует уподоблять подвигу одинокого путника в пустыне. Как показали наши исследования [1], [2], где осуществлялся контент-анализ опыта саморазвития респондентов, обращение за поддержкой к социальному окружению является конструктивным копингом в процессе саморазвития и при этом не противоречит общей интернальной направленности его субъектов. Саморазвитие осуществляется более эффективно, если личность не замыкается в рамках внутреннего мира, а активно использует ресурсы социальной ситуации развития: межличностное взаимодействие и социально окрашенные смыслы.

Опрошенные отмечают в целом позитивную роль окружающих людей в опыте их саморазвития. В протоколах респондентов отражен широкий спектр социальных помощников: родители, дети, супруги, иные родственники, друзья, психологи, учителя. При этом выделяются следующие средства межличностного взаимодействия: а) советы, разговоры; б) включение в конкуренцию с другими; в) «зарядка энергией», партнерство, сотрудничество, распределение выполняемых задач; г) критика негативного поведения со стороны окружающих; д) оповещение других о своих планах по самоизменению, которое играет роль социального должностования. Кроме того, упоминается использование информации из СМИ и психологической литературы.

Обобщая имеющиеся данные, можно говорить о том, что представители социального окружения выполняют следующие функции в процессе саморазвития:

- предоставляют образцы саморазвивающейся на жизненном пути личности;
- поставляют образцы деградирующей личности – антиподов стратегии саморазвития, побуждающих личность выбирать противоположный вариант жизни;
- выступают в качестве мотива изменения: я не смогу быть с ним (ней, ними), если не изменюсь; я сделала это ради него (нее, них);
- мотивируют, побуждают к инициации саморазвития;
- помогают в подборе или выработке приемов, стратегий, программ саморазвития;
- поддерживают во время реализации программ саморазвития, когда эффект «сопротивления материала» угрожает прекращению начатых самоизменений;
- помогают в оценке результатов саморазвития, подчеркивая его позитивные и тем самым побуждая к дальнейшим шагам в реализации саморазвития как стратегического способа построения жизненного пути.

Список литературы

1. Щукина М.А. Внутренняя картина опыта саморазвития // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.05.1917).

2. Щукина М. А. Роль социального окружения в процессе саморазвития личности // Психология саморазвития человека: материалы третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. 5–7 декабря 2011 года, г. Киров. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 35-38.

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФОРМА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ

Гайдамашко И.В., Кандыбович С.Л.

Безопасность общества и государства во многом зависит от качества человеческих отношений. От того, насколько безопасно себя чувствует отдельный человек в конкретном государстве. И еще о том, как мы можем помочь преодолеть тревогу, возникающие страхи, раскрыть свой потенциал, самосовершенствоваться, спокойно жить и трудиться, добиваться успеха и быть счастливыми людьми в государстве, которое о нас заботится и нас защищает.

В литературе выделяются два основных подхода к пониманию феномена безопасности. Первый подход основывается на признании *субъектного* характера безопасности. Субъектное понимание безопасности составляет основу деятельностных, ценностных и других определений безопасности (некоторые исследователи рассматривают феномен безопасности как производный от интереса).

Второй подход исходит из *объектного* понимания безопасности как проявления объективной природы объектов сохранять *устойчивость при различных отрицательных влияниях*. Именно в этом контексте безопасность понимается как определенное свойство (атрибут) системы. В настоящее время распространенным является *понимание безопасности как формы саморегулирования системы*, которое позволяет ей сохранить свое качество.

Результатом отождествления безопасности с саморегулированием являются *энтропийное* понимание безопасности и *гомеостатическое* понимание безопасности.

Гомеостатическое понимание безопасности основывается на понятии гомеостаза как совокупности реакций, направленных на устранение или максимальное ограничение действия различных факторов внешней и внутренней среды, нарушающих относительное динамическое постоянство состава и свойств внутренней среды, определяющего устойчивость системы. Безопасность здесь понимается, таким образом, как *устойчивое состояние системы, возникающее в результате поддержания равновесия с окружающей средой*. «Природа» позаботилась о создании определённых предпосылок неуязвимости человека как биологического организма. Так, уже на уровне подсистем, характеризую-

щихся биохимическими, общесоматическими и нейродинамическими свойствами, отнесёнными В.С. Мерлиным к индивидуальным свойствам организма человека, субъект обладает некоторым запасом прочности, а, следовательно, потенциала безопасности. Способность человеческого организма, как, впрочем, и любого другого живого, сохранять благоприятные для своего существования параметры внутренней среды объясняется в рамках гипотезы К. Бернара о *равновесном состоянии всех систем и протекающих в организме процессов*. До тех пор, пока обозначенное равновесие сохраняется, организм живёт и действует. Таким образом, постоянство внутренней среды, по мнению учёного, – это условие свободной и безопасной жизни. А в учении У. Кэннона, развивающем идею Бернара о постоянстве внутренней среды организма, способствующей его выживанию, подвижное равновесное состояние какой-либо системы, сохраняемое путем её противодействия внутренним и внешним факторам, нарушающим это равновесие, определяется как *гомеостаз*. Одним из центральных моментов учения о гомеостазе является представление о том, что *всякая система стремится к сохранению своей стабильности*. В соответствии с представлениями Кэннона, получая сигналы об угрожающих системе «человек» изменениях, организм включает устройства, продолжающие работать до тех пор, пока не удастся вернуть её в равновесное состояние к начальному уровню безопасности. Однако отождествление безопасности с гомеостазом приводит к отрицанию развития, которое нарушает равновесие существующего состояния системы.

Здесь скорее можно говорить о саморегуляции и скорее (в рамках понимания безопасного существования человека) о психической саморегуляции. В исследовании саморегуляции психической устойчивости военных управленцев, Секач М.Ф. пишет, что психическая устойчивость (a mental stability) определяется совокупностью процессов психики человека и обеспечивает равновесие между выживанием и адаптацией человека, создает внутреннюю гармонию и позитивное мышление, чтобы сделать жизнь людей безопасной и счастливой. Психическая устойчивость (a mental stability) определяется совокупностью процессов психики человека, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без особых вредных последствий для своего психосоматического здоровья. Психически устойчивый человек, в определенной мере, независим от окружения; он способен удерживать баланс между силой собственного влияния и чувствительностью к влиянию со стороны.

Психология безопасности тесно связана с тем, как мы думаем. Понимание того, как наш мозг работает, и как он терпит неудачу, имеет решающее значение для понимания чувства безопасности. Эти направ-

ления имеют много информации для повышения психологической безопасности. Где-то среди всего этого, есть темы, которые связаны вместе, и из которых мы можем извлечь урок и способы, которыми мы можем конструировать системы безопасности, которые принимают чувство безопасности во внимание, а не игнорируют его. Безопасность - это не благо, дарованное извне в виде защиты, охраны, а имманентное свойство отдельной личности, общества, государства. Специфика безопасности определяется спецификой опасностей и угроз и средствами реакции на них. Национальная безопасность должна рассматриваться не как состояние прочности, стабильности, незыблемости, а как системное свойство страны, которое позволяет ей прогрессивно развиваться в условиях существования рисков, неопределенностей, вызовов и опасностей.

**СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Елисеева И.Н., Шаталов В.Э. (Москва)

**TRAINING SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL
SERVICE SPECIALISTS IN ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Yeliseyeva I.N., Shatalov V.E.

Интенсивное развитие Вооруженных Сил Российской Федерации в последние годы обусловило рост численности психологической службы более чем в 2 раза. Кадровый состав службы в значительной степени комплектуется выпускниками психологических факультетов гражданских вузов. При этом психологи должны выполнять в отношении военных специалистов различных видов и родов войск такие задачи как: психологическая подготовка и защита личного состава от деструктивных психологических воздействий; психологическое сопровождение кадровой работы; психологическая профилактика отклоняющегося поведения; психологическое сопровождение боевой службы [1]. Усилия профессионального сообщества по сокращению разрыва между профессиональной подготовленностью выпускников и требованиями к компетенциям военных психологов пока ощутимых на практике результатов не дали [2].

В этих условиях система подготовки специалистов службы весьма востребована и признана формировать необходимые компетенции, прежде всего – профессионально-специализированные. Система выполня-

ет обучающую, контрольно-оценочную и коммуникативную функции и разработана на основе функционально-квалификационной модели военного психолога, обеспечивающей единые требования к уровням квалификации специалистов.

Основу системы подготовки психологов службы составляет комплекс из 8 дополнительных профессиональных программ, реализующихся в Военном университете и Военно-медицинской академии. Программы рассчитаны на две категории обучающихся: начальники групп психологической работы и психологи, и на два квалификационных уровня: первоначальный и последующий. Обучение по программам позволило частично компенсировать недостаточную профессиональную подготовку специалистов и выйти на обучение каждого начальника группы психологической работы 1 раз в 3 года и каждого психолога 1 раз в 8 лет.

Неотъемлемым элементом системы подготовки специалистов службы являются ежегодные учебно-методические сборы, которые проводятся на уровне психологических служб армий, флотов, военных округов, видов и родов войск и Вооруженных Сил. Для участия в сборах привлекаются ведущие специалисты профильных исследовательских и образовательных организаций и военные психологи, показавшие высокие результаты профессиональной деятельности. Учебно-методические сборы являются площадкой для обсуждения актуальных проблем психологической работы, апробации результатов научно-исследовательских работ, определения перспективных направлений научных исследований.

Контрольно-оценочную функцию в системе подготовки выполняют: аттестация специалистов, которая проводится руководящим составом службы с периодичностью 1 раз в 3 года, и этапы ежегодного Всеармейского конкурса профессионального мастерства. На аттестации подробно изучаются результаты деятельности психолога за межаттестационный период и проводится собеседование, результатом является вывод о соответствии квалификации специалиста занимаемой должности. Выполнение конкурсных заданий в реальных условиях профессиональной деятельности позволяет оценить профессиональные знания и навыки специалистов.

Перспективными направлениями развития системы являются: уточнение учебных программ дополнительного профессионального образования; увеличение количества обучающихся; создание единого комплекса оценки уровня квалификации специалистов.

Список литературы:

1. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.
2. II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации. Сборник материалов. М: ФКУ ЦЭПП МЧС России. 2016. 564 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОТБОР ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Радченко Ю.И. (Москва)

PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL SELECTION OF MILITARY SPECIALISTS: SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT

Radchenko Y.I.

Научно-методическое обеспечение мероприятий по профессиональному психологическому отбору военных специалистов, включающее научное обоснование и разработку комплекса средств (показателей, критериев, методик) для оценки профессиональной пригодности к военной службе является важным направлением работы по качественному комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации.

За последние годы проведена работа по научному обоснованию развития профессионального психологического отбора, стандартизации и систематизации методик. В результате проведенных исследований определены конкретные требования к психодиагностическому инструментарию военного профотбора (структуре тестовых заданий, порядку их предъявления, проверке их адекватности, достаточности, одномоментной надежности, порядку валидизации методик и др.).

В настоящее время с учетом обновленной психологической классификации военно-учетных специальностей и воинских должностей разработаны новые опросники «Общая пригодность к военной службе» (ОПВС) и «Склонность к военно-профессиональной деятельности» (СВПД) для использования в военных комиссариатах. На основе результатов проведения обширных профессиографических исследований с использованием оригинальной унифицированной методики (анкеты) разрабатывается динамическая система определения соответствия специальностей среднего профессионального и высшего образования и военно-учетных специальностей.

Для психологического обследования кандидатов на военную службу по контракту разработаны новые методики оценки познавательных пси-

хических процессов «Арифметический тест (АРТ)» и «Тест вербальных способностей (ТВС)», а для оценки профессионально важных личностных качеств кандидатов – «Многошкальный личностный опросник кандидата на военную службу по контакту (КВСК)».

Разработан методический аппарат для решения задач профессионального психологического отбора кандидатов на военную службу, снижающий риск приема граждан, подверженных экстремистской идеологии. Он включает формализованный анализ документов, анкетирование, наблюдение, беседу и психологическое обследование с использованием теста «Опросник по выявлению склонности к экстремизму» (опросник СЭ).

В связи с тем, что сейчас прием кандидатов на обучение в кадетские корпуса и суворовские (нахимовские) военные училища начинается с 5 класса, проводится изучение психологической готовности к обучению, разработан и проходит внедрение методический аппарат для оценки психологической готовности кандидатов к обучению в военных училищах.

В целях совершенствования психологического сопровождения военнослужащих в процессе боевой подготовки создана методика экспресс-диагностики актуального психоэмоционального состояния военнослужащих «Картинный тест» (КТ) для выявления лиц, склонных к девиантному поведению и социально-психологической дезадаптации, отличающаяся использованием проективного стимульного материала.

Таким образом, научно-методическое обеспечение охватывает мероприятия по профессиональному психологическому отбору на всех этапах - от школьной скамьи и первоначальной постановки граждан на воинский учет, и до психологического сопровождения военно-профессиональной деятельности в войсках.

Разработка оригинального отечественного методического аппарата для психологического обследования способствует уменьшению зависимости специалистов психологов силовых ведомств России от зарубежных психодиагностических методик.

СИСТЕМА СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Дьячук И.А., Савич В.В. (Москва)

SYSTEM OF MENTAL HEALTH OF MILITARY PERSONNEL

Dyachuk I.A., Savich V.V.

Психологическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – психологическая служба) переживает этап динамичного развития, поворотным моментом которого стало определение новой цели психологической работы в войсках – сохранение и укрепление психического здоровья военнослужащих. При этом психически здоровый военнослужащий понимается как «нравственно зрелый, интеллектуально развитый, психологически уравновешенный человек, способный успешно освоить воинскую специальность и адаптироваться к военной службе, а также преодолеть специфические психофизические нагрузки» [1]. Комплексная работа по сохранению психического здоровья военнослужащих, которые подвергаются воздействию различных, в том числе, сверхэкстремальных факторов включает психодиагностическую, психопрофилактическую, психокоррекционную работу [2]. Соответственно были определены задачи и функции психологической службы и ее структура.

Организация деятельности психологической службы в новых условиях потребовала восстановления, реорганизации и формирования основных направлений ее деятельности: нормативно-правового, научно-методического, кадрового, организационно-планового, материально-технического.

Так, утверждены приказами Министра обороны Российской Федерации положение о психологической службе и концепция ее развития. Введены в действие нормативные документы, регламентирующие деятельность службы по выполнению основных задач.

В научно-исследовательских подразделениях, учебных заведениях проводятся научно-исследовательские работы (НИР), результаты которых внедряются в практику психологической службы. В качестве примера можно привести результаты нескольких НИР по разработке психодиагностического инструментария, в том числе - проективная методика выявления склонности к девиантному поведению военнослужащих.

В 2016-2017 учебном году была успешно реализована новая система подготовки военных психологов по дополнительным профессиональным программам в Военном университете и Военно-медицинской академии.

Проводится активная работа по материально-техническому обеспечению психологической службы. Практически все рабочие места психологов оснащены психодиагностическим программно-аппаратным комплексом, проводится оснащение центров психологической работы оборудованием для психофизиологической диагностики и оптимизации функционального состояния.

Все это создало условия для масштабного развертывания психологической работы в войсках. Военные психологи проводят профессиональный психологический отбор, изучают социально-психологические особенности воинских коллективов, оказывают методическую помощь командирам при проведении занятий по боевой подготовке, проводят мероприятия по профилактике девиантного поведения военнослужащих, оказывают психологическую помощь военнослужащим и членам их семей, оказывают консультативную поддержку при принятии решений о назначении на вышестоящие должности, участвуют в проведении медико-психологической реабилитации военнослужащих.

Все это позволяет минимизировать или компенсировать воздействие факторов военной службы на психическое здоровье военнослужащих и способствовать его сохранению. Необходимо отметить, что работа по формированию эффективной психологической службы не завершена и в ближайшее время необходимо решить ряд проблемных вопросов: повышение уровня квалификации психологов в войсках; дооснащение рабочих мест психологов современным оборудованием; разработка и внедрение системы информационной поддержки деятельности службы и научных исследований.

Список литературы

1. Психиатрия: национальное руководство/ Дмитриева Т.Б., Краснов В.Н., Незнанов Н.Г., Семке В.Я., Тиганов А.С. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 1000 с.
2. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб: Питер. 2006. 369 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	3
<i>Азарова Е.А. (Ростов-на-Дону)</i> Готовность к риску и субъективное благополучие подростков с разным уровнем жизнестойкости	3
<i>Акопян Л.С. (Самара)</i> Трансвитаальность как одна из форм смысложизненных ориентаций в позднем возрасте	4
<i>Алексеева О.С., Ржанова И.Е. (Москва)</i> Сравнительный анализ ценностей родителей и детей	6
<i>Алмазова О.В., Клименко Е.А., Молчанов С.В. (Москва)</i> Привязанность к матери как фактор адаптации к условиям пребывания в школе-интернате для одаренных подростков	8
<i>Андронникова О.О. (Новосибирск)</i> Факторы детерминации материнского отношения к детям раннего возраста	10
<i>Артемова Т.В. (Казань)</i> Развитие представлений о смешном у детей (на материале личного опыта и культурных текстов)	12
<i>Байрамян Р.М. (Казань)</i> Особенности самооотношения детей младшего школьного возраста в нормативной ситуации	14
<i>Басимов М.М., Падурина Е.А. (Москва)</i> Корреляционные заблуждения на примере семейной психологии	16
<i>Белолуцкая А.К. (Москва)</i> Особенности взаимосвязи диалектического мышления и способности к надситуативно-преобразовательным решениям проблемных детьми дошкольного возраста	18
<i>Белоусова А.К. (Ростов-на-Дону)</i> Особенности обнаружения противоречий детьми дошкольного возраста	20
<i>Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н., Алмазова О.В. (Москва)</i> Особенности когнитивного развития дошкольников с разным уровнем тревожности	22
<i>Венцова Т.Б. (Ярославль)</i> Влияние родительского отношения на индивидуально-личностные особенности подростка	24
<i>Виленская Г.А. (Москва)</i> Взаимосвязь компонентов контроля поведения у младших школьников	25
<i>Вихтоденко А.В. (Ростов-на-Дону)</i> Социально-реабилитационный центр как субъект психологической помощи детям-жертвам насилия	28
<i>Волкова Е.Н., Волкова И.В., Скитневская Л.В. (Санкт-Петербург, Нижний Новгород)</i> Подростковый буллинг и стиль общения педагога	29

<i>Воронин И.А., Исмагуллина В.И., Захаров И.М. (Москва)</i>	
Связь между интеллектом и характеристиками индивидуального распределения времени ответа у подростков	30
<i>Галасюк И.Н., Шинина Т.В. (Москва)</i>	
Спонтанная игра родителя с ребенком: кросскультурный аспект	31
<i>Головей Л.А. (Санкт-Петербург)</i>	
Внутриличностные конфликты и психологическое благополучие в юности.....	33
<i>Гуткевич Е.В. (Томск)</i>	
Психологические детерминанты сохранения психического здоровья семьи	34
<i>Данилова М.В. (Санкт-Петербург)</i>	
Субъективное психологическое благополучие в связи с параметрами самоактуализации и профессиональной идентичности в период взрослости	36
<i>Денисова Е.А. (Тольятти)</i>	
Субъективное переживание одиночества у мужчин и женщин зрелого возраста.....	38
<i>Дерманова И.Б., Александрова О.В. (Санкт-Петербург)</i>	
Смыслоразнообразные ориентации и иррациональные установки взрослых в трудной жизненной ситуации	40
<i>Еремина Ю.А. (Томск)</i>	
Ранний материнский копинг и его нормативные показатели.....	42
<i>Жукова А.Д., Леончик А.О., Карпова Э.Б. (Санкт-Петербург)</i>	
Психологическое благополучия младших подростков, проживающих совместно с семьей и вне семьи	44
<i>Зув К.Б. (Москва)</i>	
Социальные представления о жизнеспособной семье.....	46
<i>Зырянова Н.М. (Москва)</i>	
Представления старших дошкольников о счастье.....	48
<i>Исмагуллина В.И., Воронин И.А., Птуха М.В., Малых С.Б. (Москва)</i>	
Взаимосвязь саморегуляции и «Большой пятерки личностных черт» у подростков	50
<i>Камакина О.Ю. (Ярославль)</i>	
Сравнительный анализ отношения к здоровью мальчиков и девочек младшего школьного возраста.....	51
<i>Карабанова О.А. (Москва)</i>	
Векторы развития современного детства.....	53
<i>Кашапов М.М. (Ярославль)</i>	
Когнитивные детерминанты конструктивного противостояния педагога манипулятивным тактикам подростков.....	55
<i>Коконцева Е.В. (Москва)</i>	
Роль символического опосредствования в диалектическом мышлении старших дошкольников.....	57
<i>Корниенко Д.С., Радостева А.Г. (Пермь)</i>	
Взаимосвязь мотивов рождения и родительских установок у женщин с различным опытом материнства	59

Костромина С.Н., Москвичева Н.Л., Даринская Л.А., Молодцова Г.И. (Санкт-Петербург) Психологические аспекты взаимодействия поколений при освоении цифрового пространства.....	60
Курбанова А.Т., Нигматуллина И.А. (Казань) Прогностическая компетентность и успешность социализации младших школьников с нарушениями развития: постановка проблемы.....	63
Куфтяк Е.В. (Кострома) Защитная система в младшем и юношеском возрасте.....	65
Лебедева Е.И. (Москва) Понимание ментального мира детьми младшего школьного возраста.....	67
Мануйлова О.В. (Ростов-на-Дону) Рефлексивная игра как механизм профилактики молодежного экстремизма.....	69
Николаева Е.И. (Санкт-Петербург) Семья: кризис или развитие.....	71
Николаева Э.Ф., Николаева С.Ю. (Тольятти) Психологические условия этносоциализации дошкольников.....	73
Никонорова С.А., Попова Р.Р., Шайхуллина Г.И., Кочеткова Е.А. (Казань) Особенности регуляторных функций у мальчиков и девочек в дошкольном возрасте.....	75
Портнова А.Г., Богомолов А.М. (Санкт-Петербург) Ресурсный подход к исследованию индивидуальных особенностей геронтогенеза.....	77
Реан А.А. (Москва) Представления подростков об отце и матери.....	78
Рожина С.В., Баранов А.А. (Ижевск) Стрессоустойчивость подростка как условие превенции подросткового кибербуллинга.....	80
Садовникова Т.Ю., Лапухина Д.И. (Москва) Переживание одиночества у подростков с разными типами привязанности к матери.....	82
Самбикина О.С. (Пермь) Роль семьи в формировании стиля учебной деятельности младших школьников разного пола.....	84
Сахарова Т.Н. (Москва) Динамика смысложизненных ориентаций личности в онтогенезе.....	86
Силина О.В. (Москва) Ребенок как субъект бытия: взгляд с позиции теории психологических границ.....	88
Трошихина Е.Г. (Санкт-Петербург) Личность и психологическое благополучие взрослых, находящихся в длительном разводе.....	90
Хачатурова М.Р., Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И. (Москва) Привязанность к дому и выбор стратегий совладания в юношеском возрасте.....	92
Цветков В.В. (Санкт-Петербург) Отношения родителей к личностным особенностям детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью.....	93

Цивильская Е.А. (Казань) Исследование особенностей теоретического мышления при разном уровне культурной конгруэнтности.....	95
Черная А.В. (Ростов-на-Дону) Статус традиционных детских игр с правилами в раннем онтогенезе.....	97
Чернявская В.С. (Владивосток), Устинова О.А. (Новокузнецк) Проблема самораскрытия способностей подростка.....	99
Чулюкин К.С. (Казань) Кросс-культурные различия креативного мышления детей младшего школьного возраста	101
Чурбанова С.М. (Москва) Принцип целостности социальной ситуации развития в организации жизненного пространства и реабилитации детей с ВПС в лечебном стационаре	103
Шиян И.Б. (Москва) Диалектическое мышление как механизм построения пространства возможностей.....	106
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	108
Альперович В.Д. (Ростов-на-Дону) Представления взрослых о «своих» и «чужих» людях, Враге и Друге в метафорах и нарративах	108
Альперович В.Д. (Ростов-на-Дону) Метафоры «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом у лиц разного пола, возраста и уровня образования	109
Альтман Ю.И. (Ярославль) Правые авторитарии: творческие озарения при алекситимии	112
Басимов М.М., Басимова П.М. (Москва) Психологическая защита «отрицание» как причина и следствие межличностных отношений в молодёжной среде	113
Беспалов Д.В. (Курск) Психологические особенности динамики лидерства в пространстве группового субъекта	116
Беззян А.А. (Ростов-на-Дону) Оценки внешнего облика в структуре представлений молодых людей о преподавателях	118
Борисова Е.Г. (Москва) Эмпатия в массовых коммуникациях: психологические и лингвистические аспекты	120
Бреус Е.Д., Попова Ю.А. (Ростов-на-Дону) Особенности форм межличностной обратной связи у лиц с различным уровнем центрации	121
Букреев Н.С., Фомин А.А., Худиева Н.Г., Аристова Ю. (Москва) Условие реалистичного прогнозирования потребительских предпочтений: социально-психологический дискурс	124
Быкова А.В. (Москва) Организационно-управленческая компетентность как необходимый элемент формирования профессионального сознания студентов технических вузов	126

Вереитинова Т.В., Островский А.В. (Москва) Развивающая среда как условие психологического благополучия личности	128
Воробьева А.Е. (Москва) Отношение к рекламным войнам брендов у российских потребителей	130
Воробьева И.В., Кружкова О.В. (Екатеринбург) Молодежь и город: вандализм как форма взаимодействия	131
Воробьева И.В., Кружкова О.В., Никифорова Д.М. (Екатеринбург) Уязвимость молодежи в Интернет-среде	133
Воронцов Д.В. (Ростов-на-Дону) Социально-психологические основания для возникновения в России сообществ на основе сексуальности	135
Гайдар К.М. (Воронеж) Динамика развития самосознания группового субъекта	137
Гуриева С.Д. (Санкт-Петербург) Национально-культурные модели сохранения доверия в организации	139
Даутов Д. Ф. (Ростов-на-Дону) Феномен хейтеров и хейтеринг в интернет-общении.....	141
Джанерьян С.Т. (Ростов-на-Дону) Отношение студенческой молодежи к взяточничеству как форме низовой коррупции.....	142
Донцов А.И., Перелыгина Е.Б. (Москва) Субъективное благополучие и психологическая безопасность.....	144
Дроздова И.И. (Ростов-на-Дону) Самооценка внешнего облика подростков с разным социально-психологическим статусом в группе сверстников	146
Ермолин А.В. (Киров) Мотивационный тип религиозной самоидентичности.....	148
Жолудева С.В. (Ростов-на-Дону) Особенности представлений тренеров разных видов спорта о профессии и о работе тренера	149
Зотова И.И. (Ростов-на-Дону) Самооценка внешнего облика подростков с разным социально-психологическим статусом в группе сверстников	151
Зотова О.Ю., Солодухина О.С. (Екатеринбург) Психологическая безопасность как условие благополучия современного общества.....	153
Каримова В.Г. (Екатеринбург) Вандализм как форма защиты этнокультурной идентичности в городское среде.....	155
Кожухарь Г.С. (Москва) Ценностные ориентации как фактор прогноза социального познания у студентов вуза	157
Колосова В.В. (Нижний Новгород) Аксиологический аспект Я-концепции студентов	159
Конева Е.В. (Ярославль) «Неуставные отношения» вне армии: структура, специфика, функции	161

Короченцева А.В., Позднякова М.Н. (Ростов-на-Дону) Представления студентов о внешнем облике лиц, представляющих террористическую угрозу.....	163
Кубышко В.Л. (Москва) Психология понимания истории российской полиции	165
Лабунская В.А. (Ростов-на-Дону) Социальная психология внешнего облика: подходы, проблемы и перспективы исследований	166
Леонова И.Ю. (Ижевск) Доверие – личностный ресурс совладания с трудными жизненными ситуациями.....	169
Матвеева Л.В. (Москва) Психологические аспекты становления современной информационной культуры.....	171
Мельникова Н.М., Белинская Е.П., Иванова Е.Е. (Якутск) Феномен психологического здоровья в обыденном сознании населения Республики Саха (Якутия).....	172
Мозговая Н.Н., Лихван А.В. (Ростов-на-Дону) Особенности суверенности психологического пространства личности подростков склонных к разным формам отклоняющегося поведения	175
Насибуллов К.И., Аглямова А.В. (Казань) Мировоззренческие аспекты паркура: действие, определяющее сознание.	176
Нестик Т.А., Зуев К.Б. (Москва) Социальные представления российских психологов о будущем психологической науки	178
Ощепков А.А. (Димитровград) Жизнестойкость и жизнеспособность человека как факторы преодоления девиантного поведения.....	180
Петрова Е.А., Мокшина С.Н., Буркотова Д.С. (Москва) Психология имиджа: вехи развития в рамках РПО	182
Пищик В.И. (Ростов-на-Дону) Особенности ментальности «нового» поколения	183
Погонцева Д.В. (Ростов-на-Дону) Отношение к дискриминационному поведению Другого к женщинам с различным этнорелигиозным оформлением внешнего облика: гендерный аспект	185
Погонцева Д.В. (Ростов-на-Дону) Социально-психологические особенности представлений девушек о внешне привлекательном мужчине	187
Рюмишина Л.И. (Ростов-на-Дону) Доверие лиц, склонных к манипуляциям, непроверенной информации средств массовой коммуникации	189
Салахова В.Б. (Москва) Психологическая жизнестойкость детей и подростков	191

Сарычев С.В., Чернышев А.С. (Курск) Развитая ориентировочная часть совместной деятельности как социально-психологический механизм надежности группы	193
Сериков Г.В. (Ростов-наДону) «Естественность» как характеристика экспрессивного поведения человека и его личности в целом (психолого-литературный экскурс)	194
Уласень Т.В., Пахомова Т.Ю. (Смоленск) Социальный профиль личности подростков «сиротской субкультуры»	197
Урываев В.А., Сенин И.Г., Золотарева В.В. (Ярославль) Влияние социально-экономической трансформации российского общества на формирование личностных черт (сравнение групп «отцов» и «детей»)	199
Хакимова Л.Н. (Казань) Проблема конструирования и самоконструирования жизненного мира женщин в мусульманском сообществе	201
Чуганская А.А. (Москва) Методологические основания изучения социальных представлений как компонентов менталитета	203
Шкурко Т.А. (Ростов-на-Дону) Социально-психологические потребности личности как фактор самооценок внешнего облика	206
Юмкина Е.А., Куницына В.Н. (Санкт-Петербург) Гостеприимство как ресурс повышения благополучия отношений в паре	208
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ	211
Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Коленова А.С. (Ростов-на-Дону) Психология смысловых инициаций в контексте современной смыслодидактики	211
Агафонов А.Ю. (Самара) Функции сознания и бессознательного в когнитивной деятельности	213
Акопов Г.В. (Самара) Понятийный тезаурус Науки сознания: естественнонаучная и социогуманитарная составляющие	215
Алексеева Е.М. (Казань) Ментальная репрезентация психического состояния раздумья	216
Аллахвердов М.В. (Санкт-Петербург) Влияние ложной обратной связи об успехе на эффективность решения сложной когнитивной задачи	218
Аллахвердов М.В., Львова О.В., Жукова Е.А. (Санкт-Петербург) Когнитивный контроль задачи в тесте «Рисунок-рисунок»	220
Аникеева Т.Я. (Москва) Образ ведущего в телевизионной коммуникации	221
Артищева Л.В. (Казань) Структура отношений ментальных репрезентаций разномодальных состояний и индивидуально-психологических характеристик личности	223

Бабенко В.В., Ермаков П.Н., Явна Д.В. (Ростов-на-Дону)	
Межполушарные особенности мигания внимания	225
Басимов М.М. (Москва) Методологический тупик при интерпретации корреляций в психологии	227
Баскаева О.В., Пьянкова С.Д. (Москва) Особенности формирования самооценки сиблингов.....	229
Баскаева О.В. (Москва) Невротизм и локус контроля в самооценках сиблингов	231
Богачева Н.В., Павлова Е.М. (Москва) Когнитивные репрезентации риска у медицинских работников.....	233
Богоявленская Д.Б. (Москва) О траектории раскрытия понятия «одаренность» и методах ее выявления.....	235
Богоявленская М.Е. (Москва) К вопросу о критериях выделения гармоничного и дисгармоничного видов одаренности	237
Бондаренко И.Н., Моросанова В.И., Филиппова Е.В. (Москва) Общая способность к саморегуляции: перспективы дальнейших исследований	239
Борисенко З.В. (Севастополь) Некоторые аспекты динамики целеполагания в процессе переговоров	241
Особенности переноса имплицитного знания	243
Бурмистров С.Н., Крюкова А.П. (Самара).....	243
Валиулина М.Е. (Казань) Взаимосвязь компонентов мотивации к учебе с познавательными состояниями у старшеклассников с различным восприятием новой информации на уроке.....	245
Валиулина М.Е., Артищева Л.В. Возрастная специфика познавательных психических состояний.....	247
Величковский Б.Б. (Москва) Когнитивные факторы феномена присутствия в виртуальных средах	249
Величковский Б.Б., Качина А.А, Султанова Ф.Р. (Москва) Хранение оперативной информации в долговременной памяти.....	251
Галлямова А.А. (Казань) Исследование и развитие субъектности студентов.....	253
Гершкович В.А., Морошкина Н.В., Кулиева А.К., Наследов А.Д. (Санкт-Петербург) Адаптация опросника Т. Хиггинса «Диагностика фокуса регуляции» на русскоязычной выборке	255
Гильманов С.А. (Ханты-Мансийск) Психологические характеристики творческого поведения.....	257
Горбачева Е.И. (Калуга) Применение процедуры реконструкции ситуации морального выбора в исследовании качественной специфики мышления в нравственной сфере	259

Гофман А.А., Нуркова В.В. (Москва) Современная психология забывания.....	261
Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д. (Москва) Психологические факторы кинопредпочтений молодежной аудитории.....	263
Емелин В.А. (Москва) Идентичность как «точка сборки» и психологическая конструкция.....	265
Ждан А.Н. (Москва) Психологические съезды России: вехи развития отечественной науки.....	266
Жукова Е.С. (Москва) Лонгитюдное исследование творческих способностей.....	268
Зайцева Ю.Е. (Санкт-Петербург) «Надежда на будущее» – типы и стратегии конструирования временной перспективы в период становящейся взрослости.....	270
Зачесова И.А. (Москва) Интенциональная организация внешней городской среды мегаполиса.....	272
Зиренко М.С. (Москва) Ассертивность как медиатор связей имплицитных теорий интеллекта и личности с уровнем самосознания.....	274
Кара Ж.Ю. (Ростов-на-Дону) Исследование образа партнера по общению у старших подростков.....	276
Карпов А.В. Структурно-феноменологический подход в исследовании метакогнитивных процессов и качеств личности.....	278
Карпов А.В. (Ярославль) Методические основы изучения метакогнитивных детерминант организации деятельности.....	279
Кияткина А.Д., Шадриков В.Д. (Москва) Когнитивные и личностные детерминанты индивидуальных различий в процессе продуцирования мыслей.....	281
Корбут А.В., Самойленко Е.С. (Москва) Взаимосвязь ориентированности на социальное сравнение и выраженности факторов опросника «Большая пятерка».....	283
Корнилова Т.В. (Москва) Источники предвосхищающей активности человека в условиях неопределенности.....	285
Крутелева Л.Ю. (Ростов-на-Дону) К вопросу о формировании смысложизненных стратегий личности в процессе профессионального становления.....	287
Крюкова А.П., Агафонов А.Ю., Бурмистров С.Н. (Самара) Эффект переноса в имплицитном научении: новые экспериментальные факты.....	288
Кузьмина Е.И., Холмогоров В.А. (Москва) Свобода выбора компетенциальных способностей в деловой игре.....	290

<i>Лопухова О.Г.</i> Гендерная семантика как условие внутриличностных конфликтов	292
<i>Маничев С.А. (Санкт-Петербург)</i> Соотношение рабочих и личностных ресурсов деятельности	294
<i>Марченко Н.В. (Томск)</i> Психологическая реконструкция пространственно-временной организации двигательной деятельности.....	296
<i>Мирошниченко А.В., Дмитриев Ю.Ю., Головань С.А. (Ростов-на-Дону)</i> Разработка диагностического инструментария для исследования психологических особенностей пользователей Интернет	297
<i>Невструева Т.Х. (Хабаровск)</i> Психотехническое исследование: проблемы взаимодействия теории и практики в психологии	299
<i>Нечаев Н.Н.</i> Опосредование и опосредствование: к проблеме интеграции культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева	301
<i>Низовцова А.Н. (Москва)</i> Духовные ценности как ведущие детерминанты математической одаренности	303
<i>Никитина Е.А. (Москва)</i> Изображение лиц в западной и восточной литературе	305
<i>Никуличева Е.О., Хавыло А.В. (Обнинск)</i> Особенности проявления эффекта ASMR	307
<i>Нуркова В.В. (Москва)</i> Автобиографическая память: цивилизационное изобретение в функционально-исторической перспективе.....	308
<i>Орлова Г.В. (Воронеж)</i> Целостность как одна из составляющих Я-концепции личности	310
<i>Павлова Е.М., Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. (Москва)</i> Готовность к риску в личностном профиле у студентов медицинского вуза.....	312
<i>Прохоров А.О., Чернов А.В. (Казань)</i> Роль ценностей личности в возникновении познавательных психических состояний студентов в ходе учебной деятельности	314
<i>Прохоров А.О. (Казань)</i> Ментальная регуляция познавательных состояний	316
<i>Пыркова К.В., Рябова Т.В. (Казань)</i> Обучение навыкам принятия решения в ситуации неопределенности у студентов	318
<i>Резададех З. (Казань)</i> Влияние отношения к соблюдению нравственных норм на психические состояния поведения	320
<i>Решетников М.М. (Санкт-Петербург)</i> Мозг и психика.....	322

Рябикина З.И. (Краснодар) Субъектно-бытийный подход к исследованию современных проблем личности	324
Салихова А.Б. (Москва) Характеристики топографических автобиографических воспоминаний как предикторы экологического самосознания	326
Салихова Н.Р., Исмаилова Н.И., Семенова-Полях Г.Г. (Казань) Соотношение источников жизнеосмысления и способов адаптации в трудной жизненной ситуации	328
Сулейманов Р.Ф. (Казань) Психомузыкальное пространство: феноменология, структура	329
Фахрутдинова Л.Р. (Казань) Переживание впечатления как основание психологического механизма развития сознания человека	331
Халфиева А.Р. (Казань) Исследование познавательных состояний и мотивационной структуры личности студентов в процессе учебного занятия	333
Чернов А.В. (Казань) Взаимосвязь рефлексии и оценочных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний	335
Шадриков В.Д., Бачурина А.О. (Москва) О способности детей порождать слова	337
Шпагонова Н.Г., Садов В.А., Петрович Д.Л. (Москва) Характеристика слухового образа в долговременной памяти	339
Юсупов М.Г., Румянцева С.С., (Казань) Контент-анализ познавательных состояний студентов	341
Юсупов М.Г. (Казань) Познавательные состояния: постановка проблемы	342
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ	345
Абакумова И.В., Годунов М.В. (Ростов-на-Дону) Определение показателей-маркеров полярных стратегий смыслообразования	345
Аванесян М.О. (Санкт-Петербург) Культуральные метафоры времени: индивидуально-личностный аспект	347
Алишев Б.С. (Казань) Эмоциональное восприятие прошлого и будущего в юности и удовлетворенность жизнью	349
Басимов М.М., Николаева И.А. (Москва) Нелинейная зависимость параметров коммуникативной толерантности от убежденности в благосклонности мира	351
Белова Е.В. (Ростов-на-Дону) Содержание представлений о профессиональном успехе студентов вуза в связи с их профессиональной адаптированностью	353

Большунова Н.Я. (Новосибирск) Топология характера	355
Бубновская О.В. (Владивосток) Взаимосвязь особенностей мотивационно-личностной сферы и образовательных результатов студенчества	357
Валева Р.А., Устин П.Н., Попов Л.М. (Казань) Психология интерпретации этических ситуаций	359
Васильева О.С., Блинова Н.Н. (Ростов-на-Дону) Представление о феномене прощения во взаимосвязи с эмоциональной сферой человека	361
Воробьева Е.В., Ермаков П.Н., Перков М.А. (Ростов-на-Дону) Принятие агрессии и эмоциональный интеллект	362
Габдреева Г.Ш., Халфиева А.Р.(Казань) Личностные факторы профессиональной успешности женщин-менеджеров	364
Габдулина Л.И. (Ростов-на-Дону) Субъективная картина жизни женщин с разной гендерной идентичностью в первый год их материнства	366
Гордеева Т.О., Сычев О.А., Бобров В.В. (Москва) Диспозиционный оптимизм и оптимистический атрибутивный стиль: специфика связей с благополучием и успешностью	368
Григорьева М.В. (Саратов) Проблема адаптационной готовности личности	371
Даниленко О.И., Горбунов И.А., Юревич О.И. (Санкт-Петербург) Антиципационная состоятельность студентов: опыт эмпирического исследования	372
Дикая Л.А., Дикий И.С. (Ростов-на-Дону) Взаимосвязи креативности и психотизма с психологическими характеристиками специалистов сферы искусства	374
Дьячук А.А. (Красноярск) Временные способности личности	377
Егорова М.С. (Москва) Эволюционная генетика поведения: альянс эволюционной психологии и психогенетики	378
Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А., Черткова Ю.Д. (Москва) Темная триада (макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническая психопатия) в структуре личностных характеристик	381
Егорова О.И., Ефимова О.И. (Ульяновск) Новые грани в исследовании проблемы суицидального поведения	383
Ермолова Е.О. (Новосибирск) Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными типами психологических границ	385
Зиннатова М.В. (Екатеринбург) Медиапространство личности	387

Зинченко Е.В. (Ростов-на-Дону) Социально-демографические и личностные характеристики членов участковых избирательных комиссий и их копинг-стратегии	389
Каримова А.Р. (Казань) Профессиональная деформация «выгорающей» личности.....	391
Ким К.В., Прокопьева Н.Ю. (Якутск) Роль тревоги в психической адаптации в условиях Крайнего Севера	393
Климочкина А.Ю. (Москва) Этнокультурные особенности личности в практике психотерапии (на примере экзистенциального А. Лэнгли)	395
Корытова А.И. (Томск) Состояние психологии литературного творчества в современной России.....	397
Костенко В.Ю., Гришутина М.М. (Москва) Возможные Я и их связь с конструктивной и неконструктивной рефлексией личности	399
Костромина С.Н., Гришина Н.В. (Санкт-Петербург) Динамичная личность: процессы самоизменения.....	400
Леонова Е.В. (Калуга) Синхронизация и десинхронизация возрастных и образовательных кризисов	402
Леонтьев Д.А., Солдатников К.Г. (Москва) Качество мотивации учебной деятельности и сопровождающие ее переживания	404
Литвина С.А., Муравьева О.И., Богомаз С.А. (Томск) Изменение идентичности с городом в зависимости от времени проживания в нем.....	406
Литвинова О.Ю. (Майкон) Психологическая готовность к экстремальным условиям с позиций психологии субъекта	407
Макаревская Ю.Э., Нерсисян Э.А. (Сочи) Символическое моделирование признаков личностной идентичности	409
Манукян В.Р., Трубицина А.А. (Санкт-Петербург) Эмоциональное благополучие студентов с разной степенью сформированности профессиональной идентичности.....	411
Морозов А.В. (Москва) О роли психологии в системе современной подготовки спортсменов	413
Моспан А.Н., Леонтьев Д.А. (Москва) Личностные особенности обучающихся по программам экзистенциального анализа.....	415
Никифорова Д.М., Бойко А.Д. (Екатеринбург) Модель защитного и совладающего поведения личности в образовательной среде.....	417
Николенко О.Ф., Ломова Н.В. (Ростов-на Дону) Ценностно-смысложизненные ориентиры личности	419

<i>Перикова Е.И., Бызова В.М. (Санкт-Петербург)</i> Субъективные стратегии саморегуляции у лиц с разным уровнем психологического благополучия	421
<i>Петросьян С.Н., Макаревская И.Г. (Сочи)</i> Специфика совладающего поведения у лиц с незавершенным суицидом	423
<i>Пляскина А.С. (Москва)</i> Связь особенностей решения моральных дилемм с уровнем эмоционального интеллекта: постановка проблемы	425
<i>Попов Л.М., Устин П.Н. (Казань)</i> Проблема экспериментально-диагностических методов нравственно-этической психологии личности	427
<i>Проскуракова Е.А. (Санкт-Петербург)</i> К проблеме жизненного пространства личности.....	428
<i>Рядинская Е.Н. (Ростов-на-Дону)</i> Особенности проявления индивидуальных реакций личности в условиях проживания в зоне вооруженного конфликта	430
<i>Саломэ Е.А. (Санкт-Петербург)</i> Экзистенциальные аспекты деятельности глазами психолога-практика	432
<i>Самохвалова А.Г. (Кострома)</i> Коммуникативные трудности социально-депривированных подростков и способы их преодоления.....	434
<i>Сапогова Е.Е. (Москва)</i> “Личная философия” субъекта: предельные онтологемы автобиографирования.....	436
<i>Скурыгин М.А. (Пермь)</i> Структура интернет зависимого поведения в связи со статусами идентичности молодёжи.....	438
<i>Смирнова Т.Л., Субботина Л.Ю. (Ярославль)</i> Исследование личностных качеств как субъективной детерминанты состояния безопасности	440
<i>Солдатова Е.Л., Бенко Е.В. (Челябинск)</i> Особенности переживания субъективного благополучия в нормативном кризисе развития личности	442
<i>Солдатова Е.Л., Завьялова И.Ю. (Челябинск)</i> Модель эго-интеграции как личностной зрелости	444
<i>Тучина О.Р. (Краснодар)</i> Исторический опыт личности как внутренний диалог	446
<i>Устин П.Н., Попов Л.М., Насибуллов К.И. (Казань)</i> Проблема психологии конструирования и самоконструирования современных сообществ	447
<i>Шляпкинова Ю.В., Устин П.Н. (Казань)</i> Психология жизненного мира представителей сообщества «чайлдфри».....	449

<i>Щукина М.А. (Санкт-Петербург)</i> Роль социальной поддержки в саморазвитии личности	451
ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	454
<i>Гайдамашко И.В., Кандыбович С.Л.</i> Безопасность как форма саморегулирования системы	454
<i>Елисеева И.Н., Шаталов В.Э. (Москва)</i> Система подготовки специалистов психологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации	456
<i>Радченко Ю.И. (Москва)</i> Профессиональный психологический отбор военных специалистов: научно-методическое обеспечение	458
<i>Дьячук И.А., Савич В.В. (Москва)</i> Система сохранения психического здоровья военнослужащих	460

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ СЪЕЗДА
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Том 2

Компьютерная верстка *А.И. Галиуллиной*

Дизайн обложки *Р.М. Абдрахмановой*

Подписано в печать 02.10.2017.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 ^{1/16}. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 27,78.

Уч.-изд. л. 26,23. Тираж 1000 экз. Заказ 12/10.

Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28